МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКАЯ ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ВОЕННОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ



МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКАЯ ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ВОЕННОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Ордена Трудового Красного Знамени
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА—1982

ББК68
М27

Учебное пособие подготовлено авторским коллективом в составе: кандидат философских наук полковник **Богомолов** А. Ф. (главы II, XIV); доктор философских наук полковник **Бокарев** В. А. (главы I, V, X, XVIII); доктор философских наук полковник **Волков** А. Ф. (главы XII, XXV); полковник **Воржев** В. В. (глава XX); кандидат философских наук полковник **Горбунов** В. С. (глава VII); доктор философских наук полковник **Злотников** Ю. Я. (главы VI, XIII); кандидат философских наук полковник запаса **Кантор** Ю. И. (главы XVI, XIX); доктор философских наук полковник **Лукава** Г. Г. (главы XV, XXII, XXIII); кандидат философских наук полковник **Мальков** Б. Н. (главы XXI, XXIII); кандидат исторических наук подполковник **Павликов** К. Ф. (глава XIV); кандидат философских наук полковник **Почтарь** В. М. (главы VIII, XIV, XVII); доктор философских наук генерал-майор **Табунов** Н. Д. (главы VII, IX, XI, XV, XVI, XVII, XIX); доктор философских наук полковник запаса **Шендрик** М. П. (главы III, IV, XX); доктор философских наук генерал-майор **Ясюков** М. И. (глава XXIV).

Под общей редакцией **Табунова** Н. Д. и **Бокарева** В. А.

М $\frac{10501-131}{068(02)-82}$ КБ — 31 — 16.81.0302020000.
БЗВ № 10—1981 г. — № 1

ПРЕДИСЛОВИЕ

В условиях противоборства двух противоположных социальных систем, когда силы империализма и реакции не отказываются от военных средств при решении политических вопросов и, используя достижения современной науки и техники, продолжают гонку вооружений и подготовку к войне против стран социалистического содружества, одной из важнейших задач советских военных кадров является глубокое усвоение марксистско-ленинского учения о войне и армии, вооруженной защите социалистических завоеваний.

Огромную роль в решении этой задачи играет овладение военными специалистами методологическими основами военной теории и практики, принципами и методами марксистско-ленинской философии применительно к военному делу.

Предлагаемое учебное пособие имеет своей задачей помочь слушателям военных и военно-инженерных академий, офицерам армии и флота углубить свою теоретическую подготовку, знание путей решения практических задач обучения и воспитания личного состава Вооруженных Сил, поддержания высокой боеспособности и боевой готовности войск, формирования у личного состава научного мировоззрения, беззаветной преданности партии, коммунистическим идеалам, любви к социалистической Отчизне, пролетарского интернационализма.

Особое внимание в учебном пособии уделяется ленинскому этапу в развитии марксистской философии. Основная идея учебного пособия: марксизм-ленинизм — это незыблемая основа научного решения актуальных проблем современной эпохи, животворный источник подлинно революционной мысли.

«Марксистско-ленинская партия не может выполнять свою роль, если она не уделяет должного внимания осмыслению всего происходящего, обобщению новых явлений жизни, **творческому развитию марксистско-ленинской теории,** — отмечал на XXVI съезде КПСС Л. И. Брежнев. — Мы всегда считали эту задачу чрезвычайно важной, уделяли ее решению большое внимание и в отчетный период» [1].

---

[1] Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 77.

Наряду с общими положениями марксистско-ленинской философии в книге рассматриваются конкретные мировоззренческие и методологические проблемы, а также философские вопросы военной теории и практики: диалектика развития средств и способов вооруженной борьбы, методологические проблемы управления войсками, философский анализ природы военной техники, соотношения человека и техники в современной войне и т. д.

В свете марксизма-ленинизма разоблачаются наиболее распространенные современные буржуазные, реформистские, ревизионистские и маоистские концепции по военно-философской проблематике, охватывающей вопросы происхождения, сущности и возможности предотвращения войн, природы и роли армий, законов хода и исхода войны и т. д.

Авторы приносят глубокую благодарность всем научно-педагогическим коллективам, ученым и преподавателям, принявшим участие в обсуждении и рецензировании рукописи, и с признательностью примут замечания и рекомендации читателей, направленные на дальнейшее идейно-теоретическое и методическое совершенствование учебного пособия.

Авторский коллектив считает своим долгом особо отметить большую научно-организационную работу, проделанную безвременно скончавшимся доктором философских наук Бокаревым В. А., который был одним из инициаторов создания этой книги.

ВВЕДЕНИЕ

ГЛАВА I

МАРКСИЗМ-ЛЕНИНИЗМ — МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ВОЕННОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Сознательное отношение к социальным процессам, всей объективной действительности, активная жизненная позиция каждого человека существенно зависят от зрелости его мировоззрения. Именно поэтому КПСС рассматривает формирование научного мировоззрения как сердцевину всей идейно-воспитательной работы.

Научное мировоззрение формируется на основе марксизма-ленинизма как цельной системы философских, экономических и социально-политических взглядов. Являясь общей мировоззренческой и методологической основой всех наук, марксизм-ленинизм представляет собой учение о научном познании и революционном преобразовании мира. Ядром этого учения, всей мировоззренческой системы выступает марксистско-ленинская философия.

По своим функциям марксистская философия есть последовательно научное философское мировоззрение, а также общая методология познания объективного мира и революционного действия. Выполняя эти функции, она вырабатывает средства мировоззренческой ориентации человека, теоретические основы практической борьбы прогрессивных общественных сил и общеметодологические принципы исследования в области естественных и гуманитарных наук. Марксистская философия вместе с другими частями марксизма-ленинизма составляет мировоззренческую и методологическую основу программы, политической стратегии и тактики коммунистических и рабочих партий, их практической деятельности. Политическая линия марксизма всегда и по всем вопросам неразрывно связана с его философскими основами. Поэтому защиту философских основ марксизма-ленинизма марксистские партии рассматривают как свое важнейшее дело.

1. МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ФУНКЦИИ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Философия (в буквальном переводе с греческого «любовь к мудрости») — одна из форм общественного сознания, направленная на выработку целостного взгляда на мир (мировоззрения) и метода познания на основе определенного решения вопроса о соотношении сознания и материи.

Философия возникла в античном обществе, когда накопление эмпирических знаний, прогрессирующее отделение умственного труда от физического привело к кризису мифологического мировоззрения. В отличие от фольклорно-мифологического, религиозного мировоззрения философия с самого начала выделялась своим теоретическим отношением к действительности, реализуемым с помощью логических доказательств.

Предмет философии (а точнее, различных философских систем) исторически изменялся.

Гераклит называл философом исследователя всех вещей природы, Платон понимал под философией познание всего сущего, вечного. По утверждению Аристотеля, задача философии состоит в исследовании причин всех предметов и явлений. Понимание философии как всеобъемлющего свода знаний, «науки наук» сохранялось до возникновения марксизма. «Вся философия,— писал Р. Декарт,— подобна как бы дереву, корни которого — метафизика, ствол — физика, а ветви, исходящие из этого ствола,— все прочие науки, сводящиеся к трем главным: медицине, механике и этике» [1].

В качестве реакции на толкование философии как «науки наук» в середине XIX в. возникла философия позитивизма (О. Конт). Справедливо отбрасывая претензию прежней философии на роль «науки наук», позитивизм впал в другую крайность: философия будто бы вовсе не имеет познавательной ценности, а единственным источником знания являются эмпирические науки, причем «каждая наука сама себе философия».

Марксистско-ленинская философия преодолела обе эти крайности и выработала свой, качественно новый взгляд на предмет подлинно научной философии, ее социальную роль и связь с другими науками.

Объектом изучения всех наук, взятых вместе, являются природа, общество, мышление. Однако в этом объекте каждая из наук вычленяет свой собственный предмет. Для отдельных частных наук таким предметом выступает какая-либо грань, сфера объективного мира. В отличие от частных наук целостное изучение мира — задача научной философии. Такое изучение мира осуществляется путем выделения из всех многочисленных связей, явлений объективного мира наиболее общих законов движения, всеобщих форм бытия на основе диалектико-материалистического решения проблемы — соотношения материи и сознания.

[1] Декарт Р. Избр. произв. М., 1950, с. 421.

В отличие от других философских систем марксистско-ленинская философия провозгласила своей целью революционное преобразование мира в интересах рабочего класса и всех трудящихся.

Следовательно, **марксистско-ленинская философия — это наука, изучающая с диалектико-материалистических позиций отношение сознания к объективной реальности, наиболее общие законы движения природы, общества, мышления и всеобщие формы бытия и познания с целью революционного преобразования мира.**

Марксистско-ленинская философия имеет свою внутреннюю структуру, представленную диалектическим и историческим материализмом. Диалектический материализм — это общефилософское учение (о материи в целом, всеобщих формах ее существования, наиболее общих законах ее движения, а также о наиболее общих формах познания), которое представляет органическое единство диалектики и материализма. Исторический материализм — это философско-социологическая теория. Говоря о единстве диалектического и исторического материализма, В. И. Ленин писал: «В этой философии марксизма, вылитой из одного куска стали, нельзя вынуть ни одной основной посылки, ни одной существенной части, не отходя от объективной истины, не падая в объятия буржуазно-реакционной лжи» [1].

Процесс кристаллизации философских знаний продолжается и в настоящее время. Об этом свидетельствует тот факт, что в системе философского знания, помимо диалектического и исторического материализма как ее основы, статус относительной самостоятельности обрели история философии, этика, эстетика, научный атеизм, философские проблемы естественных, общественных и технических наук. К этому кругу знаний относятся и методологические проблемы войны и армии, военной теории и практики.

К философским проблемам частных наук относятся такие проблемы, которые затрагивают вопросы соотношения бытия и сознания, основных законов материального мира и его познания, которые не могут быть «разрешены внутренними силами» одной какой-либо науки, а требуют привлечения категориального аппарата философии. Философская проблема имеет мировоззренческий, методологический и социологический аспекты. Первый характеризует влияние данной науки (теории, открытия) на развитие мировоззрения — обогащение законов и категорий, расширение и углубление основополагающих принципов философии. Второй выражает влияние философии на развитие и совершенствование основ данной науки и применяемых ею методов. Третий отражает социальную обусловленность и роль анализируемого явления. Эти аспекты переплетаются, разделить их можно лишь условно. Например, такие вопросы, как происхождение и сущность войны и армии, характер и типы войн современной

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 346.

эпохи, соотношение народных масс и личности, человека и техники в войне, связь войны с экономикой, политикой, идеологией, наукой и т. п., имеют все три указанных аспекта.

Марксистско-ленинской философии присущи такие черты, как строгая научность, открыто признаваемая партийность, интернациональный, гуманистический, творческий и революционно-преобразующий характер. Философия марксизма-ленинизма оптимистична по своему содержанию и социальной направленности.

Социальная роль марксистско-ленинской философии выражается в ее многочисленных функциях, которые можно свести к двум основным — мировоззренческой и методологической. Иначе говоря, марксистско-ленинская философия участвует в формировании научного мировоззрения и разработке методов, используемых в теории и практике. Но это участие особого рода.

Мировоззрение как целостный взгляд на мир и на место человека в этом мире может быть научным и ненаучным, прогрессивным и реакционным, материалистическим и идеалистическим, атеистическим и религиозным, теоретическим и эмпирическим (обыденным).

Отражение объективного мира в системе всех научных знаний, подтвержденных практикой, представлено в **научной картине мира.** Ее основную часть, овладение которой в принципе доступно каждому, составляет **научное мировоззрение.** Последнее и есть не что иное, как система убеждений, взглядов на основные законы движения объективного мира, его познания, смысл жизни человека, заключающийся в его активном участии в созидании коммунистического общества и всестороннем и гармоничном развитии личности.

Основу научного мировоззрения составляет марксизм-ленинизм, создание которого радикально изменило как понимание социальных процессов, так и весь строй научного мировоззрения.

Философия не подменяет специальные науки, а лишь вооружает их общим методом познания, теорией мышления, и благодаря этому она занимает ключевую позицию в системе наук. Опираясь на выводы других отраслей научного знания, марксистско-ленинская философия обобщает эти выводы, и эти обобщения носят всеобщий, универсальный характер. Процесс обобщения в рамках философии не сводится к механическому суммированию частных выводов, а выступает таким процессом перехода от одного уровня познания к более высшему, который позволяет выявить более глубокие связи, проникнуть в сущность явлений. Благодаря этому отдельные фрагменты научных знаний и некоторые обобщения, достигнутые другими науками, вырастают в цельную картину мироздания. Именно поэтому марксистско-ленинская философия выступает как ядро научного мировоззрения.

Второй основной функцией марксистско-ленинской философии является методологическая. **Методология** — это учение о сущности методов и их применении в теоретической и практической деятельности. В качестве методов может выступать такое знание, которое в последующем используется и функционирует как инструмент дальнейшего познания и преобразования действительности. Роль правильного метода как способа освоения окружающего мира исключительно велика. Великий физиолог И. П. Павлов подчеркивал: «При хорошем методе и не очень талантливый человек может сделать много. А при плохом методе и гениальный человек будет работать впустую и не получит ценных, точных данных»[1]. Особую ценность имеет общефилософский метод.

В настоящее время в марксистско-ленинской литературе утвердился взгляд, согласно которому методология представлена на разных уровнях, в том числе всеобщем, общем и специальном. В качестве всеобщей методологии выступает марксистско-ленинская философия с ее разветвленной системой законов, категорий и принципов. Роль общей методологии выполняет учение о методах (например, моделирование, эксперимент и т. д.), применяемых всеми или большинством наук. Специальная (иногда ее называют региональной) методология связана с методами, применяемыми отдельными науками (например, военной).

Особая методологическая роль марксистско-ленинской философии состоит в том, что она «служит методологически-организующим центром связи и взаимовлияния различных научных дисциплин»[2]. Содержательно разрабатывая всеобщие законы, категории (такие, как движение, пространство, время и т. д.), философия создает научный аппарат и для других наук. С другой стороны, обращаясь к реальным проблемам, возникающим в той или иной отрасли научного знания, философская мысль, не будучи связанной «профессиональной» узостью подхода к этим проблемам, выявляет их общезначимый характер, стимулирует интерес к ним со стороны других отраслей научного знания, что способствует формированию междисциплинарных контактов и т. д. Примером этому служит философская интерпретация категории «информация», первоначально разработанной в кибернетике.

К основным принципам диалектико-материалистического метода относятся: материалистический подход к изучению явлений, предметов и процессов; объективность рассмотрения, всесторонность анализа, учет всех связей и зависимостей; рассмотрение объекта в его движении, изменении, развитии; понимание развития как борьбы противоположностей, вскрытие противоречий в самой сущности явлений; принцип единства теории и практики; конкретно-исторический подход к анализу предметов и про-

---

[1] Павлов И. П. Полн. собр. соч. М. — Л., 1952, т. 5, с. 26.

[2] Федосеев П. Н. Философия и интеграция знания.— Вопросы философии, 1978, № 7, с. 26.

цессов; принцип партийности, классовый подход к общественно-историческим явлениям.

Овладение диалектико-материалистической методологией предполагает глубокое знание марксистско-ленинской философии, марксизма-ленинизма в целом, а также той области бытия, которая является сферой деятельности человека. Причем главное состоит в умении применять эти знания. По утверждению Ф. Энгельса, «материалистический метод превращается в свою противоположность, когда им пользуются не как руководящей нитью при историческом исследовании, а как готовым шаблоном...»[1].

2. МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКАЯ ФИЛОСОФИЯ И ВОЕННАЯ НАУКА

Марксистско-ленинская философия связана теснейшим образом с теорией и практикой военного дела, причем эта связь в принципе носит такой же характер, как и с любой областью конкретного научного знания и практической деятельности.

Теоретическая деятельность военных кадров (в том числе командиров и инженеров) многообразна. Она проявляется в исследовании проблем военного искусства, военного строительства, разработке методов военно-научного исследования, решении военно-технических проблем, теоретическом осмыслении процесса обучения и воспитания военнослужащих, изыскании путей его совершенствования и т. д. Свое концентрированное выражение теоретическая деятельность военных кадров находит в развитии военной науки.

Войну как общественно-политическое явление изучают многочисленные науки, ибо война ведется средствами: вооруженного насилия, экономическими, идеологическими, психологическими, разведывательными, дипломатическими. Однако главным средством ведения войны и ее специфическим признаком является вооруженная борьба, которая и составляет основной предмет военной науки[2]. Фундаментальные выводы военной науки составляют неотъемлемый элемент научного мировоззрения[3]. К таким выводам можно отнести положения о диалектике средств и способов вооруженной борьбы, соотношении человека и боевой техники и т. д., подтверждающие истинность мировоззренческих принципов марксистско-ленинской философии и взаимосвязи материального и идеального, объективного и субъективного и обогащающие эти принципы конкретным содержанием.

Мировоззренческий потенциал марксистско-ленинской философии позволяет военным специалистам правильно понять место

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 37, с. 351.

[2] См.: Советская Военная Энциклопедия. М., 1976, т. 2, с. 184; Коммунист, 1978, № 7, с. 115.

[3] См.: Тюшкевич С. А. Философия и военная теория. М., 1975; Дмитриев А. П. Знания о войне и мире как элемент мировоззрения. — Вопросы философии, 1978, № 5.

вооруженной борьбы в системе других средств, применяемых в войне, предостерегает их от отождествления войны только с вооруженной борьбой, помогает лучше осмыслить взаимосвязь вооруженной борьбы с другими средствами войны, место вооруженной организации в политической системе общества и т. д.

Свою методологическую роль по отношению к военной науке марксистско-ленинская философия выполняет совместно с другими составными частями марксизма-ленинизма, сохраняя за собой роль всеобщей методологии.

Свое методологическое воздействие на военную науку марксистско-ленинская философия осуществляет через философский материализм, материалистическую диалектику, теорию познания, исторический материализм, через марксистско-ленинское учение о войне и армии.

Философский материализм определяет исходные позиции военной науки. Он доказывает, что в основе принципов военного искусства лежат не произвольные конструкции ума или волевые акты, а реальные материальные процессы войны и развития военного дела. Отсюда субъективные устремления военного специалиста должны быть направлены прежде всего на вскрытие материальных фактов и объективных связей военного дела, в том числе и тех, которые определяют идеи и волеизъявления полководцев, моральный дух войск.

Материалистическая диалектика служит основой понимания процессов развития военного дела, его сложности и противоречивости, его взаимосвязи с другими социальными явлениями. Законы и категории диалектики играют важную методологическую роль в исследовании основных проблем науки о войне — закономерностей ее хода и исхода, специфики законов вооруженной борьбы, взаимообусловленности объективных и субъективных факторов в войне. Выражая наиболее общее и существенное в развитии любых явлений и процессов, законы материалистической диалектики являются средством познания и явлений войны.

В противоположность этому идеалистическая философия считает войну лишенной объективных закономерностей. Все явления войны представляют для идеалистов действие идеальных сил и инстинктов, случайностей, порожденных либо волей людей, либо сверхъестественными причинами. Отсюда — господство иррационализма и мистики в буржуазных теориях войны. Например, немецкий военный теоретик К. Клаузевиц утверждал: «Война — область случайности... Понятие закона в смысле познания на войне является почти лишним, ибо сложные явления войны недостаточно закономерны, а закономерные недостаточно сложны... ведение войны не знает утверждений, достаточно общих, чтобы заслужить название закона»[1]. Подобные концеп-

[1] Клаузевиц. О войне. 4-е изд. М., 1937, т. 1, с. 147.

ции характерны для буржуазных военных теоретиков и в наши дни. Причем удельный вес идеалистических, субъективистских и волюнтаристских элементов в концепциях, как правило, находится в прямой зависимости от степени реакционности их авторов. Говоря словами В. И. Ленина, «нельзя рассчитывать правильно, когда стоишь на пути к гибели» [1].

Разумеется, было бы неверным по этой причине начисто отметать значение буржуазной военной теории. Стремление продлить существование империализма как социальной системы заставляет буржуазных военных специалистов вопреки желанию становиться на путь стихийного материализма, особенно в решении конкретных, прикладных вопросов. Однако их общая мировоззренческо-методологическая ориентировка в корне порочна.

Неопровержимо доказывая познаваемость явлений и процессов войны, ее законов, теория познания диалектического материализма играет роль методологического инструмента для военной науки. Будь эти законы непознаваемы, как полагают сторонники агностицизма, разговор о военной науке был бы беспредметным. Марксистская гносеология указывает общий путь познания — от живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике [2]. Теория познания марксизма вносит в военную науку принцип единства теории и практики, требует видеть определяющую роль военной практики и вместе с тем указывает на активную роль теории по отношению к практической деятельности военных кадров.

Исторический материализм, его общесоциологические принципы являются важнейшим компонентом методологического фундамента любой науки, в том числе и военной.

Война представляет собой общественно-историческое явление. Поэтому военная наука, хотя она и включает в себя специфически военные и военно-исторические элементы, по своей сущности является общественной наукой. Естественно, что военная наука опирается на материалистическое понимание истории, общесоциологические законы исторического материализма, на такие категории, как общественно-экономическая формация, способ производства, базис, надстройка, государство, класс, социальная революция и другие. Военная наука с точки зрения ее задач, содержания и условий развития непосредственно связана с классовой борьбой на международной арене.

Исторический материализм вооружает военную науку исходными, коренными положениями о происхождении и сущности войны, о классовой природе и социальных функциях армии, о связи войны и военного дела с экономикой, политикой, идеологией, наукой и техникой. С позиций марксистской социологии

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 303.
[2] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 152—153.

определяются роль народных масс и полководцев, соотношение человека и техники в войне и решаются другие проблемы.

Философия марксизма-ленинизма помогает военной науке вычленить и решить ее методологические проблемы. **Методологические проблемы военной науки** — это проблемы, затрагивающие ее фундаментальные основы и требующие для своего решения применения положений и принципов марксистско-ленинской философии. К числу наиболее важных методологических проблем военной науки относятся: определение объекта и предмета военной науки, ее структуры, функций и границ исследования, соотношение военной науки с другими общественными и естественными науками. Для их решения необходимо обращаться к диалектико-материалистическому мировоззрению, к материалистическому пониманию истории. Эти проблемы находятся как бы на стыке философии и военной теории и требуют комплексного решения с привлечением не только философских знаний, но и наиболее общих теоретических положений самой военной науки.

Кроме методологических проблем военной науки, взятой в целом, существуют методологические проблемы ее разделов — теории военного искусства, его истории, военно-технических наук и т. д. Разрешение таких проблем также требует привлечения как общефилософских, так и конкретных военных знаний. Например, определение принципиальных возможностей автоматизации управления войсками и боевой техникой упирается, с одной стороны, в проблему возможности моделирования интеллекта, с другой — в саму логику развития военного дела.

Разграничение между философской и специальной сторонами той или иной военной проблемы, особенно конкретной, можно установить только в каждом отдельном случае и то лишь относительно. Однако это необходимо уметь делать. Иначе могут появиться либо позитивистские попытки решать методологические проблемы ограниченными средствами одной только военной теории, либо попытки возродить понимание философии как «науки наук», способной заменить собой конкретное военное знание в решении специальных вопросов.

Через методологические проблемы военной науки философия участвует в решении командирами, политработниками и военными инженерами задач военного строительства, боевой и политической подготовки, совершенствования оружия и боевой техники.

Свое воздействие на решение всех этих проблем философия марксизма-ленинизма оказывает прежде всего через мировоззренческие установки этих людей, их идейную убежденность, жизненные цели, через выработанные на этой основе принципы познания и деятельности. Марксистско-ленинская философия твердо ставит исследователя военных проблем на **классовые, партийные** позиции, требует решать их в строгом соответствии с интересами строительства коммунизма. В условиях обострения идеологической борьбы на современном этапе значение философско-ме-

тодологического подхода к явлениям войны и военного дела приобретает особое значение, ибо он является «каналом» партийного влияния на военную науку и партийной оценки ее результатов.

3. МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ РОЛЬ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ ФИЛОСОФИИ В ВОЕННО-ПРАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В системе совокупной деятельности (теоретической и практической) людей особо важное значение имеет практическая деятельность. В «Философской энциклопедии» практика определяется как «чувственно-предметная форма жизнедеятельности общественно развитого человека, имеющая своим содержанием освоение природных или социальных сил и выражающая специфику человеческого отношения к миру, способ бытия человека в мире» [1]. Хотя практическая деятельность и отличается от теоретической, в ней также заключена значительная доля духовного содержания, ибо и практически человек действует в единстве своих физических и духовных сил. Главное отличие практической деятельности от теоретической состоит в том, что первая направлена на непосредственное преобразование предметно-чувственного мира, управление поведением и деятельностью людей.

Одной из разновидностей практической деятельности выступает **военно-практическая**, сущность которой состоит в достижении политических целей определенных классов, государств специфически военными средствами.

Военно-практическая деятельность подразделяется: а) в зависимости от состояния общества — военного или мирного — на вооруженную борьбу и на практическую подготовку к вооруженной борьбе; б) в зависимости от того, кто ставит задачи и кто их выполняет,— на управленческую и исполнительскую; в) в зависимости от характера (видов) практической подготовки военнослужащих к вооруженной борьбе — на учебно-воспитательную и боевую (оперативно-тактическую, огневую, техническую, специальную).

Формами военно-практической деятельности являются: в военное время — бой, операция, сражение; в мирное время — учебные занятия, несение боевого дежурства, различного рода учения, маневры и т. п.

Подобно всякой другой, военно-практическая деятельность предполагает наличие таких **элементов**: субъект деятельности, обладающий активностью (военнослужащий, подразделение и т. д., вплоть до вооруженных сил в целом); объект, на который направлена деятельность (основной конечный объект — реальный или потенциальный противник, промежуточные объекты — обслуживаемая военная техника, обучаемые и воспитываемые подчиненные); средства, с помощью которых субъект осуществляет

---

[1] Философская энциклопедия. М., 1967, т. 4, с. 340.

воздействие на объект (ими могут быть как технические средства, так и военнослужащие); сам процесс деятельности, сопровождающийся затратой умственной и физической энергии; результат деятельности (победа или поражение в военное время, достижение определенного уровня подготовки военных специалистов в мирное время, боевой готовности частей и подразделений и т. д.).

Чтобы грамотно действовать на практике, мало изучить только методы и формы познания, надо усвоить методы и формы практической деятельности. Поэтому надежная и разнообразная философско-методологическая подготовка офицерам-практикам нужна не меньше, чем теоретикам. Современный уровень развития военного дела предъявляет все более высокие требования к методологической готовности выпускников военно-учебных заведений действовать в войсках, к философской культуре офицеров.

Марксистско-ленинская философия позволяет методологически правильно раскрыть **особые черты** военно-практической деятельности, отличающие ее от других видов человеческой деятельности. Эти черты выражаются в специфике объекта, средств и самого субъекта воинской деятельности. Специфический объект воинской деятельности — противник. Специфическое средство — вооруженное насилие. В роли специфического субъекта деятельности здесь выступает лицо, обладающее полномочием применять к противнику вооруженное насилие. В роли коллективного субъекта такой деятельности выступают вооруженные силы.

Особенности объекта, средств и субъекта в свою очередь налагают отпечаток на **характер протекания** военно-практической деятельности. Специфически военная деятельность носит в условиях войны характер жесточайшей борьбы, имеющей цель уничтожить противника или заставить его сложить оружие. Она связана с опасностью для жизни, необходимостью упреждать действия противника, с неполнотой информации о состоянии объекта и об условиях деятельности, а также с повышенной ответственностью субъекта (правовой и моральной) за результаты действий.

Раскрытие особых черт и специфики протекания воинской деятельности имеет немаловажное методологическое значение для определения критериев отбора кандидатов в военно-учебные заведения, формулирования принципов и методов их подготовки и воспитания. Оно позволяет определить круг наиболее актуальных направлений исследования военно-педагогических, военно-психологических, военно-юридических и иных проблем.

Как и любая иная, военно-практическая деятельность имеет аспекты: познавательный (практика как основа познания), ценностно-ориентировочный (необходимость оценивать обстановку и ориентироваться в ней), коммуникативный (общение между субъектами деятельности), волевой (необходимость принимать решение и проводить его в жизнь) и собственно преобразовательный (воздействие на объект деятельности). В реальной военно-практической деятельности все эти аспекты неразрывно взаимо-

связаны и проявляются на всех стадиях конкретного практического цикла: возникновения проблемной ситуации, оценки обстановки, подготовки и принятия решения, собственно целедостигающего действия и оценки его результатов. При этом в рамках каждой стадии соотношение затрат духовной и физической энергии неодинаково.

Каждый из названных аспектов деятельности имеет свою **философско-методологическую базу.** Так, основой познавательного аспекта военно-практической деятельности выступает марксистско-ленинская гносеология.

Любой конкретный цикл военно-практической деятельности начинается с познания проблемной ситуации. В отличие от военно-теоретической деятельности, где проблемная ситуация рассматривается как знание о нашем незнании и укладывается в рамки одной из стадий познания, в военно-практической деятельности проблемная ситуация сопутствует всем ее стадиям. Она проявляется как противоречие между существующим и должным. Проблемная ситуация зачастую «задается сверху» в форме приказа вышестоящего командира. В этом случае проблемная ситуация трансформируется в уяснение полученной задачи. Здесь возможны нравственно-волевые и юридические коллизии. Ведь приказ не всегда совпадает с ближайшими личными интересами индивида, а иногда — даже и с его пониманием интересов дела. Поэтому для разрешения возникающих противоречий необходима высокая социально-политическая и методологическая зрелость военнослужащего. В условиях коллективной деятельности выявление и осознание проблемной ситуации предъявляют к командирам и начальникам особые требования. Они должны быть в методологическом и специальном отношении способны так построить обучение и воспитание подчиненных, чтобы каждый из них действовал в любой обстановке сознательно и отдавал все свои силы решению поставленных задач.

Методологическим фундаментом ценностно-ориентировочного аспекта военно-практической деятельности являются те разделы марксистско-ленинской философии, которые позволяют человеку выработать «шкалу» материальных и духовных ценностей, выяснить и осознать его потребности, интересы, цели и идеалы. Это связано с анализом не только объективных связей между вещами, но и степени полезности и необходимости объектов для данного субъекта в данной ситуации. Аксиологический (ценностный) аспект деятельности рельефно проявляется в ходе оценки командиром обстановки, подготовки решения, когда взвешиваются все «за» и «против». Методологическую основу ценностно-ориентировочной деятельности составляет, по существу, все миропонимание человека, в том числе его представления о смысле жизни, счастье, чести, совести.

В оценке обстановки кроме противоречий, присущих процессу познания (между явлением и сущностью, чувственным и логи-

ческим познанием, относительной и абсолютной истиной), проявляются и другие.

Оценка обстановки — не бесстрастное «фотографирование». Все силы, воля руководителя мобилизованы на поиск путей к успеху, к победе. Поэтому в оценку обстановки входит учет меры необходимости свершения действия, возможности напряжения физических и духовных сил личного состава и даже меры ответственности за несвершение действия. Как видим, методология военно-практической деятельности затрагивает и анализ понятий «риск», «ответственность», «воля к победе». Именно в методологии практической деятельности находит наиболее полное выражение принцип диалектического единства научной объективности и коммунистической партийности.

Системное исследование процесса подготовки и принятия решения вскрывает ряд «точек соприкосновения» методологической, психологической и морально-этической проблематики. Необходимость принять решение налагает на командира высочайшую ответственность, особенно когда это решение связано с риском для жизни людей. Стрессовые состояния, вызванные ответственностью, успешнее преодолевают люди, убежденные в правоте и необходимости своих действий, в совершенстве владеющие методологией и методикой деятельности. И наоборот, в этих условиях человек со слабой методологической подготовкой впадает в соблазн поспешных решений на основе субъективистского подхода к действительности.

Марксистско-ленинская философия выступает надежной мировоззренческо-методологической основой для установления общения (коммуникации) между военнослужащими социалистической армии в процессе военно-практической деятельности на началах гуманизма и коллективизма. В то же время этот гуманизм требует непримиримости к классовому противнику.

Марксистско-ленинская методология служит четким ориентиром и в сфере волеизъявления. Волевой аспект военно-практической деятельности выражает сознательную целеустремленность воина на выполнение тех или иных действий. Волевой аспект пронизывает все этапы деятельности, но особенно рельефно проявляется в момент принятия решения. Методологическая культура волеизъявления — необходимое качество военачальника, любого воина. Она предполагает глубокое марксистско-ленинское понимание диалектики свободы и необходимости. Это помогает осознать истинную роль и значение воли командира и в то же время избежать волюнтаризма. Ценными качествами командира следует считать не просто смелость, настойчивость, волю и т. п., взятые сами по себе, а именно смелость и волю в достижении верно поставленной цели.

Марксистско-ленинская философия вооружает командиров, инженеров надежным методологическим ориентиром и на том этапе военно-практической деятельности, когда непосредственно осуществляется целедостижение. Реализация выработанной цели на

первый взгляд кажется работой нетворческой, механической, а элементы познавательной и ценностно-ориентировочной деятельности, которые вкрапляются в целедостижение, кажутся повторением анализа проблемной ситуации, оценки обстановки и т. д.

Действительно, целедостигающий этап цикла более сложного действия является совокупностью огромного количества «малых» циклов: достижение главной цели идет через целый ряд сменяющих друг друга проблемных ситуаций, оценок, решений и действий. Вместе с тем в целедостигающей деятельности есть и нечто принципиально новое. Корректировка целей и средств по действительно получаемым в ее ходе результатам, по уточненной обстановке и реальной эффективности средств — это уникальные моменты деятельности, ибо они раскрывают соотношение объекта и субъекта, разума и воли, цели и средства и т. п. не в априорной статике, как это было в начале цикла, а в **динамике** реальной деятельности, которая непрестанно изменяет их соотношение.

Философско-методологический анализ целедостигающего действия имеет множество ракурсов. С одной стороны, это анализ динамики превращения возможности в действительность, с другой — создание новых возможностей; в одном плане это разрешение данной проблемной ситуации, в другом — порождение потребности в новых действиях; это одновременно и процесс проверки истинности прежнего знания, и источник нового, истинность которого еще предстоит подтвердить практикой. При этом философско-методологический анализ военно-практической деятельности нуждается в привлечении эргономического, психологического и иных видов исследований и раздумий. Только при комплексном, всестороннем изучении процесса целедостижения, опирающегося на личный опыт и усвоение опыта других, офицеру-практику удается создать деловой и спокойный психологический климат в штабе, в экипаже, в любом воинском коллективе, добиться четкого, быстрого, но без нервозности ритма работы.

Завершающий этап в конкретном цикле военно-практической деятельности — оценка результата. Это весьма сложный в гносеологическом и аксиологическом (ценностно-ориентировочном) плане процесс. Если даже не учитывать, что в ходе данного цикла в какой-то мере претерпели изменение сами потребности, вызвавшие действие, и ценностные установки, определившие его мотив, то и тогда операция оценки результата не проста. Ведь кроме сравнения результата и цели, которое выступает на первом плане, в нем присутствует и проверка реальной осуществимости самой цели.

Методологический анализ результатов целедостижения дает возможность глубже исследовать причины и характер ошибок, допускаемых военнослужащими в ходе практической деятельности. В частности, он вскрывает характерные черты ошибок, обусловленных изъянами в структуре ценностей данного чело-

века (карьеризм, эгоизм и т. д.), а также субъективизмом в познании.

Таким образом, марксизм-ленинизм является мировоззренческой и методологической основой всей теоретической и практической деятельности военных кадров социалистической армии. Поэтому в своей повседневной деятельности, направленной на повышение боевых возможностей и боеготовности частей и соединений, только те офицеры достигают максимальных результатов, которые научились мастерски применять богатейший теоретический и методологический арсенал, оставленный нам в наследие бессмертными вождями пролетариата, всех трудящихся — Марксом, Энгельсом, Лениным — и творчески обогащаемый марксистско-ленинскими партиями новыми выводами, адекватно отражающими всю сложность и ведущие тенденции современной эпохи. Образцом такого подхода к анализу современности является работа XXVI съезда КПСС, съездов других марксистско-ленинских партий стран социалистического содружества.

ГЛАВА II

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Глубокое и всестороннее овладение философией марксизма-ленинизма, ее творческое применение к проблемам военной теории и практики требуют знания истории ее возникновения и развития. «Весь дух марксизма,— указывал В. И. Ленин,— вся его система требует, чтобы каждое положение рассматривать лишь (α) исторически; (β) лишь в связи с другими; (γ) лишь в связи с конкретным опытом истории» [1]. Это предполагает обращение к анализу исторических условий, теоретических источников и естественнонаучных предпосылок возникновения марксизма, глубокое уяснение сущности революционного переворота в философии, совершенного К. Марксом и Ф. Энгельсом, рассмотрение содержания и значения ленинского этапа в развитии философии марксизма.

1. ПРИЧИНЫ И УСЛОВИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ФИЛОСОФИИ МАРКСИЗМА

Возникновение марксистской философии было подготовлено всем ходом развития человеческой истории и опиралось на определенные социально-политические, естественнонаучные и теоретические предпосылки.

Социально-политические предпосылки возникновения марксизма заключаются прежде всего в том, что на арене исторической деятельности появился новый класс — пролетариат, нуждающийся в духовном оружии. К этому времени капитализм как новый общественно-экономический строй прочно утвердился в ряде стран Европы. Но он не устранил антагонизмы, присущие эксплуататорскому обществу, а, напротив, придал им еще большую остроту. Экономические кризисы, периодически повторявшиеся в 1825, 1837, 1842, 1847 гг., безработица, разорение мелкой буржуазии и беспощадная эксплуатация пролетариата ярко выявили основное противоречие капитализма — противоречие между общест-

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 329.

венным характером производства и частнокапиталистической формой собственности. В результате между основными классами капиталистического общества — пролетариатом и буржуазией — разгорелась ожесточенная борьба, в которой рабочий класс выступил уже как самостоятельная политическая сила. Об этом свидетельствуют восстания лионских ткачей в 1831 и 1834 гг. во Франции, в которых рабочие мужественно сражались против 20-тысячной регулярной армии. В 1844 г. произошло восстание силезских ткачей в Германии. В 30-х годах началось и в начале 40-х годов XIX в. достигло своего наивысшего развития чартистское движение рабочих в Англии, направленное против правительства и его законов.

В отсталой и раздробленной Германии трудящиеся страдали от двойного гнета — и от остатков феодализма, и от зарождающегося капитализма. Поэтому там резко обострились классовые противоречия. Туда переместился и центр революционного движения. Германия находилась накануне буржуазно-демократической революции, которая, по мнению основоположников марксизма, могла стать прологом пролетарской революции[1]. По мере развития революционной борьбы росли политическая активность рабочего класса, его стремление осознать свое место в обществе, свою роль в истории. Рабочие превращались из «класса в себе» в «класс для себя», то есть осознавали себя как общественно-политическую силу. Возникла настоятельная необходимость выработки научной теории, обобщающей опыт революционной борьбы трудящихся, вооружающей рабочий класс знанием объективных законов общественного развития, дающей ключ к революционным преобразованиям общества.

Задачу вооружить рабочий класс научным мировоззрением, программой, стратегией и тактикой революционной борьбы блестяще выполнили вожди рабочего класса Германии Маркс и Энгельс. Однако возникновение марксизма (30—40-е годы прошлого века) отразило социально-экономические и политические процессы, происходившие не только в Германии, но и в других странах, особенно в Англии и Франции. Поэтому марксизм возник как интернациональная теория рабочего движения всех стран.

Возникновению марксизма способствовали и **естественнонаучные предпосылки.**

Появление марксистской философии вызывалось потребностями развития естествознания. Ни метафизический материализм, ни тем более идеализм (как объективный, так и субъективный) не могли дать правильного объяснения научным открытиям. Более того, философские выводы вступали в прямое противоречие с данными естественнонаучного знания, которое стихийно рождало диалектические и материалистические идеи.

Серьезный удар по метафизике был нанесен космогонической гипотезой И. Канта, в которой была высказана диалектическая

---

[1] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 459.

мысль об историчности Солнечной системы. По утверждению Ф. Энгельса, «кантовская теория возникновения всех теперешних небесных тел из вращающихся туманных масс была величайшим завоеванием астрономии со времени Коперника. Впервые было поколеблено представление, будто природа не имеет никакой истории во времени... В этом представлении, вполне соответствовавшем метафизическому способу мышления, Кант пробил первую брешь, и притом сделал это столь научным образом, что большинство приведенных им аргументов сохраняет свою силу и поныне» [1].

Идея всеобщей связи, единства и развития явлений природы подтверждалась многими научными открытиями того времени, которые следовали одно за другим. На три важнейших из них указывал Ф. Энгельс. Русский ученый П. Ф. Горянинов, чех Ян Пуркинье, немецкие естествоиспытатели М. Шлейден и Т. Шванн создали клеточную теорию, доказав, что клетка является основой строения и развития всех растительных и животных организмов. Этим было доказано единство и развитие органического мира. Вторым крупнейшим открытием явилось экспериментальное обоснование немецкими естествоиспытателями Ю. Майером, Г. Гельмгольцем и английским физиком Д. Джоулем закона сохранения и превращения энергии, идея которого высказывалась еще в древности. В результате появилась возможность научного философского обобщения о единстве материи и движения, взаимосвязи и взаимопревращении их форм. Это открытие доказало вечность и неуничтожимость материи. Третье великое открытие было осуществлено Ч. Дарвином в его книге «Происхождение видов», которая была опубликована в 1859 г. Этот труд подтвердил, что все высшие виды растений и животных возникли в результате длительного процесса развития из простейших организмов. Эти и другие открытия, появление новых наук — геологии, палеонтологии, эмбриологии и других, которых не знало естествознание XVIII в., настоятельно требовали диалектико-материалистического осмысления научных знаний.

Создание философии марксизма опиралось и на солидные **теоретические предпосылки.** Философская, социально-политическая и экономическая мысль до Маркса выдвинула немало блестящих идей и проницательных догадок. Социалисты-утописты (Анри Сен-Симон, Шарль Фурье во Франции, Роберт Оуэн в Англии) выступили с беспощадной критикой капиталистического строя и пытались нарисовать картину будущего социалистического общества. Английские экономисты (Адам Смит, Давид Рикардо и др.) создали трудовую теорию стоимости. Значительных рубежей достигла философия. Материалистическая традиция («линия Демокрита», по выражению В. И. Ленина) находила своих сторонников среди философов еще со времен глубокой античности. Материалисты и идеалисты разрабатывали диалектику, которая по-

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 56—57.

лучила наиболее полное выражение в трудах представителей немецкой классической философии (в особенности у Г. Гегеля), явившейся наряду с английской политической экономией и французским утопическим социализмом непосредственным теоретическим источником марксизма.

Учение Гегеля содержало гениальные догадки об универсальной взаимосвязи вещей и процессов, об их поступательном развитии, происходящем на основе преодоления внутренних противоречий, о переходе количества в качество, отрицании старого новым, о диалектическом характере логических форм и категорий. По выражению Ф. Энгельса, «именно в том и состояло истинное значение и революционный характер гегелевской философии... что она раз и навсегда разделалась со всяким представлением об окончательном характере результатов человеческого мышления и действия»[1]. В. И. Ленин, давая оценку гегелевской философии, писал: «Гегель гениально *угадал* диалектику вещей (явлений мира, *природы*) в диалектике понятий...»[2]. Однако прогрессивный, революционный, диалектический метод Гегеля втискивался в прокрустово ложе реакционной идеалистической системы.

Заслуга последнего представителя немецкой классической философии Л. Фейербаха состояла в том, что он нанес сильнейший удар по идеализму Гегеля и возродил материализм на немецкой земле. Фейербах первым в истории философской мысли сделал попытку сформулировать основной вопрос философии. «...Вопрос об отношении духовного к чувственному...— писал Л. Фейербах в «Лекциях о сущности религии» (1851 г.),— принадлежит к числу важнейших и в то же время труднейших вопросов человеческого познания и философии, что явствует уже из того, что вся история философии вращается, в сущности говоря, вокруг этого вопроса...»[3]. Фейербах материалистически решал этот вопрос применительно к природе («материализм снизу»), но он не понял диалектику Гегеля как алгебру революции и остался на идеалистических позициях в объяснении общественных явлений. Его философия человека (антропологический материализм) была созерцательной. В ее основе находился человек как вне мира ютящееся существо, не связанное с конкретными общественными отношениями. Поэтому его критика религии, буржуазной морали была непоследовательной и уязвимой в своих существенных частях.

Метафизичность, механистичность, созерцательность домарксовского материализма, уживающиеся с идеализмом во взглядах на общество, не позволили ему (материализму) стать духовным знаменем пролетариата. Все домарксовское философское наследие необходимо было критически переработать, очистить от всего ложного, одностороннего и на основе достижений передовой мысли

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 275.
[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 178—179.
[3] Фейербах Л. Избр. философ. произв. в 2-х т. М., 1955, т. 2, с. 623.

разработать подлинно научную философию. Эту важнейшую проблему глубоко и всесторонне решили К. Маркс и Ф. Энгельс, создав диалектический и исторический материализм — единственно научную философию.

В. И. Ленин указывал, что марксизм возник не «*в стороне* от столбовой дороги развития мировой цивилизации. Напротив, вся гениальность Маркса состоит именно в том, что он дал ответы на вопросы, которые передовая мысль человечества уже поставила. Его учение возникло как прямое и непосредственное *продолжение* учения величайших представителей философии, политической экономии и социализма»[1]. Оно возникло закономерно, как необходимость, обусловленная всей суммой социально-политических условий, естественнонаучных предпосылок и теоретических источников.

2. РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРЕВОРОТ, СОВЕРШЕННЫЙ К. МАРКСОМ И Ф. ЭНГЕЛЬСОМ В ФИЛОСОФИИ

Закономерная тенденция появления подлинно научной философии могла быть реализована и в трудах мыслителей, не обладавших гениальностью К. Маркса и Ф. Энгельса, но реализована с запозданием и не столь блистательно. Значение в истории великих личностей состоит в том, что они видят дальше других и прилагают значительно больше энергии, чтобы превратить возможность в действительность, и раньше своих современников отвечают на общественную потребность. То обстоятельство, что именно Маркс и Энгельс совершили революционный переворот в философии, объясняется их личными качествами революционеров в науке, гениальных мыслителей, обладающих энциклопедической ученостью во всех отраслях человеческого знания, которое к тому времени было накоплено многими поколениями, их титанической работоспособностью. Решающим фактором создания ими научной философии явилось и то, что с юных лет они связали свою судьбу с атакующим классом, рабочим движением, которое нуждалось в мыслителях невиданной мощи.

К. Маркс уже в юношеские годы понял, что «истинная философия есть духовная квинтэссенция своего времени...», что «философы не вырастают как грибы из земли, они — продукт своего времени, своего народа, самые тонкие, драгоценные и невидимые соки которого концентрируются в философских идеях»[2]. Свои глубокие знания в истории философии К. Маркс проявил уже в докторской диссертации «Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура». О том, какое впечатление произвела ее блестящая защита на современников, можно судить по письму немецкого публициста М. Гесса. В письме к Б. Ауэрбаху 2 сентября 1841 г. он писал: «...будь готов познакомиться с

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 40.
[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 105.

величайшим, быть может, *единственным* из ныне живущих, *настоящим философом...* Доктор Маркс, таково имя моего кумира, еще совсем молодой человек (едва ли ему больше 24 лет); он нанесет последний удар средневековой религии и политике, в нем сочетаются глубочайшая философская серьезность с тончайшим остроумием; представь себе соединенными в одной личности Руссо, Вольтера, Гольбаха, Лессинга, Гейне и Гегеля; я говорю *соединенными,* а не механически смешанными — и ты будешь иметь представление о докторе Марксе» [1]. О ранней философской эрудиции К. Маркса свидетельствует и труд «Святое семейство» (1845 г.), созданный им совместно с Ф. Энгельсом. В произведении есть написанный К. Марксом раздел «Критическое сражение с французским материализмом» (глава 6-я), где на нескольких страницах автор дает серию кратких, по чрезвычайно емких, буквально спрессованных и афористически отточенных характеристик, в которых с поразительной глубиной и точностью оценивается значение философских систем мыслителей, начиная от эпохи средневековья и кончая своими современниками.

Одна из особенностей трудов К. Маркса состоит в том, что они представляют синтез знаний — философских, экономических, социально-политических, исторических, юридических, эстетических и т. д. Ярчайшим примером тому служит «Капитал» — главное произведение К. Маркса.

Философское наследие К. Маркса и его великого соратника Ф. Энгельса огромно. Основные выводы их философского учения стали ныне достоянием всего прогрессивного человечества. Взгляды основоположников марксизма явились подлинной революцией в философии, политической экономии и учении о социализме.

Сущность революционного переворота в философии, совершенного К. Марксом и Ф. Энгельсом, сводится к следующему.

Во-первых, до появления марксистской философии единого диалектико-материалистического мировоззрения не существовало. Домарксовский материализм был преимущественно метафизическим, а его учение об обществе идеалистическим. «Маркс и Энгельс решительно преодолели идеализм и метафизику различных философских течений, соединили материализм с диалектикой... создав новое, подлинно научное философское учение — диалектический материализм» [2].

Во-вторых, одним из наиболее глубоких преобразований, осуществленных К. Марксом и Ф. Энгельсом в философии, является распространение положений диалектического материализма на познание общества, что привело к появлению материалистического понимания истории, созданию исторического материализма, который В. И. Ленин назвал величайшим созданием научной

---

[1] Цит. по: Карл Маркс. Биография. М., 1968, с. 15—16.

[2] Основоположник научного коммунизма. Тезисы к 150-летию со дня рождения Карла Маркса. М., 1968, с. 6.

мысли[1]. Все домарксовские и современные буржуазные философы являлись и являются идеалистами во взглядах на развитие общества; никто из них не создал действительной науки об обществе. Только марксизм открыл законы развития общества и тем самым создал подлинную науку об общественном развитии — философско-социологическую теорию.

На основе материалистического понимания развития общества К. Маркс и Ф. Энгельс впервые в истории социальной мысли дали подлинно научное понимание таких сложных общественных явлений, как **война и армия**. Они научно обосновали причины и источники возникновения войны и армии. Исходя из того, что способ производства материальных ценностей определяет социально-политический и духовный процессы жизни общества, они раскрыли классовую природу войны, показали взаимосвязь войны и политики, установили зависимость хода и исхода войны от экономических, военных и моральных возможностей. К. Маркс и Ф. Энгельс явились основоположниками военной программы и стратегии пролетариата. Они раскрыли необходимость вооружения рабочего класса и создания его военной организации, дали научный прогноз характера, хода и исхода назревавших войн, который в большинстве случаев подтвердился ходом последующего развития общества.

В-третьих, К. Маркс и Ф. Энгельс определили принципиально по-новому **предмет научной философии**, доказав, что им являются всеобщие законы развития природы, общества и человеческого мышления, всеобщие формы бытия и познания, исследуемые на основе диалектико-материалистического решения основного вопроса философии.

В-четвертых, К. Маркс и Ф. Энгельс определили принципиально по-новому и **социальную роль научной философии**. Впервые в истории она была открыто провозглашена в качестве духовного оружия, мировоззрения пролетариата. «Подобно тому как философия находит в пролетариате свое *материальное* оружие, так и пролетариат находит в философии свое *духовное* оружие...»[2]. Возникнув как мировоззрение пролетариата, марксистская философия стала мировоззрением всех трудящихся масс.

Марксистская философия выступила впервые в истории в роли всеобщей методологии научного познания и революционного преобразования мира. Не подменяя других наук (естественных, социальных), научная философия опирается на их выводы и в то же время координирует их усилия, вооружает их всеобщим методом познания. Впервые в истории марксистская философия провозгласила, что ее задачей является изменение мира[3]. «...Для *практических* материалистов, т. е. для *коммунистов*,— писали К. Маркс и Ф. Энгельс в «Немецкой идеологии»,— все дело за-

---

[1] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 44.
[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 428.
[3] См. там же, т. 3, с. 4.

ключается в том, чтобы революционизировать существующий мир, чтобы практически выступить против существующего положения вещей и изменить его»[1].

Идейные противники марксизма тщатся доказать, что якобы марксизм, и в частности его философия, напоминают вероучение и догматичны по своему содержанию. Нет ничего лживее этого утверждения. «Наша теория — не догма...»[2] — писал Ф. Энгельс. По утверждению В. И. Ленина, «не может быть догматизма там, где верховным и единственным критерием доктрины ставится — соответствие ее с действительным процессом общественно-экономического развития...»[3]. Творческий характер, единство теории и практики — эти отличительные черты марксистской философии подтверждаются всем процессом ее формирования и развития.

3. ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ФИЛОСОФИИ МАРКСИЗМА

В истории марксистской философии принято выделять три этапа: 1) этап ее формирования, 2) этап ее последующего развития в эпоху домонополистического капитализма (оба этапа связаны с деятельностью К. Маркса и Ф. Энгельса), 3) ленинский этап, связанный с деятельностью В. И. Ленина и продолжающийся в настоящее время.

Формирование марксистской философии происходило в неразрывной связи с революционным движением пролетариата, в процессе осмысления естественнонаучных открытий, в борьбе против идеалистической философии Гегеля и метафизического, созерцательного материализма Фейербаха. Этот этап простирается от начала теоретической деятельности К. Маркса и Ф. Энгельса до 1848 г., когда был издан «Манифест Коммунистической партии».

К. Маркс и Ф. Энгельс не сразу выработали научные философские взгляды. Вначале они примыкали к младогегельянцам — идеалистам мелкобуржуазно-либерального направления. Однако К. Маркс и Ф. Энгельс в отличие от младогегельянцев уже тогда стояли на позициях революционного демократизма. Вступление К. Маркса и Ф. Энгельса в активную общественно-политическую жизнь, глубокое изучение положения и роли пролетариата помогли им преодолеть идеализм Гегеля и ограниченность материализма Фейербаха. Уже в статье «К критике гегелевской философии права. Введение» (1844 г.) К. Маркс с диалектико-материалистических позиций раскрывает сущность государства, права, философии. Важной идеей этой работы К. Маркса явилось открытие исторической роли пролетариата как могильщика буржуазии

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 42.
[2] Там же, т. 36, с. 497.
[3] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 309.

и необходимости создания передовой научной философии, выражающей интересы рабочего класса. К. Маркс писал: «Оружие критики не может, конечно, заменить критики оружием, материальная сила должна быть опрокинута материальной же силой; но и теория становится материальной силой, как только она овладевает массами»[1]. Материальной силой, способной осуществить революцию, К. Маркс считал пролетариат.

В работе Ф. Энгельса «Наброски к критике политической экономии» (1844 г.) показано: в основе противоречий капиталистического общества лежит частная собственность; именно она ведет к конкурентной борьбе и является источником социальной несправедливости.

Важным моментом в процессе формирования марксистской философии являются «Экономическо-философские рукописи» К. Маркса, подготовленные в апреле — августе 1844 г. В них обосновывается необходимость уничтожения буржуазной частной собственности и разрабатываются основы материалистического понимания развития общества.

Совпадение взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса и необходимость объединения усилий для дальнейшей разработки пролетарского мировоззрения привели в августе 1844 г. к возникновению их дружбы и совместному созданию ряда крупнейших произведений.

Первой совместной работой К. Маркса и Ф. Энгельса был труд «Святое семейство», опубликованный в феврале 1845 г. В этом произведении основоположники марксизма указывают, что идея коммунизма неизбежно вытекает из опыта французской революции XVIII в. и материалистической философии. Подлинным творцом истории, по их утверждению, являются не отдельные личности, а народные массы.

Почти одновременно с опубликованием «Святого семейства» К. Маркс в 1845 г. пишет «Тезисы о Фейербахе». В них К. Маркс критикует созерцательность и антропологизм Л. Фейербаха, раскрывает понятие и роль практики в общественной жизни, определяет социальную сущность человека как «совокупность общественных отношений» и ставит задачу создания новой философии, не только объясняющей, но и преобразующей мир.

Большое значение для формирования философских взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса имела их совместная работа «Немецкая идеология» (1845—1846 гг.). Основное содержание этого исследования посвящено обоснованию материалистического понимания развития общества как естественноисторического процесса, смены общественно-экономических формаций, раскрытию диалектики производительных сил и производственных отношений, общественного бытия и общественного сознания. На основе этого анализа К. Маркс и Ф. Энгельс впервые сделали вывод о неизбежности социалистической революции, завоевания проле-

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 422.

тариатом политической власти и установления коммунистического строя.

В 1847 г. К. Маркс публикует «Нищету философии» — работу, которую В. И. Ленин назвал первым зрелым произведением марксизма. Итогом этого этапа явилось опубликование «Манифеста Коммунистической партии» (1848 г.). «В этом произведении,— подчеркивал В. И. Ленин,— с гениальной ясностью и яркостью обрисовано новое миросозерцание, последовательный материализм, охватывающий и область социальной жизни, диалектика, как наиболее всестороннее и глубокое учение о развитии, теория классовой борьбы и всемирно-исторической революционной роли пролетариата, творца нового, коммунистического общества» [1].

Дальнейшее развитие марксистской философии в эпоху домонополистического капитализма приходится на два периода: от буржуазных революций 1848 г. до Парижской коммуны 1871 г. и от Парижской коммуны до 1895 г. (год кончины Ф. Энгельса).

Наибольшее внимание в первый период К. Маркс и Ф. Энгельс уделяют экономическим и историко-политическим проблемам. К. Маркс публикует 1-й том «Капитала» (1865 г.), работы «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850», Ф. Энгельс — труды «Крестьянская война в Германии», «Революция и контрреволюция в Германии» и другие.

В «Капитале» К. Маркс разработал основные законы материалистической диалектики, ее категории, вопросы теории познания и исторического материализма. В названных трудах разработаны проблемы революции и военно-философские проблемы (например, вопрос о вооруженном восстании в работе Ф. Энгельса «Революция и контрреволюция в Германии»).

Во втором периоде увидели свет 2-й и 3-й тома «Капитала», подготовленные к изданию Ф. Энгельсом после смерти К. Маркса, а также ряд фундаментальных философских трудов Ф. Энгельса: «Анти-Дюринг» (1878 г.), «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884 г.), «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» (1886 г.), письма по историческому материализму (1890—1894 гг.), написана «Диалектика природы» — незавершенный труд Ф. Энгельса, впервые опубликованный в 1925 г.

В этих трудах исследованы величайшие вопросы из области философии, естествознания и общественных наук, коренные проблемы учения о войне и армии.

С середины 90-х годов прошлого столетия начался **ленинский этап** в развитии философии марксизма. Вклад В. И. Ленина — ученого в революции и революционера в науке — в развитие марксистской философии столь велик, что эту философию по праву называют марксистско-ленинской. «Ленинский этап в развитии

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 48.

революционной теории — это марксизм XX века, марксизм современной эпохи. Ленинский этап не ограничивается периодом жизни Ленина, этот этап непрерывно продолжается теоретической деятельностью КПСС и братских партий, воплощается в программных установках мирового коммунистического движения» [1].

В ленинском этапе развития марксистской философии выделяют три периода: 1) с середины 90-х годов XIX в. до Великой Октябрьской социалистической революции; 2) от Великого Октября до возникновения мировой системы социализма; 3) современный период.

Деятельность В. И. Ленина началась на рубеже перерастания домонополистического капитализма в империализм, когда революционный переход от капитализма к социализму стал неизбежной потребностью общественного развития. Выросла и окрепла в революционной борьбе и социальная сила, способная свергнуть капитализм и построить социализм, — пролетариат. Усилились движение крестьянства и национально-освободительная борьба трудящихся против социального и национального гнета.

Особенно острыми в начале XX в. были противоречия в России. Ей были присущи все социально-политические противоречия того времени: между пролетариатом и буржуазией, крестьянством и помещиками, трудящимися национальных окраин и царским самодержавием. Пролетариат России угнетался помимо своей также и иностранной буржуазией, ибо в России было засилье иностранного капитала. Все это обусловило тот факт, что Россия того времени явилась узловым пунктом противоречий империализма, и поэтому центр мирового революционного движения переместился в Россию. Здесь соединились воедино такие мощные потоки, как социалистическое движение рабочего класса, революционные выступления крестьянства и национально-освободительное движение угнетенных народов.

Усиление противоречий при империализме, рост революционного движения в капиталистических странах, и особенно в России, требовали теоретического обобщения этих важных изменений в социальном развитии, определения путей и целей борьбы пролетариата на новом этапе.

Подъем международного революционного движения, обострение противоречий империализма в конце XIX — начале XX в. привели к дальнейшему росту реакционности буржуазной идеологии, к усилению борьбы с марксизмом и его философией. В противовес марксистской философии буржуазные идеологи в этот период стремились распространить различные реакционные идеалистические и метафизические учения — махизм, прагматизм, неокантианство, интуитивизм, а также религиозно-мистические

---

[1] Основоположник научного коммунизма. Тезисы к 150-летию со дня рождения Карла Маркса, с. 16.

учения. С целью усиления влияния буржуазной идеологии на пролетарское движение теоретики империализма активно использовали оппортунизм, который выбрасывает из марксизма учение о пролетарской революции и диктатуре пролетариата. В частности, на оппортунистических позициях стояли лидеры II Интернационала во главе с К. Каутским. Они извращали марксистскую философию, стремились подменить революционную материалистическую диалектику метафизикой и софистикой. Появились течения, пытавшиеся «соединить» марксизм с различными концепциями буржуазной философии. В связи с этим возникла необходимость защитить марксистскую философию от нападок буржуазной философии, открытого и скрытого ревизионизма, развить философию марксизма дальше, чтобы дать отпор антимарксистским учениям.

Необходимость дальнейшего развития философии марксизма обусловливалась также потребностями развития естественных наук. На рубеже XIX и XX вв. в естествознании, и особенно в физике, совершается ряд крупных открытий, которые показали ограниченность прежних естественнонаучных взглядов на материю, движение, пространство и время. До возникновения новых представлений о структуре и свойствах материи считалось, что такие ее свойства, как масса и объем, неизменны и ни от чего не зависят. Однако новые данные показали: масса электрона обусловлена созданным им полем и изменяется вместе с изменением структуры поля. С приближением скорости электрона к скорости света масса электрона возрастает. Новые мировоззренческие проблемы поставило также развитие биологии и физиологии высшей нервной деятельности. Достижения естествознания в конце XIX — начале XX в. не могли быть научно объяснены со старых, метафизических и механистических позиций. Эти затруднения в обосновании новых открытий в науке использовали идеалисты, выступившие против важнейших положений марксистской философии. Поэтому возникла насущная потребность дать диалектико-материалистическое объяснение новых открытий в естествознании и на основе этого дальше развить философию марксизма, показать научную несостоятельность идеалистических выводов из новейших открытий физики.

Таким образом, возникновение ленинского этапа марксистской философии было подготовлено всем ходом социально-политического развития в новых исторических условиях, а также крупными успехами науки, которые потребовали дальнейшего развития марксистской философии.

Ленинский этап в философии марксизма представляет собой всестороннее развитие марксистской философии на основе научного анализа всемирной истории XX в., обобщение опыта революционного движения и новейшей революции в естествознании.

«Для миллионов угнетенных и эксплуатируемых, всех трудящихся ленинизм стал символом социального обновления мира, революционным знаменем нашей эпохи. С именем Ленина, с его

учением связаны все выдающиеся революционные события XX века. Нет и не может быть марксизма без того нового, что внес в его развитие Ленин» [1].

Дальнейшее развитие философии марксизма В. И. Лениным происходило в ожесточенной борьбе с буржуазной идеологией, ревизионизмом и догматизмом, что свидетельствует о **революционно-критическом** характере ленинской философской мысли. В беспощадных битвах с идейными врагами пролетариата за торжество социализма В. И. Ленин по-новому, творчески разработал ряд важнейших проблем научной философии рабочего класса. Поэтому наиболее яркой чертой ленинского этапа развития марксистской философии является **творческий, новаторский подход** к решению сложнейших философских и социальных проблем. «Мы вовсе не смотрим на теорию Маркса как на нечто законченное и неприкосновенное,— писал В. И. Ленин,— мы убеждены, напротив, что она положила только краеугольные камни той науки, которую социалисты *должны* двигать дальше во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни» [2].

Актуальные мировоззренческие и методологические проблемы социальной жизни и науки решались В. И. Лениным путем всестороннего, глубокого, объективного исследования, органически сочетающегося с потребностями революционного движения трудящихся. Отсюда вытекает такая характерная черта ленинского философского учения, как **строгая научность, объективная истинность, совпадающие с пролетарской партийностью.**

В ленинском философском наследии всесторонне обобщены опыт всемирного общественного развития, практика международного революционного движения, достижения мировой науки и культуры. В. И. Ленин раскрыл признаки и особенности мировой системы империализма, объективные и субъективные предпосылки социальных революций, совершаемых трудящимися массами, характер современной эпохи, общие закономерности строительства социализма и коммунизма. На основе глубокого анализа империализма и революционного движения В. И. Ленин вооружил международный пролетариат научно обоснованной стратегией и тактикой революционной борьбы. Ленинское учение носит **интернациональный характер,** поскольку оно обобщает опыт мирового развития.

Развитие В. И. Лениным марксистской философии связано с практикой революционного переустройства общества, с насущными **потребностями трудящихся.** Ленинское философское учение, овладев сознанием трудящихся масс, стало действенной силой, преобразующей социальную действительность. **Единство теории и практики** — такова существенная черта ленинского этапа в философии.

---

[1] О 110-й годовщине со дня рождения Владимира Ильича Ленина: Постановление ЦК КПСС от 13 декабря 1979 г. М., 1980, с. 4

[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 184.

Философские произведения В. И. Ленина, особенно «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», «Материализм и эмпириокритицизм», «Философские тетради», «Государство и революция», «Еще раз о профсоюзах...», «О значении воинствующего материализма» и другие, являются образцом творческого развития диалектического и исторического материализма, знаменуют собой новый, высший этап в философии марксизма. В. И. Ленин всесторонне развил марксистское учение о материи и сознании как отражении материальной действительности, вскрыл активный, творческий характер сознания. В своих произведениях В. И. Ленин философски обобщил достижения науки, которые были ею накоплены после К. Маркса и Ф. Энгельса, защитил и развил дальше диалектико-материалистическое мировоззрение.

Важнейшее значение имеют дальнейшая разработка и творческое применение к практике революционной борьбы **материалистической диалектики.** Исследуя и обобщая достижения науки и развитие революционного движения, В. И. Ленин конкретизирует и развивает материалистическую диалектику — ее принципы, законы и категории. Рассматривая диалектику как «живую душу» марксизма, В. И. Ленин использовал ее в решении сложных проблем пролетарского движения, социалистической революции, строительства социалистического общества. Развивая материалистическую диалектику, В. И. Ленин обосновал важнейшее положение философии марксизма о **единстве диалектики, логики и теории познания.** По его выражению, диалектика и есть теория познания марксизма, а последняя есть логика, представляющая собой «учение не о внешних формах мышления, а о законах развития «всех материальных, природных и духовных вещей», т. е. развития всего конкретного содержания мира и познания его, т. е. итог, сумма, вывод *истории,* познания мира» [1].

Величайшей заслугой В. И. Ленина является всестороннее исследование **диалектики общественного развития, материалистического понимания истории.** Его положения о взаимосвязи общественного бытия и общественного сознания, о взаимодействии экономики и политики, о единстве революционной теории и практики, об общественно-экономической формации, о закономерностях социалистической революции, строительства социализма и коммунизма, о культурной революции и многие другие составляют неоценимый вклад в исторический материализм. В. И. Ленин всесторонне исследовал диалектику общественного развития, взаимодействие экономики и политики, взаимосвязь общественного бытия и общественного сознания и многие другие вопросы. Разработка Лениным проблем общественного развития была тесно связана с потребностями революционной практики и идеологической борьбы.

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 84.

В. И. Ленин внес величайший вклад в развитие марксистского учения о **войне и армии.** В новых исторических условиях — в условиях монополистического капитализма и пролетарских революций — он разработал проблемы происхождения и сущности войн, их места и роли в истории, исследовал виды и исторические типы войн и критерии оценки их социального характера, соотношение войны и политики, войны и экономики, войны и идеологии, закономерности хода и исхода войн, происхождение и классовую сущность армии и многие другие вопросы. Важнейшей проблемой, впервые всесторонне разработанной В. И. Лениным, является учение о защите социалистического Отечества.

В. И. Ленин на основе гениального предвидения возможности победы социалистической революции первоначально в одной или нескольких странах сделал вывод о необходимости вооруженной защиты социалистических завоеваний и создании регулярной армии. В. И. Ленин внес выдающийся вклад в разработку **основ советской военной науки.** Ему принадлежит заслуга в раскрытии характера и специфики законов вооруженной борьбы, принципов военного искусства, в решении проблем соотношения объективных условий и сознательной деятельности военачальников, диалектики развития средств, способов и форм вооруженной борьбы.

Все дальнейшее развитие философии марксизма происходило и происходит под неизгладимым влиянием ленинских идей. Ярким выражением дальнейшей творческой разработки философии марксизма являются решения съездов КПСС и братских партий, программные документы международных совещаний коммунистических и рабочих партий. Дальнейшее развитие марксистско-ленинской философии нашло выражение в решении таких актуальных философско-социологических проблем современности, как: диалектика развития и перспективы мирового революционного процесса; характер современной эпохи и мирное сосуществование государств противоположных социальных систем; соотношение войны и мира; закономерности развития мировой социалистической системы и строительства коммунизма; специфика действия основных законов диалектики в условиях социализма; характер и особенности развитого социализма; пути и формы перехода различных стран к социализму в современных условиях; предпосылки и возможности предотвращения мировой ядерной войны; сущность и социальные последствия современной научно-технической революции; пути и средства формирования коммунистического мировоззрения; защита завоеваний социализма от возможной агрессии империализма и ряда других.

Сделан значительный шаг вперед в дальнейшей разработке марксистско-ленинского учения о материи и сознании, диалектико-материалистической теории отражения, теории материалистической диалектики как целостной системы ее принципов, законов и категорий. С диалектико-материалистических позиций осуществлено философское обобщение достижений в области кван-

товой механики, ядерной физики, молекулярной биологии, генетики, кибернетики и других наук.

В современный период на основе марксистско-ленинской методологии философы всесторонне исследуют важнейшие проблемы войн и военного дела современной эпохи. Большой вклад в разработку этих проблем внесен трудами советских военачальников, руководящих политработников, монографической, военно-мемуарной и периодической литературой.

В принятых XXVI съездом КПСС «Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года» в области общественных наук поставлена задача «сосредоточить усилия на следующих направлениях:

обобщение опыта революционно-преобразующей деятельности КПСС, международного коммунистического и рабочего движения, разработка проблем диалектического и исторического материализма, научного коммунизма и политической экономии;

исследование теоретических вопросов развитого социализма, создания материально-технической базы коммунизма и совершенствования производственных отношений, повышения эффективности общественного производства; социально-экономических проблем научно-технического прогресса и труда, проблем совершенствования управления народным хозяйством, экономики отраслей и районов, аграрной теории, демографии;

разработка проблем социальной структуры, развития политической системы зрелого социализма, укрепления правовой основы государственной и общественной жизни, коммунистического воспитания, всестороннего и гармоничного развития человека, социалистического образа жизни;

исследование закономерностей развития мировой социалистической системы, проблем социалистической экономической интеграции и внешних экономических связей;

изучение вопросов экономики и политики капиталистических и развивающихся стран; критика антикоммунизма, буржуазных и ревизионистских концепций общественного развития, разоблачение фальсификаторов марксизма-ленинизма»[1].

Анализ развития марксистско-ленинской философии является ярким свидетельством ее органической связи с практикой, с социальным и научно-техническим прогрессом общества, с достижениями естественных, технических и общественных наук, с проблемами строительства социализма и коммунизма, мирового революционного процесса.

В условиях нового этапа строительства коммунистического общества, роста сил социализма, демократии и прогресса творческое развитие актуальных проблем марксизма-ленинизма рассматривается нашей партией как важнейшая задача движения нашего общества по пути к коммунизму.

---

[1] Материалы XXVI съезда КПСС, с. 145—146.

ГЛАВА III

КНИГА В. И. ЛЕНИНА «МАТЕРИАЛИЗМ И ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМ» И СОВРЕМЕННОСТЬ

В ряду произведений основоположников марксистско-ленинской философии выдающееся место принадлежит труду В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Написанная более 70 лет назад, эта книга сохраняет огромное научно-теоретическое и практическое значение и в наши дни. В. И. Ленин в 1920 г. в предисловии ко второму изданию книги писал, что она будет полезна «как пособие для ознакомления с философией марксизма, диалектическим материализмом, а равно с философскими выводами из новейших открытий естествознания»[1]. Значение этого труда значительно глубже: по существу, это энциклопедия марксистско-ленинской философии. Ее изучение офицерскими кадрами является необходимым условием совершенствования их мировоззренческой и методологической подготовки, более глубокого осмысления социальных процессов современности, взаимосвязи научно-технического и социального прогресса. Это произведение, являясь образцом воинствующей партийности, непримиримости в борьбе с буржуазными идеологическими концепциями, помогает офицерам последовательно проводить принцип коммунистической партийности в своей теоретической и практической деятельности.

1. РАЗРАБОТКА В. И. ЛЕНИНЫМ ПРОБЛЕМ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

Книга «Материализм и эмпириокритицизм» была написана В. И. Лениным в 1908 г., а вышла в свет в мае 1909 г. Содержание и характер философских проблем, оказавшихся в это время в центре внимания В. И. Ленина, определялись двумя главными обстоятельствами.

Во-первых, в России после поражения революции 1905—1907 гг. свирепствовала столыпинская реакция. В области идеологической она выразилась в разнузданной борьбе против ма-

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 12.

териалистической философии, в широком распространении религиозной мистики, субъективизма, аморализма. Идеологической платформой реакции стал махизм — распространенная на Западе философия субъективного идеализма[1]. Эта философия была принята на вооружение не только открытыми апологетами капитализма, но и оппортунистами II Интернационала и их сторонниками в России — группой социал-демократов (Богданов, Базаров, Юшкевич и другие), никогда прочно не стоявшими на позициях марксизма. Ревизионисты сделали попытку подменить диалектический материализм Маркса и Энгельса эмпириокритицизмом как якобы «самоновейшей» философией. Перед В. И. Лениным встала задача прежде всего защитить марксистскую философию от нападок буржуазных идеологов и оппортунистов, сохранить ее для рабочего класса как величайшее духовное оружие. При этом в центре борьбы против философской реакции оказались важные теоретико-познавательные и социологические проблемы, которые требовали своей дальнейшей разработки. В. И. Ленин сосредоточил свое внимание именно на этих проблемах, что придало книге «Материализм и эмпириокритицизм» исключительно творческий и острый политический характер.

Во-вторых, в конце XIX — начале XX в. в науке произошла подлинная революция, которая сломала прежние естественнонаучные представления о материи. Многие ученые не смогли с позиций метафизического материализма правильно оценить эти открытия, безуспешно пытались втиснуть новейшие данные естествознания в рамки прежних теорий. Трудностями науки воспользовались идеалисты, сделавшие попытку с помощью новых данных науки «опровергнуть» материализм. В. И. Ленин — первый мыслитель века, который в достижениях современного ему естествознания увидел начало грандиозной научной революции, сумел вскрыть и философски обобщить революционный смысл фундаментальных открытий великих исследователей природы. В. И. Ленин блестяще реализовал положение Ф. Энгельса о том, что «с каждым составляющим эпоху открытием даже в естественноисторической области материализм неизбежно должен изменять свою форму»[2].

Развитие общества, производства и науки за период, прошедший после смерти Маркса и Энгельса, круто изменило круг актуальных проблем философии. В. И. Ленин писал: «Маркс и Энгельс,

---

[1] Махизм (эмпириокритицизм) возник в 70-х годах XIX в. Его основоположниками были австрийский философ и физик Э. Мах (1838—1916) и немецкий философ-идеалист Р. Авенариус (1843—1896). Махизм явился разновидностью позитивизма — субъективно-идеалистической философии, выступившей с претензией обойти основной вопрос философии и создать «третью линию», отличную от материализма и идеализма. В основу своей философии махисты положили «опыт», якобы очищенный от материалистического и идеалистического понимания (отсюда и название этой философской школы — «эмпириокритицизм», то есть философия «критического опыта»).

[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 286.

вырастая из Фейербаха и мужая в борьбе с кропателями, естественно обращали наибольшее внимание на достраивание философии материализма доверху, т. е. не на материалистическую гносеологию, а на материалистическое понимание истории»[1]. На рубеже XIX—XX вв. решающее значение для борьбы против философского идеализма, для осмысления новой научной революции и новых процессов в общественном развитии приобрели защита и развитие философского материализма, прежде всего диалектико-материалистической теории познания. Эти проблемы и составляют основное содержание книги В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Вместе с тем в книге рассмотрен ряд ставших актуальными в тот период проблем материалистического понимания истории.

Исторические корни махизма, против которого прежде всего направлена книга В. И. Ленина,— это философские взгляды английских идеалистов XVIII в. Беркли и Юма, отрицавших объективный характер окружающего нас мира и возможность его познания. Махисты опирались в своей философии также на агностицизм Канта. **Теоретико-познавательные** корни философии эмпириокритицизма — абсолютизация роли ощущений в познании, их отрыв от деятельности мозга, от внешнего мира. «Софизм идеалистической философии состоит в том,— писал В. И. Ленин,— что ощущение принимается не за связь сознания с внешним миром, а за перегородку, стену, отделяющую сознание от внешнего мира,— не за образ соответствующего ощущению внешнего явления, а за «единственно сущее»[2]. **Классовые** корни махизма — интересы реакционных буржуазных кругов, пытающихся идеологически разоружить рабочий класс, с тем чтобы парализовать его классовую борьбу против капитализма. Махизм был теоретическим обоснованием субъективизма, произвола, аморализма буржуазии. Объективная классовая роль махизма, подчеркивал В. И. Ленин,— расчищать дорогу идеализму и поповщине. Активная борьба махизма против научного мировоззрения «превосходно иллюстрирует это *действительное* классовое использование буржуазной реакцией эмпириокритицизма»[3].

Ленинский подход к анализу корней махистской философии имеет непреходящее значение. Все современные буржуазные философские школы ведут свое происхождение от идеалистических систем прошлого. Так же, как и махисты, они паразитируют на трудностях развития науки, раздувают какую-то одну сторону, черту, грань многосодержательного процесса познания. Прежней осталась и их классовая роль — служить монополистическому капиталу в борьбе с силами прогресса, демократии, социализма. Эту свою задачу они решают прежде всего путем попыток «опровергнуть» марксизм. Однако логика истории такова, что из каж-

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 350.
[2] Там же, с. 46.
[3] Там же, с. 364.

дой схватки с буржуазными идеологическими концепциями марксизм-ленинизм выходит еще более окрепшим и еще более несокрушимым.

Чтобы придать своей философии наукообразный характер, буржуазные идеологи выдвигают различные теории, нередко прикрывающиеся точкой зрения «здравого смысла», «реализма» и т. д. Махисты, в частности, выдвинули теории «элементов мира», «принципиальной координации», «интроекции», «экономии мышления» и другие. Суть всех этих теорий заключалась в том, что они отрицали первичность материи и вторичность сознания, решали основной вопрос философии в духе субъективного идеализма, то есть признания первичности сознания и производного от него внешнего мира.

Теория «элементов мира» объявила «настоящими элементами мира» не тела, а комплексы ощущений. По мнению махистов, элементы — это «единство физического и психического». Так, цвет, писал Мах, есть физический объект, если рассматривать его в зависимости от источника света; одновременно цвет является ощущением, если рассматривать его зависимым от сетчатки глаза. Данная теория, считают махисты, устраняет «односторонность» материализма и идеализма. В. И. Ленин разоблачил эту концепцию эмпириокритиков. «Односторонности тут действительно нет, но есть самое бессвязное спутывание противоположных философских точек зрения. Раз вы исходите *только* из ощущений, вы словечком «элемент» не исправляете «односторонности» своего идеализма, а только запутываете дело, прячетесь трусливо от своей собственной теории... А раз вы допускаете такие независимые от моих нервов, от моих ощущений физические объекты, порождающие ощущение лишь путем воздействия на мою сетчатку, то вы позорно покидаете свой «односторонний» идеализм и переходите на точку зрения «одностороннего» материализма!»[1]. Эклектицизм махистской философии — свидетельство ее ненаучности и беспринципности.

В теории «принципиальной координации» махисты проводили субъективный идеализм более последовательно, отбрасывая даже элементы стихийного материализма, содержащиеся в предыдущей теории. Они утверждали, что субъект и среда не существуют друг без друга, находятся в «принципиальной координации» между собой. «Центральным членом» этой координации является субъект, а «противочленом» — среда. Следовательно, без субъекта нет объекта, без сознания человека нет среды. Если последовательно проводить эту точку зрения, то невозможно избежать солипсизма — представления о том, что в мире существую только я, все остальное, в том числе и другие люди,— плод моего воображения. Данная теория отвергает объективные законы развития мира, оправдывает волюнтаризм. Поэтому она берется на вооружение партиями крайней реакции.

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 49, 50.

В. И. Ленин, разоблачая теорию «принципиальной координации», обращается к данным науки, к социальной практике человечества. Постановкой вопроса «существовала ли природа до человека?» В. И. Ленин ставит в тупик авторов и последователей этой теории. «Ни один сколько-нибудь образованный и сколько-нибудь здоровый человек не сомневается в том, что земля существовала тогда, когда на ней *не могло* быть никакой жизни, никакого ощущения, никакого «центрального члена», и, следовательно, вся теория Маха и Авенариуса... есть *философский обскурантизм*, есть доведение до абсурда субъективного идеализма»[1]. В несостоятельности этой «теории» нас убеждает весь опыт экономического и социально-политического развития человечества, данные естественных, технических и общественных наук.

С концепцией «принципиальной координации» тесно связана теория «интроекции» (от латинского — буквально «вбрасывание внутрь»). Она была создана Р. Авенариусом для критики материализма, который якобы «незаконно» вкладывает мысль в мозг человека. Махисты отвергают материалистическое учение о мозге как органе мышления, отрицают, что ощущения суть функция центральной нервной системы. В. И. Ленин вскрыл противоречие этой теории основам естествознания, которое непреклонно стоит на том, что мысль есть функция мозга, а ощущения — это образы внешнего мира, порождаемые действием вещей на наши органы чувств. По мнению В. И. Ленина, отказ от этих материалистических положений, проверенных наукой и практикой,— удел «безмозглой» философии.

Несостоятельна и четвертая концепция махистов — теория «экономии мышления». По утверждению сторонников этой теории, во имя «экономии» мышления следует отказаться от признания объективного существования вещей и считать реально существующими только ощущения субъекта. Понятия материи, закона движения, пространства, времени и другие абстракции якобы не имеют объективного содержания и лишь усложняют процесс познания. В. И. Ленин, разоблачая эту субъективистскую концепцию, писал: «Мышление человека тогда «экономно», когда оно *правильно* отражает объективную истину, и критерием этой правильности служит практика, эксперимент, индустрия. Только при отрицании объективной реальности, т. е. при отрицании *основ* марксизма, можно всерьез говорить об экономии мышления в теории познания!»[2]. Иными словами, никакое искажение реальной картины мира не может привести к «экономии мышления», а критерием эффективности мышления является не надуманная его «экономия», а истинность его результатов, правильное отражение действительности.

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 74—75.
[2] Там же, с. 176.

В центре ленинского анализа проблем материалистической теории познания стоит основной вопрос философии — вопрос об отношении мышления к бытию. В. И. Ленин убедительно показал, что обойти этот вопрос не может ни одна философская школа: от его решения не только зависит тип мировоззрения, но и подход к другим проблемам философии, а через них к вопросам политики, права, морали, искусства и т. д. Ответ на этот вопрос может быть либо материалистическим, либо идеалистическим. Третьего не дано. В. И. Ленин разоблачил попытки философских ревизионистов «соединить» материалистическое и идеалистическое решение основного вопроса философии, найти «среднюю линию» в философии. Говоря о половинчатости взглядов русских махистов, В. И. Ленин писал: «Они берут кусочек агностицизма и чуточку идеализма у Маха, соединяя это с кусочком диалектического материализма Маркса, и лепечут, что эта окрошка есть *развитие* марксизма»[1]. Однако попытки соединить материализм с идеализмом в конечном счете неизбежно ведут к идеализму. В. И. Ленин назвал махизм жалкой кашицей, презренной партией середины в философии, а попытки обойти два коренных направления в философии — «примиренческим шарлатанством»[2].

Подобные попытки обойти основной вопрос предпринимают и современные буржуазные философы, а также выступающие вкупе с ними оппортунисты. Ныне нет ни одной философской школы, которая бы открыто называла себя идеалистической, и это — свидетельство того, что признание себя сторонником идеализма чревато потерей доверия к данной школе. Тем не менее все течения современной буржуазной философии, какими бы названиями они ни прикрывались, по сути являются идеалистическими. По утверждению многих буржуазных философов, противопоставление материи и сознания якобы утратило свое значение. Так, неопозитивизм в качестве основного вопроса рассматривает «язык науки», экзистенциализм — «существование», неотомизм — соотношение «человеческого и божественного разума». Причем и постановка, и решение этих вопросов носят у них ярко выраженный идеалистический характер. В ленинской работе убедительно доказывается, что вопрос об отношении мышления к бытию никогда не может устареть, ибо понятия материальной и духовной сторон мироздания были и остаются самыми фундаментальными, а установление их субординации является решающим для мировоззрения.

Большое внимание в книге уделяется вопросу о **соотношении** материи и сознания. Основываясь на данных естествознания, В. И. Ленин показал, что материя существует вечно, сознание же появилось лишь на определенном этапе ее развития, когда органическая материя достигла высшей степени своего

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 198.
[2] См. там же, с. 361.

совершенства, породив человеческий мозг. Мозг — сложнейший материальный субстрат, носитель мышления. В нем происходит «переработка» материального в идеальное, которое представляет собой субъективный образ объективного мира.

В соответствии с ленинским определением противоположность материи и сознания выступает и абсолютно, и относительно. Сознание абсолютно противоположно материи в пределах основного гносеологического вопроса философии — оно духовно, идеально, является образом вещей. За пределами этого вопроса противоположность материи и сознания относительна, поскольку сознание — свойство материи, порожденное ею в ходе естественного развития.

Наибольший вклад в исследование взаимосвязи между материей и сознанием вносит разработанная в книге **теория отражения**. Дело в том, что механизм перехода от неощущающей материи к ощущающей, а тем более — к мыслящей, естествознанием до конца еще не выяснен, и перед научной философией стоит задача указать мировоззренческо-методологические принципы подхода к проблеме. «...На деле остается еще исследовать и исследовать, каким образом связывается материя, якобы не ощущающая вовсе, с материей, из тех же атомов (или электронов) составленной и в то же время обладающей ясно выраженной способностью ощущения,— писал по этому поводу В. И. Ленин.— Материализм ясно ставит нерешенный еще вопрос и тем толкает к его разрешению, толкает к дальнейшим экспериментальным исследованиям. Махизм, т. е. разновидность путаного идеализма, засоряет вопрос и отводит в сторону от правильного пути посредством пустого словесного выверта: «элемент»[1].

Исходные принципы теории отражения были заложены К. Марксом и Ф. Энгельсом в работах «Тезисы о Фейербахе», «Анти-Дюринг», «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» и других. На основе этих принципов В. И. Ленин разработал систему теоретических положений о субстрате, структуре и механизме любого отражения, включая психическое, «человеческое» отражение. Поэтому теория отражения по праву называется ленинской.

Категория «отражение» несет большую смысловую нагрузку. В. И. Ленин первым в истории философской мысли пришел к выводу о том, что свойство отражения присуще не только процессам мыслительной деятельности человека или зачаткам психики в живой природе. Оно является всеобщим, присуще всей материи. «...Логично предположить,— писал В. И. Ленин,— что вся материя обладает свойством, по существу родственным с ощущением, свойством отражения...»[2]. По ленинскому определению, сущностью отражения является воспроизведение одними материальными объектами свойств и особенностей воздействующих

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 40.
[2] Там же, с. 91.

на них других объектов. Содержание отражения зависит от свойств и особенностей оригинала, а его форма и степень адекватности (то есть соответствия, сходства) — от уровня организованности отображающей системы. Конкретные формы отражения определяются также условиями и характером взаимодействия отображающей системы с оригиналом. Поскольку отражение является процессом внутренних изменений, происходящих в отображающей системе, постольку эта система оказывает активное влияние на характер отражения. Отражение осуществляется в основном в форме изменения структуры и состояния отображающей системы.

Содержание и форма отражения имеют свою специфику для различных его типов. Элементарным типом отражения является отражение в неживой природе. Оно выражается в механических, физических, химических изменениях, происходящих в телах в результате их воздействия друг на друга. На более высоком уровне организации стоит отражение в живой природе. Оно проявляется, с одной стороны, в структурных изменениях белковых тел и других носителей жизни под влиянием обмена между организмом и средой, с другой — в приспособительных реакциях живого организма на раздражения извне. Эта форма характеризуется способностью живого организма к выживанию, сохранению своей сущности, самовоспроизведению, саморегуляции поведения. Раздражимость, возбудимость, безусловные и условные рефлексы — формы отражения в живой природе.

Высший тип отражения — отражение на социальном уровне организации материи, которое реализуется в человеческом сознании, отражающем бытие. Данный тип отражения выступает в виде процесса познания человеком материального мира и духовной деятельности людей. Содержание процесса познания — это активное психическое отражение мира на основе практики в форме живого созерцания и абстрактного мышления, это диалектическое движение знания от простого к сложному, от явления к сущности, от менее глубокой сущности к более глубокой. Познавательный образ в психическом отражении — это диалектическое единство объективного и субъективного. Объектом, действительностью определяются содержание познавательного образа, его движение, характер связи с другими образами. От субъекта зависят идеальная форма познавательного образа, его четкость, глубина, полнота, способность создавать новые образы, играющие творческую роль в познании и преобразовании мира.

Активность субъекта в психическом отражении простирается до создания и использования технических устройств, помогающих все более адекватно отражать окружающий мир. Причем в этих устройствах — машинах, приборах и инструментах — широко используется присущее всей материи свойство отражения. Происходит как бы возврат к старому на новой, более высокой основе: отражение, скажем, в ЭВМ носит физический характер, его нельзя отождествлять ни с биологическим отражением, ни с соз-

нанием; сознание было и остается самым высоким типом отражения, основанным на труде, социальных отношениях, членораздельной речи, человеческих эмоциях; однако отражение в ЭВМ — не простой возврат к физическому отражению, каким оно было до человека и без человека, это особая социализированная форма физического отражения.

Ленинская теория отражения в современной марксистской философии играет двоякую роль. Во-первых, она служит основой для материалистического решения вопроса о естественно-природном происхождении человеческого сознания. Во-вторых, она является фундаментом марксистской теории познания. Краеугольным камнем марксистско-ленинской гносеологии является положение о том, что познание по своей сути есть отражение в голове человека объективно существующего внешнего мира. Именно отрицание этого факта махистами не позволило им решить ни вопроса о природе истины, ни вопроса о роли практики в теории познания.

В. И. Ленин в противовес махистам убедительно показал, что наши знания о мире являются **объективной истиной**, то есть имеют такое содержание, которое не зависит ни от познающего человека, ни от человечества. Он разоблачил идеалистический взгляд Богданова, считавшего истину «организующей формой человеческого опыта». По мнению Богданова, истинно только «общезначимое». Однако при таком подходе можно было бы объявить истинными, например, любые постулаты религии, в которые еще верят миллионы людей. Истинность знания, указывает В. И. Ленин, определяется не количеством признающих ее людей, а тем, насколько верно она отражает реальную действительность.

Запутавшись в вопросе об объективности истины, махисты не сумели верно решить и вопроса о степени полноты и достоверности наших знаний, о соотношении **относительной и абсолютной истины**. Разъясняя этот вопрос, В. И. Ленин писал: «...человеческое мышление по природе своей способно давать и дает нам абсолютную истину, которая складывается из суммы относительных истин. Каждая ступень в развитии науки прибавляет новые зерна в эту сумму абсолютной истины, но пределы истины каждого научного положения относительны, будучи то раздвигаемы, то суживаемы дальнейшим ростом знания» [1].

Центральное место в диалектико-материалистической теории познания занимает учение о практике. Точку зрения жизни, практики В. И. Ленин назвал «первой и основной точкой зрения теории познания». Действительно, с позиций материализма, с точки зрения теории отражения практика является исходным пунктом, целью и критерием истинности познания. Лишь будучи подтверждено практикой, знание становится объективно истинным. Вместе с тем В. И. Ленин подчеркивал, что к критерию практики надо подходить диалектически: она никогда не может

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 137.

подтвердить или опровергнуть полностью какого бы то ни было человеческого представления, ибо практика исторична, она никогда не завершается, а потому подтвержденные ею знания не превращаются в догмы.

Проанализировав основное содержание диалектико-материалистической теории познания, В. И. Ленин из этого анализа выводил три важных гносеологических вывода:

«1) Существуют вещи независимо от нашего сознания, независимо от нашего ощущения, вне нас...

2) Решительно никакой принципиальной разницы между явлением и вещью в себе нет и быть не может. Различие есть просто между тем, что познано, и тем, что еще не познано....

3) В теории познания, как и во всех других областях науки, следует рассуждать диалектически, т. е. не предполагать готовым и неизменным наше познание, а разбирать, каким образом из *незнания* является *знание*, каким образом неполное, неточное знание становится более полным и более точным»[1].

Резюмируя исследования диалектико-материалистической теории познания, В. И. Ленин отмечал: «...идя *по пути* марксовой теории, мы будем приближаться к объективной истине все больше и больше (никогда не исчерпывая ее); идя же *по всякому другому пути*, мы не можем прийти ни к чему, кроме путаницы и лжи»[2].

Высказанные в книге «Материализм и эмпириокритицизм» ленинские положения имеют важное методологическое значение для современной теории и практики, в том числе для советской военной науки и деятельности военных кадров. Марксистско-ленинская философия ориентирует военные кадры на признание объективного характера законов войны, вооруженной борьбы и возможности овладения ими. Она указывает, что принципы военного искусства могут быть выработаны лишь на основе познания этих объективных законов. Только тогда эти принципы приобретают руководящее значение для успешной практической деятельности. В этом случае они выступают как методологически верная основа деятельности, поскольку они отражают реальное, объективное содержание законов вооруженной борьбы. Будучи подтверждены практикой, они приобретают характер объективной истины.

Изложенная в книге ленинская методология требует учитывать диалектический характер соотношения абсолютной и относительной истин в военном деле. Каждый из познанных военной наукой законов содержит в себе элементы абсолютного и относительного знания. Например, закон зависимости способов и форм вооруженной борьбы от характера вооружения и личного состава абсолютен в том смысле, что он проявляется как ведущий в любой войне на протяжении всей военной истории, но относителен,

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 102.
[2] Там же, с. 146.

ибо и каждой из них он проявляется своеобразно, а степень познанности этих конкретных особенностей его проявления исторична.

2. ОБОБЩЕНИЕ В. И. ЛЕНИНЫМ НОВЕЙШИХ ДОСТИЖЕНИЙ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И РАЗРАБОТКА МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ РЕВОЛЮЦИИ В НАУКЕ

Разработку кардинальных вопросов диалектико-материалистической теории познания В. И. Ленин осуществляет на основе анализа методологических проблем революции в естествознании, начавшейся в конце XIX — начале XX в. Содержанием научной революции явились крупные открытия в области физики. В 1895 г. были открыты рентгеновские лучи, в 1896 г. обнаружен радиоактивный распад, в 1897 г. открыт электрон. В 1905 г. А. Эйнштейн создал теорию относительности. Эти и другие открытия свидетельствовали о диалектическом характере процессов, происходящих в микромире, об их специфичности по отношению к макромиру. В то же время они знаменовали собой новый этап в познании мира.

Ряд естествоиспытателей, не владевших диалектико-материалистическим мировоззрением, не смогли дать научного истолкования этих открытий, а философы-идеалисты использовали трудности науки для опровержения материализма, отрицания объективной реальности мира, отказа от объективной истины. В науку стал проникать «физический идеализм», основные посылки которого сводились к утверждению «исчезновения» материи, отрыва движения от материи, отказа от объективного содержания физических теорий и т. д.

Ложная интерпретация мировоззренческих проблем науки привела к серьезным трудностям в развитии науки, к «кризису» естествознания, который начался в конце XIX — начале XX в. «*Суть* кризиса современной физики,— писал В. И. Ленин,— состоит в ломке старых законов и основных принципов, в отбрасывании объективной реальности вне сознания, т. е. в замене материализма идеализмом и агностицизмом. «Материя исчезла» — так можно выразить основное и типичное по отношению ко многим частным вопросам затруднение, создавшее этот кризис»[1]. В. И. Ленин глубоко проанализировал причины кризиса в науке, разработал методологические установки о путях выхода из него, осуществил философское обобщение новейших научных открытий.

Главный социальный источник этого кризиса — вступление капитализма в стадию империализма, когда кризис в науке выступает как проявление крупных социальных коллизий, присущих империализму. Загнивающий общественный строй всегда оказывает отрицательное влияние на разработку методологических

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 272—273.

основ науки. Господство идеализма, иррационализма, пессимизма и антигуманизма в общественном сознании реакционной верхушки общества, засилье религии создают вредную идеологическую атмосферу для развития науки. Кризис в буржуазной науке — явление хроническое. Он то усиливается, то ослабляется, перебрасываясь в разные области естественных, общественных и технических наук. В социальном плане лишь ликвидация капитализма является кардинальным условием преодоления кризиса буржуазной науки.

Гносеологические причины этого кризиса, как показал В. И. Ленин, коренились, во-первых, в неверном истолковании великих открытий, сделанных на рубеже прошлого и нынешнего веков. Углубление познания материи было воспринято частью физиков и философов как ее «исчезновение», хотя фактически исчез лишь тот предел, до которого они знали материю до этого. Во-вторых, кризис в науке был связан с неверным истолкованием процесса математизации науки. Крупные успехи естествознания, приближение к таким однородным и простым элементам материи, законы движения которых допускают математическую обработку, были истолкованы естествоиспытателями, не стоящими на позициях диалектического материализма, как отказ от объективного содержания науки. Критикуя их позицию, В. И. Ленин замечает: «Материя исчезает», остаются одни уравнения. На новой стадии развития и, якобы, по-новому получается старая кантианская идея: разум предписывает законы природе» [1]. В-третьих, на кризис в науке повлияло незнание значительной частью естествоиспытателей диалектики, абсолютизация ими относительности нашего знания, что ведет к идеализму и агностицизму. Именно так поступали представители «физического идеализма», аналогично действуют современные неопозитивисты, которые объявляют «условными», относительными любые положения науки.

В. И. Ленин с позиций диалектического материализма дал научный анализ новейших открытий в физике того времени. Он показал, что эти открытия не только не отвергают, а, напротив, вновь подтверждают основополагающие тезисы марксистской философии об объективности, несотворимости, неуничтожимости и неисчерпаемости материи. «Электрон так же *неисчерпаем*, как и атом, природа бесконечна, но она бесконечно *существует*...» [2] Материя вечно движется, изменяется, развивается; изменяются, углубляются, совершенствуются и наши знания о ней. «...Механика была снимком с медленных реальных движений,— писал В. И. Ленин,— а новая физика есть снимок с гигантски быстрых реальных движений. Признание теории снимком, приблизительной копией с объективной реальности,— в этом и состоит материализм» [3].

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 326.
[2] Там же, с. 277.
[3] Там же, с. 280—281.

Ленинская идея неисчерпаемости материи получила блестящее подтверждение. В настоящее время экспериментально установлено существование около 300 разновидностей элементарных частиц, причем все микрообъекты взаимопревращаемы, обладают многообразием свойств и имеют двоякую корпускулярно-волновую природу [1].

Идея неисчерпаемости материи имеет важное методологическое значение для современной науки. Она указывает, что современная квантово-волновая модель физической реальности является исторически преходящей ступенью научного познания и рано или поздно будет заменена качественно новой, более совершенной теорией, сохраняя, однако, свое значение для тех явлений, которые хорошо ею объясняются. Идея неисчерпаемости является руководящей в науках о космосе, в биологических, технических и общественных науках.

Все большее значение приобретают и другие положения, впервые сформулированные в «Материализме и эмпириокритицизме». Так, в современную науку прочно вошла идея многоструктурности материи, ее качественной неоднородности. Физическая, биологическая, социально-организованная реальность — это диалектически взаимосвязанные, но качественно различные сферы материи, имеющие особые уровни и разновидности. Это положение приобрело особое значение сейчас, когда усилился процесс дифференциации и интеграции научного знания. Проведение четких демаркационных линий между науками, их интеграция, обобщение и систематизация требуют четких методологических установок и творческой активности. Марксистско-ленинская философия и выступает как интегрирующий центр в системе наук, как мировоззренческая и методологическая основа их теоретического синтеза.

Методологической основой преодоления кризиса в физике и дальнейшего развития научной революции В. И. Ленин считал усвоение естествоиспытателями диалектического материализма. Сознательный переход ученых на диалектико-материалистические позиции диктуется всей логикой современной науки. «Современная физика,— писал В. И. Ленин,— лежит в родах. Она рожает диалектический материализм» [2]. Это ленинское положение указывает на объективную необходимость тесного союза конкретных наук и научного философского знания.

Буржуазные философы выступают против ленинской идеи союза философии и естествознания, отрицают научно-эвристическую роль философии. Так, на XV Всемирном философском конгрессе (1973 г.) швейцарский философ А. Марсье и Э. И. Ван Дис (Бельгия) пытались доказать «несовместимость» философии и

---

[1] См.: Ленинизм и философские проблемы современности. М., 1970, с. 109, 113.

[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 332.

науки[1]. В таком же духе выступали и некоторые буржуазные философы на XVI Всемирном философском конгрессе (1978 г.). В этих взглядах просматривается стремление «деидеологизировать» науку, «освободить ее от мировоззренческих проблем. С другой стороны, здесь видна попытка отрицать возможность философии осуществлять научный анализ проблем действительности. Если последнее верно в отношении идеалистической и метафизической буржуазной философии, то в отношении философии марксизма-ленинизма это не соответствует истине.

Из всего содержания книги «Материализм и эмпириокритицизм», как и других философских работ В. И. Ленина, следует убедительный вывод: современная наука не может успешно развиваться без опоры на диалектический материализм. «В век бурного развития науки,— говорится в Программе КПСС,— еще большую актуальность приобретает разработка философских проблем современного естествознания на основе диалектического материализма, как единственного научного метода познания»[2].

Исключительно велико методологическое значение этого ленинского труда для советской военной теории и практики, для развития военных и военно-технических дисциплин. Анализ физических эффектов, на использовании которых основано применение новых видов оружия, исследование закономерностей развития боевой техники, изучение психических и познавательных процессов, характерных для воинов в условиях боевых действий, вплоть до возможности предвидеть характер возможных военных столкновений, определять основные направления в строительстве Вооруженных Сил и их подготовке к защите социалистической Родины — все это требует усвоения и умелого применения ленинской методологии.

3. КРИТИКА В. И. ЛЕНИНЫМ СОЦИОЛОГИИ МАХИЗМА И ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

В работе «Материализм и эмпириокритицизм» вопросы марксистской социологии ставятся и решаются В. И. Лениным на протяжении всей книги. В полемике с махистами он постоянно подчеркивает, что, несмотря на внешне абстрактный характер, теоретико-познавательные проблемы органически связаны с общественными отношениями, формируют определенные социальные ориентиры, обусловливают развитие духовного мира личности. С присущей ему убежденностью и страстностью В. И. Ленин защищает диалектический материализм как мировоззрение рабочего класса от нападок идеалистов — «дипломированных лакеев» буржуазии и поповщины. Он срывает маску, прикрывающую предательство интересов пролетариата, с оппортунистов, пытавшихся создать

[1] См.: Вопросы философии, 1973, № 12, с. 10—14.

[2] Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1976, с. 127.

«половинчатую» философию, якобы пригодную и для буржуазии, и для рабочего класса. Он доказал, что на самом деле они вольно или невольно выступают сторонниками философской реакции.

Учитывая исключительную значимость социологических проблем для выработки научно обоснованной политики, стратегии и тактики партии, В. И. Ленин посвящает им в своей книге специальную главу. Здесь он разоблачает попытки махистов «совместить» идеализм в общественных науках с историческим материализмом Маркса и Энгельса. Один из русских махистов — Г. Валентинов в 1908 г. обратился с письмом к Э. Маху, в котором спрашивал: «Соединимы ли взгляды основоположников научной социологии (Маркса и Энгельса.— *Ред.*) с принципами Вашего учения?» — и заявлял, что, по его мнению, принципы махизма совпадают с основными пунктами социологической концепции Маркса[1]. По утверждению В. И. Ленина, такая точка зрения не имеет ничего общего с творческим развитием философии, а представляет лишь беспринципное смешение диаметрально противоположных систем, объективно выгодное реакции.

Первостепенное внимание в этой главе В. И. Ленин уделяет основному вопросу социологии — вопросу **о соотношении общественного бытия и общественного сознания.** В книге обстоятельно раскрывается ошибочность утверждения А. Богданова о «тождестве» общественного сознания и общественного бытия. Фактически же у Богданова речь шла даже не о тождестве, а о первичности сознания по отношению к бытию: прежде чем сложиться, общественное бытие проходит через сознание людей. По его мнению, производственные и все другие общественные отношения складываются по воле людей.

В. И. Ленин убедительно опроверг эту махистскую концепцию. Он показал: из того, что люди относятся друг к другу как сознательные существа, вовсе не следует тождественность общественного сознания и общественного бытия. Общественное бытие складывается не в результате произвольной деятельности сознания, а под влиянием определенного способа производства. Именно на этой объективно существующей основе и возникает духовная жизнь как осознание экономических отношений, их отражение. «Общественное сознание, — писал В. И. Ленин,— *отражает* общественное бытие — вот в чем состоит учение Маркса. Отражение может быть верной приблизительно копией отражаемого, но о тождестве тут говорить нелепо. Сознание вообще *отражает* бытие,— это общее положение *всего* материализма. Не видеть его прямой и *неразрывной* связи с положением исторического материализма: общественное сознание *отражает* общественное бытие — невозможно»[2].

Общественная деятельность людей, по мысли В. И. Ленина, подчиняется объективной логике исторического развития. Из всей

---

[1] См.: История философии в 6-ти т. М., 1961, т. 5, с. 139.
[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 343.

совокупности связей и отношений в общественной жизни первичными, определяющими являются экономические отношения. На их основе складывается необходимая цепь событий, независимая от общественного сознания. «Самая высшая задача человечества,— отмечал В. И. Ленин,— охватить эту объективную логику хозяйственной эволюции (эволюции общественного бытия) в общих и основных чертах с тем, чтобы возможно более отчетливо, ясно, критически приспособить *к ней* свое общественное сознание...»[1] В. И. Ленин показывает, что эта высшая задача реализована в самой передовой и последовательно научной социологии марксизма, которая имеет своей основой философский материализм и которая несовместима ни с какими формами идеализма, не допускает примиренчества и эклектицизма.

Разумеется, признание первичности общественного бытия по отношению к общественному сознанию вовсе не означает, что марксизм соглашается с исторической пассивностью, с социальным фатализмом. Напротив, именно марксизм в отличие от других философских систем развивает проблемы деятельности, активности, роли субъективного фактора в истории, но разрабатывает эти вопросы на базе признания реально существующей первичной роли материальных основ развития общества, а не на вымышленной идеалистической основе, как это делают махисты и современные буржуазные философы.

Вторая важная проблема социологии, анализу которой В. И. Ленин уделял внимание в этой главе книги,— это проблема **специфики социального подхода** к анализу общественных отношений. Дело в том, что махисты пытались подменить его «биологическим», «энергетическим» и другими подходами, которые в действительности не приводят к цели. По мнению Богданова, например, «общественные формы» принадлежат «к обширному роду биологических приспособлений», основу же развития общества составляет «борьба за существование», с которой он отождествлял классовую борьбу, социальные революции и т. п.

Махисты А. Богданов и С. Суворов пытались рассматривать общественные явления через призму учения «энергетизма». Они механически перенесли на общество закон сохранения энергии, сконструировали якобы универсальный закон «экономии сил» и, манипулируя им, отрицали классовую борьбу как «противообщественное» явление, проповедовали оппортунистическую теорию «равновесия» между эксплуататорами и эксплуатируемыми.

Согласно марксистско-ленинскому учению общественные явления подчиняются социологическим, а не биологическим или энергетическим законам. Социальная форма движения хотя и включает их в себя, тем не менее не может быть «без остатка» разложена на свои компоненты. Она обладает качественной спецификой. Поэтому познание законов истории осуществляется не с позиций биологии, механики и других естественных наук, а на

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 345.

основе особых методов и принципов исторического материализма. «Нет ничего легче,— подчеркивал В. И. Ленин,— как наклеить «энергетический» или «биолого-социологический» ярлык на явления вроде кризисов, революций, борьбы классов и т. п., но нет и ничего бесплоднее, схоластичнее, мертвее, чем это занятие» [1].

Критика В. И. Лениным концепций «социального биологизма» и «социального энергетизма» имеет большое значение для разоблачения современной буржуазной социологии, где широкое распространение получили взгляды представителей «технологического» и «психологического» направлений. Они усматривают источники развития истории не в таких специфически социальных факторах, как производственные отношения, а в технике производства, взятой отдельно от людей, или же в психологии людей. Однако, как известно, техника сама по себе не формирует общественных отношений. Решающей основой социального и духовного склада общества выступают экономические отношения, которые определяются уровнем и потребностями развития производительных сил. Социологический анализ общественного развития предполагает комплексный подход ко всей системе общественных отношений, с выделением среди них социально-экономических отношений как ведущих, определяющих. Этого как раз и нет у представителей буржуазных социологических школ. Они приклеивают к общественным явлениям «технологические», «психологические» и тому подобные ярлыки, чтобы любой ценой выполнить классовый заказ своих хозяев.

Разоблачение философских прислужников капитализма составляет основную задачу книги В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Поэтому через всю книгу последовательно проводится **принцип пролетарской партийности**, разработка которого является крупнейшим вкладом В. И. Ленина в марксистскую философию и социологию.

Ленинский принцип партийности философии, как и идеологии в целом, имеет ряд аспектов. Основными из них являются: социально-политический, научно-теоретический, гносеологический и критический.

Социально-политический аспект выражается в открытом провозглашении марксистской философии в качестве мировоззрения рабочего класса, духовного оружия его борьбы против капитализма, орудием строительства и защиты социализма и коммунизма. Она является мировоззрением и методологией марксистско-ленинских партий, философской основой их стратегии и тактики.

Научно-теоретический аспект принципа партийности воплощен в последовательной научности марксистской философии. Глубокая научность и пролетарская революционность в марксизме-ленинизме совпадают, ибо рабочему классу в интересах

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 348.

выполнения его исторической миссии необходимо объективно верное отражение действительности.

Гносеологический аспект принципа партийности проявляется в однозначном, четком ответе на основной вопрос философии в смысле признания первичности материи и вторичности сознания. «Гениальность Маркса и Энгельса,— указывает В. И. Ленин,— состоит как раз в том, что в течение очень долгого периода, *почти полустолетия*, они развивали материализм, двигали вперед одно основное направление в философии, не топтались на повторении решенных уже гносеологических вопросов, а проводили последовательно,— показывали, *как* надо проводить *тот же* материализм в области общественных наук, беспощадно отметая, как сор, вздор, напыщенную претенциозную галиматью, бесчисленные попытки «открыть» «новую» линию в философии, изобрести «новое» направление и т. д.»[1]. Это обеспечивает марксистской философии теоретико-познавательную монолитность, соответствующую классовым интересам пролетариата.

Критический аспект принципа партийности философии проявляется в бескомпромиссной борьбе против буржуазной идеологии, правого и «левого» оппортунизма. В. И. Ленин был страстным, непримиримым врагом идеализма, поповщины, всех форм реакции.

Ленинский принцип партийности является основополагающим не только в философии, но и во всей советской науке и практической деятельности партийных, советских, хозяйственных, военных кадров. Партийность офицера социалистической армии проявляется в его марксистско-ленинской убежденности, беспредельной преданности делу Коммунистической партии и социалистической Родине, идеалам социалистического интернационализма, в высоко развитых профессиональных качествах.

Исходя из принципа партийности, В. И. Ленин сформулировал основные требования к критике буржуазной философии и провел их последовательно во всей книге. Эти принципы имеют основополагающее значение и в современной идеологической борьбе. Своеобразие этих принципов состоит в следующем.

Первое ленинское требование (мировоззренческий аспект) к критике буржуазной философии проявляется в четком противопоставлении теоретических основ критикуемой школы с основными положениями диалектического материализма, обнаружении коренной противоположности этих философий, отсечении попыток соединения полярно разнородных идеологий. Как известно, в последнее время такие попытки проявлялись в различных вариантах теорий «конвергенции», «наведения идеологических мостов» и т. д.

Второе требование (исторический аспект) — определить истинное место критикуемой школы среди остальных буржуазных, реформистских и ревизионистских философских школ, найти ее

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 356—357.

место в системе идеологической реакции в целом. Фактически все школы современной буржуазной философии по существу представляют собой разновидности «классических» форм объективного или субъективного идеализма. Это ленинское требование учит отбрасывать мнимое новаторство современных буржуазных школ и разоблачать их по коренным вопросам, которые яснее всего раскрывают их истинную природу. Тем более что современные буржуазные, реформистские и ревизионистские школы сами нередко поступаются своими различиями ради объединения в борьбе с марксизмом-ленинизмом.

Третье требование (естественнонаучный аспект) — учитывать отношение критикуемых философских школ к современной науке. Научные революции всегда сопровождаются преодолением определенных трудностей, особенно в теоретико-познавательной сфере. На этих трудностях чаще всего и паразитирует идеализм, используя малейшие шатания философской мысли естествоиспытателей. Современный «физический», «приборный», «математический», «кибернетический» идеализм вырос на живом древе научно-технической революции. Он питает основные школы буржуазной философии, а потому нельзя вести борьбу с идеализмом, не исследуя сложнейших процессов научно-технической революции, не обобщая ее данных. Эта задача решается только на основе взаимопроникновения деятельности естествоиспытателей и философов.

Четвертое ленинское требование (классово-социологический подход) к критике буржуазной философии — четко определять ее классовые позиции и учитывать ее конкретный социальный адрес. Все современные буржуазные философские школы роднит между собой идеология антикоммунизма. Все они стремятся влиять на широкие массы внутри своих стран и за их пределами. Вместе с тем всем им свойственна конкретная социальная направленность: одних — на научную интеллигенцию, других — на молодежь и художественную интеллигенцию, третьих — на верующих. Поэтому наряду с такими общими требованиями к критике, как партийно-классовый подход, ее глубина, научность, аргументированность и т. п., необходимо конкретное изучение той или иной философской школы, учитывающее ее направленность, условия ее деятельности и степень влияния в массах.

Книга В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» является гениальным произведением творческого марксизма, оказавшим определяющее влияние на все дальнейшее развитие философской мысли, на весь ход последующей идеологической борьбы. Сформулированные в ней теоретические положения служат и для офицеров социалистической армии надежными мировоззренческими и методологическими ориентирами в их повседневной деятельности.

ГЛАВА IV

«ФИЛОСОФСКИЕ ТЕТРАДИ» В. И. ЛЕНИНА И СОВРЕМЕННОСТЬ

К фундаментальным философским трудам В. И. Ленина наряду с книгой «Материализм и эмпириокритицизм» относятся также «Философские тетради». Не являясь законченным произведением, «Философские тетради» представляют тем не менее труд, помогающий глубже проникнуть в творческую лабораторию революционера в науке и выявить с полной определенностью направленность его научных интересов накануне и в начале первой мировой войны, когда Россия стояла перед социалистической революцией. Многоголосая и противоречивая диалектика реальной жизни требовала философского осмысления и создания диалектически отточенного теоретического оружия пролетариата. Эта историческая потребность и была реализована в «Философских тетрадях», в которых разработка проблем материалистической диалектики занимает центральное место. Ценность «Философских тетрадей» — в их удивительной созвучности современным проблемам общественной жизни, развития производства, науки и культуры. Именно поэтому владение теоретическим богатством ленинских «Философских тетрадей» является обязательным для современного советского военного специалиста, ибо вне связи с ними невозможно во всей полноте понять и оценить мировоззренческий и методологический потенциалы марксистско-ленинской философии.

1. ВОПРОСЫ БОРЬБЫ МАТЕРИАЛИЗМА И ИДЕАЛИЗМА В «ФИЛОСОФСКИХ ТЕТРАДЯХ» В. И. ЛЕНИНА

«Философские тетради» составлены из конспектов, которые В. И. Ленин вел при изучении трудов различных философов на протяжении ряда лет. Их *первую часть* составляют конспект работы К. Маркса и Ф. Энгельса «Святое семейство», относящийся к 1895 г., конспекты книг Л. Фейербаха «Лекции о сущности религии» (1909 г.), «Изложение, анализ и критика философии Лейбница» (1914 г.), книги Лассаля «Философия Гераклита

Темного из Эфеса» (1915 г.), произведения Аристотеля «Метафизика» (1915 г.). Центральное место в «Философских тетрадях» занимают конспекты книг Гегеля: «Наука логики», «Лекции по истории философии», «Лекции по философии истории» (1914—1915 гг.). Большое смысловое содержание имеет фрагмент «К вопросу о диалектике», написанный В. И. Лениным в 1915 г. В нем как бы подведены итоги ленинской работы над проблемами, стоящими в центре «Философских тетрадей». *Вторую часть* «Философских тетрадей» составляют различные заметки о книгах, статьях и рецензиях на философскую литературу (1903—1916 гг.). *Третья часть* — отрывки из книг с замечаниями и пометками В. И. Ленина (1908—1911 гг.).

Основные работы, включенные в «Философские тетради», относятся к бурному предреволюционному периоду, когда обнажились все противоречия империализма, готовилась и шла первая мировая война, нарастал революционный кризис. Динамизм общественной жизни обострил борьбу идей, затронув их глубинные философские основы. Чтобы разоблачить соглашательскую природу оппортунизма лидеров II Интернационала, их эклектику и софистику, разработать и обосновать марксистскую теорию империализма, учение о войне и армии, теорию социалистической революции, государства, стратегии и тактики партии, необходимо было применить весь арсенал марксистского философского знания. Это и обусловило направленность и содержание «Философских тетрадей».

Условно в этом ленинском труде можно выделить три группы проблем. Во-первых, анализ истории философии как процесса борьбы материализма с идеализмом; во-вторых, марксистский анализ и дальнейшее развитие проблем материалистической диалектики; в-третьих, дальнейшее исследование теории познания и обоснование идеи о единстве диалектики, логики и теории познания. Рассмотрим сначала первую группу этих проблем (историко-философскую).

В «Философских тетрадях» показано, что борьба материализма с идеализмом в философии является отражением классовой борьбы, происходящей в обществе. В свою очередь сложный характер этой борьбы обусловливает противоречивость развития философской мысли человечества. Раскрывая эту сложность, В. И. Ленин подверг решительной критике вульгарную концепцию социал-демократа В. Шулятикова, выраженную в его книге «Оправдание капитализма в западноевропейской философии. От Декарта до Э. Маха», где автор «выводил» философию непосредственно из технической базы общества и утверждал, что «все без остатка» философские термины, которыми оперирует философия, якобы «служат |ей| для обозначения общественных классов, групп, ячеек и их взаимоотношений»[1]. Так, понятие материи он отождествлял с пролетариатом, материализм — с мануфактурным

---

[1] Цит. по: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 459.

производством и т. д., а переход от одной философской системы к другой он объяснял «передвижениями в организаторских верхах и организуемых низах».

Критикуя эти примитивные взгляды на историю философии, В. И. Ленин пишет: «Вся книга — пример безмерного опошления материализма. Вместо конкретного анализа периодов, формаций, идеологий *голая фраза* об «организаторах» и до смешного натянутые, до нелепости неверные сопоставления» [1].

В противовес идеализму и вульгарному материализму В. И. Ленин показал, что основные закономерности развития философской мысли человечества отражают глубокие социально-экономические, политические и духовные процессы общественной жизни. Философия как мировоззренческое ядро культуры развивается под воздействием всего комплекса факторов. Определяющим среди них является экономический базис, который порождает определенные классовые интересы. Последние осознаются в форме идей, в том числе и философских. В. И. Ленин подчеркивает важное в этом отношении место в работе Маркса и Энгельса «Святое семейство»: *«Идея»* неизменно посрамляла себя, как только она отделялась от *«интереса»*[2].

В «Философских тетрадях» ярко показан партийно-классовый характер философских идей. Причем эти идеи не перестают быть оружием класса и в том случае, когда реакционные классы пытаются выдавать их за общечеловеческие. Эти указания важны и сейчас: ведь подобный маневр используется и современной буржуазной идеологией, которая пытается облечь свои антинародные концепции в тогу «общенародности», «надклассовости».

Буржуазные идеологи пытаются завуалировать истоки идеализма, классово-политическое содержание борьбы двух лагерей в философии. В. И. Ленин в «Философских тетрадях» глубоко обнажил корни идеализма, соединив воедино философский и социально-политический подходы к оценке этого явления. Конечно, отмечал В. И. Ленин, идеализм не беспочвен, его возможности кроются в сложности и противоречивости познания человеком окружающего мира. Идеализм — это «пустоцвет, растущий на живом дереве, живого, плодотворного, истинного, могучего, всесильного, объективного, абсолютного, человеческого познания» [3]. Гносеологические корни идеализма — в прямолинейности и односторонности, деревянности и окостенелости, субъективизме и субъективной слепоте, которые могут допускаться в процессе бесконечного и многостороннего познания мира. По выражению В. И. Ленина, идеализм *«закрепляет* классовый интерес господствующих классов» эксплуататорского общества [4].

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 474.
[2] Там же, с. 18.
[3] Там же, с. 322.
[4] Там же.

Социальную функцию идеализма В. И. Ленин вслед за Марксом видит в том, чтобы «превращать *реальные, объективные, вне меня* существующие цепи в *исключительно идеальные*, исключительно *субъективные*, исключительно *во мне* существующие цепи и поэтому все *внешние*, чувственные битвы превращать в битвы чистых идей»[1]. Идеализм уводит трудящиеся массы от борьбы за преобразование порабощающих их экономических отношений в мир иллюзий, абстракций, «нравственного самоусовершенствования»; он смыкается с религией и другими формами мракобесия, играет реакционную роль в истории. Именно поэтому прогрессивные классы постоянно вели и ведут борьбу с идеалистическим мировоззрением.

Показывая историю философии как историю борьбы материализма с идеализмом под влиянием классовой борьбы вообще, В. И. Ленин в то же время указывает на относительную самостоятельность развития философской мысли. Преемственность во взглядах философов разных эпох, все большее укрепление позиций материализма и диалектики — это свидетельство относительной самостоятельности в развитии философии.

Глубокий смысл имеет положение В. И. Ленина об этапах в истории философии, в которых воплощается история борьбы материализма и идеализма, развития диалектики и гносеологии. В. И. Ленин пишет: «Круги» в философии: [обязательна ли хронология насчет *лиц*? Нет!] Античная: от Демокрита до Платона и диалектики Гераклита. Возрождение: Декарт versus Gassendi (Spinosa?). Новая: Гольбах — Гегель (через Беркли, Юм, Кант). Гегель — Фейербах — Marx»[2]. В этой периодизации четко просматривается деление истории философии на этапы, соответствующие как этапам развития общества в целом, так и собственным, относительно самостоятельным закономерностям развития философии. Анализируя каждый из этих этапов, В. И. Ленин показывает блестящий образец критического отношения к философскому наследию прошлого. Характеризуя, в частности, философские взгляды древнегреческих философов, В. И. Ленин прослеживает развитие материалистического и идеалистического направлений, которые в работе «Материализм и эмпириокритицизм» он назвал «линией Демокрита» и «линией Платона».

По убеждению В. И. Ленина, хотя материализм античных сторонников «линии Демокрита» был наивным и они полагали, что в основе мира лежит некая единообразная «субстанция» — вода, огонь, воздух, атомы и т. д., все же их воззрения были значительным шагом вперед в духовном развитии человечества в сравнении с философско-мифологическими взглядами. В. И. Ленин высоко оценил известное высказывание Гераклита: «Мир, единый из всего, не создан никем из богов и никем из людей, а был, есть и будет вечно живым огнем, закономерно воспламе-

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 19.
[2] Там же, с. 321.

няющимся и закономерно угасающим...» По поводу этого афоризма В. И. Ленин заметил: «Очень хорошее изложение начал диалектического материализма»[1].

Все ленинские конспекты историко-философских работ пронизывает решительное стремление защитить материализм от идеализма, разоблачить апологетов идеалистического мировоззрения. На примере работы Гегеля «Лекции по истории философии» Ленин показывает тенденциозность идеалиста в отношении к материализму. «Мистик-идеалист-спиритуалист Гегель (как и вся казенная, поповски-идеалистическая философия нашего времени) превозносит и жует мистику — идеализм в истории философии, игнорируя и небрежно третируя материализм. Ср. Гегель о Демокрите — nil!! О Платоне тьма размазни мистической»[2]. Аналогичную тенденцию вскрывает В. И. Ленин и в гегелевской оценке философии Аристотеля. Гегель скрадывает материалистические черты философии древнегреческого мыслителя и абсолютизирует его идеалистические взгляды. По утверждению Ленина, средневековая схоластика и поповщина взяли у Аристотеля только мертвое, идеалистическое, а не живое: поиски, колебания, диалектическую постановку вопросов.

В «Философских тетрадях» дается оценка и последующих этапов в развитии домарксовой философии. Так, конспектируя книгу Маркса и Энгельса «Святое семейство», В. И. Ленин подробно выписывает те места, где излагается точка зрения основоположников марксизма на философские взгляды Бэкона, Гоббса, Декарта, Спинозы, Локка, французских материалистов XVIII в.

Особенно широко в этой работе В. И. Ленина представлен анализ философских взглядов Гегеля и Фейербаха. В. И. Ленин не случайно обратился к философии непосредственных предшественников марксизма. Ведь еще Ф. Энгельс подчеркивал: «Без предшествующей ему немецкой философии, в особенности философии Гегеля, никогда не создался бы немецкий научный социализм, — единственный научный социализм, который когда-либо существовал»[3]. Поэтому В. И. Ленин исследует их учения, чтобы уяснить непосредственный генезис взглядов Маркса и Энгельса.

Гегель характеризуется как идеалист, абсолютизировавший идею, общее понятие. Этот объективный идеализм смыкался с религией, являлся ее теоретическим обоснованием. Во всех своих тетрадях по философии В. И. Ленин критикует идеалистическую систему Гегеля, показывает ее противоречие с наукой и жизнью, раскрывает реакционный характер. Вместе с тем В. И. Ленин дает высокую оценку диалектике Гегеля. Так, делая выводы из «Науки логики» Гегеля, В. И. Ленин пишет: «Итог и резюме,

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 311.
[2] Там же, с. 254.
[3] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 498.

последнее слово и суть логики Гегеля есть *диалектический метод* — это крайне замечательно» [1].

Столь же серьезное внимание В. И. Ленин уделяет и философии Л. Фейербаха. Конспектируя его книгу «Лекции о сущности религии», В. И. Ленин видит величайшую ценность его философии в том, что во взглядах на природу он твердо стоял на материалистических позициях, критиковал идеализм. В. И. Ленин с сочувствием выписывает в тетрадь мысль Фейербаха: «Так называемые спекулятивные философы (идеалисты. — *Ред.*) суть... *те* философы, которые сообразуют не свои понятия с вещами, а, наоборот, вещи со своими понятиями» [2]. Столь же высоко В. И. Ленин оценивает и фейербахову критику агностицизма, его мысли о роли чувственной ступени познания. В. И. Ленин, перефразируя высказывание Л. Фейербаха, в связи с этим замечает: «Если бы человек имел больше чувств, открыл ли бы он больше вещей в мире? Нет» [3]. Дело в том, что природа, породив человека, наделила его, по мысли Фейербаха, столькими чувствами, сколько необходимо для ее познания.

Вместе с тем, будучи материалистом в понимании природы, Фейербах стоял на идеалистических позициях во взглядах на историю общества. Фейербаху не удалось решить проблему соотношения «природного и сверхприродного», раскрыть сущность законов общественного развития. Так, причины существования религии он видел не в социально-экономических основах существования эксплуататорского общества, а в сочетании «сознательного с бессознательным», то есть подходил к проблеме идеалистически. «Фейербах ярок, но не глубок» [4], — замечает В. И. Ленин по поводу его взглядов на эти проблемы. В конце конспекта по поводу основных социологических принципов Фейербаха он говорит: «И антропологический принцип и натурализм суть лишь неточные, слабые описания *материализма*» [5].

В ходе исследования процесса становления марксистской философии внимание В. И. Ленина привлекла одна из первых работ Маркса и Энгельса, в которой формулируются основы нового мировоззрения,— труд «Святое семейство». Давая оценку этому труду, В. И. Ленин пишет: «Маркс подходит здесь от гегелевой философии к социализму: переход наблюдается явственно — видно, чем уже овладел Маркс и как он переходит к новому кругу идей» [6]. В. И. Ленин подробно выписывает те места в работе, где речь идет об экономических основах общественно-исторического процесса, о роли народных масс в истории, о революционно-преобразующей миссии рабочего класса, то есть основополагающие идеи материалистического понимания истории.

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 215.
[2] Цит. по: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 45.
[3] Там же, с. 51—52.
[4] Там же, с. 47.
[5] Там же, с. 64.
[6] Там же, с. 8.

Ленинское исследование процесса развития философской мысли как истории борьбы материализма с идеализмом имеет непреходящую ценность. В. И. Ленин на богатейшем фактическом материале — от трудов древнегреческих мыслителей до ранних произведений Маркса и Энгельса — показывает непреложность этой борьбы, непримиримость двух линий философии, глубоко партийный характер самой этой борьбы. Овладение всем богатством ленинской мысли, методологией практического применения материалистических концепций к реальным проблемам теории и практики, принципами партийной критики идеализма — необходимое условие мировоззренческого и методологического становления офицера-руководителя социалистической армии.

2. ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ В. И. ЛЕНИНЫМ ПРОБЛЕМ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТИКИ

По глубокому убеждению В. И. Ленина, «продолжение дела Гегеля и Маркса должно состоять в *диалектической* обработке истории человеческой мысли, науки и техники»[1]. Изучение ленинских конспектов, фрагментов и заметок 1914—1915 гг. позволяет предположить, что В. И. Ленин собирался написать специальный труд по диалектике. Поэтому «Философские тетради» являются для современных философов-марксистов «стартовой площадкой» как в разработке самой теории диалектики, так и в ее применении к анализу противоречий современной эпохи, диалектики строительства социализма и коммунизма, проблем войны и мира.

В. И. Ленин в «Философских тетрадях» решил ряд задач материалистической диалектики. Во-первых, он исследовал историю развития диалектики в ее борьбе с метафизикой с древнейших времен. Во-вторых, дал критический анализ гегелевской идеалистической диалектики, углубил понимание ее «рационального зерна». В-третьих, он в новых исторических условиях развил дальше марксистскую диалектику. Практика развития общественных отношений в эпоху империализма и новейшие достижения науки определили направление ленинского анализа проблем диалектики и содержание вклада, внесенного «Философскими тетрадями» в марксистское учение о диалектике.

В рассматриваемом труде В. И. Ленин проводит многоплановое исследование материалистической диалектики: он определяет ее предмет, содержание и сущность; вскрывает диаметральное различие между диалектикой и метафизикой; указывает на коренную противоположность диалектики Маркса и диалектики Гегеля; всесторонне анализирует основные принципы, законы и категории материалистической диалектики.

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 131.

В соответствии с указаниями основоположников марксизма В. И. Ленин определяет материалистическую диалектику как учение о наиболее общих законах развития мира, то есть законах, определяющих самые общие, существенные связи и отношения в объективной действительности и отражение этих связей в сознании людей[1]. При этом В. И. Ленин обращает особое внимание на **всеобщность** законов диалектики. Он критикует сведение диалектики к «сумме примеров»[2]. Это положение имеет важное методологическое значение, поскольку ориентирует не на «случайное» или «разовое» применение разрозненных законов и категорий диалектики к отдельным явлениям, а требует комплексного и повсеместного их использования. Только при этом условии можно создать адекватный мысленный аналог действительности.

В. И. Ленин однозначно противопоставляет материалистическую диалектику **метафизике**. Еще со времен Гегеля слово «метафизика» всеми понимается как «антидиалектика», отрицающая самодвижение материи, борьбу противоположностей, трактующая развитие в виде «плоской» эволюции и не признающая универсальной всеобщей взаимосвязи вещей и процессов материального мира. Вместе с тем метафизика сама эволюционирует. В XX в. с принципом развития, подчеркивал В. И. Ленин, согласны все. Однако не все правильно, научно решают вопрос о содержании, источнике и направленности развития. В. И. Ленин вычленяет и противопоставляет две концепции развития. Метафизическая концепция рассматривает развитие как простое увеличение или уменьшение, повторение на новых ступенях содержания прошлого. Она отрицает роль внутренних противоречий как источника самодвижения. Диалектическая концепция в противоположность метафизике смотрит на развитие как на процесс борьбы и единства противоположностей, диалектических взаимопереходов количества и качества. «При первой концепции движения остается в тени *само*движение, его *двигательная* сила, его источник, его мотив (или сей источник переносится *во вне* — бог, субъект etc.). При второй концепции главное внимание устремляется именно на познание *источника «само»*движения.

Первая концепция мертва, бледна, суха. Вторая — жизненна. *Только* вторая дает ключ к «самодвижению» всего сущего; только она дает ключ к «скачкам», к «перерыву постепенности», к «превращению в противоположность», к уничтожению старого и возникновению нового»[3].

Эти ленинские указания чрезвычайно актуальны. Дело в том, что метафизическая концепция развития является господствующей и в современной буржуазной философии. Нынешние буржуазные философы не отрицают развития, но в это понятие они вкладывают чрезвычайно бедное содержание, ограничиваясь рас-

[1] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 156.
[2] См. там же, с. 316.
[3] Там же, с. 317.

смотрением преимущественно одной только эволюции, происходящей под воздействием внешних сил. Такие концепции позволяют им «обосновать» незыблемость устоев капитализма, показать «неограниченные перспективы» его развития, уверить читателей, что капитализм постепенно, без борьбы противоположностей, без устранения частной собственности на средства производства сможет бесконечно эволюционировать в «индустриальное», «постиндустриальное» или «технотронное» общество. Например, по мнению американского профессора А. Шлесингера, революции «отжили свое время». Буржуазия, превратив свое государство в военно-политическую машину, действительно пытается отдельными реформами сбить накал революционного движения. Тем не менее, какие бы «прививки» изжившему себя строю она ни делала, ей не удается отменить законов общественного развития, законов диалектики.

Центральное место в проблематике «Философских тетрадей» занимает ленинский анализ **диалектической взаимосвязи и коренной противоположности** материалистической диалектики Маркса и идеалистической диалектики Гегеля.

Конспектируя труды Гегеля «Наука логики», «Лекции по истории философии» и «Лекции по философии истории», В. И. Ленин, с одной стороны, раскрывает позитивное содержание гегелевской диалектики, стремится найти *«зерно* глубокой истины в мистической шелухе гегельянщины» [1], показать ее роль как одного из источников марксизма, как «капун» превращения объективного идеализма в материализм» [2], с другой — показать ненаучность и историческую ограниченность диалектики Гегеля, обосновать истинность и всесилие диалектики Маркса.

В. И. Ленин, критикуя Гегеля за его «дань мистицизму», четко проводит мысль о противоположности материалистической и идеалистической диалектики. Столь же решительно В. И. Ленин высказывается против содержащейся в диалектике Гегеля «измены развитию», которая заключена в идее примирения противоречий.

Ленинский анализ сложного и противоречивого характера философии Гегеля имеет актуальное значение для современности. Гегель до сих пор продолжает оказывать глубокое влияние на философию нашего века. Десять гегелевских конгрессов, проведенных в 50—70-х годах, убедительно свидетельствуют об острой мировоззренческой борьбе вокруг его философии. Однако каждая современная философия интерпретирует Гегеля со своих классовых позиций. Марксистско-ленинская философия выступает как преемница идей диалектического развития, буржуазная на первый план выдвигает гегелевский идеализм. Например, по мнению французского философа Брюэра, главное в философии Гегеля — метафизическая вечность «абсолютного духа», вне которой невозможно понять историю. История общества, по мысли

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 139.
[2] Там же, с. 151.

буржуазных идеологов, — это не реальный процесс смены общественно-экономических формаций, а развертывание «вечных идей», определяющих природу всех исторических явлений, событий, фактов, в том числе и войны.

Для марксистов совершенно ясно и бесспорно то, что научный анализ войны, развития способов и форм ее ведения, совершенствования военной техники несовместим с мистикой и может базироваться лишь на материалистическом понимании диалектики.

Большое внимание в «Философских тетрадях» уделено законам диалектики. Исследовав само понятие «закон», В. И. Ленин анализирует основные законы диалектики, раскрывает сущность и роль каждого из них. С этой точки зрения имеет огромное значение разработка Лениным положения о том, что закон единства и борьбы противоположностей является сутью, ядром диалектики.

Сущность этого положения заключается в следующем. Противоречия возникают в вещах и явлениях не случайно и, конечно, не есть противоречия какой-либо доктрины или рассуждений. Раз явления и вещи находятся в состоянии развития, движения, то в них неизбежно возникают такие стороны, тенденции, силы, которые вызывают внутренние несоответствия между возникающим и существующим, новым и старым и т. п. Закон единства и борьбы противоположностей предопределяет действие всех других законов диалектики, дает ключ к пониманию содержания всех категорий диалектического и исторического материализма, а также категорий частных наук. Основываясь на идеях Маркса и Энгельса, В. И. Ленин уточняет формулировку этого закона, отразив в ней и единство (взаимопроникновение), и борьбу противоположностей. Он указывает на относительный характер единства и абсолютный характер борьбы противоположностей. Такая постановка вопроса не только глубоко отражает реальную сущность закона. Она также обобщает новые достижения науки и богатейший опыт революционного движения. Более того, в современный период она прямо выдвигается логикой борьбы против оппортунизма, который проповедует теорию «классового мира», «сотрудничества» буржуазии и пролетариата, мирного «врастания» капитализма в социализм и отрицает непримиримую борьбу классово враждебных социальных сил.

В. И. Ленин показал, что «не только единство противоположностей, но *переходы* каждого определения, качества, черты, стороны, свойства в *каждое* другое [в свою противоположность?]»[1] является важнейшим свойством всех вещей и процессов материального мира и его отражения в мышлении, которое в полной мере присуще военной теории и практике.

Не меньшее внимание в ленинском труде уделено двум другим законам материалистической диалектики — закону перехода количественных изменений в качественные и закону отрицания

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 203.

отрицания. Проведенный в «Философских тетрадях» анализ диалектического скачка, перерыва постепенности, диалектического «снятия» в развитии выражает методологию ленинского подхода ко всем революционным процессам. Так, в одной из работ В. И. Ленин писал: «Капитализм сам создает своего могильщика, сам творит элементы нового строя, и в то же время, без «скачка», эти отдельные элементы ничего не изменяют в общем положении вещей, не затрагивают господства капитала»[1].

Самому подробному анализу подверг В. И. Ленин категории материалистической диалектики — общее и единичное, форма и содержание, явление и сущность и другие. Например, в фрагменте «К вопросу о диалектике» В. И. Ленин блестяще раскрывает диалектику общего и единичного: общее существует лишь в отдельном и через отдельное, а отдельное не существует иначе как в той связи, которая ведет к общему. «Всякое отдельное, — пишет В. И. Ленин, — есть (так или иначе) общее. Всякое общее есть (частичка или сторона или сущность) отдельного. Всякое общее лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы. Всякое отдельное неполно входит в общее и т. д. и т. д. Всякое отдельное тысячами переходов связано с другого рода отдельными (вещами, явлениями, процессами) и т. д. *Уже здесь* есть элементы, зачатки понятия *необходимости,* объективной связи природы etc.»[2].

Ленинский анализ диалектики общего и отдельного (его сторон) имеет огромное методологическое значение для военной теории и практики. Каждая война имеет множество индивидуальных оттенков, только ей присущих черт, сторон, признаков. Одна из задач военной теории состоит в том, чтобы понять и учесть эти особенности. Но это можно сделать лишь руководствуясь общетеоретическими установками марксизма-ленинизма о сущности всякой войны как продолжении классовой политики насильственными средствами, об общих законах, определяющих ход и исход всех войн вообще. Диалектика общего и отдельного служит ключом к нахождению «главного звена» в деятельности военных кадров, выдвигающего на первый план принцип классового подхода к делу, первоочередного учета государственных, общенародных интересов, сочетания их с учетом специфики данной области деятельности, конкретных условий места, времени и т. п.

Для В. И. Ленина диалектика — не «сумма примеров», а **система.** Идея системности выявляется уже в рассуждениях о «ядре» диалектики: раз есть ядро, то есть и «оболочка», его окружающая. Но особенно ярко мысль о внутреннем единстве диалектики выявляется в фрагменте об «элементах диалектики»[3]. Шестнадцать элементов, которые вычленяет В. И. Ленин,

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 65—66.
[2] Там же, т. 29, с. 318.
[3] См. там же, с. 202—203.

не только включают в себя все принципы, законы и категории материалистической диалектики, но и указывают на их взаимосвязь, взаимообусловленность, взаимопереходы друг в друга. В. И. Ленин начинает построение системы с указания на самые общие свойства всех предметов и явлений — объективности существования (и соответственно рассмотрения), всеобщей связи и развития. Далее раскрывается роль противоречий как источника развития, бесконечность этого процесса, повторение в высшей стадии развития определенных сторон, черт старого, переход количества в качество и т. д. В других местах работы В. И. Ленин раскрывает и иные стороны диалектики, но фрагмент о ее шестнадцати «элементах» аккумулирует самые существенные ее черты и связи процесса развития мира и его познания.

В. И. Ленин большое значение придавал вопросам единства и противоположности диалектики объективного мира (объективной диалектики) и диалектики его познания (субъективной диалектики). Наиболее полно диалектика воплощается в ленинском тезисе о тождестве, совпадении диалектики, логики и теории познания.

3. В. И. ЛЕНИН О ДИАЛЕКТИКЕ КАК ЛОГИКЕ И ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ

В домарксовской философии теория существования и развития объективного мира (онтология), учение о его познании (гносеология) и учение о формах мышления (логика) рассматривались как отдельные, обособленные ветви философского знания. Гегель пытался создать единую философскую систему, но, не сумев раскрыть истинного соотношения объективной и субъективной диалектики, не довел дело до конца.

Как известно, **объективной** называют диалектику развития внешнего мира — природы и общества, а **субъективной** — диалектику мышления и чувствования человека. Введя понятие «абсолютной идеи» и приписав ей роль перворворца и перводвигателя мира и его развития, Гегель мистифицировал истинное соотношение объективной и субъективной диалектики. Маркс и Энгельс первыми верно решили вопрос об их связи, указав, что субъективная диалектика — это **отражение** в голове человека процессов развития внешнего мира, мысленный аналог объективной диалектики. При этом в соответствии с указаниями основоположников марксизма построить правильную модель внешнего мира человек может лишь тогда, когда логика его мышления, весь процесс познания будут диалектическими. Иными словами, если диалектика будет выступать в роли логики и теории познания.

Маркс в противоположность Гегелю не писал специальных сочинений по логике. Тем не менее его труды, особенно «Капитал», являются классическим образцом единства диалектики, логики и теории познания. «Если Marx не оставил *«Логики»*

(с большой буквы), то он оставил *логику* «Капитала»... В «Капитале» применена к одной науке логика, диалектика и теория познания [не надо 3-х слов: это одно и то же] материализма, взявшего все ценное у Гегеля и двинувшего сие ценное вперед» [1], — отмечал В. И. Ленин. Именно благодаря этому Марксу удалось дать глубочайший анализ экономических отношений капитализма, доказать неизбежность наступления коммунистической формации. Напротив, когда допускается разрыв трех сторон единой методологии, возникают ошибки в теории и практике. В частности, такую ошибку допустил Г. В. Плеханов, не сумевший применить диалектику к анализу эпохи империализма. По этому поводу В. И. Ленин писал: «Диалектика *и есть* теория познания (Гегеля и) марксизма: вот на какую «сторону» дела (это не «сторона» дела, а *суть* дела) не обратил внимания Плеханов, не говоря уже о других марксистах» [2].

Сказанное, разумеется, не означает, будто диалектика, логика и теория познания тождественны во всех отношениях. Диалектика делится на объективную и субъективную, и суждение о единстве с логикой и гносеологией применимо лишь к последней. В теории познания также есть разделы и положения (основы теории отражения, учение об объективной истине, о познаваемости мира и т. д.), которые куда теснее связаны с учением о материи и сознании, нежели собственно с диалектикой. Наконец, кроме диалектической логики известны еще формальная и математическая со множеством подразделов — вероятностная, модальная и т. п. Иными словами, в статике реальный процесс мышления можно (и нужно!) вычленить и по отдельности проанализировать в нем диалектико-методологический, гносеологический и логический его аспекты. В динамике же реального мышления диалектика, логика и теория познания взаимопроникают, переплетаются, переходят друг в друга.

Это единство обусловлено тем, что «законы логики суть отражения объективного в субъективном сознании человека» [3]. Поскольку субъективная диалектика и познавательный образ также являются «отражениями объективного в субъективном сознании человека», то в этой закономерности проявляется глубокое сходство происхождения диалектики, логики и теории познания. При этом необходимо различать диалектическую и формальную логику. Формальная логика выражает свойства и отношения относительно устойчивых, не изменяющихся в момент рассуждения предметов и явлений. Предметом диалектической логики выступают понятия, отображающие меняющиеся вещи, сам процесс и закономерности движения, изменения, развития. Поскольку же покой, устойчивость — частный случай движения, то диалектическая логика выступает как наука о закономерно-

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 301.
[2] Там же, с. 321.
[3] Там же, с. 165.

стях мышления в целом. Ее основными принципами являются: объективность и всесторонность рассмотрения вещей, учет их развития, «самодвижения», конкретно-исторический подход, единство теории и практики и т. д.

Единство диалектики, логики и теории познания выражается в следующем. Во-первых, у всех общий объект познания — объективный мир и человеческое сознание; во-вторых, общий метод подхода к миру — метод материалистической диалектики; в-третьих, общие задачи — быть мировоззрением и научной методологией, методом познания и революционного преобразования мира. В то же время у каждой из них в ходе познания своя функция: у диалектики — методологическая, у теории познания — гносеологическая, у диалектической логики — логическая.

Иначе говоря, принципы, законы и категории материалистической диалектики отображают и связи объективного мира, и закономерности его познания, и процессы логического осмысления познанного, но каждый раз в своеобразной форме.

В. И. Ленин в «Философских тетрадях» развивает далее теорию познания, рассматривая ее через призму диалектики. «Познание есть отражение человеком природы, — писал В. И. Ленин. — Но это не простое, не непосредственное, не цельное отражение, а процесс ряда абстракций, формирования, образования понятий, законов etc., каковые понятия, законы etc. ... и *охватывают* условно, приблизительно универсальную закономерность вечно движущейся и развивающейся природы»[1].

По выражению В. И. Ленина, философские категории суть ступеньки выделения, т. е. познания мира[2]. Отражая наиболее существенные связи всей действительности, они выступают как опорные точки науки и социальной практики. В этом их гносеологическое и логическое значение.

Сложность и противоречивость мира определяют сложность процесса познания, наличие в нем различных этапов, как бы возвратов, кругов. «От живого созерцания к абстрактному мышлению *и от него к практике* — таков диалектический путь познания *истины*, познания объективной реальности»[3]. Этот путь складывается из этапов движения знания от явлений к сущности, от менее глубокой сущности к более глубокой и так далее без конца, причем раскрытие сущности связано с анализом противоречий, присущих вещам. Диалектика познавательного процесса состоит и в том, что он совершается от установления факта существования вещи к каузальности, то есть к установлению ее причин. Каждый такой переход составляет качественный скачок в познании. Вместе с тем выяснение причин существования данной вещи влечет установление факта существования других вещей, новых сторон самой вещи и т. д. Познание как бы воз-

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 163—164.
[2] См. там же, с. 85.
[3] Там же, с. 152—153.

вращается к исходной точке, происходит повторение в высшей стадии известных черт, свойств низшей. При этом диалектическое отрицание совершается через борьбу содержания знания с его формой и наоборот, происходит отрицание устаревшей формы, переделка содержания.

Уделяя особое внимание анализу диалектики понятий, В. И. Ленин показывает, что они выступают как отражение существенных связей и отношений реальных объектов, имеют объективное содержание.

Отражая диалектику реального мира, понятия взаимосвязаны, переходят друг в друга. Они обладают гибкостью, подвижностью.

В. И. Ленин, требовавший гибкости понятий, гибкости, доходящей до тождества противоположностей, одновременно вел борьбу против софистики, которая, по его выражению, применяет гибкость субъективно, произвольно, не считаясь с объективными законами, игнорируя качественное различие между противоположностями. Достаточно в этой связи вспомнить борьбу Ленина против центристов и социал-шовинистов в вопросе о роли национально-освободительного движения в период империализма, о возможности превращения национальной войны в империалистическую и т. д. В. И. Ленин, как известно, не отрицал возможности перехода в известных условиях национальной войны в империалистическую (как и наоборот), но на этом основании не стирал качественного различия между этими противоположностями.

В этом, на наш взгляд, глубочайший смысл известного положения Ленина о том, что гибкость понятий, примененная субъективно, равна эклектике и софистике, что только объективно применяемая гибкость правильно отражает всесторонность и единство материального мира и его развития[1]. Как известно, эклектикой называют беспринципное смешение объективно несовместимых понятий, теорий и т. п. Примером эклектики является так называемая буржуазная теория «конвергенции», пытающаяся совместить капиталистический и социалистический экономический и государственный строй, их идеологию и мораль. Софистика — преднамеренная подмена понятий, применение ложных доводов. Прием всех софистов во все времена, по выражению В. И. Ленина,— брать примеры, заведомо относящиеся к принципиально несходным случаям[2]. Диалектика понятий не имеет ничего общего ни с тем, ни с другим. Она определяется диалектикой развития отражаемых этими понятиями явлений и процессов объективного мира. В этом одно из коренных отличий материалистической диалектики, логики и гносеологии от их идеалистических интерпретаций.

---

[1] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с 99.
[2] См. там же, т. 26, с. 225.

Идея единства диалектики, логики и теории познания позволила преодолеть и пассивно-отражательный характер гносеологии домарксистских материалистов, и ограниченность и закостенелость формально логических построений метафизиков, и спекулятивный характер философии диалектиков-идеалистов. Поэтому эта ленинская идея имеет непреходящее научно-методологическое значение. В частности, она ориентирует военные кадры на то, чтобы подходить к любому вопросу социалистической военной науки, практики руководства и управления войсками всесторонне, с учетом требований и диалектики, и логики, и теории познания. Такой подход противостоит субъективизму и метафизике, которые особенно пагубны в динамично меняющихся условиях современной войны.

Роль ленинского труда в идейно-теоретической подготовке современных военных кадров кратко можно определить следующим образом.

Во-первых, он помогает им осмыслить развитие философской мысли человечества как историю борьбы материализма с идеализмом, глубже усвоить мировоззренческие основы марксизма, овладеть методологией идеологической борьбы, практического применения ленинского принципа партийности в военной теории и практике.

Во-вторых, он вооружает глубокими знаниями принципов, законов и категорий материалистической диалектики и методологией ее применения к объективным процессам развития военного дела.

В-третьих, «Философские тетради», раскрывающие диалектику как логику и теорию познания, вводят нас в лабораторию ленинской мысли и тем самым формируют диалектический стиль мышления и деятельности командиров, политработников и военных инженеров.

Труды В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» и «Философские тетради», ярко характеризующие содержание ленинского этапа в развитии марксистской философии, помогают офицерам социалистических армий глубже осмыслить самые актуальные философские проблемы современности, в том числе проблемы войны и вооруженных сил.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ — ОБЩЕФИЛОСОФСКАЯ ОСНОВА ВОЕННОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

ГЛАВА V

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФСКОГО УЧЕНИЯ О МАТЕРИИ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ВОЕННОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

На основе философского учения о материи создано материалистическое понимание истории. Материалистический детерминизм лежит в фундаменте социалистической военной науки. Современная революция в военном деле привела к дальнейшему возрастанию значения этого учения. Сейчас теоретическая и практическая деятельность многих военных специалистов повседневно связана с ядерной физикой, квантовой механикой, кибернетикой и другими науками широких теоретических обобщений, которые базируются на мировоззренческих и методологических выводах философского учения о материи. Эти выводы нельзя не учитывать, в какой бы сфере теоретической и практической деятельности ни был занят военный специалист.

1. МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЕ ФИЛОСОФСКОЕ УЧЕНИЕ О МАТЕРИИ КАК СИСТЕМЕ ЗНАНИЙ

Современное марксистско-ленинское философское учение о материи представляет обширную систему знаний. В историко-философском плане эта система включает в себя: критически осмысленный историко-философский материал о развитии представлений о материи с древнейших времен; классический фундамент этого учения, созданный К. Марксом, Ф. Энгельсом и В. И. Лениным; новые положения, разработанные философами-марксистами на основе классического наследия; теоретическое обобщение опыта борьбы против буржуазных, реформистских и ревизионистских «ниспровергателей» марксистско-ленинского учения о материи.

В структурно-содержательном отношении это учение охватывает: определение материи и его теоретическое обоснование; философский анализ видов материи и их взаимосвязи; проблему неисчерпаемости материи; учение о материальном единстве мира; анализ взаимосвязи материи и движения; исследование форм движения материи, диалектики их связи и различия; учение о пространстве и времени; проблему вечности и бесконечности материального мира; применение этого учения к новым данным науки, производства и общественной жизни, в том числе и к военной теории и практике.

Стержневой проблемой этого учения выступает определение материи.

Мыслители, стоящие на идеалистических и теологических позициях, не могли и не могут дать правильного объяснения материи, потому что они вынуждены рассматривать материю, руководствуясь такими исходными положениями своей теории, как инобытие сознания, духа, абсолютной идеи. Более того, многие идеалисты объявляют материю фикцией. «Вы можете, — говорил английский субъективный идеалист Дж. Беркли, обращаясь к сторонникам материализма, — если это нравится вам, употреблять слово «материя» в том смысле, в каком другие люди употребляют слово «ничто»...» [1]. Такое понимание материи, естественно, не могло и не может удовлетворить реалистически мыслящих людей. Соотечественник Беркли великий поэт Дж. Байрон иронизировал над такой философией:

Епископ Беркли говорил когда-то:
«Материя — пустой и праздный бред».
Его система столь замысловата,
Что спорить с ней у мудрых силы нет.
Но и поверить, право, трудновато
Духовности гранита. Я — поэт,
И рад бы убедиться, да не смею,
Что головы «реальной» не имею[2].

Однако и для материалистов поиски подхода к научному определению материи оказались нелегким делом. В русле домарксистской материалистический традиции на протяжении многих веков соперничали две точки зрения на строение материи. Одна группа философов-материалистов (например, атомисты и их последователи) исходила из того, что первоосновой всего существующего являются неделимые частицы — атомы. Сторонники другой точки зрения, не располагая экспериментальными данными, умозрительно высказывали догадку о бесконечной делимости вещества. В незрелой форме эту идею излагал уже в V в. до нашей эры древнегреческий мыслитель Эмпедокл, считавший,

---

[1] Цит. по: Антология мировой философии в 4-х т. М., 1970, т. 2, с. 523.
[2] Байрон Джордж Гордон. Паломничество Чайльд-Гарольда. Дон-Жуан. М., 1972, с. 595.

что мир состоит из четырех взаимно переходящих друг в друга стихий: огня, воздуха, воды и земли.

Существовала легенда о том, что воины, павшие в битвах минувших времен, пробуждаются к жизни, чтобы в ночной тиши продолжать незаконченный поединок. Так и идея атомизма и идея непрерывности, бесконечности деления материи воскрешались на разных исторических этапах и стимулировали борьбу между материалистами. Но господствующей, общепризнанной среди материалистов точкой зрения в домарксовской философии оказалась атомистическая идея.

Несмотря на различия взглядов на материю, почти все материалисты прошлого признавали материю как причину самой себя, как субстанцию, отмечая такие ее свойства, как объективность, независимость ее существования от сознания, неразрывность движения и материи, вечность ее существования во времени и бесконечность в пространстве, несотворимость и неуничтожимость и т. д.

Вместе с тем исторически обусловленная ограниченность большинства домарксовских материалистов состояла в том, что они постулировали мысль о внешнем первотолчке, не сумев подняться до идеи самодвижения материи, внутреннего источника ее развития. Они сводили материю, как правило, к конкретно-чувственным формам — веществу, массе, атомам, отождествляли принцип сохранения материи с принципом нерушимости атомов, сводили все формы движения к механической и т. д. Правда, отдельные материалисты преодолевали узкий горизонт метафизического, механистического материализма и высказывали диалектические идеи.

Принципиально иной подход во взглядах на материю связан с именами основоположников марксистско-ленинской философии. Ф. Энгельс в «Диалектике природы» провел четкое различие между материей как объективной реальностью (совокупность веществ, отдельных форм ее движения [1]) и материей как абстракцией, философской категорией, «материей как таковой» [2]. С первого рода материей имеет дело естествоиспытатель, оперируя ее конкретно-чувственными формами. Но если он хочет получить общее понятие материи, то он должен выделить из этих форм нечто общее, а это возможно лишь в абстракции. Ф. Энгельс высказал гениальную мысль о том, что «атомы отнюдь не являются чем-то простым, не являются вообще мельчайшими известными нам частицами вещества» [3].

В. И. Ленин, не зная о работе Ф. Энгельса «Диалектика природы» (она хранилась в архивах социал-демократической партии Германии до 1925 г.), но руководствуясь той же методологией, опираясь на достижения философов-материалистов и новейшие

---

[1] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 20, 558 и др.
[2] См. там же, с. 570.
[3] Там же, с. 585.

данные естествознания (конец XIX — начало XX в.), разработал учение о материи, поразительно созвучное мыслям Ф. Энгельса. В. И. Ленин дал единственно правильное определение материи. «Материя, — писал он в «Материализме и эмпириокритицизме», — есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них» [1].

Смысл этого определения сводится к следующему. Во-первых, оно дано в плане решения основного вопроса философии и утверждает, что объективная реальность, или материя, существует до сознания, ибо, прежде чем быть отраженной в сознании, объективная реальность уже должна существовать. Во-вторых, материя обладает многочисленными свойствами, которые невозможно перечислить в дефиниции (в работе «Материализм и эмпириокритицизм» называются в русле материалистической традиции такие из них, как вечность во времени, бесконечность в пространстве, абсолютность движения, качественная и количественная определенность отдельных форм движения материи, материальное единство мира и многообразие его форм, способность к отражению и т. д.). Однако самое фундаментальное, «*единственное* «свойство» материи, с признанием которого связан философский материализм, есть свойство *быть объективной реальностью,* существовать вне нашего сознания» [2]. В-третьих, объективная реальность познаваема. Человеческое сознание способно получать точную копию, фотографию материи через посредство ощущений — субъективного образа объективного мира. Естественнонаучные представления о материи, ее структуре постоянно изменяются, углубляются, но эти представления не отменяют, а лишь конкретизируют философское определение материи.

Следовательно, ленинское определение материи представляет собой единство онтологического (поскольку оно говорит о самостоятельном бытии объективной реальности) и гносеологического (поскольку оно указывает на отраженность этой объективной реальности в сознании) подходов к материи и направлено как против идеализма (объективного и субъективного), так и против дуализма, признающего равнозначность материи и духа.

Методологическое значение марксистско-ленинского учения о материи реализуется в следующих принципах.

Во-первых, в **принципе материалистического монизма**, направленном против идеализма. Если материя является единственной субстанцией, если она первична по отношению к сознанию, то это означает, что исследователь-теоретик и специалист-практик обязаны исходить в своей деятельности из материалис-

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 131.
[2] Там же, с. 275.

тического понимания истории и видеть конечные причины общественной жизни в общественном бытии (материальной стороне жизни общества).

Во-вторых, в **принципе объективности**, направленном против субъективизма. Если материя представляет собой объективную реальность, независимую от сознания, то это означает, что исследователь, практик-специалист обязаны изучать свойства окружающего их мира такими, какими они являются в действительности, не привнося в свои представления произвольных желаний, иллюзий, мистики, суеверия. Знание объективных законов мира выступает основой как правильного научного познания мира, так и наиболее целесообразной деятельности людей.

В-третьих, в **принципе познаваемости** мира, направленном против скептицизма и агностицизма. Если материя познаваема, то это означает, что не существует предела для человеческого познания. Есть вещи, явления, которые еще не познаны, но каждое открытие, подтвержденное практикой, раздвигает сферу познанного и тем самым заряжает человека научным оптимизмом.

Человеческое познание и абсолютно, и относительно. Его **абсолютность** состоит в признании принципиальной возможности познаваемости мира и получении достоверных знаний (абсолютных истин), подтвержденных практикой, о явлениях, процессах объективной реальности. Это познание вместе с тем и **относительно**, ибо, с одной стороны, мир неисчерпаем в своем развитии и познать его раз и навсегда невозможно, а с другой — возможности человеческого познания на каждом историческом этапе ограниченны. Поэтому диалектический материализм выступает как против **догматизации** научных знаний, возведения их в абсолют, пригодный для всех времен и народов, так и против **релятивизма**, сторонники которого в принципе отрицают абсолютные истины, настаивая на принципиальной относительности, недостоверности человеческого познания.

Сознательное усвоение и использование этих принципов содействуют успеху ученых. Крупнейшие естествоиспытатели всегда выступали против равнодушия к философским принципам. Академик С. И. Вавилов писал: «Самое важное при этом то, что философские предпосылки далеко не безразличны для выводов и направления дальнейшей работы: они могут служить и тормозом, и стимулом развития науки» [1].

История развития науки дает яркие подтверждения этому. Известен такой факт. Французский физик и философ А. Пуанкаре на несколько лет раньше А. Эйнштейна получил все основные уравнения теории относительности, но... прошел мимо выводов, вытекающих из них. «Крупный физик и мелкий философ» [2] — так писал В. И. Ленин о Пуанкаре.

Не менее примечателен другой пример. Широко известный

---

[1] Вавилов С. И. Ленин и физика. М., 1960, с. 22.
[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 170.

американский ученый-кибернетик Н. Винер, ошибочно полагая, что можно быть «беспартийным» в вопросах мировоззрения, отрицал свою принадлежность к какому-либо философскому направлению, считал материализм и идеализм набором плохо сформулированных вопросов и ответов, которые должны быть сданы в архив[1]. Однако основных научных успехов он достиг именно там, где исходил из убеждения в объективности материи, в том, что психическое вторично, производно от физического, что единство научного знания обусловлено материальным единством мира. Там же, где он был непоследователен в этих вопросах, сделанное им уже потеряло свое значение. Скажем, к числу утративших ценность относится его тавтологическое, по сути дела, суждение, что «информация есть информация, а не материя и не энергия»[2].

Превосходство мировоззренческо-материалистической позиции перед идеалистическим мировоззрением подтверждают достижения современных наук — космологии, нейрофизиологии, биологии, генетики и т. д. Об этом свидетельствует, в частности, и XVI Всемирный философский конгресс в Дюссельдорфе (ФРГ), проходивший с 27 августа по 2 сентября 1978 г., на котором специально обсуждался вопрос: «Философия и мировоззренческие проблемы современной науки». На конгрессе философами-марксистами было убедительно показано, что переход к концепции нестационарной, развивающейся Вселенной, расшифровка генетического кода, осуществление искусственного синтеза гена, открывающего перспективу планомерного управления наследственностью, проникновение в глубинные нейрофизиологические механизмы функционирования мозга и т. д. подтверждают диалектико-материалистическое учение о материи и материальном единстве мира.

Современное естествознание доказало, что материя представлена различными видами (сейчас известны два вида — вещество и поле), имеет различные структурные уровни (микро-, макро-, мегамир). Прогрессирующий успех естественнонаучных открытий, углубляя наши знания о Вселенной, ни в коей мере не поколебал, а, напротив, подтвердил и будет подтверждать истинность марксистско-ленинского учения о материи.

2. ЗНАЧЕНИЕ ФИЛОСОФСКОГО УЧЕНИЯ О МАТЕРИИ ДЛЯ ВОЕННОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Марксистско-ленинское учение о материи и вытекающие из него принципы оказывают все возрастающее влияние на развитие мировоззрения военнослужащих, военной теории и практики социалистического общества.

---

[1] См.: Винер Н. Кибернетика. М., 1958, с. 63.
[2] Там же, с. 166.

Принцип материалистического монизма позволяет видеть конечный источник войн в противоречиях антагонистического способа материального производства, а носителем этого способа производства в современных условиях выступает империализм как доминирующая в несоциалистическом мире общественно-экономическая система. Такое понимание ориентирует командиров, политработников, инженеров, всех военнослужащих социалистических армий на соблюдение высочайшей бдительности к проискам империалистической реакции, поддержание постоянной боевой готовности соединений, частей и подразделений, формирует у воинов сознание и чувство ответственности за защиту завоеваний социализма.

Принцип материалистического монизма позволяет военнослужащим социалистических армий глубже понять зависимость организации, способов ведения вооруженной борьбы от материального производства, значение и роль материальных сил в вооруженной борьбе и ориентирует военные кадры на всестороннее овладение военной техникой и ее максимально эффективное использование в процессе боевых действий.

Принцип объективности нацеливает военные кадры на всестороннее и именно объективное изучение вероятного противника, его возможностей. Недооценка, как и переоценка противника, искажает реальную картину, дает неверное представление о соотношении сил и ведет, с одной стороны, к зазнайству, самоуспокоенности, шапкозакидательству, а с другой — внушает неверие в собственные силы, порождает страх и растерянность.

Принцип объективности чрезвычайно важен при оценке выполнения воинского долга подчиненными, при аттестовании военных кадров, выдвижении их на те или иные должности, решении конкретных задач. Справедливость командира и есть не что иное, как последовательное проведение принципа объективности в отношениях с подчиненными.

Трудно переоценить значение объективности при информации. Искаженная информация независимо от причины ее появления (сложность установления истины или заведомое очковтирательство) не позволяет старшему начальнику принять своевременное и правильное решение, создает помехи в управлении и ведет к сбоям в работе.

Принцип познаваемости ориентирует военные кадры на постоянное углубление своих знаний, в том числе и военно-специальных, на овладение законами вооруженной борьбы. Этот принцип утверждает, что вооруженная борьба, несмотря на наличие в ней большого числа случайностей, имеет свою внутреннюю логику развития, которую можно постичь, если проявить достаточную настойчивость и силу воли.

Важные для военного специалиста проблемы связаны с вопросом **неисчерпаемости** материи. Поскольку военно-технический

прогресс не имеет ограничений с «природной» стороны, постольку при сохранении социальной необходимости развитие средств вооруженной борьбы, использующее все новые научные открытия, может идти сколь угодно далеко. Это положение не только требует постоянной готовности к новому, но налагает особый отпечаток на ход его познания и практического освоения. В единстве с учением о познаваемости мира оно порождает диалектически противоречивое суждение: обладая безграничными познавательными способностями, человек познает бесконечный по своей сложности мир. В самом деле, если учение о познаваемости мира рассматривать в отрыве от тезиса о его неисчерпаемости, можно прийти к ложному выводу, будто когда-то мир будет «окончательно» познан, человеческие знания приобретут характер всезнания и следующему поколению лишь останется удивляться мудрости предков. Рассмотренные же в единстве, эти два положения раскрывают диалектику «суверенности» и «несуверенности» познания. По этому поводу Ф. Энгельс говорил, что абсолютное знание в принципе достижимо, но лишь «в бесконечном поступательном движении, в таком ряде последовательных человеческих поколений, который, для нас по крайней мере, на практике бесконечен» [1].

Методологическая ценность этих положений для военной теории и практики очевидна. Они дают реалистическую картину развития военных и военно-технических знаний.

Принцип познаваемости нацеливает офицеров-воспитателей на постоянное изучение своих подчиненных, их внутреннего мира, их запросов и нужд. Такое изучение обеспечивает своевременное выявление «болевых точек» в воинском коллективе, предупреждает появление нежелательных явлений в межличностных отношениях и служит условием создания здорового морального климата в частях и подразделениях.

Столь же широкий круг военно-философских проблем связан с учением о **материальном единстве мира**, лежащим в основе системного подхода к военной теории и практике, логико-математической формализации военных знаний и применения моделирования в военном деле.

Современные военно-технические науки оперируют понятиями «система вооружения», система «человек — военная техника», «боевой комплекс». С точки зрения этого подхода каждая единица оружия и боевой техники рассматривается как элемент системы. Системный подход распространяется на все стороны военной теории и практики — на решение военно-экономических, военно-транспортных, организационных и других вопросов. Одной из практических реализаций системного подхода в решении организационных вопросов является сетевое планирование в управлении. В области воспитания воинов принципиально важное значение имеет комплексный подход.

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 88.

Учение о материальном единстве мира играет основополагающую мировоззренческо-методологическую роль в решении вопросов **логико-математической формализации** военного и военно-технического знания и применения **моделирования.**

Явление сходства формы процессов при качественном различии их содержания называется **изоморфизмом.** Это проявление материального единства мира служит основой математики — науки о количественных отношениях и структурах материального мира. Создание общего, повсеместно применимого формально-математического аппарата, способного «налагаться» на реальные процессы, оказалось возможным потому, что в нашем мире формы, структуры и количественные отношения имеют объективное сходство. В. И. Ленин в свое время отмечал, что «единство природы обнаруживается в «поразительной аналогичности» дифференциальных уравнений, относящихся к разным областям явлений» [1]. По этой причине математические методы применимы к описанию широчайшего круга процессов вооруженной борьбы, причем в силу диалектического единства формы и содержания математика способна давать не какие-то «второсортные» знания об этих процессах, а раскрывать их сущность, тонкие, латентные связи, пропорции. Эти методы в принципе способны давать объективно верные прогнозы хода и исхода боя, операции.

Изоморфизм лежит в основе метода моделирования. Для применения этого метода выбирается или искусственно создается сходный с реальным объектом «квазиобъект» — модель, исследование которой даст информацию, переносимую затем на объект. Понятно, что достоверность этой информации решающим образом зависит от степени изоморфности объекта и модели. Моделирование является важным методом военно-научного исследования. Ограниченные возможности военной практики мирного времени вынуждают проверять новейшие выводы теории на таких моделях, как войсковые учения, маневры, командно-штабные учения, игры на картах, полигонные испытания военной техники и т. д. Необходимость применения модельных исследований в военно-технических науках обусловлена дороговизной, опасностью многих «натурных» испытаний, возможностью разглашения военной тайны и т. д.

Таким образом, возрастание значения философского учения о материи для военного дела ныне приобрело весьма реальные и значимые проявления. Методологическая и мировоззренческая вооруженность военных кадров теперь имеет не только общеобразовательное, но и прямое практическое значение. От степени усвоения этого учения существенно зависит профессиональная квалификация офицеров-руководителей всех специальностей.

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 306.

3. РОЛЬ ФИЛОСОФСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ДВИЖЕНИИ, ПРОСТРАНСТВЕ И ВРЕМЕНИ В СОВРЕМЕННОМ ВОЕННОМ ДЕЛЕ

Учение о материи неотделимо от **всеобщих форм**[1] **ее существования — движения, пространства, времени.**

Диалектико-материалистические представления о движении являются неотъемлемой частью марксистско-ленинского учения о материи. Эти представления включают: определение философской категории «движение»; тезис о единстве материи и движения; анализ соотношения движения и покоя, движения и развития; учение о качественном своеобразии и диалектическом единстве различных форм движения материи; о его неуничтожимости и т. д. Причем все разделы этой системы взглядов играют важную роль в мировоззренческо-методологической подготовке офицеров-руководителей.

Ф. Энгельс следующим образом определял **движение**: «Движение, рассматриваемое в самом общем смысле слова, т. е. понимаемое как способ существования материи, как внутренне присущий материи атрибут, обнимает собой все происходящие во вселенной изменения и процессы, начиная от простого перемещения и кончая мышлением»[2].

Движения как особого явления, оторванного от материи, не существует. Есть лишь движущиеся тела.

Положение о единстве материи и движения носит мировоззренческо-методологический характер. Это положение не может не учитывать современный военный специалист, анализируя, в частности, энергетические соотношения в ядерных боеприпасах или военных устройствах. Дело в том, что современный энергетизм в соответствующем духе «обработал» известное соотношение Эйнштейна $E=mc^2$, представил его так, будто оно выражает не неразрывность массы и энергии, а, наоборот, их способность «переходить» друг в друга. Разумеется, это не соответствует истине и может помешать уяснению принципов действия ядерного оружия и квантовых генераторов.

Эти же положения принципиально важны при анализе проблем передачи, переработки и хранения боевой информации, создании «мыслящих» машин и уяснении места человеческого сознания в системах «человек — боевая техника». Ведь, как показал В. И. Ленин, «оторвать движение от материи равносильно тому, чтобы оторвать мышление от объективной реальности, оторвать мои ощущения от внешнего мира, т. е. перейти на сторону идеализма»[3]. Строить же автоматические преобразователи информации, создавать модели интеллекта и решать инженерно-

---

[1] Применительно к движению Ф. Энгельс пользовался как синонимами терминами «форма» и «способ существования» (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 59, 561).

[2] Там же, с. 391.

[3] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 283.

психологические задачи на базе ложных представлений о природе идеального невозможно.

Не меньшее значение для современного военного дела имеет положение диалектического материализма о качественном многообразии и диалектическом единстве **форм движения материи.** Известно, что домарксовские материалисты в большинстве своем были механицистами, то есть ограничивали картину мира одной лишь механической формой движения или же неправомерно сводили высшие формы движения к низшим.

Крупным вкладом в материалистическое учение о движении явились труды Ф. Энгельса. Его основные идеи о движении сводятся к следующему: 1) формы движения определяются своеобразием их материальных носителей и характером взаимосвязи между ними; 2) формы движения качественно отличаются и не сводимы друг к другу; 3) при надлежащих условиях они переходят друг в друга; 4) высшие формы движения возникают как диалектический синтез низших; 5) классификация форм движения служит основой классификации наук.

Разумеется, за столетие наши конкретные представления о количестве форм движения и их взаимосвязи несколько изменились. Например, сейчас помимо упоминаемых Ф. Энгельсом форм движения — механической, физической, химической, биологической, социальной — называют также геологическую, космологическую, кибернетическую и т. п.[1] Но суть идей Ф. Энгельса о формах движения материи сохраняет в современном научном познании свое эвристическое значение.

Возрастание методологического значения этого учения для военного дела обусловлено усложнением вооруженной борьбы и средств поражения. Если в эпоху холодного оружия противник поражался главным образом за счет механического удара, то с переходом к огнестрельному оружию в качестве поражающих стали выступать физические и химические средства, а с изобретением ядерного оружия появились такие поражающие факторы, как световое и тепловое излучение, потоки гамма-лучей и нейтронов. Агрессивные круги империалистических стран вопреки протестам прогрессивных сил активно обсуждают возможность использования в качестве средств поражения биологического оружия, нервно-паралитических средств и даже средств воздействия на географическую среду. Таким образом, даже если иметь в виду одни только средства поражения, то и здесь произошло расширение спектра используемых форм движения материи от единственной механической до практически всех существующих.

Еще более богато этот спектр представлен в системах оружия и боевых комплексах, объединяющих средства поражения, доставки, управления, защиты и т. п. Все это обусловило увеличение «спроса» на философские знания по этой проблеме, так как

---

[1] См.: Бутаков А. А. Основные формы движения материи и их взаимосвязь в свете современной науки. М., 1974.

от степени понимания «механизма» диалектической взаимосвязи многоразличных форм движения, возможного и невозможного в их согласовании, способности замещать друг друга, взаимопроникать и «надстраиваться» одна над другой теперь прямо зависит искусство максимально эффективного использования сложных многокачественных систем современного вооружения.

Важная в военно-философском смысле сумма проблем базируется на выводах из анализа соотношения **движения и покоя, движения и развития, «наведенного» движения и самодвижения.** В этот круг входят не только военно-технические вопросы, связанные с осмыслением «свободного» движения космических объектов, условий устойчивости систем или причин их самовозбуждения, но и более широкие проблемы, касающиеся военного дела в целом. Еще Ф. Энгельс писал о революционизирующем воздействии военной техники на военное дело: «... ежедневно техника беспощадно отбрасывает как уже негодное все, и даже то, что было только что введено в употребление... И с подобными не поддающимися учету величинами нам придется все более и более считаться в условиях этого непрерывного революционизирования технической основы ведения войны»[1]. В условиях современной войны, если ее развяжут империалисты, динамизм подобных процессов возрастет еще более. Так, система «Минитмен-1» разрабатывалась в течение 5 лет, в течение 5 лет изготовлялась и только 7 лет состояла на вооружении[2]. Понятно, что в этих условиях военный специалист невольно ощущает недостаточность общего понятия «движение», означающего любое изменение вообще. Для адекватного описания подобных процессов необходимо вычленение специфического вида движения — необратимого, происходящего в силу внутренних причин, то есть **развития.**

Столь же необходимо для анализа таких процессов уяснение вопроса об **источниках** развития подобных процессов. Например, американский социолог Д. Белл, используя тот факт, что наука теперь нередко опережает в своем развитии материальное производство, построил идеалистическую концепцию «центральной роли теоретического познания современности», якобы отменяющую применимость материализма к процессам, подобным описанному выше. Отвечая Д. Беллу, академик Б. М. Кедров остроумно заметил: даже если речной буксир не тянет баржу за собой, как это было раньше, а толкает ее впереди себя, то и тогда инициатором движения остается он[3]. Таким же остается соотношение материальных первоисточников социального движения и идеальных образований типа науки, которые осуществляют «наведенное движение».

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 394.

[2] См.: Стрельцов Ю. Г., Чистов Ю. И. Экономическая эффективность средств, выделяемых на оборону. М., 1970, с. 6.

[3] См.: Кедров Б. М. О научных революциях. — Наука и жизнь, 1975, № 12, с. 10.

Приведенные выше примеры свидетельствуют, что современное философское представление о движении является необходимой составной частью мировоззренческо-методологической подготовки офицера социалистической армии.

Составной частью его философской подготовки являются представления о **пространстве и времени** — важнейших атрибутах материи. «...Движущаяся материя, — писал В. И. Ленин, — не может двигаться иначе, как в пространстве и во времени» [1]. Эти свойства материи изучаются не только философией, сейчас нет таких дисциплин, которые бы не интересовались ими. Последнее справедливо и для военной науки.

В современной войне боевые действия могут приобрести глобальный размах и высокий динамизм. Борьба за время и пространство обострилась и приобрела многообразные формы. С одной стороны, пространственный фактор вроде бы утратил былое значение барьера между действующей армией и резервами, между фронтом и тылом, с другой — с ним ныне теснее, чем раньше, связано решение проблем мобильности промышленности и транспорта, живучести и дублирования предприятий, научных и административных центров, эффективность ПВО и ПРО и т. п. Время для военного специалиста — это сроки боевой готовности, возможность нанесения ответных ударов и использования мобилизационных запасов.

Временной критерий налагает отпечаток на все виды воинской деятельности. Так, самое лучшее управленческое решение, принятое позже так называемого «критического» времени, бесполезно. Высокие пространственно-временные показатели современной войны требуют сбора боевой информации с огромных территорий, причем полученные данные быстро стареют. Поэтому пространственно-временной фактор стал объектом пристального внимания военного искусства, военной экономики, военной географии и военно-технических наук. В частности, в военно-технических науках он проявляется как необходимость одновременного удовлетворения таких противоречивых тактико-технических требований, как, например, дальность стрельбы и малые габариты системы, скорострельность и продолжительность ее боевого функционирования и т. д.

Противоречивость пространственно-временных характеристик войны, их жесткие требования к людям и технике рождают естественное стремление найти выход, «обмануть» природу. Когда проекты и мероприятия в этом направлении основаны на глубоком знании свойств пространства и времени, они ведут к успеху, когда же кроме субъективистского «волевого» порыва под ними ничего нет, они ведут в лучшем случае к самообману, обусловленному игнорированием **объективности** пространства и времени.

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 181.

В силу своих убеждений идеалисты отрицают объективность пространства и времени. Объективные идеалисты ставят их в зависимость от бога или абсолютной идеи, субъективные — от индивидуального сознания. Так, в системе Гегеля пространство возникает в результате порождения природы абсолютной идеей в момент перехода последней в свое «инобытие». Последователи Беркли объявляют пространство и время плодом человеческого разума. По мнению Маха, «пространство и время суть упорядоченные... системы рядов ощущений». Богданов определял их как формы «социального согласования опыта различных людей». Правда, иногда идеалисты как будто бы пытаются различить объективное время и субъективное представление о нем. Например, по утверждению позитивиста Б. Рассела, субъективное время — это «хронологическая последовательность воспоминаний», объективное — «поток переживаний субъекта в настоящий момент». Таким образом, даже когда идеалисты используют термин «объективность», Рассел объявляет ее присущей только сознанию.

Диалектический материализм исходит из концепции объективности пространства и времени, полагает их существование независимым от какого бы то ни было сознания. Вещи реально расположены одна подле другой, обладают протяженностью, объемом; процессы объективно обладают длительностью, протекают одновременно или последовательно один за другим и т. п. Наши представления о пространстве и времени — это субъективные отражения объективных форм существования материи. Такое понимание пространства и времени глубоко обосновано в книгах Ф. Энгельса «Анти-Дюринг», «Диалектика природы», в книге В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», детально разработано в трудах современных философов-марксистов [1].

Усвоение марксистско-ленинского тезиса об объективности пространства и времени военными кадрами является защитой от проявления элементов субъективизма и волюнтаризма в оценке боевых действий, от безграмотных попыток создавать неосуществимые «прожекты» в организационной, военно-технической и иных областях.

Круг актуальных для различных специалистов проблем учения о пространстве и времени расширяется еще и в связи с тем, что практика ныне тесно соприкоснулась с пространством и временем микро- и мегамира. При конструировании и применении устройств, действующих на основе тонкого взаимодействия элементарных частиц и полей, — лазерных, электровакуумных и иных приборов, при анализе закономерностей движения объектов в космическом пространстве, решении ряда проблем связи,

---

[1] См.: Мостепаненко А. М. Пространство и время в макро-, мега- и микромире. М., 1974.

навигации и управления нередко возникают проблемы мировоззренческо-методологического характера.

В частности, здесь играет существенную роль трактовка вопроса о свойствах пространства и времени, об их связи между собой и с другими свойствами материи. Современная научная философия считает реальное пространство трехмерным и симметричным, время — одномерным и однонаправленным. При этом признается, что пространство и время существенно связаны между собой и неотрывны от материи.

Марксистско-ленинская философия не произвольно конструирует эти представления, а получает их путем обобщения фундаментальных результатов всего комплекса наук. Так, трехмерность реального пространства подтверждается следующими данными. Установлено, например, что в пространстве с числом измерений больше трех невозможны устойчивые орбиты планет и электронов в атоме. Так, по утверждению математика Ж. Адамара, в пространстве с четным числом измерений не выполнялись бы законы оптики. Фактически доказана возможность сферической волны и точной передачи сообщений только в трехмерном пространстве. Аналогичными данными обосновываются положения об однонаправленности времени, взаимосвязи пространства и времени между собой. В обосновании последнего положения важная роль принадлежит А. Эйнштейну и его последователям. Так, один из создателей специальной теории относительности Г. Минковский писал: «Отныне пространство и время, рассматриваемые отдельно и независимо, обращаются в тени, и только их соединение сохраняет самостоятельность».

Труды Фарадея, Максвелла, Герца, Лобачевского, Римана и Эйнштейна положили конец представлениям о времени как «абсолютной» длительности и о пространстве как пустом вместилище, свойства которого якобы не изменяются от того, «помещена» в него материя или «удалена». Наука подтвердила мысль Ф. Энгельса, что «обе эти формы существования материи без материи суть ничто, пустые представления, абстракции, существующие только в нашей голове» [1].

Разумеется, исследование проблем пространства — времени микро- и мегамира далеко не завершено. Существуют предположения, что при более глубоком проникновении в микромир проявится прерывность, дискретность пространства и времени. Вероятно, при больших плотностях вещества обычные представления о времени утратят смысл, а пространство существенно «искривится». Поэтому военный специалист, работающий на переднем крае научно-технического прогресса, может встретиться с положением, когда успех его работы будет прямо зависеть от философской культуры.

Марксистско-ленинское учение о неразрывной связи времени как формы бытия и движущейся материи как содержания, кото-

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 550.

рое слито с этой формой, ориентирует офицеров социалистической армии на бережное отношение ко времени, на выработку умения ценить его как одну из самых высших ценностей. Умение офицера «спрессовать» время, наполнить его разумным содержанием — показатель его общей культуры.

Таким образом, философское учение о материи, основных формах ее существования — это не схоластическое мудрствование. Оно выросло из практики и, обогащенное философскими размышлениями, верно служит ей, помогая и офицеру социалистической армии успешно решать свои практические задачи.

ГЛАВА VI

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФСКОГО УЧЕНИЯ О СОЗНАНИИ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ВОЕННОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

С философским учением о материи теснейшим образом связана материалистическая теория о сознании. Соотношение сознания и материи составляет суть основного вопроса философии. Учение о сознании является важным компонентом научного мировоззрения. Усвоение содержания этого учения формирует взгляды людей на роль субъективных факторов в истории, стимулирует развитие сознательной деятельности и побуждает занимать активную жизненную позицию при решении сложных общественных проблем и в повседневной жизни.

Глубокое усвоение этого учения дает возможность офицерам социалистической армии глубже осмыслить роль духовного фактора в вооруженной борьбе, помогает им направленно влиять на морально-психологическое состояние военнослужащих, верно решать инженерно-психологические проблемы при создании систем «человек — боевая техника». Вместе с тем изучение отражательных процессов, лежащих в основе сознания, позволяет глубже усвоить вопрос о природе информации, циркулирующей в ЭВМ и автоматизированных системах управления оружием и войсками, методологически верно решать вопросы, связанные с принципиальными возможностями автоматизации.

1. СУЩНОСТЬ ВЗАИМОСВЯЗИ МАТЕРИИ И СОЗНАНИЯ

Философское учение о сознании включает в себя: проблему происхождения сознания; вопрос о взаимосвязи материи и сознания; определение сущности сознания; вопрос о структуре и функциях сознания; методологическое значение учения о сознании для специалистов различных отраслей научного знания, в том числе и для военных кадров.

Сознание — особое свойство высокоорганизованной материи, развившееся на основе ее всеобщего свойства — отражения. Чтобы разобраться в сущности этого особого свойства, необходимо иметь в виду, что универсальное по своему распространению отражение проявляет себя не одинаково на различных уровнях организации материального мира.

На уровне неживой природы имеет место **относительно пассивный, неуправляемый характер отражения** (например, изменения в горных породах в результате землетрясения).

На уровне живой, но не осознающей себя материи (растительного и животного мира) возникает **активно-приспособительное отражение.** Его активность выражается в опережающем отражении (например, животные изменяют свое поведение перед землетрясением, бурей и т. д.), в приспособлении к изменяющейся среде. На этом уровне у живых существ появляется нервная система, органы чувств (совокупность органов чувств и соответствующих нервных образований И. П. Павлов назвал анализаторами), то есть психика. Психика — это одна из относительно развитых форм отражения действительности живыми существами, которые индивидуально, прижизненно в состоянии вырабатывать биологически целесообразные реакции на внешние раздражители на основе условно-рефлекторной деятельности, в том числе и с определенным упреждением. У высших животных возникают зачатки мышления, то есть способность к отражению явлений, вещей в форме идеальных конкретно-чувственных образов и оперированию этими образами. Такое мышление, при котором животное еще не осознает своего отношения к окружающему миру, не выделяет содержания информации от ее материальных носителей, принято называть «конкретно-чувственным» или «предметным мышлением» (И. Павлов). Ф. Энгельс подчеркивал общность такой формы отражения у животных и человека [1].

На высшем уровне социально организованной материи появляется сознание — качественно новая форма отражения, которую можно назвать **активно-преобразовательной.** Эта форма отражения удивительно точно схвачена в словах В. И. Ленина: «Сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его» [2]. «...Мир не удовлетворяет человека, и человек своим действием решает изменить его» [3].

Сознание — чрезвычайно сложное и многомерное явление. Его сущность мистифицирована различными идеалистическими школами, представители которых превратили его в самостоятельную субстанцию, в творца всего существующего. Эти пороки идеализма питают тех представителей современной буржуазной военной науки, которые склонны преувеличивать роль духовных сил в ходе и исходе войны.

---

[1] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 537.
[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 194.
[3] Там же, с. 195.

Не увенчались успехами и усилия **дуализма**, рассматривавшего материю и сознание как самостоятельные, независимые друг от друга субстанции. Современная модернизация дуализма — теории **«психофизиологического параллелизма»** и **«психофизического взаимодействия»** не изменяет существа дела. Первая рассматривает психическое и физиологическое как параллельные, но не взаимодействующие между собой ряды. Согласно второй точке зрения физическое и психическое относятся между собой как однопорядковые и тождественные реальности. Обе концепции, как и дуализм в целом, приходят к ложным мировоззренческим заключениям. Дуализм в известном смысле можно назвать методологической основой эклектицизма, неспособного установить истинную субординацию и координацию экономического, социального, политического, научно-технического, духовного и собственно военного потенциалов.

Сложным и мучительным было постижение сущности сознания и в русле материализма и примыкающих к нему философских течений. Сторонники **гилозоизма** считали сознание присущим всем формам материи, представители **пантеизма** хотя и признавали существование бога, но растворяли его в природе, отождествляли с ней. Сторонники **механицизма**, например французский материалист Ламетри, рассматривали все способности духа в зависимости от механического устройства мозга и тела, а человека — как «весьма просвещенную машину»[1]. **Вульгарные материалисты** (К. Фогт, Л. Бюхнер) считали сознание разновидностью материи. Так, К. Фогт писал: «Все способности, известные под названием душевной деятельности, суть только отправления мозгового вещества, или, выражаясь несколько грубее... мысль находится почти в таком же отношении к головному мозгу, как желчь к печени»[2].

Единственно верное решение проблемы сознания оказалось возможным на уровне высшей формы материализма — диалектического. Опираясь на достижения социальных и естественных наук, диалектический материализм применил к анализу сознания все богатство различных выработанных наукой и подтвержденных практикой подходов: исторического, онтологическо-функционального, гносеологического, аксиологического, кибернетического, семиотического, социологического и других.

С исторической точки зрения сознание возникло как результат взаимодействия природных (биологических, физиологических) и главным образом социальных факторов. К природным факторам относятся: появление развитой нервной системы, мозга у высших животных, возможности прямохождения и освобождения передних конечностей для деятельности; возникновение первой сигнальной системы, звуковых и двигательных средств информации; стадная форма обитания.

---

[1] См.: Л а м е т р и. Избр. соч. М.-Л., 1925, с. 225.
[2] Ф о г т К. Физиологические письма. Спб., 1867, с. 290.

К решающим социальным факторам возникновения сознания относятся труд, членораздельная речь, появившаяся на основе второй сигнальной системы, на которые особо обращает внимание Ф. Энгельс[1], и жизнь в человеческом коллективе. Оттачивая острие камня, далекий предок человека шлифовал и лезвие своей мысли. Потребность к передаче мысли возникала только в процессе коллективного труда, а это вызвало к жизни членораздельную речь.

С онтологическо-функциональной точки зрения сознание существует как субъективная, идеальная реальность (в противоположность объективной реальности — материи), как продукт и функция мозга. Возникая и существуя в материальных (психофизиологических) формах, сознание неотделимо от мозга, и вместе с тем его сущность, его идеальная природа не сводимы к материальным процессам, происходящим в мозгу. «Мы, несомненно, «сведем» когда-нибудь экспериментальным путем мышление к молекулярным и химическим движениям в мозгу; но разве этим исчерпывается сущность мышления?»[2] — писал Ф. Энгельс.

Вопрос о взаимосвязи сознания и мозга получил в литературе название психофизиологической проблемы. Сознание имеет свою нейрофизиологическую основу, код, который интенсивно исследуется наукой[3]. На этом пути имеется немало трудностей, однако успехи нейрофизиологии наших дней внушают оптимизм. Эта наука установила, что отдельные локальные образования мозга ответственны за получение, хранение, переработку информации, программирование и регулирование движений, намерений и действия человека[4]. Недавно, например, открыта функциональная специализация (ассиметрия) полушарий мозга: «Правое полушарие — база образного мышления — охватывает мир явлений во всем его богатстве и разнообразии. Левое полушарие — база абстрактного мышления — ищет и находит в этом мире гармонию причин и следствий»[5]. Разумеется, нейрофизиологическая деятельность не изолирована от социального фактора: она и исторически сформировалась под влиянием общественной среды, и индивидуально воспроизводится всякий раз в процессе человеческих отношений, в общественно-трудовой деятельности.

С гносеологической точки зрения сознание есть субъективный образ объективного мира[6], а потому оно одновременно и объективно, и субъективно. Объективность сознания заключается в том, что оно, будучи идеальным, то есть исключающим всякую

---

[1] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 490.
[2] Там же, с. 563.
[3] См.: Орлов В. В. Психофизиологическая проблема. Пермь, 1966; Дубровский Д. И. Психические явления и мозг. М., 1971.
[4] См.: Лурия А. Р. Высшие корковые функции человека и их нарушения при локальных поражениях мозга. М., 1962.
[5] Деглин В. Функциональная ассиметрия — уникальная особенность мозга человека. — Наука и жизнь, 1975, № 1, с. 115.
[6] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 60.

материальность вещей, предметов внешнего мира, образом которых оно является, имеет источник (оригинал) этого образа вне сознания. Субъективность сознания состоит в том, что его носителем выступает разумное существо, субъект, личность, которая может отразить оригинал адекватно или искаженно. Сознание неотделимо от общественно развитого субъекта.

С аксиологической (аксиология — учение о ценностях) **точки зрения** сознание есть не только отражение, но и отношение к действительности — природной и социальной. Если «для животного его отношение к другим не существует как отношение» [1], то человек осознает свое отношение к внешнему миру, переживает его с позиций определенной социальной группы. Этим определяется ценностный и вместе с тем личностный аспекты сознания, ярко выражающие его социальную природу.

С кибернетической точки зрения отражательные процессы сознания могут рассматриваться как информация — «свойство движущейся материи, одна из сторон упорядоченного отражения» [2], заключенная в сигнале. Сигнал — это материальный процесс, переносящий отображение. В нем (сигнале) помимо информации присутствуют еще и вещественно-энергетические компоненты [3], которые выступают материальным носителем информации. Одна и та же информация может передаваться различными сигналами, она относительно нейтральна к форме передачи и составляет содержание сигнала. Так, одна и та же мысль человека может быть передана с помощью языка лектора, письменного текста, азбуки Морзе и т. д.

Следует заметить, что роль информационно-кибернетического подхода к сознанию иногда преувеличивается. Сторонники универсализации такого подхода склонны считать «всякое сознательное явление информацией» [4]. На самом же деле информация — объективный процесс, в то время как сознание обязательно включает в себя момент субъективности, личностного отношения к информации, переживания [5]. Чтобы стать фактом сознания, информация должна быть раскодирована и преобразована в субъективный образ.

Более глубокому пониманию сознания способствует **семиотический** подход (семиотика — наука о свойствах знаков и знаковых систем). Согласно этому подходу знаки — это материальные, чувственно воспринимаемые предметы, которые представляют (замещают, обозначают) свойства других предметов, явлений и процессов и служат для восприятия, хранения и опосредствован-

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 29.
[2] Бокарев В. А. Кибернетика и военное дело. М., 1969, с. 134.
[3] См. там же, с. 131—132.
[4] См.: Вопросы философии, 1976, № 11, с. 45; Философские науки, 1978, № 6, с. 49.
[5] От абсолютизации информационно-кибернетического подхода к сознанию предостерегал еще Т. Павлов в своей книге «Информация, отражение, творчество» (М., 1967).

ной передачи информации. При таком понимании знака субъективный образ объективного мира может быть представлен не только с помощью вербального, словесного, языка (словесной речи), но и с помощью сенсомоторных схем — то есть идеальных схем, воспроизводящих, отражающих пространственно-временные формы объективно реальных предметов. Слепоглухорожденные в процессе обучения мыслят именно с помощью сенсомоторных схем. Возможность мыслить не только с помощью словесного языка в настоящее время доказана наукой и практикой[1], и это обстоятельство объясняет наличие не только логических форм мышления, но и эмоциональных, интуитивных, предметно-чувственных. В этой связи приобретает особое эвристическое значение указание В. И. Ленина о том, что и в чувственных образах (ощущениях) вполне возможно постижение объективной истины[2].

С социологической точки зрения сознание рассматривается как его способность выступать в качестве активной творческой силы в различных видах человеческой деятельности, быть составной стороной этой деятельности, что находит свое выражение в функциях сознания.

Этими подходами, разумеется, не исчерпывается анализ сознания. Но среди них для его философской интерпретации особое значение приобретают онтологический, гносеологический и социологический подходы. Их синтез позволяет сделать вывод о том, что **сознание — это функция мозга, сущность которой заключается в идеальном, субъективном отражении окружающей действительности и активно-преобразовательном воздействии на нее.**

Из этого определения следует, что сознание вторично по отношению к материи в онтологическо-функциональном (нет «безмозгового» сознания) и гносеологическом (оно — образ внешнего мира) отношениях. Сознание обладает активной творческой силой и способно преобразовывать действительность.

Специфической особенностью, важнейшей чертой сознания является его **идеальность.** Идеальность сознания выражается в том, что составляющие его образы не обладают ни физическими свойствами отражаемых в нем предметов, ни свойствами физиологических процессов, на основе которых они возникли. Иначе говоря, идеальное не имеет ни веса, ни объема, это особого рода динамическая модель, существующая лишь в живом мозгу.

Но идеальную природу имеют и другие процессы психики, которые не осознаются и не входят в сознание (так называемое «бессознательное», «подсознательное»). Человек никогда не актуализирует в сознании и тем более не вербализует (то есть выражает в логических понятиях) все явления психики. На уровне бессознательного человек получает, хранит бо́льшую часть информации. Бессознательное психическое влияет на поведение человека, его настроение. Однако это обстоятельство отнюдь не

---

[1] См.: Вопросы философии, 1977, № 6, с. 92—101; № 9, с. 97—104.
[2] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 110, 132.

подтверждает мысль З. Фрейда об иррациональности человека, о его неспособности осветить светом своего разума и подсознательные процессы. Фрейд и его последователи абсолютизировали сферу бессознательного, придали ей мистический характер. Ученым-материалистам предстоит решить в полном объеме задачу — как связаны бессознательное и сознательное в психике, выяснить, какую подлинную роль играет бессознательное в тех функциях, которые выполняет сознание[1]. Эта задача еще ждет своего решения.

2. СТРУКТУРА И ФУНКЦИИ СОЗНАНИЯ

Сознание имеет сложную структуру, хотя структурность сознания в значительной мере имеет весьма условный характер, ибо структурные элементы сознания теснейшим образом взаимосвязаны друг с другом. Однако при всей условности применения понятия структуры к сознанию в нем можно выделить следующие компоненты: знание, самосознание, эмоциональную и волевую сферы.

Важнейшим структурным компонентом сознания является **знание.** Под сознанием и понимаются прежде всего такие психические явления и действия, которые совершаются со знанием того, что человек чувствует, мыслит, делает. Этимологически слово «сознание» и означает «со знанием» дела. Такой же смысл этого термина фиксируется в немецком, английском и французском языках. «Способ, каким существует сознание и каким нечто существует для него, это — знание»[2]. Поэтому структура сознания в основном совпадает со структурой знаний человека об окружающей действительности и о самом себе. Знание обусловливает такие свойства сознания, как способность через предметную деятельность целенаправленно «творить мир», предвидеть ход событий, проявлять творческую активность.

Специфической разновидностью сознания и важным его компонентом выступает **самосознание,** которое будет рассмотрено в последующем разделе настоящей главы.

Компонентом сознания выступает его **эмоциональная сфера** в тех границах, в которых эмоции осознаются человеком. Как свидетельствуют специалисты, «80% всех запомнившихся фактов эмоционально окрашены, 16% — безразличны, 4% — неопределенны. Из эмоционально окрашенных 65% были связаны с чувством удовольствия, 30% — с неприятными переживаниями»[3].

В стимулировании сознательных процессов большую роль играет **воля** — сознательное и целенаправленное регулирование человеком своей деятельности. Л. И. Брежнев подчеркивает, что

---

[1] См.: Бассин Ф. В. Проблема бессознательного (о неосознаваемых формах высшей нервной деятельности). М., 1968.

[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 165.

[3] Вейн А. М., Каменецкая Б. М. Память человека. М., 1973, с. 9.

«партия считает своей постоянной заботой воспитание коммунистической сознательности, готовности, воли и умения строить коммунизм»[1].

Все эти компоненты сознания предопределяют его социальные функции, свидетельствующие о его активной творческой силе. В основу классификации функций положен историческо-логический метод, согласно которому они рассматриваются с точки зрения происхождения, развития и социальной роли.

Коренной, главной функцией сознания является **информационно-познавательная, отражательная** — получение знания об окружающей человека действительности и о нем самом. Эта функция является всеохватывающей, из нее вытекают все другие. При этом важно отметить, что отражательная функция носит не пассивный, а активный, эвристический характер, сознание обладает свойством опережающего отражения действительности. Более того, как показал академик П. К. Анохин, «отражение внешнего мира фактически и не может быть иным, не опережающим»[2]. Именно опережающее отражение позволяет формулировать гипотезы и в области военной теории, прогнозировать развитие боевой обстановки, предвидеть ход боевых действий.

Информационно-познавательная функция сознания предопределяет **аккумулятивную** (накопительную) функцию, заключающуюся в том, что в памяти человека оседают, накапливаются знания, которые по мере необходимости актуализируются, воспроизводятся и служат средством реализации других функций сознания. Чем богаче память человека, его эрудиция, тем легче ему принять оптимальное решение. Поэтому накопление знаний для офицера выступает условием успешного выполнения им своих служебных обязанностей.

Информационно-познавательная функция порождает и функцию выработки отношения человека к внешнему и внутреннему миру. Эти функции перекрещиваются между собой: отражение есть одно из проявлений отношения, а отношение между объектом и субъектом есть разновидность отражения, знания. Для воина — это осознание принадлежности к своей социалистической армии, своей коренной противоположности всему, что враждебно Родине, миру социализма.

Подобное отношение выступает прежде всего в форме оценки. Поэтому функция отношения порождает следующую функцию — **оценочную, или аксиологическую.** Оценка служит жизненным ориентиром человека, определяет направление его теоретической и практической деятельности. Факторами, влияющими на характер оценки той или иной информации, выступают духовные ценности человека — его мировоззрение, идеалы, цели, моральные нормы, потребности, интересы, а критерием истинности оценки —

[1] Брежнев Л. И. Ленинским курсом: Речи и статьи. М., 1976, т. 5, с. 530.

[2] Анохин П. К. Психическая форма отражения действительности.— В кн.: Ленинская теория отражения и современность. София, 1969, с. 135.

практика. Так, в основе оценки достоинств личности воина лежит анализ его воинской деятельности, его реальной готовности защищать завоевания социализма.

Оценочная функция непосредственно переходит в функцию **целеполагания**. Материалистическая философия исходит из того, что «цели человека порождены объективным миром и предполагают его...» [1]. Однако это вовсе не исключает субъективных моментов целеполагания. Цель рождается в борьбе различных мотивов, одни из которых определяются обстоятельствами, другие — интересами, стремлениями и оценками личности: с одной стороны, цель смыкается с интересом как с осознанной потребностью (конкретная цель, или цель деятельности), с другой — отождествляется с идеалом (абстрактная цель, или цель-идеал). С функциональной точки зрения абстрактная цель — это синтез множества конкретных целей. Так, служба в социалистической армии необходимо предполагает постановку не только ближайших целей, но и целей-идеалов, вытекающих из осознания воином своей исторической миссии, своей общественной сущности как защитника самого прогрессивного строя.

Функция целеполагания перерастает в **творческую** функцию сознания. Творчество — это целеполагание нового, чего еще нет в действительности. Отражение в творческом сознании представляет собой образ созидаемого человеком, образ будущего. Творческое сознание является одним из высших проявлений его активности. Именно наличие творческого элемента в деятельности военных кадров определяет их способность развивать теорию и практику военного дела [2].

Одной из функций сознания выступает **коммуникативная** (функция связи), обусловленная тем, что люди участвуют в совместном труде и нуждаются в постоянном общении. Эта связь мыслей осуществляется через речь (звуковую), технические средства (тексты, закодированную информацию). Для военнослужащих чрезвычайно важно найти для передачи информации такой код, который был бы понятен и доступен воинам своей армии и недоступен или труднодоступен для военнослужащих противника. При этом важно иметь в виду, что в письменных текстах (книгах, журналах, газетах и т. д.) заключено не знание, а лишь информация. Чтобы последняя стала знанием, она должна быть субъективирована, то есть стать субъективным образом. Вот почему распространение газет, журналов служит условием, но не гарантией того, что заключенная в них информация станет знанием. Для этого требуются дополнительные усилия, направленные на преобразование информации в знание — субъективное достояние.

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 171.

[2] См.: Серебрянников В. В., Ясюков М. И. Инициатива и творчество в военном деле. М., 1976, с. 261—293.

Разновидностью и важнейшим развитием коммуникативной функции является **регулятивно-управленческая**, которая как бы заключает логический цикл сознания личности. Сознание существует для практики, и если предшествующие функции лишь подготавливали решение человека на действие, то эта функция реализует это решение через регуляцию деятельности и управление ею. В простейшем виде эта функция обнаруживает себя как реакция человека на отраженные его сознанием внешние предметы или процессы: принять, отвергнуть, изменить и т. д. Более полно она проявляется в ходе творческого создания новых объектов, когда сознание не просто направляет деятельность, но и постоянно измеряет и корректирует рассогласование между образом-целью и промежуточными результатами деятельности. Выполнение этой функции требует наибольшего волевого, эмоционального и интеллектуального напряжения, особенно там, где решение связано с риском, а его реализация — с преодолением трудностей и опасностью, что характерно для военного дела.

Таковы основные функции сознания. Лишь гармоническое их развитие дает в итоге действительно сильную в интеллектуальном и духовном отношении личность, и это нельзя не учитывать в ходе обучения, воспитания и самовоспитания воинов.

В настоящее время широко обсуждаются перспективы моделирования сознания, возможности создания «машинного» разума [1]. Применительно к военному делу это вопрос о возможности замены человека-воина «боевым роботом», «безлюдной» боевой машиной, а в перспективе — о возможности создания «электронного сверхполководца», способного взять на себя все руководство войной. Этот вопрос — не праздный, по мнению зарубежных специалистов, он важен в двух отношениях. Во-первых, он призван осветить принципиальные возможности кибернетических устройств и дать основу для выработки военно-технической политики в области автоматизации на длительное время. Во-вторых, этот вопрос важен в плане практического использования промежуточных достижений автоматизации и развития ЭВМ для частичной замены интеллектуальных функций воина «машинным» разумом с целью создания оптимальной и наиболее эффективной системы «человек — боевая техника». Причем практика подтверждает, что в военном деле существует потребность в машинах, воспроизводящих функции мозга, нервной системы и органов чувств. Этим и определяется актуальность разработки методологических проблем моделирования функций сознания.

Одним из условий четкого ответа на вопрос «Может ли машина мыслить?» является наличие верного определения мышления. Если такое определение искусственно освободить от субъективно психологических компонентов и оставить лишь внешние проявления разумного поведения, то логически напрашивается

---

[1] См.: Амосов Н. М. Искусственный разум. Киев, 1969; Шейнин Ю. Интегральный интеллект. М., 1970; и др.

положительный ответ на данный вопрос. Если же исходить из общепринятой в нашей литературе точки зрения, что мышление — это субъективно-психологический процесс, то «машинное» мышление в принципе невозможно.

В этом смысле логичнее и грамотнее говорить не о создании мыслящей машины, а о моделировании поведения мыслящего человека. Здесь нельзя заведомо установить какие-либо пределы. Шаг за шагом люди будут все глубже вторгаться в сферы мышления, осваивая и моделируя все его функции. Поскольку в происхождении сознания нет ничего сверхъестественного, а известные в настоящее время законы природы и мышления не ставят преград для моделирования отдельных функций сознания, то такое моделирование в принципе может идти сколь угодно далеко. Однако это пока лишь абстрактная возможность, которая может реализоваться, а может остаться и неосуществленной [1].

Однако если принципиальные возможности моделирования сознания находятся в стадии обсуждения, то промежуточные результаты уже нашли широкое применение в автоматических и автоматизированных системах военного назначения, что требует от военных специалистов глубокого знания философского учения о сознании: без этого невозможно оптимально распределить функции в системе «человек — управляющий автомат», полнее использовать их достоинства и взаимокомпенсировать недостатки.

Современная научно-техническая революция и успехи биологии создали принципиальную возможность искусственного манипулирования человеческой психикой. Речь идет о так называемой «модификации поведения». Оказалось, что, используя различные формы электро- и химиотерапии, психохирургии и т. п., можно изменять настроение, поведение, индивидуальные черты характера и психическое состояние человека. Открытие такой возможности требует ее осмысления философами, социологами, юристами и специалистами по этике. Однако гуманистическая сторона этой проблемы волнует не всех. В печати сообщалось, что в 1975 г. в США создан федеральный центр «модификации поведения», где производится трепанация черепа, массированная химическая и шоковая терапия. С помощью этих средств можно «легко и просто» приводить в спокойствие, парализовать, приводить в смущение или шоковое состояние, ослеплять, оглушать или просто запугивать до потери соображения всех и каждого [2]. Эти человеконенавистнические средства берутся на вооружение империалистическими армиями. Пентагон финансирует исследования по «модификации поведения» американских солдат, причем эти мероприятия направлены на подавление здоровых эмоций и мыслительных процессов солдат, на их фактическое превращение в роботов, на «ампутацию личности». Обще-

---

[1] См.: Бокарев В. А. Кибернетика и военное дело, с. 182, 184.
[2] См.: Литературная газета, 1975, 8 янв., с. 14.

ство, культивирующее эти фашистские методы, несет ответственность перед человечеством, ибо человек, наделенный сознанием и самосознанием, представляет высшую ценность на земле.

3. ПРОБЛЕМА САМОСОЗНАНИЯ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ В ВОЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Классики марксизма-ленинизма всегда придавали большое значение вопросу самосознания масс, борющихся за социализм, самосознанию вооруженных защитников социализма. «...Чем глубже преобразование, которое мы хотим произвести, — учил В. И. Ленин, — тем больше надо поднять интерес к нему и сознательное отношение...» [1] Сознательное отношение к защите социализма предполагает осознание каждым воином своего места, роли и возможностей в этой защите, иначе говоря, выработку определенного самосознания.

Самосознание как элемент духовного фактора так или иначе учитывалось и учитывается при подготовке всех войн и в процессе их ведения. Об этом свидетельствует не только военная история, но и современность. В империалистических армиях культивируется нужное буржуазии самосознание военнослужащих. Например, фашистские идеалы самосознания и самовоспитания, приспособленные к неосамурайству, высоко котируются среди слушателей японских военных академий. «Моральный кодекс военнослужащего сил самообороны» предписывает японскому офицеру и солдату систематически заниматься «повышением самосознания». Самосознание, трактуемое как концентрация мировоззрения «жизни и смерти», превозносится до масштабов магического средства формирования «современного самурая». Слово «самосознание» намалевано крупными иероглифами на казарменных стенах, оно беспрерывно звучит на специальных занятиях по «моральному воспитанию», в лекциях и беседах, является основой идеологической обработки личного состава. Конечно, это искаженное, чуждое подлинным интересам рядового солдата самосознание. Оно не отражает его подлинных интересов, является реакционным и не может стать достаточно эффективным в боевых условиях. Но и не считаться с этим, как показывает опыт войн, нельзя.

Усвоение офицерами социалистической армии теоретических основ самосознания выступает стимулом самовоспитания и самосовершенствования военнослужащих.

В широком смысле понятие «самосознание» [2] означает осознание человеком самого себя: своих чувств, мыслей, действий,

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 140.

[2] Проблема самосознания в последние годы стала предметом пристального внимания советских ученых (см.: Спиркин А. Г. Сознание и самосознание. М., 1972; Михайлов Ф. Т. Загадка человеческого «Я». 2-е изд. М., 1976; Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1977; Кон И. С. Открытие «Я». М., 1978).

мотивов поведения, своего положения в обществе и т. п. Иными словами, это знание и понимание себя как личности, выделение и отличение своего «Я» от окружающей действительности. Оно заключает в себе ту часть мировоззрения, которая характеризует для человека его сущность и социальную роль. Концентрируя в себе эмоциональную, интеллектуальную и волевую сферы духовного мира личности воина, самосознание в значительной, иногда в решающей мере определяет поведение и деятельность воина как в мирное, так и в военное время. Самосознание выполняет жизненно необходимые функции самопознания и самооценки, саморегулирования и самоконтроля. Оно выражает степень готовности воина к бою, возможности его самоотдачи, меру его героизма и самопожертвования. Поэтому оно является важным фактором побед или поражений на войне.

Исследование самосознания воина — сложная комплексная проблема, рассматриваемая различными науками: военной педагогикой и психологией, воинской этикой и эстетикой, военной историей и юриспруденцией и т. д. Философия изучает социальный и гносеологический ее аспекты.

Самосознание, как и сознание, «с самого начала есть общественный продукт...» [1]. Ведущая роль в развитии самосознания принадлежит именно взаимоотношениям человека с социальной средой. Социальная природа самосознания проявляется в том, что человек познает себя через других людей, которые выступают его прообразом, меркой, эквивалентом. «В некоторых отношениях, — отмечал К. Маркс, — человек напоминает товар. Так как он родится без зеркала в руках и не фихтеанским философом: «Я есмь я», то человек сначала смотрится, как в зеркало, в другого человека. Лишь отнесясь к человеку Павлу как к себе подобному, человек Петр начинает относиться к самому себе как к человеку» [2]. В этой формулировке К. Маркса подчеркивается общественная природа самосознания и его производный характер относительно сознания.

Адекватно осознать, понять и оценить себя человек может не иначе как встав на позиции определенной социальной группы, класса, общества. Объективно-истинное знание о человеке вырабатывается обществом и проверяется практикой. Это общественное (классовое, групповое) знание о человеке первично, оно является предпосылкой, основой и формирующим началом его самосознания. Именно поэтому объективные аттестации и оценки, даваемые воину командирами, политработниками, партийными и комсомольскими организациями, служат исходной основой и самосознания воина, его мнения о себе. Осознание себя защитником Родины, своей связи с воинским коллективом способствует формированию представлений воина о своих обязанностях, долге. Сознание и чувство долга, чести и достоинства составляют

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 29.
[2] Там же, т. 23, с. 62.

нравственную основу самосознания и практического поведения воина, выступают как важнейшие условия его самовоспитания.

По своей сущности самосознание есть отражение. Однако это отражение особого вида. Специфика самосознания как отражения составляет наиболее сложный — **гносеологический** — аспект проблемы самосознания.

Когда речь идет об отражении человеком внешнего мира, то различия между субъектом и объектом очевидны: субъект — это человек, а объект — это то, на что направлена отражательная деятельность человека. По-другому обстоит дело в процессе самосознания, когда и субъект и объект представлены одним и тем же человеком: он сам, его сознание, психика перестают быть «монолитным» субъектом, а расчленяются на объект и субъект. Привычное размежевание действительности на объективную, как внешнюю для субъекта, и субъективную, как внутреннюю для него, в акте самосознания изменяется. Оказывается, что и в духовном мире человека не все субъективно. Сознание само может становиться объектом познания и деятельности, хотя духовный мир личности по своей сути идеален. Здесь происходит отражение идеального в идеальном на основе внутреннего расчленения духовного мира человека на субъект и объект. В сущности, это уже отражение отражения. В этом и заключается специфика самосознания как отражения.

Буржуазная философия в этом вопросе в основном питается идеями экзистенциализма, который истолковывает интроспекцию (самонаблюдение) как «единственно истинный» метод, который дает непосредственно проникающее в сущность сознания «ясновидение». Причем путь к самосознанию, по этому учению, лежит через «пограничные ситуации», когда на грани смерти или безумия происходит предельная интенсификация сознания, «освобождающая» человека от связи с внешним миром и приводящая его в соприкосновение с «подлинным» своим бытием. Постижение этого высшего смысла собственного бытия не поддается логическому описанию, оно совершается иррационально, за порогом сознания. Понятно, что такое толкование самосознания диктуется главным образом социальными причинами — обреченностью буржуазного мира, что и рождает стремление уйти в себя — в мир, полный иррациональности. Подобные концепции самосознания весьма далеки от его научного постижения.

Диалектический материализм отрицает и «ясновидение», и идеалистически истолкованную интроспекцию, которые не могут быть методом самопознания. Как отмечал И. М. Сеченов, «особого психического зрения, как специального орудия для исследования психических процессов, в противоположность материальным, нет»[1]. Интроспекция может быть правильно раскрыта лишь на основе ленинской теории отражения, когда она трактуется как

---

[1] Сеченов И. М. Психические этюды. Спб, 1873, с. 122.

самонаблюдение собственного духовного мира, как отражение отражения.

Идеальные явления психики не могут взаимодействовать между собой вне материальных форм. Самосознание начинается не с самопостижения абстракции, а с самоощущения как материального нейродинамического процесса. Это самоощущение составляет естественную основу самосознания. Самоощущение совершается на базе первой сигнальной системы и присуще не только человеку, но и животным. Но животные не осознают своих ощущений, тогда как самоощущение человека тотчас же переходит в самосознание. Дальнейшее развитие на высшем, абстрактно-логическом уровне самосознание также получает через материальные формы, и прежде всего через речь (внутреннюю или внешнюю), слово, то есть через вторую сигнальную систему. Духовный мир человека получает бытие для себя через материализацию в языке. Благодаря речи возникают идеальные объекты самосознания в форме образов и понятий о себе, то есть становится возможным отражение отражения.

Самосознание есть субъективный образ **субъективного** мира. Как всякий субъективный образ, оно идеально. Но эта идеальность специфична: это вторичная, так сказать, возведенная в квадрат идеальность. В этом нет ничего сверхъестественного, эта способность человека подготовлена ходом его длительной эволюции в окружении социальной среды.

При этом компоненты общественного и индивидуального сознания, составляющие «Я» данной личности, в процессе самосознания не равноценны. Чаще всего субъектом самосознания выступает та часть этого «Я», которая свойственна «человеку вообще» — представителю данного общества, носителю социальных норм и оценок, познавательных форм и системы знания. Иначе говоря, это как бы отторгнутая от данной конкретной личности ее «общественная модель», рассматриваемая со стороны всех социально-качественных параметров данного общества. Она представляет собой усвоенную данным человеком сумму знаний, культурных и этических ценностей, духовной атмосферы данного общества. Роль субъекта собственного самосознания человек может выполнить лишь в той мере, в какой он является носителем общественного сознания и культуры своего общества. Чем полнее трансформация общественного в индивидуальное, объективного в субъективное, тем шире возможности самосознания личности. В этом смысле воспитание и обучение воинов выступают предпосылкой и основой их самовоспитания и самообучения.

Самосознание — не только **отражение**, но и **отношение**. Первое характеризуется знанием, второе — чувствованием, переживанием. Следовательно, самосознание есть знание и переживание человеком самого себя. Отношение личности к себе не дано ей изначально, оно имеет социальную природу и непрерывно развивается. В ходе жизнедеятельности человек претерпевает постоянные изменения, которые фиксируются в акте самосознания,

Если новая информация противоречит содержанию сложившейся системы знаний личности, то появляется «познавательный диссонанс», в результате которого совершается реорганизация информационной структуры личности. Процесс взаимодействия человеческого «Я» с «не-Я» всегда приводит к определенным новообразованиям в психике, знаменует собой новую ступень в развитии человека и его самосознания, сопровождается обычно острыми эмоциональными переживаниями. Последнее необходимо учитывать, скажем, в работе с молодыми воинами в начальный период их службы, а также при назначении на новую должность, при смене воинских коллективов, на первом этапе решения задач боевой и политической подготовки и т. п. Обязанностью командиров и политработников в этих случаях является обеспечение первоуспеха в службе, стимулирование стенических (положительных) чувств воинов, оптимальный ввод их в строй, гармоническое сочетание прошлого опыта человека с его новыми ролями. Все это способствует развитию самосознания человека-воина, повышению его морально-политического и психологического потенциала.

Самосознание носит **предметно-деятельный** характер. В деятельности человек обнаруживает свои физические и психические качества и возможности, осознает их и на этой основе определяет свое место и роль в различных общественных группах и обстоятельствах. Ратный труд советского воина представляет собой непременное условие развития его самосознания. Служба в Вооруженных Силах позволяет человеку быстрее и глубже осознать свою общественную сущность, внести соответствующие коррективы в различные виды жизнедеятельности. Эта огромная воспитательная роль Советской Армии ярко охарактеризована на XXV и XXVI съездах партии.

ГЛАВА VII

МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ДИАЛЕКТИКА КАК ОБЩАЯ ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ПОЗНАНИЯ И РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПРАКТИКИ

В комплексе философских проблем, решение которых определяет мировоззренческие и методологические позиции людей, помимо основного вопроса философии решающее значение имеет учение о всеобщей взаимосвязи и развитии явлений природы, общества и мышления — материалистическая диалектика. Учение о соотношении материи и сознания, с одной стороны, и диалектика, с другой, представляют собой неразрывное целое, ибо последовательно проведенный материализм насквозь диалектичен, а научная диалектика только и может развиваться на фундаменте материализма. Как материализм, так и диалектика выступают одновременно и как теория, и как метод, дополняя и пронизывая друг друга. Только в абстракции и в учебных целях допустимо рассматривать диалектику в относительной обособленности от материалистического учения. Знание диалектики, овладение ею как революционной душой марксизма-ленинизма — непременное условие развития научного мировоззрения, повышения методологической культуры каждого человека, и в особенности воспитателей, организаторов, в ряду которых почетное место занимают офицеры социалистической армии.

1. СУЩНОСТЬ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТИКИ

Термин «диалектика» в переводе с древнегреческого языка означает «вести беседу», «рассуждать». Сократ рассматривал диалектику как искусство обнаружения истины путем столкновения различных взглядов. Софисты (так в древности называли учителей мудрости) придали этому понятию другой смысл, превратив диалектику в средство выдавать ложное за истинное, а истинное за ложное. В средневековой философии термину «диалектика» придавали различные значения, в частности, она рассматривалась как учение о сущем, как искусство отделения истины от лжи. Кант видел в диалектике логику видимости, ко-

торая не приводит к обнаружению истины. Гегель связал с термином «диалектика» понятие о единственно правильном методе познания, а противоположный ему метод назвал метафизическим[1].

Основоположники научной философии использовали идеи Гегеля о диалектике как методе познания, критически переработав их и создав принципиально иное учение о всеобщей связи и развитии объективной и субъективной реальности. С высоты этого учения оказалось возможным осмыслить и подлинную историю диалектики, этапы и формы ее развития.

Первой формой диалектики была стихийная диалектика древних (Гераклит, Зенон, Платон, Аристотель), которая развивалась на материалистической и идеалистической основах. Элементы диалектики содержались и в философских системах средневековья. Эти элементы получили развитие в философских учениях материалистов нового времени, хотя в целом их материализм оставался метафизическим. Именно поэтому второй развитой формой диалектики Ф. Энгельс назвал диалектику классической немецкой философии от Канта до Гегеля[2]. Высокого уровня развития достигла диалектика в трудах русских революционных демократов, которые видели в ней «алгебру революции» (А. Герцен).

Высшей формой диалектики явилась материалистическая диалектика основоположников научной философии. То качественно новое, что внесли К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин в учение о диалектике, сводится к следующему.

Во-первых, они придали диалектике универсальный характер, справедливо считая ее присущей всей движущейся материи. В отличие от Гегеля, который ограничивал диалектику сферой мышления, основоположники научной философии признавали существование **объективной диалектики**, которая «царит во всей природе»[3], и **субъективной диалектики**, которая есть не что иное, как диалектика отражения в человеческом сознании, мышлении внешнего мира[4].

Во-вторых, основоположники научной философии придали диалектике подлинно материалистический характер. Они дока-

---

[1] Термин «метафизика» в переводе с древнегреческого буквально означает «после физики». Впервые этим термином была названа рукопись Аристотеля, в которой излагались проблемы гносеологии и онтологии. Александрийский библиотекарь Андроник Родосский (I в. до н. э.), располагая произведения Аристотеля в определенной последовательности, поместил данную работу Аристотеля после труда «Физика». С этим случайным названием впоследствии на протяжении многих веков связывалось представление о философско-гносеологических и философско-онтологических проблемах. Гегель придал этому термину принципиально иное значение, которое было воспринято и материалистически переосмыслено К. Марксом, Ф. Энгельсом и В. И. Лениным.

[2] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 370.

[3] Там же, с. 526.

[4] См. там же, с. 526; т. 21, с. 302.

зали, опираясь на достижения других наук, что «диалектика головы — только отражение форм движения реального мира, как природы, так и истории»[1], что «диалектика *вещей* создает диалектику *идей*, а не наоборот»[2], что субъективная диалектика вторична по своему генезису и содержанию по отношению к объективной диалектике.

В-третьих, они определили предмет материалистической диалектики как науки. «Первое, что нам бросается в глаза при рассмотрении движущейся материи, — писал Ф. Энгельс, — это взаимная связь отдельных движений отдельных тел между собой, их *обусловленность* друг другом»[3]. «В том обстоятельстве, что эти тела находятся во взаимной связи, уже заключено то, что они воздействуют друг на друга, и это их взаимное воздействие друг на друга и есть именно движение»[4]. Иначе говоря, основоположники научной философии рассматривали диалектику как науку о всеобщей связи[5] и движении материи.

Но это общее определение диалектики как науки они конкретизировали, учитывая, что всеобщая связь и движение изучаются различными науками. Из всех форм связи диалектика изучает всеобщие и наиболее существенные, то есть связи закономерные, или законы. Далее, движение может быть прогрессивным (движением по восходящей линии, от низшего к высшему, от старого к новому) и регрессивным (противоположным прогрессивному), движением по кругу и движением-развитием, в котором при наличии регрессивных моментов доминантным выступает прогрессивное движение. Учитывая потребности практики (и прежде всего революционной), основоположники научной философии обращали главное внимание на законы не движения вообще, а движения-развития. По их мнению, «диалектика и есть не более как наука о всеобщих законах движения и развития природы, человеческого общества и мышления»[6]. В. И. Ленин считал, что диалектика — это «учение о развитии в его наиболее полном, глубоком и свободном от односторонности виде...»[7].

В-четвертых, К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин определили социальные функции материалистической диалектики. Она выступает как теория, как наука, придающая материалистическому мировоззрению диалектический характер. Вместе с тем диалектика является методом познания, мышления и методом прогрессивного, и прежде всего революционного, преобразования действительности. Еще более актуально звучат ныне слова Ф. Эн-

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 519.
[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 178.
[3] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 544.
[4] Там же, с. 392.
[5] См. там же, с. 343.
[6] Там же, с. 145.
[7] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 43—44.

гельса о том, что «именно диалектика является для современного естествознания наиболее важной формой мышления, ибо только она представляет аналог и тем самым метод объяснения для происходящих в природе процессов развития, для всеобщих связей природы, для переходов от одной области исследования к другой»[1]. Именно поэтому диалектика применима и к теории познания, и к логике мышления. В этом и состоит суть ленинского положения о единстве диалектики, логики и теории познания[2]. Еще более важным функциональным аспектом диалектики является возможность ее использования как орудия революционного преобразования общества.

Таким образом, диалектика как наука о всеобщих законах развития, будучи применена к природе, выступает как диалектика **природы**, будучи применена к обществу — выступает как диалектика **общества**, общественного развития. Диалектика, взятая как наука о логическом мышлении, его законах и формах, выступает как диалектика **мышления**, диалектическая логика. Будучи применена к познанию, его законам и формам, она выступает как диалектика **познания**, как своеобразная **теория познания.**

Материалистическая диалектика имеет свое специфическое применение и в военном деле, поскольку оно существенно отличается от других областей общественной жизни. Сущность войны, ее специфика и условия, в которых она ведется, определяют особую форму проявления объективной диалектики, а следовательно, имеются особенности и в применении материалистической диалектики как науки.

Применение материалистической диалектики к различным областям познания и деятельности осуществляется не изолированно от материалистического учения и материалистического метода[3], а неразрывно с ними. Вот почему более точно с терминологической точки зрения метод, разработанный марксистско-ленинской философией, называть диалектико-материалистическим.

Диалектико-материалистическая концепция развития взаимосвязанных явлений противостоит метафизической. Эту противоположность двух концепций развития В. И. Ленин раскрыл ярко и глубоко во фрагменте «К вопросу о диалектике» («Философские тетради»). Современная метафизика претерпела значительную эволюцию, но те ее пороки, на которые указал В. И. Ленин, остались в своей сущности неизменными. Современные метафизики также отрывают субъективную диалектику от объективной, проводят между ними непроходимую пропасть, ограни-

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 367.
[2] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 301.
[3] К. Маркс писал, что материалистический метод суть «единственно научный метод» (См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 383. Подстрочник).

чивают сферу применения диалектики лишь сферой мышления, отрицают единство и борьбу противоположностей как источник самодвижения, абсолютизируют или количественные или качественные изменения и т. д.

2. СИСТЕМА КАТЕГОРИЙ, ЗАКОНОВ И ПРИНЦИПОВ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТИКИ

Субъективная диалектика в своем становлении и развитии заключает в себе возможность самопревращения в стройную систему знания. Эта возможность обусловлена тем, что «вся доступная нам природа образует некую систему, некую совокупную связь тел...» [1]. Чем полнее, целостнее отражена объективная реальность в сознании, тем ближе научная картина мира приближается к **системе**, а не к механическому конгломерату знаний.

Однако создание всеохватывающей научной картины мира — сложное и трудное дело. Оно стимулируется прежде всего потребностями практики, которая исторически ограничена. Наступление науки ведется более интенсивно в одном направлении и более замедленно в другом. Не всегда современники выдающихся открытий могут по достоинству оценить эти открытия и органично включить их в существующую совокупность знаний. На глобусе научной картины мира есть еще много белых пятен, которые ждут своих первооткрывателей. И тем не менее можно с полным основанием утверждать, что создана общая теория развития природы, общества и мышления. В качестве такой системы знаний и выступают диалектический материализм, материалистическая диалектика, что в сущности одно и то же [2].

Свою роль общей теории развития природы, общества и мышления материалистическая диалектика выполняет с помощью своего понятийного аппарата — обширного арсенала категорий, законов, принципов.

Каждая наука имеет в своем распоряжении категориальный аппарат — совокупность узловых понятий — **категорий**, в которых отражены существенные стороны, свойства, явления, процессы объективной действительности.

Философские категории в отличие от категорий других наук имеют всеобщий, универсальный характер, то есть они применимы для исследования природы, общества, мышления (например, категории количества, качества, противоречия и т. д.). Они тесно связаны друг с другом и в своей совокупности в состоянии выразить сущность всей научной картины мира. В них сконцентрировано исключительное богатство мысли. Будучи родовыми понятиями, они раскрывают суть явлений и по своей информативности (содержательной насыщенности) приближаются к смыс-

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 392.

[2] См.: Кедров Б. М. О методе изложения диалектики. — Вопросы философии, 1978, № 1, с. 60.

ловому значению законов науки. Это объясняется тем, что в отдельных категориях спрессовано и представлено в свернутом виде учение о важнейших связях реальной действительности (например, в категориях «материя», «сознание»). В. И. Ленин отмечал, что «родовое понятие есть «сущность природы», есть **закон**...»[1]. Именно поэтому вся полнота материалистической диалектики может быть передана системой категорий. Как и другие элементы диалектики (законы, принципы), категории несут в себе онтологическое и гносеологическое содержание, служат формами логического мышления и выполняют мировоззренческую и методологическую функции.

Познание природы, логическое осмысление ее явлений начинается с формирования понятий. «Перед человеком *сеть* явлений природы, — писал В. И. Ленин. — Инстинктивный человек, дикарь, не выделяет себя из природы. Сознательный человек выделяет, категории суть ступеньки выделения, т. е. познания мира, узловые пункты в сети, помогающие познавать ее и овладевать ею»[2].

Развитие категориального аппарата осуществляется в двух формах: экстенсивной и интенсивной[3]. Экстенсивное развитие категорий заключается в приращении категорий, увеличении их числа, свидетельствующем о теоретическом освоении новых участков мироздания, расширении географии познания. Аристотель в своем труде «Категории» исследовал лишь 10 понятий. И. Кант в «Критике чистого разума» уже подвергает теоретическому анализу 16 категорий, а у Гегеля их число резко возрастает. Основоположники научной философии впервые ввели в научный оборот такие категории, как общественное бытие, общественное сознание, общественно-экономическая формация и т. д.

Другая форма — интенсивное развитие категорий — состоит в углублении содержания уже известных категорий, возрастании их информативности. Категория материи в интерпретации В. И. Ленина качественно отличается от аналогичного понятия в трудах древних материалистов, ибо включает в себя все достижения предшествующей философской и естественнонаучной мысли.

Несмотря на то что в категориях материалистической диалектики заключено такое богатое содержание, которое приближает их к законам, последние выступают качественно более высокой ступенью познания. В законах материалистической диалектики выражены объективные, существенные, необходимые, повторяющиеся связи и тенденции движения и развития природы, общества, мышления, то есть законы объективной диалектики. «Закон есть *отношение*... Отношение *сущностей* или между сущностями»[4].

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 240.
[2] Там же, с. 85.
[3] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 729.
[4] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 138.

Законы действуют не автономно друг от друга, а находятся в универсальном закономерном взаимодействии. Именно поэтому **закономерность** выражает пределы, меру взаимодействия законов, которые в своей совокупности «*охватывают* условно, приблизительно универсальную закономерность вечно движущейся и развивающейся природы» [1]. К закономерностям, изучаемым материалистической диалектикой, относятся всеобщая связь явлений объективного мира и их движение, развитие. Это обстоятельство объясняет тот факт, что самое общее определение диалектики классики марксистско-ленинской философии и давали через эти закономерности [2].

Переходным «мостиком» от теории к практике служат **принципы** — теоретические положения, которые помимо отражения содержательной стороны категорий и законов несут на себе нормативную, регулятивную нагрузку, ориентируя и побуждая людей действовать определенным образом. Принципы не предшествуют познанию, если рассматривать его генетически, а выводятся из него (из категорий, законов) как его результат. Критикуя идеалистически мыслящего Е. Дюринга, считавшего, что люди подгоняют действительность под принципы, стремясь упорядочить свои представления о ней, Ф. Энгельс подчеркивал: «...принципы — не исходный пункт исследования, а его заключительный результат; эти принципы не применяются к природе и к человеческой истории, а абстрагируются из них; не природа и человечество сообразуются с принципами, а, наоборот, принципы верны лишь постольку, поскольку они соответствуют природе и истории» [3].

Так как принципы ближе к практике, они формулируются людьми нередко раньше, чем осмысливаются законы. Это объясняется тем, что практик не склонен ждать, когда теоретик объяснит ему генезис принципа. Однако эффективность применения принципа тем больше, чем он полнее впитывает в себя содержательную сторону закона (законов) и категорий независимо от того, интуитивно или эмпирически «схватывается» суть закона, осмыслена ли связь между законами и принципами или нет.

Принципы логически следуют из категорий и законов. При этом из одной категории или одного закона могут быть выведены один или несколько принципов или, наоборот, одному принципу

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 164.

[2] Строгого различия в употреблении понятий «закономерность» и «закон» в трудах классиков марксизма-ленинизма, научной (марксистской) литературе не проводится. Эти категории часто употребляются в синонимическом смысле. Одни авторы определяют закон как систему закономерностей (см.: Философская энциклопедия. М., 1962, т. 2, с. 149), другие считают законом однозначно определяемую связь, а закономерностью — лишь приблизительное определение сущности и т. д. Однако в марксистской литературе наблюдается устойчивая тенденция к унификации этих понятий, которая и выражена выше в настоящем пособии.

[3] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 34.

могут соответствовать несколько категорий или несколько законов. Так, из категории материи, как было показано в соответствующей главе, выведены принципы материалистического монизма, объективности и познаваемости мира. Из всех основных законов материалистической диалектики следует принцип развития. Следовательно, между категориями и законами материалистической диалектики, с одной стороны, и вытекающими из них принципами — с другой, существует количественное и качественное различие.

Несмотря на огромную степень обобщения, категории, законы и принципы материалистической диалектики обладают колоссальной содержательностью заключенной в них информации, а потому имеют величайшую эвристическую ценность.

Попытки осмыслить материалистическую диалектику как систему научного знания в марксистской литературе предпринимались неоднократно, о чем свидетельствуют многочисленные учебные пособия, коллективные и монографические труды[1]. В качестве исходных принципов построения такой системы одни авторы выдвигают единство исторического и логического, другие — совпадение диалектики, логики и теории познания, третьи — онтологические связи (вещи — свойства — отношения), четвертые — восхождение от абстрактного к конкретному, пятые — принцип развития, начиная от исходной элементарной «клеточки» (со ссылкой на «товар» в «Капитале» К. Маркса), и т. д.

Классики материалистической диалектики исходили из того, что создание и построение абсолютно завершенной системы субъективной диалектики, на что притязал Гегель, — дело безнадежное[2], ибо объективная диалектика неисчерпаема в своем изменении и развитии, а знания людей о ней всегда исторически ограниченны. Однако «уразумение того, что вся совокупность процессов природы находится в систематической связи, побуждает науку выявлять эту систематическую связь повсюду, как в частностях, так и в целом»[3]. Такое выявление связей реализуется в материалистической диалектике как системе, открытой для включения в нее будущих открытий.

Факторы, влияющие на создание такой системы, определяются системным характером самой объективной диалектики, уровнем и характером развития научного знания и практики. В. И. Ленин подчеркивал, что «вся человеческая практика должна войти в полное «определение» предмета и как критерий истины и как практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку»[4]. Практика выступает основой, средством,

---

[1] См.: Копнин П. В. Диалектика как логика. Киев, 1961; Шептулин А. П. Система категорий диалектики. М., 1967; История марксистской диалектики. От возникновения марксизма до ленинского этапа. М., 1971; Оруджев Э. М. Диалектика как система. М., 1973; и др.

[2] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 36, 630.

[3] Там же, с. 35—36.

[4] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 290.

целью и критерием познания. «...**ПРАКТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА МИЛЛИАРДЫ РАЗ ДОЛЖНА БЫЛА ПРИВОДИТЬ СОЗНАНИЕ ЧЕЛОВЕКА К ПОВТОРЕНИЮ РАЗЛИЧНЫХ ЛОГИЧЕСКИХ ФИГУР, ДАБЫ ЭТИ ФИГУРЫ МОГЛИ ПОЛУЧИТЬ ЗНАЧЕНИЕ АКСИОМ**»[1].

Предпосылкой научного познания выступает переход от живого созерцания отдельных предметов в процессе практической деятельности к образованию абстракций, понятий об этих предметах. На уровне эмпирического познания происходит восхождение от объективно конкретного (отдельного предмета) к абстрактному. «Мышление, восходя от конкретного к абстрактному, не отходит... *от* истины, а подходит к ней»[2].

На уровне научного теоретического анализа происходит восхождение об абстрактного к конкретному. «Движение познания к объекту всегда может идти лишь диалектически: отойти, чтобы вернее попасть...»[3] При этом конкретное в научном познании — это «единство в многообразии», это и отдельная вещь, и целая система вещей, это и их всеобъемлющее определение. С другой стороны, абстрактное — не только мысленный слепок с действительности, но и момент, извлечение из объективно конкретного. «Иными словами, и абстрактное, и конкретное здесь непосредственно понимаются как формы движения мысли, воспроизводящей некоторое объективно расчлененное целое»[4].

Классики марксизма-ленинизма считали метод восхождения от абстрактного к конкретному правильным способом мышления, воспроизводящим логику мышления. К. Маркс писал, что «метод восхождения от абстрактного к конкретному есть лишь тот способ, при помощи которого мышление усваивает себе конкретное, воспроизводит его как духовно конкретное»[5].

Восхождение от абстрактного к конкретному — не единственно возможный способ познания, но особо продуктивный, ибо он включает в себя в снятом виде единство исторического и логического освоения мира в их развитии. Вот почему исследователи-марксисты все более утверждаются в мысли, что построение системы материалистической диалектики может быть наиболее успешно реализовано лишь на пути следования методу восхождения от абстрактного к конкретному.

Этот метод лежит в основе построения, как правило, учебных дисциплин, курсов, логика которых воспроизводит логику науки. Нетрудно заметить, что этот метод лежит в основе построения и настоящего пособия. Диалектическое учение о материи и сознании, предваряющее изложение более конкретных проблем,— это в определенной мере абстрактное учение. По

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 172.
[2] Там же, с. 152.
[3] Там же, с. 252.
[4] Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного.— В кн.: История марксистской диалектики, с. 240.
[5] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 37—38.

мере перехода к анализу взаимосвязи, развития материи и более конкретных ее форм это учение становится все более конкретным. Изучение социальной формы движения (предмет исторического материализма) служит углублению наших знаний. По сравнению с социальной формой движения, взятой в общем, абстрактном плане, война выступает конкретным явлением и т. д. Таков диалектический путь познания. «*Бесконечная* сумма общих понятий, законов etc.,— указывал В. И. Ленин,— дает *конкретное* в его полноте» [1]. Следовательно, построение и изложение диалектики как системы знаний наиболее оптимально на базе использования принципа и метода восхождения от абстрактного к конкретному.

3. ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКОЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТИКИ ДЛЯ ПОЗНАНИЯ И РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПРАКТИКИ

Критикуя предшествующие научной философии теоретические системы, К. Маркс видел их порок и в том, что их творцы не стремились (или, точнее, не могли) использовать эти философские системы как орудие преобразования мира, а лишь объясняли его. Из этого отнюдь не следует, что К. Маркс не считал задачей научной философии объяснение мира,— он видел в этом лишь ступень к изменению действительности, которая должна вести к следующей революционно-творческой, практической ступени в деятельности людей.

Объяснение мира требует адекватного, истинного отражения объективной реальности. Учение об истине — важнейший вопрос марксистско-ленинской теории познания, узловой пункт применения материалистической диалектики к процессу духовного освоения мира.

Во внемарксистской философии существуют различные концепции истины. Сенсуалистская концепция считает истиной чувственно данное; рационалистическая — сводит истину к согласию идеи с самой собой (по Гегелю, «идея есть истина в себе и для себя...» [2]); сторонники конвенциализма рассматривают истину как результат соглашения (конвенции) между людьми; прагматисты видят в истине то, что полезно, что ведет к успеху; неопозитивисты признают истинными взаимосогласованные предложения, которые поддаются логической проверке (верификации) и т. д. [3]

Во всех этих концепциях отражены отдельные грани познания, но абсолютизированные, уродливо раздутые, метафизически оторванные друг от друга, а потому искажающие истину об истине.

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 252.
[2] Гегель. Соч. М.— Л., 1929, т. 1, ч. 1, с. 320.
[3] См.: Чудинов Э. М. Природа научной истины. М., 1977.

Следуя материалистической традиции, К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин рассматривали истину прежде всего как духовное, идеальное образование. В истине нет ни грана материального. Вот почему понятие материальной истины есть абсурд.

Истина представляет собой единство объективного и субъективного, то есть она зависит и от объекта, и от субъекта[1]. **Объективность истины** означает, что в человеческих представлениях заключено такое содержание, которое «не зависит от субъекта, не зависит ни от человека, ни от человечества»[2], а является идеальным отражением явлений, процессов, предметов объективной реальности, то есть является проекцией объективного мира на «экран» человеческого сознания.

Субъективность истины означает, что ее носителем выступает субъект, личность, без которой нет и не может быть истины. Субъективность проявляется и в том, что форма истины может быть различной — она может быть выражена чувственным образом[3], понятием, суждением, причем на многих языках. При этом следует иметь в виду, что эта субъективность — не способность изолированного индивида, а свойство общественного человека. Субъективность истины состоит и в глубине, точности отражения объектов внешнего мира. Это обусловлено тем, что истина есть и результат, и процесс[4], она **абсолютна и относительна.**

«Материалистическая диалектика... признает относительность всех наших знаний не в смысле отрицания объективной истины, а в смысле исторической условности пределов приближения наших знаний к этой истине»[5]. Относительность истины вытекает из ее свойства как процесса и означает, что на определенном этапе своего развития познание фиксирует лишь отдельные свойства, стороны явления, а не «схватывает» его «целиком, безусловно, абсолютно».

Абсолютность истины не означает окончательной завершенности точного, всеохватывающего познания мира (это идеал, к которому человечество стремится, но которого невозможно достичь), а означает получение таких результатов в познании, которые никогда не могут быть опровергнуты.

В каждой относительной истине есть зерна абсолютного знания, и каждая абсолютная истина, взятая за пределами ее применения, относительна. Материалистическая диалектика признает «относительность всякого знания и абсолютное содержание в каждом шаге познания вперед»[6].

---

[1] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 7—8.
[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 123.
[3] См. там же, с. 109—110.
[4] См. там же, т. 29, с. 183.
[5] Там же, т. 18, с. 139.
[6] Там же, т. 29, с. 162.

Из диалектики абсолютности и относительности истины[1] вытекает такое ее свойство, как **конкретность**, означающая, что истина имеет четко очерченные пределы ее применения, ибо «всякую истину, если ее сделать «чрезмерной»... если ее преувеличить, если ее распространить за пределы ее действительной применимости, можно довести до абсурда, и она даже неизбежно, при указанных условиях, превращается в абсурд»[2].

Определение объективности содержания истины, ее глубины и пределов ее применимости в конечном счете возможно лишь на основе **практики**. Включение практики в ее полном объеме в диалектику познания — заслуга марксистской гносеологии. «В практике,— писал К. Маркс,— должен доказать человек истинность, т. е. действительность и мощь, посюсторонность своего мышления. Спор о действительности или недействительности мышления, изолирующегося от практики, есть чисто *схоластический* вопрос»[3]. Следовательно, проверяемость истины с помощью практики — это одно из существенных свойств истины. Теоретическое положение, которое может быть подтверждено практикой только в будущем, для настоящего времени выступает как гипотеза, более или менее вероятная, но гипотеза. Это отнюдь не означает, что истина не применима к явлениям будущего. Прошлое, настоящее и будущее сцеплены причинно-следственными связями. Настоящее — следствие прошлого. Будущее — следствие настоящего. В той мере, в какой явление будущего детерминировано установленными с помощью практики причинами, коренящимися в настоящем, можно говорить об истинности событий будущего.

Таким образом, **истина** — это процесс и результат подтвержденного и подтверждаемого практикой адекватного (верного, точного) отражения объективно существующих и находящихся в движении явлений, предметов в субъективных конкретно-чувственных и логических формах.

Материалистическая диалектика в учении об истине доказывает свою мощь, связывая воедино объективную и субъективную диалектику с помощью практики и в то же время подчеркивая различие между ними, вторичность истинных образов и понятий по отношению к объективной реальности, а также тонкую взаимосвязь между абсолютностью и относительностью истины, ее объективностью и субъективностью.

Материалистическая диалектика выступает инструментом познания явлений природы и социальных процессов и методом революционно-преобразующей деятельности людей, участвующих в строительстве социализма и коммунизма. Категории, законы и принципы материалистической диалектики позволяют глубоко

---

[1] Другие аспекты диалектики абсолютной и относительной истины рассматриваются в статье И. С. Нарского «Диалектика относительности и абсолютности истины» (см.: Философские науки, 1978, № 5, с. 27—37).

[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 46.

[3] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 1—2.

вскрыть и понять содержание современной эпохи, ее противоречия, тенденции ее развития, соотношение социального и научно-технического прогресса и их влияние на развитие военной теории и практики.

Материалистическая диалектика служит незаменимым инструментом познания и руководством к действию и в собственно военном деле. Один из соратников В. И. Ленина пролетарский полководец М. В. Фрунзе писал о роли диалектики: «Красный командир должен научиться в полной мере владеть тем методом мышления, тем искусством анализа явлений, который дан марксистским учением. Сущность этого метода сводится к тому, что для нас не может быть ничего абсолютного и закостенелого; все течет и изменяется, и всякое средство, всякий метод может найти свое применение в известной обстановке. Искусство командира проявится в умении из многообразия средств, находящихся в его распоряжении, выбрать те, которые дадут наилучшие результаты в данной обстановке и в данное время» [1]. В эпоху современной революции в военном деле эти слова особенно актуальны.

Для того чтобы материалистическая диалектика стала подлинным средством научного познания и революционно-практического преобразования действительности, необходимо, как указывается в статье «О значении воинствующего материализма», которая является как бы философским завещанием В. И. Ленина, «организовать систематическое изучение диалектики... разрабатывать эту диалектику со всех сторон...» [2].

---

[1] Фрунзе М. В. Избр. произв. М., 1950, с. 190.
[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 30.

ГЛАВА VIII

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ЗАКОНОВ И ПРИНЦИПОВ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТИКИ

Материалистическая диалектика наиболее зримо выполняет свою методологическую роль через систему законов и принципов, исходным логическим материалом которых выступают категории. В системе многочисленных законов материалистической диалектики наиболее фундаментальную роль играют **основные** законы: закон единства и борьбы противоположностей, закон взаимного перехода количественных изменений в качественные и закон отрицания отрицания. Важное место в системе материалистической диалектики занимают **неосновные** законы, выражающие связи, которые раскрываются через соотношение полярных (парных) категорий: явления и сущности, причины и следствия, необходимости и случайности, возможности и действительности и т. д. Из этих законов (основных и неосновных), а также отдельных категорий материалистической диалектики (например, категорий всеобщей связи, развития и др.) выводятся принципы. В настоящей главе более конкретно по сравнению с предыдущей главой рассматриваются законы и принципы материалистической диалектики и их методологическая функция применительно к военной теории и практике.

1. ОСНОВНЫЕ ЗАКОНЫ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТИКИ И ИХ ПРОЯВЛЕНИЕ В ВОЕННОМ ДЕЛЕ

Основные законы материалистической диалектики **раскрывают всеобщую связь** между противоположными сторонами движущейся материи, между количественной, качественной и структурной ее определенностью, между низшими и высшими ее формами и **характеризуют источник, формы движения и направленность развития.** Закон единства и борьбы противоположностей дает ответ на вопрос: в чем заключается источник движения, какова его глубинная причина? Закон взаимного перехода количественных изменений в качественные отвечает на вопрос: каковы всеобщие формы движения и развития? Закон отрицания отрицания указывает: в каком направлении происходит развитие.

Эти законы являются основными и потому, что они определяют природу более конкретных связей, выражаемых соотношением парных категорий. Последние связи не могут быть всесторонне поняты без предварительного рассмотрения основных законов. Так, явление и сущность представляют противоположные стороны, составляющие противоречие. Каждая из этих сторон имеет количественную и качественную определенность. Углубление нашего познания идет в направлении от явления к сущности, от сущности 1-го порядка к сущности 2-го порядка и т. д. без конца, причем сущность более глубокого порядка является отрицанием предыдущей. Следовательно, диалектика явления и сущности, обладая определенной спецификой, в самом главном подчинена действию основных законов. Так же обстоит дело и с другими неосновными законами.

В свою очередь в системе основных законов центральное место принадлежит закону единства и борьбы противоположностей. «Вкратце, — писал В. И. Ленин, — диалектику можно определить, как учение о единстве противоположностей. Этим будет схвачено ядро диалектики, но это требует пояснений и развития»[1]. В. И. Ленин цитирует важное высказывание Гераклита — древнегреческого материалиста-диалектика, который считал «закон превращения в противоположность» основным законом мира[2].

Центральное положение этого закона в системе всех законов материалистической диалектики обусловлено тем, что он объясняет самое главное, самое существенное в движении, развитии, а именно: их источник. Этот закон позволяет наиболее четко размежевать диалектику и метафизику. Его признание как закона объективной диалектики наносит неотразимый удар по идеализму и религии, сторонники которых связывают источник развития с абсолютной идеей, богом[3] и т. д.

Центральное положение этого закона как ядра диалектики определяется и тем, что он служит своеобразной осью двух других основных и всех неосновных законов, ибо количество и качество, низшее и высшее отрицания образуют противоположности и их взаимосвязь подчинена действию центрального закона диалектики.

Суть этого закона можно выразить в следующей формуле: развитие объективного мира и познания осуществляется путем раздвоения единого (системы) на взаимоисключающие, противоположные моменты, стороны, тенденции, взаимоотношение которых, с одной стороны, характеризует ту или иную систему как нечто целое и качественно определенное, а с другой — составляет внутренний источник, импульс ее изменения, развития, превращения в новое качество. «Сосуществование двух взаимно-проти-

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 203.

[2] См. там же, с. 309.

[3] На XVI Международном философском конгрессе некоторые буржуазные философы вновь объявили бога высшим творцом Вселенной и причиной ее эволюции (см.: Вопросы философии, 1978, № 12, с. 42).

воречащих сторон, их борьба и их слияние в новую категорию,— писал К. Маркс, — составляют сущность диалектического движения»[1].

Взаимопроникновение, взаимодействие противоположных сторон образует противоречие. Одна из сторон является ведущей, определяющей развитие, поэтому «недостаточно объявить их, — указывал К. Маркс, — двумя сторонами единого целого»[2]. «Единство (совпадение, тождество, равнодействие) противоположностей условно, временно, преходяще, релятивно. Борьба взаимоисключающих противоположностей абсолютна, как абсолютно развитие, движение»[3]. Чтобы проникнуть в сущность предмета, необходимо вскрыть содержащиеся в нем противоречия. «В собственном смысле диалектика, — писал В. И. Ленин, — есть изучение противоречия *в самой сущности предметов...»*[4]

Методология применения этого закона требует видеть, что противоречие в своем развитии проходит ряд этапов: тождество (равнодействие); несущественное различие; существенное различие; противоположность (в данном случае этим термином обозначается не одна из сторон противоречия, а самый острый, антагонистически-конфликтный этап в развитии противоречия); разрешение противоречия и образование нового тождества (единства, равнодействия).

В процессе развития противоречия в предмете, явлении накапливаются количественные изменения, подготавливающие переход в новое качество. В результате разрешения противоречия осуществляется качественный скачок, отрицание прежнего и утверждение нового качества, имеющего и новую количественную определенность. Поэтому разрешению противоречия как заключительному этапу развития явления принадлежит особая роль. Задача состоит в том, чтобы вскрыть логику развития противоречия и содействовать ускорению объективного процесса его развития путем максимальной поддержки прогрессивной стороны. По выражению К. Маркса, люди не могут «ни перескочить через естественные фазы развития, ни отменить последние декретами», но они могут «сократить и смягчить муки родов»[5] нового, облегчить его борьбу со старым и ускорить победу над ним.

Уже самый общий (абстрактный) анализ развития противоречия показывает, что закон единства и борьбы противоположностей действует не автономно, не изолированно от других законов, а совместно с ними в русле универсальной закономерности — диалектического развития.

Находясь в состоянии относительного покоя, будучи тождественными самим себе, предметы (явления, события, процессы, состояния) обладают особым качеством — внутренней определен-

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 136.
[2] Там же, т. 2, с. 38.
[3] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 317.
[4] Там же, с. 227.
[5] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 10.

ностью, которая отличает бытие данного предмета от других предметов. Качество проявляет себя через многочисленные свойства — существенные и несущественные. Утрата последних (несущественных) свойств еще не лишает предмет качественной определенности[1]. Качественно однородные предметы, явления отграничены друг от друга во времени и пространстве, обладают дискретностью, прерывностью. Вот эта-то дискретность, прерывность качественно однородных явлений, предметов и составляет их количество. Последнее нельзя смешивать с его математическим выражением (числом). Количество как дискретность, прерывность — элемент объективной диалектики; количество, выраженное числом, — достояние субъективной диалектики.

Единство качества и количества, в пределах которого предмет остается самим собой, не претерпевает качественных изменений, составляет меру, границу, предел данного предмета.

Изменение качества происходит двумя путями: а) в результате накопления количественных изменений, разрушающих меру прежнего качественного состояния предмета; б) в результате изменения структуры элементов (их взаимного расположения и связи между ними) при сохранении одного и того же количества. Ф. Энгельс отмечал, что группировка атомов в молекуле влияет на качество последней: «...таким образом могут появиться два или несколько изомеров, имеющих в молекуле одинаковое число атомов С, Н, О, но тем не менее качественно различных между собой»[2]. Ф. Энгельс приходил к выводу, что этот закон (переход к новому качеству) «выступает... и в другой форме»[3], то есть как следствие структурных изменений. Однако в любом случае переход к новому качеству означает скачок в движении, развитии предметов и явлений.

Суть этого закона может быть выражена в следующей редакции: переход (скачок) от старого качества к новому совершается в результате количественных и структурных изменений, нарушающих меру бытия предмета и создающих условия для последующих изменений в рамках нового качества.

Переход от старого качества к новому является диалектическим отрицанием. Диалектическому отрицанию присущи следующие признаки. Оно характеризует движение по восходящей линии от низшего к высшему, от старого к новому, от менее прогрессивного к более прогрессивному. При этом в качестве высших критериев прогрессивного, а следовательно и нового, выступают высшая ступень развития данного явления («анатомия человека, — писал К. Маркс, — ключ к анатомии обезьяны»[4]) и со-

---

[1] Классики марксистско-ленинской философии употребляли нередко термины «качество» и «свойство» как синонимы, имея в виду не в собственном смысле качество, а его свойства (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 547; Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 289).

[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 388.

[3] Там же.

[4] Там же, т. 46, ч. 1, с. 42.

действие прогрессивному развитию целого, в которое в качестве элемента входит то или иное явление (например, сокращение функций государства и его постепенное отмирание явится его прогрессивным изменением при переходе общества к стадии зрелого коммунизма)[1].

Далее. Развитие от низшего к высшему осуществляется через ряд стадий, ступеней, циклов. Эта многоступенчатость и выражается формулой двойного отрицания («отрицание отрицания»). Этих ступеней не обязательно может быть три (как в так называемой триаде Гегеля: тезис — антитезис — синтез), а две, три, четыре и более.

Отрицание предыдущей стадии развития сопровождается сохранением, удержанием всего положительного, ценного, что имелось на предыдущей стадии. Такое отрицание, в котором сохраняется преемственность со старым, называется еще снятием. При снятии наблюдается как бы возврат к старому, но на новой основе.

Формами проявления диалектического отрицания, снятия выступают: а) спираль, витки которой по мере их удаления от исходного цикла становятся все шире и шире; б) ступенчатость, при которой преемственность выступает как аккумуляция на высшей ступени лишь некоторых моментов низшей ступени, перегруппировка этих моментов.

Суть закона отрицания отрицания может быть выражена в формуле: поступательное движение по восходящей линии происходит как смена (отрицание) одного цикла (стадии) другим путем диалектического снятия, в результате которого осуществляется преемственность в развитии, как бы возврат к старому, но на новой основе. В. И. Ленин подводил под действие этого закона «развитие, как бы повторяющее пройденные уже ступени, но повторяющее их иначе, на более высокой базе («отрицание отрицания»), развитие, так сказать, по спирали, а не по прямой линии...»[2].

Классики марксистско-ленинской философии обращали особое внимание на различие между механическим, зряшным, бесплодным отрицанием, с одной стороны, и диалектическим — с другой. «В диалектике, — писал Ф. Энгельс, — отрицать не значит просто сказать «нет», или объявить вещь несуществующей, или разрушить ее любым способом... Я должен не только что-либо подвергнуть отрицанию, но и снова снять это отрицание. Следовательно, первое отрицание необходимо произвести таким образом, чтобы второе оставалось или стало возможным. Но как этого достигнуть? Это зависит от особой природы каждого отдельного случая. Если я размолол ячменное зерно или раздавил насекомое, то хотя я и совершил первый акт отрицания, но сделал невозможным второй.

---

[1] См.: Петропавловский Р. В. Диалектика прогресса и ее проявление в нравственности. М., 1978, с. 34.

[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 55.

Для каждого вида предметов, как и для каждого вида представлений и понятий, существует, следовательно, свой особый вид отрицания, такого именно отрицания, что при этом получается развитие»[1].

«Ни в одной области не может происходить развитие, не отрицающее своих прежних форм существования»[2]. Не составляет исключения и военное дело, развитие которого представляет сферу, где законы диалектики также проявляют себя в полной мере.

Война вообще и вооруженная борьба как ее важнейшая форма сотканы из противоречий. В частности, вооруженная борьба представляет собой такое единство борющихся сторон, взаимоотношения между которыми доведены до предельной степени ожесточенности. По существу, это основное противоречие, определяющее все остальные и внутри каждой из борющихся сторон: между политическим содержанием войны и его реализацией в вооруженной борьбе, между военной техникой и способами ведения боевых действий, между наступлением и обороной, между движением и огнем, между человеком и техникой и т. д. Короче говоря, сама вооруженная борьба, организация армии, управление ею, развитие техники, их познание насквозь противоречивы. Разрешение этих противоречий ведет к новому качественному состоянию борющихся сторон, отрицающему их прежнее качественное состояние.

2. МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ОСНОВНЫХ ЗАКОНОВ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТИКИ

Основные законы материалистической диалектики выполняют свою методологическую функцию через принципы, выведенные из них. Но поскольку эти законы выступают более конкретным проявлением всеобщих универсальных закономерностей — всеобщей связи материального мира и его движения, постольку принципам, выводимым из основных законов диалектики, логически предшествуют всеобщие универсальные принципы, выведенные из названных закономерностей. К числу таких всеобщих принципов В. И. Ленин относил принцип развития и принцип единства мира[3].

Всеобщий универсальный принцип развития конкретизируют следующие принципы:

— обнаружение противоречий в их развитии и выявление способов их оптимального разрешения (соответствует закону единства и борьбы противоположностей);

— количественный, качественный и мерный подходы (соответствуют закону взаимного перехода количественных изменений в качественные);

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 145—140.
[2] Там же, т. 4, с. 297.
[3] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 229.

— принцип диалектического отрицания как условия прогрессивного развития (соответствует закону отрицания отрицания);

— принципы исторического и логического подходов (соответствуют всем основным законам диалектики);

— принципы конкретности анализа конкретной обстановки (соответствуют всем основным законам диалектики).

Всеобщий универсальный принцип единства мира — движущейся материи, все элементы которой находятся во взаимодействии и взаимной связи, конкретизируют принципы, соответствующие также основным законам диалектики, взятым в их единстве, и материальности мира:

— принцип всесторонности;

— принцип детерминизма;

— принцип единства теории и практики.

Разумеется, из всеобщих универсальных закономерностей и основных законов материалистической диалектики можно вывести и другие принципы, но приведенные здесь относятся к числу наиболее важных, играющих незаменимую методологическую роль в теории и практике вообще, в военной теории и практике в частности. Какова же эвристическая ценность этих принципов?

Принцип обнаружения противоречий в их развитии и выявления способов их оптимального разрешения ориентирует командиров, политработников не игнорировать противоречия, не закрывать глаза на них, а сознательно обнаруживать их, выделять среди них основное, выявлять степень их остроты, ведущую сторону противоречий и находить оптимальный способ их разрешения. Этот принцип ориентирует офицеров социалистической армии сознательно избирать ту сторону противоположностей, которая является ведущей, поддержка и защита которой предопределяют оптимальность разрешения противоречия. Следование этому принципу в теоретической деятельности обязывает создавать такие концепции, которые бы адекватно отражали явления в их противоречивости и развитии.

Так, в управлении подчиненными естественно и психологически понятно стремление командира части вникнуть во все детали, принять личное решение по каждому вопросу, возникающему в полку. Однако такой стиль управления ведет к подмене подчиненных командиров подразделений и не позволяет командиру части успешно выполнять собственные функциональные обязанности, отклоняет от главного. Это реальное противоречие разрешается оптимально, если командир части доверяет своим подчиненным, предоставляет им возможность действовать смело, инициативно, в рамках своих полномочий, не подменяет их, сосредоточив свою энергию на решении тех проблем, которые являются главными и которые, помимо командира части, не могут быть реализованы никем из подчиненных или будут решены не столь успешно.

Принцип количественного, качественного и мерного подходов ориентирует офицеров социалистической армии рассматривать любое явление в единстве количественных и качественных характеристик, учитывать меру, границу, когда явление, обладающее определенным качеством, переходит в другое явление с другим качеством, уметь определить время этого скачка, принимать во внимание, что к новому качеству ведет не только накопление количественных изменений, но и изменение структуры элементов при одном и том же их количестве.

От командиров соединений и частей не всегда и не в полной мере зависит пополнение дивизий, полков техникой и людьми. Но искусство командиров при одной и той же численности техники и личного состава проявляется в умении построить боевой порядок таким образом, чтобы он максимально способствовал увеличению боеспособности соединения, части на поле боя. От боевого порядка существенно зависит качество оперативных и тактических единиц.

Принцип диалектического отрицания нацеливает командиров, инженеров на учет того, что прогрессивное развитие предполагает отрицание отживших форм, ориентирует на сохранение преемственности в развитии, на разработку критериев нового и всемерную его поддержку.

Так, новым в развитии военной техники является возникновение таких систем, которые обладают более высокими боевыми качествами по сравнению с существующими, лучше соответствуют требованиям современной войны. Специалисты относят к критериям, с помощью которых оценивается эффективность новой техники, следующие: тактический (наличие более широких тактических возможностей); технический (простота конструкции, минимум трудоемкости, простота эксплуатации и управления оружием и боевой техникой); экономический (снижение издержек производства, энергетических и трудовых ресурсов); психофизиологический (максимальный учет возможностей человека при эксплуатации и боевом применении техники).

Принцип диалектического отрицания ориентирует командиров, политработников, кадровые органы на оптимальное сочетание опытных и менее опытных специалистов при проведении кадровой политики, перемещении их по службе, исходя из их политических, профессиональных, моральных и возрастных качеств. Этот принцип требует, что «нельзя оставлять на руководящей работе людей, которые проявляют безответственность, живут старым багажом, полагая, что должность сама по себе обеспечивает им авторитет и уважение» [1].

Из универсальной и всеобщей закономерности развития и основных законов материалистической диалектики естественно выводится **принцип исторического подхода** к изучению явлений и их оценке. В. И. Ленин в лекции «О государстве» подчеркивал,

[1] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд. М., 1978, т. 12, с. 155.

что при анализе любых явлений самое важное состоит в том, чтобы «не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»[1]. **Логический подход** — это тот же исторический подход, но освобожденный от несущественных деталей исторического сюжета.

Принцип исторического подхода ориентирует офицеров на изучение военной истории, истории военного искусства и умение опереться на их уроки в своей повседневной деятельности. Этот принцип требует учета изменений в поведении и деятельности подчиненных. Если командир характеризует подчиненного только по «делам давно минувших дней» и не замечает у него новых качеств, это ведет к несправедливой его оценке, создает конфликтные ситуации и мешает делу.

Принцип конкретности анализа конкретной обстановки исходит из того, что возникновение того или иного противоречия происходит в определенных условиях и требует конкретного способа его разрешения.

Так, в процессе воспитания и управления применяются как массовые, так и индивидуальные формы работы с подчиненными. Каждая из них в зависимости от места, времени и условий имеет свои достоинства и недостатки. Массовые мероприятия (собрания, митинги) позволяют командиру оперативно довести до личного состава свои планы, замыслы, но в боевой обстановке их проведение сопряжено с большими трудностями, а чаще всего невозможно. В то же время на индивидуальные встречи с подчиненными у него не всегда хватает времени, хотя их эффективность, как правило, значительно выше. Очевидно, что в каждом конкретном случае командиру наиболее целесообразно избрать определенную форму или их сочетание (например, общая встреча с представителями подразделений, сочетаемая с личными беседами с отдельными подчиненными).

Принцип всесторонности ориентирует офицеров на изучение и учет максимально большего количества фактов, относящихся к тому явлению, которое интересует командира, инженера. «Чтобы действительно знать предмет, — указывал В. И. Ленин, — надо охватить, изучить все его стороны, все связи и «опосредствования». Мы никогда не достигнем этого полностью, но требование всесторонности предостережет нас от ошибок и от омертвения»[2].

В условиях ограниченности времени, которым располагает командир для оценки обстановки, той или иной ситуации, соблюдение принципа всесторонности возможно реализовать путем обеспечения достаточно высокой представительности фактов (ре-

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 67.

[2] Там же, т. 42, с. 290.

презентативности). Ее суть сводится к тому, что для объективной, истинной оценки какого-либо явления не обязательно исследовать все факты, относящиеся к нему, а достаточно ознакомиться с выборочными фактами, которые в своей совокупности дают верную картину события. Искусство командира, любого офицера и состоит в умении определить достоверные источники информации, сопоставить данные и сделать безошибочный вывод.

Принцип всесторонности находит свое воплощение и в комплексном подходе к воспитанию, предполагающем координацию содержания (политического, нравственного, трудового и т. д.), форм, методов, организации воспитания и управления им на основе достижений современной науки. Ни одно воспитательное средство, взятое в отдельности, не может быть признано панацеей от всех зол. Лишь система воспитания, взаимосогласование всех ее элементов дают максимальный эффект.

Из универсальной закономерности — всеобщей связи явлений объективной и субъективной диалектики — выводится и **принцип детерминизма**, суть которого состоит в том, что каждое отдельное явление определяется, обусловлено другими явлениями.

Диалектико-материалистическая идея детерминизма ничего общего не имеет с проповедью плюрализма, который, как показал XVI Всемирный философский конгресс (27 августа — 3 сентября 1978 г., Дюссельдорф), претендует на статус универсальной, общемировоззренческой доктрины. Согласно плюрализму существует множество «истин», отражающих одно и то же явление, равноценность различных идеологических и политических течений, равноценность многих факторов, определяющих то или иное событие[1].

Однако универсальная взаимообусловленность явлений не может заслонить того факта, что она носит неодинаковый характер на различных уровнях взаимодействия. Существуют связи генетические, структурные, функциональные, причинно-следственные и т. д. Между этими связями наблюдается не только координация, но и субординация. Марксистско-ленинская философия требует выделять прежде всего материальную обусловленность, то есть зависимость духовных явлений от материальных, надстроечных — от базисных. В рамках диалектико-материалистически истолкованного детерминизма получают свое адекватное отражение и характер всеобщей связи, и выделение доминантных определяющих связей, и относительная самостоятельность явлений, производных по своей сущности от других. Так, сознание человека, будучи детерминировано объективной реальностью, способно активно воздействовать на нее. «Идея детерминизма, — писал В. И. Ленин, — устанавливая необходимость человеческих поступков, отвергая вздорную побасенку о свободе воли, нимало

---

[1] См.: Федосеев П. Н. Философия и мировоззренческие проблемы современной науки. — Вопросы философии, 1978, № 12, с. 39—40.

не уничтожает ни разума, ни совести человека, ни оценки его действий. Совсем напротив, только при детерминистическом взгляде и возможна строгая и правильная оценка, а не сваливание чего угодно на свободную волю» [1].

Принцип детерминизма ориентирует офицеров на то, чтобы учитывать различный характер связей, обусловливающих то или иное явление, выделять среди этих связей наиболее существенные и соответственно этому видеть в своей деятельности «главное звено». Так, командир, принимая решение на бой, всесторонне оценивает обстановку, учитывает слагаемые, обеспечивающие победоносный исход боевых действий, и вместе с тем определяет направление главного удара, на котором должны быть сосредоточены основные усилия соединения или части.

Одной из относительно конкретных форм выражения всеобщего принципа единства мира, всеобщей связи явлений выступает **принцип единства теории и практики.** Теория и практика — разновидности родовой деятельности человека, каждая из которых имеет свою специфику. Практика выступает основой, движущей силой теории, критерием ее связи с потребностями людей и ее истинности. В свою очередь теория объясняет содержание, природу и смысл практики, указывает направление ее развития, предвосхищает ее результаты.

Таким образом, всеобщие закономерности, основные законы материалистической диалектики, трансформированные через соответствующий им спектр принципов, выполняют важную методологическую функцию в теоретической и практической деятельности офицеров социалистической армии.

3. МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ НЕОСНОВНЫХ ЗАКОНОВ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТИКИ

Методологическую функцию в области теории и практики помимо основных законов материалистической диалектики выполняют и неосновные законы, содержание которых (соотношение сторон) выражено парными (полярными) категориями. Иногда в литературе методологическая функция этих законов характеризуется как функция категорий. Это неточное наименование существенных связей, выраженных парными категориями, которые носят именно закономерный характер. Отдельные категории, как правило, таким качеством не обладают.

К числу неосновных законов материалистической диалектики относятся законы, выражаемые категориями **общее и единичное, причина и следствие, необходимость и случайность, возможность и действительность, содержание и форма, сущность и явление,** и некоторые другие.

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 159.

Соотношение **общего и единичного** состоит в следующем. Существуют отдельные предметы (явления, события). В каждом из них (отдельном) есть нечто **общее**[1], присущее всем отдельным предметам, и есть нечто неповторимо-уникальное (**единичное**), свойственное только каждому предмету, взятому в отдельности. Поскольку отдельные предметы на основе сходства могут быть объединены в определенные группы, классы, то каждому классу, группе предметов присущи признаки, особенные для этого класса или группы. **Особенное** — это нечто среднее между общим и единичным, присущее промежуточной группе предметов помимо общего и единичного в каждом из них. Единством единичного и общего обладают не только вещи, но и каждое их свойство[2]. Например, каждая война содержит в себе черты общие для всех войн вообще: она является продолжением политики того или иного класса насильственными средствами. Вместе с тем каждая война обладает неповторимо-уникальными чертами (единичным): она есть продолжение политики конкретного класса (государства), имеет конкретное политическое содержание, происходит в определенных условиях, в определенном месте, в определенное время. Среди всех войн прошлого и настоящего можно выделить две группы — справедливые и несправедливые, каждая из которых обладает особенными признаками.

Во взаимосвязи отдельных предметов в контексте данного закона выделяются две линии соотношений: 1) между отдельным (индивидуальным предметом в целом) и общим во множестве предметов; 2) между общим, особенным и единичным в группах, классах предметов.

Выражая диалектику отдельного и общего, В. И. Ленин писал: «...отдельное не существует иначе как в той связи, которая ведет к общему... Всякое общее есть (частичка или сторона или сущность) отдельного. Всякое общее лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы. Всякое отдельное неполно входит в общее и т. д. и т. д. Всякое отдельное тысячами переходов связано с другого **рода** отдельными (вещами, явлениями, процессами) и т. д.»[3]

С другой стороны, переход от единичного (неповторимого, уникального) в каждом отдельном предмете к особенному (в группах предметов) и, наконец, к общему во всех предметах зависит от общности признаков, свойств, обнаруживаемых в предметах на том или ином уровне их группировки по сходству. Чем шире, многочисленнее класс объединенных предметов, тем беднее общее. Между тем, не зная общего, мы не в состоянии понять особенное и единичное, а следовательно, и отдельное, взятое в целом, ибо общее характеризует сущность вещей.

---

[1] См.: Шептулин А. П. К вопросу о формах существования универсального в объективной действительности. — Философские науки, 1978, № 4, с. 129—134.

[2] См. там же.

[3] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 318.

Суть закона, выражаемого категориями общего, особенного и единичного, и состоит в том, что каждому отдельно взятому предмету одновременно присущи черты, общие для качественно однородных предметов, специфические (особенные), присущие более узкой, видовой группе предметов, и единичные, свойственные только конкретному, индивидуальному предмету, и только единство общего, особенного и единичного воспроизводит отдельное во всей его полноте. Из этого закона выводится **принцип единства общего, особенного и единичного** в отдельном предмете, событии и т. д.

Этот принцип позволяет проводить классификацию любых явлений на научной основе, ориентирует на учет диалектической взаимосвязи между общим, особенным и единичным, на их взаимопереход при определенных обстоятельствах. Наука, как правило, занимается изучением общего и особенного, ориентируя вместе с тем представителей практики на изучение единичного, учет единичного в повседневной деятельности.

Абсолютизация единичного или общего чревата ошибками в теории и практике. В документах партии подчеркивается необходимость учета как общих закономерностей строительства социализма, так и конкретно-исторической специфики каждой страны: «Глубокое понимание этих общих закономерностей, опора на них в сочетании с творческим подходом и учетом конкретных условий в каждой данной стране были и остаются неотъемлемой особенностью марксистов-ленинцев» [1].

В военном деле абсолютизация единичного может привести к игнорированию военной теории, а преувеличение общего и недооценка конкретного опыта — к отрыву военной теории от практики.

В рамках универсального взаимодействия предметов и явлений, их детерминизма (взаимообусловленности) особое место занимают причинно-следственные связи. **Причина** — это явление, непосредственно обусловливающее, порождающее другое явление (**следствие**) [2]. Причины делятся на объективные и субъективные, главные и неглавные, внутренние и внешние и т. д. Каждое явление (следствие) находит свое основание в некоторых других явлениях и определяется ими. Эта связь носит закономерный характер. Причинно-следственная связь отличается от неизменно повторяющихся временных последовательностей (например, смены дня и ночи), различных корреляций (например, когда увеличение одной величины приводит к соответствующему увеличению другой величины или когда уменьшение одной величины сопровождается увеличением другой) и других форм закономерных связей.

---

[1] КПСС в резолюциях.., т. 12, с. 113.
[2] См.: Философская энциклопедия, т. 4, с. 370.

Из этого закона выведен принцип причинности (каузальности). Принцип причинности ориентирует офицеров на отыскание в сети взаимосвязанных явлений (условий, поводов и т. д.) именно причинно-следственных связей, выделение главных причин, знание которых дает возможность сосредоточивать усилия на решении наиболее важных задач, стоящих перед соединениями и частями.

Оперирование категориями причины и следствия усложняется тем, что каждый процесс вплетен в сеть других. Сила и направленность действия многих причин, переплетение различных следствий могут давать весьма сложную картину реальных боевых действий, вплоть до действительной или кажущейся перемены мест причин и следствий. Поэтому познание условий и направленности причинно-следственных связей, характера их взаимодействия составляет одну из основ научного руководства войсками, развития военного дела.

В ряду причинно-следственных связей центральное место занимают связи, выражаемые категориями **необходимости и случайности. Необходимость** — это то, что обусловлено сущностью данного явления или процесса, всем предыдущим его развитием и поэтому обязательно должно произойти, осуществиться, если условия развития не создают для этого непреодолимых препятствий [1]. **Случайность** — это то, что вытекает не из сущности данного явления или процесса, а является формой проявления другого необходимого и причинно-обусловленного процесса, «пересекающегося» с данным явлением или процессом, или дополнением к необходимости.

Случайность обычно возникает при совпадении, «пересечении» относительно самостоятельных необходимых процессов. Так, движение технически исправного реактивного самолета происходит в силу необходимости под действием давления газа. Движение стаи птиц в определенном направлении тоже осуществляется в силу необходимости (например, перелет птиц осенью в теплые места). А вот встреча птицы с самолетом в воздухе — случайное явление, оно не связано с сущностью движения самолета. Тем не менее во избежание несчастных случаев экипажу самолета, оказывается, нужно знать не только необходимые связи, но и те, лежащие за ее пределами, которые в определенное время могут стать причиной гибели самолета и экипажа.

Случайность может быть и дополнением к необходимости, своеобразным ее отпочкованием и развитием. Так, в годы минувшей войны тот факт, что именно этот, а не другой воин закрыл своим телом амбразуру фашистского дзота, был той случайностью, которая дополняла, развивала и выражала необходимость, присущую всей Советской Армии, — массовый героизм ее воинов.

---

[1] См.: Тюшкевич С. А. Необходимость и случайность в войне. М., 1962, с. 4.

Новые аспекты соотношения необходимости и случайности связаны с действием двух противоположных типов законов: динамических (возникающих при взаимодействии относительно автономных явлений, а потому однозначных, например присущих движению снарядов, ракет, танков и т. д.) и статистических, или вероятностно-статистических, которые суть законы распределения массовых событий, явлений. Последние законы выражают необходимость в виде количественных отношений и всегда связаны с определенной вероятностью наступления единичного события [1]. Вероятностно-статистические законы детерминируют с необходимостью конкретные военные действия в решающем, основном, оставляя достаточно широкий простор для действия различных, в том числе и случайных, тенденций [2]. Так, погода в данный день на данном участке фронта выступает для командования авиасоединения как явление случайное, которое может быть предсказано лишь с определенной вероятностью. Но боевая активность этого соединения в данных погодных условиях — величина, которая с необходимостью обусловлена оборудованностью самолетов, аэродрома и района боевых действий навигационными средствами, приборами слепой посадки, а главное — боевой выучкой экипажей. Тот факт, что статистика отказов боевой техники в масштабах соединения исследуется с помощью вероятностного аппарата теории надежности, вовсе не означает, что каждый из отказов не имеет конкретной причины, не связан с конкретным человеком, отвечающим за обслуживание техники [3].

Соотношение необходимости и случайности есть, по существу, соотношение законов и особенностей их действия в различных условиях. Отсюда следует принцип изучения необходимых связей с учетом случайностей, благоприятных и неблагоприятных для данной необходимости. Этот принцип ориентирует офицеров социалистической армии прежде всего на изучение необходимых закономерных связей и в то же время на предвидение случайностей, ибо любая случайность наряду с необходимостью и на ее основе включается в систему факторов вооруженной борьбы, влияет на ее ход и исход.

С зависимостью необходимости и случайности тесно связана зависимость **возможности и действительности. Действительность** — это все реально существующее (весь материальный мир, включая и его свойство — сознание). Действительность выступает фрагментарно, прерывно, находится в движении, развитии. **Возможность** — это свойство, момент действительности, которая в своем развитии может реализовать это свойство, этот момент, превратив его в новую действительность. Всякая действительность, являясь результатом ранее реализованной возможности, заключает

---

[1] См.: Философская энциклопедия, т. 4, с. 36.
[2] См.: Тюшкевич С. А. Философия и военная теория. М., 1975, с. 236—264.
[3] См.: Бокарев В. А. Кибернетика и военное дело, с. 191—199.

в себе новые возможности, способность рождать новую действительность. В этом смысле развитие есть бесконечный закономерный процесс взаимопревращения возможности и действительности.

Существуют благоприятные и неблагоприятные возможности, реальные и абстрактные (для реализации которых не созрели условия). Так, абстрактная возможность предотвращения войн существовала, но реальной она стала лишь тогда, когда силы социализма и мира стали фактором всемирного значения. От абстрактной возможности следует отличать невозможное, то есть то, что противоречит законам природы и общества. Так, нельзя ускорить движения тела постоянной массы, не прилагая силы, невозможно длительное существование производственных отношений, не соответствующих характеру и уровню развития производительных сил. Умение отличить возможное от невозможного позволяет избежать прожектерства, ставит действия людей на реальную почву.

Превращение возможности в действительность в социальных системах реализуется через сознательную деятельность людей. Так, высокий экономический, научный и военный потенциалы страны — это еще только возможность победы, которую надо реализовать в упорной, напряженной борьбе с противником.

Из этой зависимости выводится принцип превращения благоприятных возможностей в действительность («если можно — добейся»). Данный принцип предостерегает военные кадры от фатализма, нацеливает на развитие социальной активности (общественно-политической, профессиональной), на воспитание воли к победе.

Закономерный характер присущ и соотношению **содержания и формы. Содержание** — это единство состава элементов, процессов и их взаимоотношений, взаимосвязей. **Форма** — это способ существования и выражения содержания объекта. Нет содержания без формы, а формы без содержания. Форма всегда содержательна, а содержание оформлено. Определяющим в этом соотношении выступает содержание, но форма обладает относительной самостоятельностью и способна активно воздействовать на содержание, ускоряя или замедляя его развитие. В. И. Ленин так выразил диалектику формы и содержания: «...борьба содержания с формой и обратно. Сбрасывание формы, переделка содержания»[1].

Из этой зависимости выведен методологический принцип единства содержания и формы в конкретных условиях. Этот принцип нацеливает военные кадры на постоянное совершенствование организационных, управленческих, учебно-методических, воспитательных форм, способов ведения боевых действий в соответствии с уровнем подготовки личного состава, количеством и качеством техники и задачами, стоящими перед частями в опре-

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 203.

деленное время. При этом важно конкретное решение проблемы: соответствует или нет данная форма в данный момент в данных условиях новому содержанию. От выяснения степени соответствия формы развившемуся содержанию к раскрытию причин несоответствия, а от последнего к достижению соответствия на высшей основе — таков путь движения познания и деятельности военных кадров в решении данной проблемы.

Абсолютно совершенных и вечно новых форм в природе и обществе не существует. Новое содержание может использовать и старые формы, а старое содержание — отдельные новые формы. В. И. Ленин завещал, что в деятельности руководящих кадров нужно «уметь все и всяческие, новые и старые формы сделать орудием полной и окончательной... победы коммунизма»[1]. Это положение применительно к социалистической армии означает, что новые задачи, стоящие перед нею, требуют совершенствования форм и методов боевой и политической подготовки на научной основе, ибо приверженность к изжившим себя формам или, наоборот, излишнее пристрастие к искусственному созданию «новых» форм, когда развивающееся содержание этого не требует, порождает формализм, то есть принесение в жертву содержания в угоду безжизненной форме.

Закономерно связаны **явление и сущность.** Явление[2] — это внешнее, эмпирически констатируемое обнаружение сущности, а сущность — скрытая от непосредственного созерцания внутренняя, определяющая основа предмета, процесса. Явление и сущность образуют единство. В. И. Ленин выразил диалектику между сущностью и явлением в следующих словах: «...сущность является. Явление существенно»[3]. Сущность выступает определяющим фактором в этом единстве и обнаруживает себя во множестве явлений. Явления не однородны. Одни — более существенны, другие — менее. Явление, не выражающее адекватно сущность, выступает как видимость, или кажимость. Видимость, как разновидность явления, — объективна. От видимости, а тем более от существенных явлений следует отличать субъективистские искажения (галлюцинации и т. п.). Явления непосредственно не совпадают с сущностью. К. Маркс писал: «...если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишня...»[4]

Из закономерного соотношения сущности и явления вытекает важный методологический принцип познания сущности через явления. По этому поводу В. И. Ленин писал: «Мысль человека бесконечно углубляется от явления к сущности, от сущности первого, так сказать, порядка, к сущности второго порядка и т. д.

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 89.

[2] Термин «явление» употребляется и в другом, некатегориальном, смысле для обозначения события, процесса в целом.

[3] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 227.

[4] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. 2, с. 384.

без конца»[1]. Этот принцип ориентирует военные кадры тщательно изучать явления, выделять из них наиболее существенные и проникать в сущность событий, процессов. Это особенно важно при изучении противника, который сознательно стремится ввести противоположную сторону в заблуждение и выдать видимость за существенные явления. Чем шире круг явлений, оказывающихся в поле наблюдения офицера, тем больше шансов на то, чтобы сделать правильный вывод о сущности. Эту зависимость следует особенно учитывать и в процессе воспитания. Поведение воина в различных ситуациях позволяет составить наиболее полное представление о сущности, например, его нравственного облика.

Таковы некоторые неосновные законы материалистической диалектики, в которых раскрываются существенные зависимости, выражаемые парными категориями. Их количество не исчерпывается перечисленными в данном разделе. Можно утверждать, что и зависимости, которые выражаются в настоящее время такими общенаучными понятиями, как система и элемент, абсолютное и относительное, симметрия и асимметрия, определенность и неопределенность и т. д., имеют тенденцию приобрести статус связей, которые будут раскрываться на диалектико-материалистическом уровне.

Таким образом, основные и неосновные законы материалистической диалектики и выведенные из них принципы имеют универсальный характер и выполняют исключительно важную методологическую функцию в познании и повседневной деятельности офицеров. Именно поэтому их изучение составляет важнейшее условие повышения методологической культуры командиров, инженеров и политработников.

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 227.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ — ФИЛОСОФСКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ВОЕННОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

ГЛАВА IX

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В первой части настоящего учебного пособия была рассмотрена роль диалектического материализма в общефилософском обосновании военной теории и практики. Поскольку война — общественно-историческое явление, то более конкретной, а именно философско-социологической, основой военной теории и практики в социалистическом обществе выступает исторический материализм — неотъемлемая от диалектического материализма, хотя и относительно самостоятельная часть марксистско-ленинской философии. Это — социально-философское знание и общесоциологическая теория марксизма. В этой роли исторический материализм выступает как философско-социологическая основа всех звеньев современного социального знания и практической деятельности, в том числе и военной теории и практики.

1. СУЩНОСТЬ ДИАЛЕКТИКО-МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО ПОНИМАНИЯ ИСТОРИИ

Термин «социология» (от латинского «societas» — общество и греческого «logos» — учение) в значении комплексной науки об обществе введен в научный оборот французским ученым, одним из родоначальников позитивизма О. Контом (1798—1857). Свое учение об обществе К. Маркс и Ф. Энгельс не называли социологией, чтобы отмежеваться от представителей позитивизма. В. И. Ленин, применяя этот термин к социально-историческому учению К. Маркса и Ф. Энгельса, подчеркивал, что речь идет о научной социологии[1]. Сами же основатели научной социологии

[1] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 138, 139 и др.

именовали свое учение «материалистическим пониманием истории», «историческим материализмом».

Термин «исторический материализм» в качестве синонима материалистического понимания истории Ф. Энгельс употребил впервые в письме к К. Шмидту 5 августа 1890 г. Вводя этот неологизм, Ф. Энгельс счел нужным в 1892 г. пояснить: «И я надеюсь, что и британская респектабельность не будет чересчур возмущена, если я применю на английском, как и на многих других языках, выражение «исторический материализм» для обозначения того взгляда на ход всемирной истории, который конечную причину и решающую движущую силу всех важных исторических событий находит в экономическом развитии общества, в изменениях способа производства и обмена, в вытекающем отсюда разделении общества на различные классы и в борьбе этих классов между собой» [1].

Оценивая место исторического материализма в истории социологической мысли, В. И. Ленин писал: «Углубляя и развивая философский материализм, Маркс довел его до конца, распространил его познание природы на познание *человеческого общества.* Величайшим завоеванием научной мысли явился *исторический материализм* Маркса. Хаос и произвол, царившие до сих пор во взглядах на историю и на политику, сменились поразительно цельной и стройной научной теорией...» [2]

Создавая исторический материализм, К. Маркс и Ф. Энгельс опирались на все достижения предшествующей социологической мысли. Наиболее важными ее завоеваниями были следующие идеи: рассмотрение исторического процесса как прогрессивного в целом движения, подчиняющегося определенным закономерностям (итальянский ученый Д. Вико, французский мыслитель Ж. Кондорсэ, немецкий философ Г. Гегель); обоснование идеи о том, что главным источником стоимости является труд (английские экономисты А. Смит, Д. Рикардо); взгляд на частную собственность как источник социального зла (французские утопические социалисты А. Сен-Симон, Ш. Фурье); понимание классовой борьбы как движущей силы истории (французские историки Ф. Гизо, О. Тьерри, Ф. Минье); идея о возможности достижения вечного мира на земле (немецкий философ И. Кант) и т. д.

Исторически обусловленная ограниченность предшествующих К. Марксу и Ф. Энгельсу мыслителей во взглядах на общество состояла в их идеализме, метафизическом подходе к отдельным сферам общественной жизни (абсолютизация какой-либо одной из сторон общества), недооценке роли народных масс и т. д. Гегель, признавая некоторую роль физической природы в истории, настаивал на том, что «субстанциональным является дух и ход его развития» [3]. По мнению О. Конта, «идеи управляют и переворачи-

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 305—306.
[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 44.
[3] Гегель Г. Философия истории. — Соч. М. — Л., 1935, т. 8, с. 16.

вают мир», а «весь социальный механизм действительно основывается на убеждениях»[1].

Преодолевая ограниченность своих предшественников, К. Маркс и Ф. Энгельс совершили революционный переворот в истории социологической мысли. Основные теоретические положения, характеризующие сущность материалистического понимания истории, сводятся к следующему.

Прежде всего основоположники марксизма распространили основную идею материализма о первичности материи и вторичности сознания на область общественной жизни. В знаменитом предисловии к «К критике политической экономии» (1859 г.) К. Маркс эту мысль выражает так: «Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание»[2]. Впервые введенное в социологию фундаментальное понятие общественного бытия позволило изгнать идеализм из его последнего убежища — общества и достроить здание материализма доверху.

Общественное бытие — это материальная сторона общественной жизни, являющаяся первичным и главным источником общественного сознания людей и определяющая в конечном счете его содержание. Общественное бытие включает в себя: 1) часть природного бытия, с которым взаимодействуют люди (географическая среда), 2) весь искусственно созданный предметный мир, 3) все социальные материальные процессы (предметно-практическая деятельность людей), 4) все общественные материальные отношения[3]. В наибольшей степени эта материальность «сконцентрирована» в экономической сфере общественной жизни. Именно поэтому основоположники научной социологии, разъясняя суть общественного бытия, делали упор на материальную сторону производительных сил, производственные отношения и на материальные блага, с помощью которых люди удовлетворяют свои материальные потребности.

Взгляд, согласно которому общественная жизнь представляет диалектическое единство общественного бытия и общественного сознания при определяющей в конечном счете роли бытия, выражает **сущность исторического материализма как науки.** Однако этим не исчерпывается содержание научной социологии. Оно включает в себя и последующие важные положения.

Превращение социальных гипотез в научную социологию было связано и с последовательным применением материалистической диалектики к анализу всех общественных явлений. Этот *диалектический подход* состоит в рассмотрении развития общества в

---

[1] Конт Огюст. Курс положительной философии. Спб., 1899, т. 1, с. 21.

[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 7.

[3] Обзор различных интерпретаций понятия общественного бытия в марксистской литературе содержится в статье Г. С. Арефьева и А. И. Вербина «Сущность материалистического понимания истории» (см.: Философские науки, 1978, № 3, с. 141—148).

соответствии с определенными социологическими законами, в выделении качественно различных общественно-экономических формаций, их системно-структурном анализе, выяснении движущих сил развития общества (в том числе и роли народных масс) и взаимодействия объективных и субъективных факторов истории и т. д. Эти идеи были всесторонне развиты В. И. Лениным в новых исторических условиях. Дальнейшая разработка проблем исторического материализма осуществляется КПСС и другими марксистско-ленинскими партиями.

Следовательно, **исторический материализм** — это выделившаяся в марксистской философии, но неразрывно связанная с диалектическим материализмом общесоциологическая теория, изучающая общество как целостную систему, его структуру, движущие силы и особые (социологические) законы его развития на всех исторических этапах.

В этом определении подчеркнуты следующие важные аспекты. Во-первых, исторический материализм в отличие от диалектического материализма и естественных наук не изучает законы движения природы как таковые, а исследует природу лишь как среду обитания общества, как условие его существования. Именно поэтому исторический материализм является **социологической** теорией.

Во-вторых, это наука не о какой-либо отдельной формации, а о всех формациях в их историческом развитии, о всех сферах общества, взятых в их тесном взаимодействии. Именно поэтому исторический материализм выступает как **общесоциологическая** теория.

В-третьих, несмотря на свою относительную самостоятельность, исторический материализм в силу значительной общности изучаемых им связей является **философско-социологической** теорией, неразрывно связанной с диалектическим материализмом, конкретизирующей законы последнего применительно к социальной форме движения материи.

В-четвертых, объектом исследования исторического материализма является общество как система, имеющая свою, весьма дифференцированную структуру, свои внутренние источники саморазвития (движущие силы) и, главное, особые социологические законы, занимающие верховное место в системе всех социальных законов. Центральным, стержневым социологическим законом выступает закон об определяющей роли общественного бытия по отношению к общественному сознанию.

В системе и иерархии социальных законов (экономических, социально-политических, идеологических, социально-психологических и т. д.) социологические законы играют главенствующую роль, обладая такими чертами, как системность, интегративность, высокий уровень общности связей [1].

---

[1] См.: Уледов А. К. Социологические законы. М., 1975, с. 111.

Системность социологических законов означает, что они характеризуют общество как целостный организм, систему (например, закон исторического прогресса). Сказанное не означает, что социологическими законами не являются те, которые относятся к какой-либо подсистеме (скажем, к духовной жизни общества). И в последнем случае социологические законы выражают функционирование и развитие подсистемы как относительно целостного образования (например, закон преемственности в развитии духовной культуры).

Интегративность социологических законов означает выражаемую ими связь между различными сферами, сторонами общественной жизни (скажем, закон определяющей роли экономического базиса по отношению к надстройке). Именно поэтому социологические законы теснейшим образом связаны с остальными социальными (особенно экономическими) законами и их абсолютное противопоставление и обособление недопустимы.

Высокий уровень общности связей в социологических законах состоит в том, что в них в отличие от других социальных законов заключены в снятом, трансформированном виде более частные социальные связи (например, в законе классовой борьбы представлены законы и экономической, и политической, и идеологической борьбы). Высокий уровень общности связей в социологических законах выражается и в том, что в них, как правило, сплетены в один пучок генетические, структурные, функциональные и другие отношения. Так, в законе определяющей роли базиса по отношению к надстройке выражены такие связи, как факт происхождения надстройки под влиянием определенного базиса (генетическая связь), структурная связь между ними (базис и надстройка — важнейшие элементы формации), характер их функционирования: один из них (базис) выступает определяющим фактором развития (функциональная связь) и т. д.

Законы, изучаемые историческим материализмом, — это законы человеческой деятельности, а потому в их ткань органично включена и духовная сторона. Их объективный характер определяется тем, что связи, выражаемые ими, пока действуют эти законы, не зависят от воли и желаний людей. Возьмем, к примеру, закон возвышения потребностей. В нем выражен прогрессивный рост как материальных, так и духовных потребностей людей. Познав этот закон, выяснив условия его функционирования, люди не в состоянии приостановить его действие: удовлетворенные потребности порождают новые. Но люди могут регулировать действие и этого закона.

Признание объективного и исторического характера социологических законов направлено как против волюнтаризма — субъективно-идеалистической концепции, согласно которой воля сильных, великих личностей целиком определяет ход исторического развития, так и против фатализма (на почве которого стоят преимущественно сторонники теологических учений), отрицающего возможность человека влиять на свое бытие. Признавая

объективный характер социологических (как, впрочем, и иных) законов, исторический материализм не считает их действие фатально запрограммированным. Устойчивые, необходимые, объективные связи (законы) возникают в определенных исторических условиях. Изменяя последние, люди регулируют масштаб действия и конкретное содержание законов. Если в антагонистических формациях закон классовой борьбы действовал как неумолимая необходимость, то, уничтожив основу существования антагонистических классов (частную собственность на средства производства), трудящиеся социалистических стран положили конец действию и этого закона.

Свобода людей согласно историческому материализму состоит не в анархистском произволе, а прежде всего в познании законов общественного развития. Еще Гегель считал, что свобода — это познанная необходимость. Однако для реализации свободы этого недостаточно. Если даже раб мог осознать, что рано или поздно рабство будет упразднено в силу исторической необходимости, то от осознания этого до подлинной свободы раба — «дистанция огромного размера». Ф. Энгельс, преодолевая ограниченность гегелевского понимания свободы, связал в один узел осознание необходимости и практическое действие: «Не в воображаемой независимости от законов природы заключается свобода, а в познании этих законов и в основанной на этом знании возможности планомерно заставлять законы природы действовать для определенных целей»[1].

Такое понимание свободы имеет исключительно важное методологическое значение для деятельности командиров, политработников, военных инженеров. Достижение победы в бою предполагает знание природы современного боя, его законов, связей между человеком и техникой, способов вооруженной борьбы. Но этого мало. Только тот командир, политработник, инженер не будет пленником обстоятельств, кто приложит максимум воли, активности в соответствии с этими законами в своих интересах.

Социологические законы и соответствующие им категории классифицируются по многим основаниям, в том числе **по времени своего действия**, на всеобщие (действуют на протяжении всей истории человечества, например, закон определяющей роли общественного бытия по отношению к общественному сознанию и т. д.), общие (действующие в течение ряда формаций, скажем, закон классовой борьбы), специфические, или «формационные» (действующие в рамках одной формации), этапно-формационные (действующие на отдельных этапах формации, например, законы строительства социализма).

По масштабу своего действия социологические законы делятся на системные и подсистемные. Системные социологические законы затрагивают все общество как целостный организм (например, закон расцвета и сближения наций при социализме и

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 116.

строящемся коммунизме). Подсистемные социологические законы локализованы в границах какого-то звена общества (скажем, законы развития и функционирования политической организации общества, армии и т. д.).

Социологические законы, принципы, категории составляют логический аппарат исторического материализма, выполняющий мировоззренческую и методологическую функции.

2. ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ — ФИЛОСОФСКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ПОЗНАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ И УПРАВЛЕНИЯ ЕЕ СОЦИАЛЬНЫМИ ПРОЦЕССАМИ

Современную общественную жизнь изучают три группы социальных наук: исторические (например, всеобщая история), социологические и частные социальные науки. Все они участвуют в формировании научного мировоззрения людей, но их роль в этом процессе не одинакова. Наибольшую мировоззренческую нагрузку несут социологические науки, изучающие современное общество как целостную систему.

Современная система социологического знания (марксистско-ленинская социология) представлена двумя социологическими науками — историческим материализмом и научным коммунизмом, в русле которых начинают развиваться и обретать относительную самостоятельность специальные социологические теории (армии, коллектива, семьи и т. д.).

Исторический материализм как общесоциологическая теория исследует закономерности общественного развития, действующие во всех формациях. Но поскольку «каждый исторический период имеет свои собственные законы» [1], постольку в качестве социологической науки, изучающей закономерности возникновения предпосылок, становления, функционирования и развития коммунистической общественно-экономической формации, выступает научный коммунизм. На социологический характер научного коммунизма и на его органическую связь с историческим материализмом указывал в свое время Ф. Энгельс. В предисловии к одной из работ, специально посвященной истории возникновения научного коммунизма,— «Развитие социализма от утопии к науке» он писал: «Эта книга написана в защиту того, что мы называем «историческим материализмом...» [2] Выдающийся теоретик марксизма Г. В. Плеханов, комментируя эту работу Ф. Энгельса, подчеркивал: «Предметом социологического исследования является общество, а общество развивается и, следовательно, изменяется. Вот этим-то изменением, этим развитием и создается возможность... научного социализма» [3].

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 167.
[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 299.
[3] Плеханов Г. В. Избр. философ. произв. М., 1957, т. 3, с. 53.

Социологические законы, изучаемые этими науками, различаются не только временем своего действия, но и своим конкретным содержанием, механизмом своего функционирования. В процессе становления и развития коммунистической общественно-экономической формации помимо общесоциологических законов (например, закона определяющей роли базиса по отношению к надстройке) начинают действовать и такие социологические законы, которые не имеют аналогов в прошлом (скажем, законы формирования социальной однородности, социалистического образа жизни и др.). Именно эти законы и составляют предмет научного коммунизма.

Исторический материализм занимает особое положение среди социальных наук исторического и частнотеоретического характера. От исторических наук исторический материализм отличается тем, что в нем превалирует метод логического рассмотрения общественных явлений. По выражению Ф. Энгельса, логический метод отличается от исторического тем, что отражает исторический процесс свободным от различных случайностей, исторической формы, беря в нем наиболее существенное, закономерное, рассматривая общественные явления в стадии их полной зрелости[1]. В отличие от частнотеоретических социальных наук (педагогики, правоведения и т. д.) исторический материализм изучает не отдельную какую-либо сферу, сторону общественной жизни, а общество и его звенья, взятые в целостности и во взаимной связи.

Эти особенности исторического материализма определяют его ключевое место во всей системе социального знания. Любое общественное явление можно понять и правильно оценить только тогда, когда ему будет найдено свое место в координатах общесоциологической теории.

Исторический материализм, как и любая развитая наука или отрасль знания, представляет единство теории и метода. Категории, законы, принципы исторического материализма, являясь итогом предварительного познания, выступают в своей совокупности как теория. **Мировоззренческая функция** исторического материализма и состоит в том, что изучающий общесоциологическую теорию получает фундаментальные сведения о законах общественного развития, перспективе социальной эволюции человечества и его будущности — коммунизме, о смысле своей жизни. Исторический материализм связывает воедино прошлое, настоящее и будущее.

Мировоззренческая функция исторического материализма реализуется в процессе усвоения социальной информации, ее оценки с классовых позиций «атакующего класса», всех трудящихся, преобразования этих знаний и оценок в глубокие убеждения личности, которыми руководствуется человек в своем поведении и деятельности.

---

[1] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 497.

Методологическая функция исторического материализма состоит в том, что категории, законы и принципы исторического материализма являются инструментом дальнейшего познания социальной действительности и орудием ее преобразования в соответствии с коммунистическими идеалами.

Социологическое познание опирается и на сложную систему эмпирических социальных исследований, начиная от наблюдения, бесед, интервьюирования и кончая сложными социальными экспериментами. Конкретные социальные исследования в современных условиях стали необходимым и незаменимым средством проверки истинности социальных гипотез, получения социальной информации для различных целей, и главным образом для совершенствования управления обществом в целом и его отдельными звеньями.

Различным видам социальных исследований (социологическим, экономическим, психологическим и др.) присущи общие особенности: все они изучают социальные связи, коллективы, типы людей и применяют в значительной мере одинаковые методы исследования. Вместе с тем каждому виду исследования свойственны специфические закономерности. Социологические исследования отличаются от других социальных исследований предметом своего изучения (выявление социологических законов), интегративностью применяемых методов (при социологических исследованиях могут быть использованы и специфические социальные методы, например, психологические), целью исследования (получение теоретической модели для объяснения общественных явлений, преобразования общества в целом или его звеньев, взятых в их целостности).

Развитие конкретных социальных, в том числе и социологических, исследований, возникновение специальных социологических теорий в общей системе современного марксистско-ленинского социологического знания — ярчайшее свидетельство творческого характера научной социологии, ее неразрывной связи с бурно развивающейся действительностью, жизнью, практикой.

Логический аппарат исторического материализма (его категории, законы, принципы), выполняя функцию ариадниной нити, позволяет исследователю безошибочно ориентироваться в лабиринте современного общественного здания.

Особую ценность в познании социальных процессов представляет диалектико-материалистическое понимание противоречий современной эпохи, анализ взаимодействия объективных и субъективных факторов, возрастание роли последних в общественной жизни.

Не желая или будучи не в состоянии разобраться в этой диалектике, современные буржуазные социологи К. Поппер (Англия), Г. Гурвич, Р. Арон (Франция) и их единомышленники обвиняют марксистскую социологию в «экономизме», недооценке многих факторов, воздействующих на общественную жизнь. «Существует взаимодействие между экономическими ус-

ловиями и идеями, — поучает марксистов К. Поппер, — а не просто односторонняя зависимость последних от первых». Это обвинение в недооценке других факторов, предъявляемое социологам-марксистам, является инсинуацией. Словно предвидя такие мистификации, Ф. Энгельс писал в свое время: «...согласно материалистическому пониманию истории в историческом процессе определяющим моментом *в конечном счете* является производство и воспроизводство действительной жизни. Ни я, ни Маркс большего никогда не утверждали. Если же кто-нибудь искажает это положение в том смысле, что экономический момент является будто *единственно* определяющим моментом, то он превращает это утверждение в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу. Экономическое положение — это базис, но на ход исторической борьбы также оказывают влияние и во многих случаях определяют преимущественно *форму* ее различные моменты надстройки: политические формы классовой борьбы и ее результаты — государственный строй, установленный победившим классом после выигранного сражения, и т. п., правовые формы и даже отражение всех этих действительных битв в мозгу участников, политические, юридические, философские теории...» [1]

В арсенале принципов познания, которыми пользуются философско-социологическая теория, исторический материализм, важное эвристическое значение имеют принципы объективности, взаимосвязи, конкретно-исторического анализа, системно-структурного, системно-функционального, классового, количественного и качественного подходов и многие другие. Эти принципы, вытекающие из законов диалектического и исторического материализма, выступают методологической основой современной политической стратегии и тактики коммунистических и рабочих партий.

В этих принципах содержатся нормативные требования рассматривать современные социальные события такими, какими они есть в действительности, без всякой примеси субъективизма, в их диалектической взаимосвязи с другими событиями и в то же время в их относительной целостности и самостоятельности, учитывать их количественную и качественную определенность, анализировать их в конкретно-историческом контексте и видеть тенденции их развития, не забывать, что идеологические концепции так или иначе выражают интересы классов. «Люди всегда были и всегда будут глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике,— учил В. И. Ленин,— пока они не научатся за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать *интересы* тех или иных классов» [2].

Классовый и конкретно-исторический подход к анализу современных событий позволил КПСС, мировому коммунистическому

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 37, с. 394—395.
[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 47.

движению дать научное определение современной эпохи, основное содержание которой составляет переход от капитализма к социализму, наметить пути борьбы за мир, демократию, социальный прогресс и социализм.

В этой связи уместно отметить, что доклады ученых социалистических стран, и в частности советских ученых, представленные на IX Международный социологический конгресс, который проходил в г. Упсала (Швеция) с 14 по 19 августа 1978 г., продемонстрировали явное превосходство марксистско-ленинского социологического подхода к проблемам современности над буржуазными социологическими концепциями[1]. Конгресс был посвящен теме «Пути социального развития». Уже сама постановка этой темы, выводящая ее за рамки «чистой науки» в ее «академически-келейном» варианте, придала ее обсуждению актуально-практическое звучание. Речь на конгрессе шла и не могла не идти о том, какое будущее ожидает человечество, какая общественно-политическая система способна предложить оптимальный путь его развития. На фоне признания кризисных явлений в странах капитала, которое слышалось в докладах объективно настроенных ученых Запада, содержание докладов, представленных учеными социалистических стран, в которых рассказывалось об опыте планирования, управления социалистическим обществом, вызывало неподдельный интерес у участников конгресса. Успехи реального социализма свидетельствовали о жизненности марксистско-ленинской социологии, о методологической ценности ее принципов.

Общие принципы исторического материализма позволяют не только познавать социальные процессы, но и служат надежным ориентиром действий коммунистических и рабочих партий, мобилизуют их на сплочение союзников вокруг рабочего класса и его детища — мировой системы социализма, против общего врага — империализма.

Эти общие принципы отнюдь не отменяют необходимости учета тех конкретных условий, в которых приходится действовать той или иной коммунистической или рабочей партии. По утверждению В. И. Ленина, искусство политических руководителей состоит в том, «чтобы уметь приложить общие и основные принципы коммунизма к тому *своеобразию* отношений между классами и партиями, к тому *своеобразию* в объективном развитии к коммунизму, которое свойственно каждой отдельной стране и которое надо уметь изучить, найти, угадать»[2]. Говоря о взаимосвязи общих принципов и их применении в конкретной ситуации, В. И. Ленин отмечал: «Сочинить такой рецепт или такое общее правило... которое бы годилось на все случаи, есть неле-

[1] См.: Марксистско-ленинская теория социального развития. М., 1978; Социология и проблемы социального развития. М., 1978.
[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 74.

ность. Надо иметь собственную голову на плечах, чтобы в каждом отдельном случае уметь разобраться»[1].

Блестящим образцом мастерского применения методологических принципов исторического материализма к изучению социальных процессов и управлению ими является деятельность КПСС. Точный анализ исторических этапов, через которые прошла наша страна, позволил КПСС определить вступление советского общества в этап развитого социализма, наметить ближайшие и перспективные задачи по созданию материально-технической базы коммунизма, использованию достижений научно-технической революции, развитию общественных отношений и социалистического образа жизни.

Особое внимание КПСС придает совершенствованию управления социальными процессами, привлечению к нему всех трудящихся. Как отмечалось на XXVI съезде КПСС, успех политической и экономической стратегии зависит прежде всего от совершенствования управления — решающего звена руководства народным хозяйством.

Материалы съезда убедительно свидетельствуют о том, что партия нацеливает руководителей на осуществление системного, комплексного подхода к решению задач во всех сферах общественной жизни — экономике, политике, воспитании, быту, управлении, требует сосредоточения основных усилий на главном направлении («выбор главного звена»), достижения эффективности и качества в деятельности каждого трудового коллектива и каждого советского человека. Эти требования партии к трудящимся, руководителям различного уровня и те усилия, которые прилагают коммунисты для их реализации, и есть не что иное, как творческое применение методологических принципов исторического материализма к анализу и исследованию актуальных проблем современности, к самой практике.

3. ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ — ФИЛОСОФСКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ВОЕННОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Среди многочисленных социальных явлений, событий, процессов, которые изучает исторический материализм, особый интерес для военнослужащих представляют война и деятельность той вооруженной организации, которая специально предназначена для ее ведения.

Война — сложное общественное явление. Она требует не только от армии, но и от всего народа значительного, а чаще всего наивысшего напряжения всех его материальных и духовных сил. Деятельность народа и армии, связанная с подготовкой и ведением войны, столь разнообразна, что изучением ее различных

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 52,

граней занимаются многие науки. Это прежде всего марксизм-ленинизм, который в единстве трех своих составных частей является общей теоретической и методологической основой всей военной теории и практики в социалистическом обществе. К исследованию войны причастны и другие общественные, естественные, технические и собственно военные науки, изучающие вооруженную борьбу (военное искусство).

Политическая экономия и ее относительно самостоятельная ветвь — военная экономика — раскрывают влияние способа производства на войну, анализируют возможности ее экономического обеспечения и разрабатывают основные пути мобилизации материальных средств на ее нужды. Несмотря на всю важность материальной подготовки войны и обеспечения армии техникой, оружием, продовольствием, обмундированием в ходе войны, последнюю нельзя свести только к экономическому противоборству.

Научный коммунизм, исследуя проблемы войны и мира в современную эпоху, и главным образом проблему защиты завоеваний социализма, не ставит задачи ответить на вопрос, в чем состоит сущность войны вообще, чем определяется ее социально-политический характер, каковы основы классификации войн, каковы общесоциологические закономерности войны, какова взаимосвязь между различными факторами, определяющими ход и исход любой войны.

На эти вопросы, кардинальные для понимания природы войны вообще, тем более не отвечают частные социальные, естественные и технические науки. Нисколько не умаляя их роли, и прежде всего составных частей марксизма-ленинизма — политической экономии и научного коммунизма, и признавая их огромный вклад в разработку тех или иных граней, сторон учения о войне, следует признать бесспорную истину: исторический материализм способен дать наиболее полное представление о войне, вскрыть ее сущность и рассмотреть ее в историческом развитии, во взаимосвязи всех ее сторон. Никакая другая наука не в состоянии системно решить эту задачу. То же самое можно сказать и об армии.

Вот почему в марксистско-ленинской теории о войне и армии главное мировоззренческое содержание составляет и будет составлять философско-социологическое учение о войне и армии, разрабатываемое в русле исторического материализма. Безусловно, исторический материализм не может исследовать всех граней войны, эту задачу он решает совместно с другими науками. Однако в системе наук, изучающих войну и армию, исторический материализм занимает главенствующее положение, выступая в качестве философско-социологической основы всей военной теории и практики.

Эту свою роль исторический материализм выполняет благодаря тому, что именно он дает ответ на вопрос, в чем состоит

сущность войны, именно он вскрывает глубинные источники войны, коренящиеся в противоречиях антагонистического способа производства, причины войны, заключающиеся в трансформации этих экономических противоречий в определенный политический курс господствующих классов, видящих в войне средство достижения своих целей.

Исторический материализм формулирует принципы социологического анализа войны. Важнейшие из них: связь войн с эпохой (позволяющий установить периодизацию войн); принцип системного анализа характера экономических и политических отношений между государствами, классами и вытекающих из этих отношений противоречий, приводящих к войнам (позволяющий установить типы войн); принцип социально-классового анализа политики каждой из воюющих сторон (позволяющий установить социально-политический характер войны справедливой или несправедливой); принцип учета основного исторического значения войны (позволяющий выяснить соотношение прогрессивной и регрессивной тенденций в войне и оценить ее историческое значение в целом для судеб народов, вовлеченных в ее орбиту).

Совершенно очевидно, что ни одна из наук, помимо исторического материализма, не может дать ответы на эти вопросы мировоззренческого и методологического характера, ни одна из других наук не может раскрыть взаимосвязь многочисленных факторов, влияющих на ход и исход войны с позиций диалектико-материалистического монизма, согласно которому определяющую в конечном счете роль в войне играет объективный фактор, а решающую (в смысле творческой активности) — субъективный фактор (способность людей превратить возможность победы в действительность).

Сформулированные историческим материализмом принципы социологического анализа войны являются тем методологическим ключом, который позволяет раскрыть социально-политический характер и типы войн современной эпохи, учесть, что нового внесла в содержание этих войн научно-техническая революция, с большей долей вероятности прогнозировать последствия мировой войны с применением ракетно-ядерного оружия, если бы эта война была навязана человечеству агрессивными кругами империализма.

Исторический материализм способствует формированию научного мировоззрения у советских военных кадров.

В наше время невозможно быть военным специалистом, не усвоив основных выводов исторического материализма о войне и армии. Лишь овладение в органическом единстве военными знаниями, марксистско-ленинской теорией и методологией делает человека подлинным военным специалистом, способным творчески решать сложные вопросы военного дела, практические задачи военного искусства, научного управления войсками.

Особое значение для формирования научного мировоззрения

у военных специалистов имеют социологический анализ войны, марксистско-ленинское учение о войнах справедливых и несправедливых, закономерностях, определяющих ход и исход войны и вооруженной борьбы, принципах военного искусства. Именно знания такого рода, входящие в мировоззренческо-профессиональный багаж командира, военного инженера, способствуют уяснению ими взаимосвязи мировоззренческих выводов и содержания специальных наук.

Узкий профессионализм, стремление специалиста ограничить свое внимание сугубо оперативно-тактическими или техническими вопросами приводят к негативным последствиям двоякого рода. Во-первых, военный специалист (как и любой другой) не сможет в этом случае правильно определить место естественнонаучных и технических проблем в структуре своей и всей общественной деятельности, допустит недооценку «человеческого фактора» в укреплении боевой мощи. Во-вторых, без усвоения подлинно научных философско-социологических знаний военный специалист останется односторонне развитой личностью, вынужденной так или иначе выражать свое отношение к злободневным социальным вопросам, но выражать на уровне ходячих предрассудков, ибо «те, кто больше всех ругает философию, являются рабами как раз наихудших вульгаризированных остатков наихудших философских учений»[1].

Общесоциологическая теория учит командира, военного инженера строго и последовательно проводить в обучении и воспитании подчиненных принцип партийности, то есть сознательно руководствоваться коммунистическими убеждениями во всей своей деятельности.

Проведение принципа партийности в воспитании означает формирование у воинов любви к Родине, другим странам социализма, высокой социальной активности (трудовой и общественно-политической), творческого выполнения требований воинских уставов и т. д.

Проведение принципа партийности в процессе обучения специальным (например, военно-техническим) дисциплинам имеет по сравнению с проведением его в воспитании некоторые особенности, обусловленные тем, что устройство военной техники, ее совершенствование и использование базируются не только на социальных, но и на физических, химических, технологических закономерностях, а одни и те же средства и способы вооруженной борьбы могут применяться армиями, выражающими интересы классов-антагонистов.

Однако и эти формы деятельности командира, военного инженера не остаются вне действия принципа партийности. «...Нам надо всеми силами добиваться того и строжайше следить за тем,— учил В. И. Ленин,— чтобы партийность была *не словом*

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 525.

только, *а делом*»[1]. Применительно к обучению военных кадров, профессиональной деятельности командиров, военных инженеров это означает, что процесс обучения необходимо органично слить с воспитанием. При этом профессиональную деятельность следует рассматривать в широком социальном контексте с тем, чтобы на первом месте всегда стоял вопрос: во имя чего она осуществляется, чьим интересам служит. Очень важно научить воина владеть оружием. Но еще важнее убедить его, во имя чего он овладевает оружием. Одно дело рассказать об устройстве самолета, танка и другое — органично ввести в этот рассказ сообщение о том, что этот самолет или танк превосходит по совокупности своих тактико-технических данных соответствующие зарубежные образцы; создателями отечественных образцов техники являются выдающиеся советские конструкторы, прославленные коллективы инженеров и рабочих; эта военная техника вручена воинам нашим народом для защиты завоеваний социализма от посягательств его врагов. Такое обучение и есть партийность в действии.

Существенным моментом партийности выступает социальная активность командира, военного инженера, направленная на совершенствование способов вооруженной борьбы, техники и ее обслуживания. Внедрение командиром новых приемов тактики, оперативного искусства в боевые действия подразделений, частей и соединений, изобретательская и рационализаторская деятельность военных инженеров — все это служит на деле повышению боеспособности войск.

Мировоззренческие и методологические возможности исторического материализма постоянно обогащаются в результате повседневной и всесторонней деятельности коммунистических и рабочих партий, обобщающих опыт строительства социализма и коммунизма, революционной борьбы рабочего класса за свое социальное освобождение, национально-освободительного движения.

Ярким примером развития важнейших положений исторического материализма служат материалы съездов КПСС и братских коммунистических партий. В них нашли отражение глубинные изменения современной эпохи, развитие мирового революционного процесса, динамика общественной жизни в социалистическом обществе, взаимосвязь социального прогресса и научно-технической революции, сформулированы критерии и грани социалистического образа жизни, развиты методологические посылки перспективного социального прогнозирования и т. д.

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 110.

ГЛАВА X

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОСВЯЗИ ПРИРОДЫ И ОБЩЕСТВА

Объектом исследования исторического материализма выступает общество в его непрестанном изменении и развитии. Но общество не существует само по себе. Оно, выделившись из природы, взаимодействует с ней. Природа выступает как среда обитания и вечное условие существования людей. Поэтому понятен теоретический и практический интерес человека к природе, которую изучает большой круг наук (космология, география, биология, физика, химия и т. д.). Исторический материализм исследует природу под особым углом зрения, выделяя ряд социально-философских и собственно социологических проблем, а именно: в чем состоит единство и различие природы и общества? каков характер взаимосвязи между ними? каковы основные направления и перспективы этой взаимосвязи? Логика изменения соотношения природы и общества в настоящее время такова, что деятельность военного специалиста оказалась непосредственно связанной с решением географических, демографических и экологических проблем, осмысление которых только и возможно на уровне цельного философско-социологического подхода к ним.

1. ДИАЛЕКТИКА ВЗАИМОСВЯЗИ ПРИРОДЫ И ОБЩЕСТВА

Проблема «природа и общество» близка к основному вопросу философии и к его социологической интерпретации — вопросу о взаимосвязи общественного бытия и общественного сознания. Поэтому водораздел между основными течениями во взглядах на эту проблему в главном совпадает с делением философов на материалистов и идеалистов, а среди последних — на объективных и субъективных идеалистов.

Объективные идеалисты, как правило, игнорируют связь общества с природой, усматривая, по словам К. Маркса, материнское лоно истории не в материальном производстве на земле, а в туманных далях неба. Субъективные идеалисты саму природу превращают в творение человеческого «Я». Напротив, материалисты всех времен признавали природу источником, из которого вышли

человек, общество. Собственно, это и есть краеугольный камень материализма.

Однако материализм неоднороден, и представители его различных школ, сходясь в главном, далеко расходятся в оценке деталей проблемы «природа и общество». Так, представители «натуралистического» направления и вульгарные материалисты нередко отождествляли общество с природой, не признавая разницы между социальным и биологическим, сознательным и бессознательным. Материалисты-метафизики, абсолютизируя зависимость человека от природы, не осознавали роли его активно-деятельного, трудового воздействия на природу, которая «переделывает» и природу, и самого человека. Поэтому, не будучи в состоянии объяснить естественных причин происхождения общества, эти «материалисты» нередко пасовали перед идеализмом. Более того, в «натурализме» коренятся истоки таких реакционных «теорий» происхождения и сущности войн, как геополитические, мальтузианские, социал-дарвинистские, расистские и другие.

Только исторический материализм, рассмотрев природу и общество как диалектическое единство взаимосвязанных, постоянно развивающихся систем, из которых одна (общество) является порождением, обособившейся частью другой (природы), сумел полно и непротиворечиво решить эту проблему. Философия марксизма-ленинизма дала научное объяснение процессов взаимодействия в системе «природа — общество», указала направление изменений этой системы и ее элементов и, что самое важное, дала в руки социалистического общества инструмент целесообразного и осознанно-гуманного управления ею.

Термин «природа» полисемичен (многозначен) и в зависимости от контекста имеет неодинаковый смысл. В самом широком значении марксисты под природой понимают весь объективно существующий материальный мир во всем многообразии его проявлений, всю Вселенную. Более узким понятием выступает понятие актуальной, или фактически наблюдаемой, Вселенной, доступной регистрирующей технике[1]. Еще более узким понятием природы является тот уголок Солнечной системы, в котором находятся Земля и окружающее ее космическое пространство.

Однако реально, практически люди взаимодействуют с еще более узкой частью природы — средой обитания, которую принято именовать **географической средой**. Это понятие тоже имеет конкретно-исторический смысл. В рамках географической среды выделяется биосфера — поверхностная оболочка нашей планеты, в пределах которой осуществляется жизнедеятельность организмов, живых существ: растений, животных, микроорганизмов. В биосферу входят вся тропосфера (нижняя часть земной атмосферы, простирающаяся примерно до 18 км высоты)[2], Мировой

---

[1] См.: Турсунов Акбар. Концептуальные и мировоззренческие основания космологии.— Вопросы философии, 1978, № 6, с. 114.

[2] Над тропосферой располагаются стратосфера и ионосфера.

океан, почва и часть литосферы — верхней твердой оболочки земного шара до глубины 1—2 км, где могут жить микроорганизмы.

Географическая среда — это не только то, что создано природой, естественным путем. Люди, взаимодействуя с природой, силой своего разума и труда создали искусственный предметный мир: города, села, дороги, плотины и т. д. Часть поверхности Земли, занятая техническими устройствами, преобразованная с помощью техники, называется техносферой, это «вторая природа», созданная обществом.

Эта часть географической среды имеет тенденцию к расширению. Осмысление этого процесса вызвало потребность образовать более широкое понятие ноосферы (сферы разума). Эту идею впервые высказал академик В. И. Вернадский (1863—1945) в своих лекциях, которые были прочитаны им в Сорбонне (Франция) в 1922—1923 гг. В 1925 г. в статье «Автотрофность человечества» он писал: «В биосфере существует великая геологическая, быть может космическая, сила, планетное действие которой обычно не принимается во внимание в представлениях о космосе... Эта сила есть разум человека, устремленная и организованная воля его как существа общественного»[1]. По Вернадскому, ноосфера — сфера сознательной, разумной деятельности человека в глобальном масштабе[2]. Решая эту проблему с позиций естественнонаучного материализма, он исходил из того, что биосфера переходит в ноосферу.

Следовательно, географическая среда — это естественно-социальная среда обитания и жизнедеятельности общества. Термин «географическая среда» неточно передает современное представление об окружающей людей природе, которая в настоящее время, особенно в условиях научно-технического прогресса, качественно видоизменена, очеловечена. Проникновение человека в космос еще более раздвинуло рамки географической среды.

Многозначен и термин «общество». К. Маркс рассматривал общество вообще, независимо от его формы, как «продукт взаимодействия людей»[3]. Его количественная сторона определяется численностью населения, а качественная — характером отношений между людьми. Имея в виду прежде всего эту сторону, К. Маркс подчеркивал: «Общество не состоит из индивидов, а выражает сумму тех связей и отношений, в которых эти индивиды находятся друг к другу»[4]. Эти определения не исключают, а дополняют друг друга. Следовательно, общество вообще — это

---

[1] Вернадский В. И. Биогеохимические очерки. 1922—1932 гг. М. — Л., 1940, с. 47.

[2] Термин «ноосфера» впервые ввели в науку в 1927 г. под влиянием идеи В. И. Вернадского французские ученые Э. Леруа и Пьер Тейяр де Шарден, но их интерпретация ноосферы построена на идеалистической основе (см.: Антонов Н. П., Барякин В. Н. О двух концепциях ноосферы.— Философские науки, 1978, № 6, с. 103—108).

[3] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 27, с. 402.

[4] Там же, т. 46, ч. 1, с. 214.

совокупность людей, связанных устойчивыми социальными связями, отношениями.

Более конкретное определение общества связано с понятием **«общественно-экономическая формация»**, которое выражает общество, находящееся на определенной ступени исторического развития, с выделением в социальном организме основных структурных элементов. «В общественном производстве своей жизни,— писал К. Маркс,— люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обусловливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще»[1]. Из этого следует, что, по Марксу, общественно-экономическая формация — это исторический этап в развитии общества, который характеризуется определенным господствующим в данном обществе экономическим базисом, обусловленным производительными силами, и возвышающейся над ним надстройкой. В соответствии с этим К. Маркс выделял такие общественно-экономические формации, как первобытнообщинное, рабовладельческое, феодальное, капиталистическое общества, и коммунистическую общественно-экономическую формацию.

Понятие формации, фиксируя общее, повторяющееся в истории разных народов, отнюдь не исключает наличия в реально существующей формации отживающих или нарождающихся укладов, которые не являются господствующими, нетипичны для нее. Категория «общественно-экономическая формация» — это абстракция, но такая, которая позволяет отразить конкретное общество во всей его полноте. В. И. Ленин восхищался тем, что автор «Капитала» показал «капиталистическую общественную формацию как живую — с ее бытовыми сторонами, с фактическим социальным проявлением присущего производственным отношениям антагонизма классов, с буржуазной политической надстройкой, охраняющей господство класса капиталистов, с буржуазными идеями свободы, равенства и т. п., с буржуазными семейными отношениями»[2].

В работах К. Маркса нередко встречаются упоминания об азиатском способе производства. Проведенные многочисленные дискуссии по этой проблеме показали, что это не особая формация, а переходная полоса к классово-антагонистическому строю в странах Востока[3].

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 6—7.
[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 139.
[3] См.: Шевченко В. Н. К характеристике диалектики общественного развития. — Философские науки, 1978, № 4, с. 57.

С понятием общественно-экономической формации тесно связано понятие **цивилизации**. Последняя — это та же формация, но взятая в сравнении с другими формациями. «Понятие цивилизации — при всем его многозначном употреблении — неизменно акцентирует внимание на достижениях в социальной сфере, культурной деятельности в данной общности, на их последовательном росте, обогащении, степени распространения среди широких масс, равно как и на широте и активности участия масс в историческом творчестве. При этом достигнутые в данной социальной общности результаты материального и духовного производства, социальной деятельности оно позволяет соотносить с общечеловеческими ценностями, с их местом в поступательном историческом движении»[1]. Говоря о коммунистической цивилизации, мы имеем в виду коммунистическую общественно-экономическую формацию, превосходящую все предшествующие ей цивилизации.

Природа (географическая среда) и общество вообще образуют диалектическое единство. Это единство заключается в том, что социальная форма движения[2] — один из видов (высший) движущейся материи. Эта форма движения подчинена действию универсальных законов объективной диалектики. Человек генетически вышел из животного мира, а потому «никогда не освободится полностью от свойств, присущих животному...»[3]. Человеческое общество как часть природы нуждается в постоянном обмене веществ с природой.

Но это единство противоречивое, предполагающее не только тождество, но и различие. Общество представляет самую высшую форму организации материи. Деятельность (труд) общества качественно отличается от приспособительной деятельности животных своими масштабами воздействия на природу, своей целенаправленностью и сознательным характером (степень этой сознательности неодинакова в разных обществах и на разных ступенях их развития). Законы развития общества функционируют через сознательную деятельность людей, и смена этих законов носит более динамичный характер по сравнению с законами природы. В обществе действует закон возвышения потребностей, в то время как в природе потребности животных носят более или менее стабильный характер. Существуют и другие важные различия.

В системе «общество — природа» каждая из сторон испытывает на себе воздействие на нее другой, причем более подвижным и революционным компонентом этой системы выступает общество.

Влияние природы на общество в основном сводится к следующему. Природа является колыбелью, средой обитания, единствен-

---

[1] Мчедлов М. П. О методологическом значении понятия «цивилизация». — Вопросы философии, 1978, № 7, с. 164.

[2] См.: Плетников Ю. К. О природе социальной формы движения. М., 1971.

[3] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 102.

ной кладовой, откуда общество черпает все необходимое для своего существования, сферой приложения его сил.

На начальной стадии своего развития общество присваивало готовые продукты природы (плоды диких растений, животных и т. д.). На более высокой ступени общество научилось преобразовывать данное природой и использовать плодородие земли, уголь, нефть, металлы в качестве средств труда.

К. Маркс, отмечая воздействие природы на общество, писал: «Слишком расточительная природа «ведет человека, как ребенка, на помочах». Она не делает его собственное развитие естественной необходимостью. Не области тропического климата с его могучей растительностью, а умеренный пояс был родиной капитала»[1]. Ф. Энгельс отмечал, что народы Востока не пришли к собственности на землю главным образом из-за климата и характера почвы: искусственное орошение нельзя было проводить в одиночку[2].

Природные условия могут ускорять или замедлять развитие общества, влияя на его производительные силы, на их размещение, расселение людей, род их занятий, обусловливая определенные циклы в жизнедеятельности людей (смена дня и ночи, смена сезонов). Природа в ряде случаев может уничтожать плоды цивилизации (землетрясения, наводнения, ураганы, засухи и т. д.).

Однако, признавая влияние природы на общество, исторический материализм принципиально иначе рассматривает эту проблему, чем сторонники географического направления в социологии. Исторический материализм исходит из того, что общество по мере своего развития освобождается от слепого подчинения силам природы и в состоянии планомерно регулировать свою связь с природой.

Сторонники географического детерминизма, механически перенося действие законов природы на развитие общества, считают воздействие природы на общество фатально запрограммированным, решающим фактором эволюции человечества (расисты, социал-дарвинисты и т. д.). Они (мальтузианцы, например) считают, что и рост народонаселения не поддается социальной регуляции и грозит человечеству катастрофическими последствиями. Особо реакционный характер имеет **геополитика**[3] — социологическая теория, которая путем извращения экономической, политической и физической географии стремится обосновать притязания агрессивных государств на захват чужих земель и мировое господство. Геополитические идеи вдохновляли немецкий фашизм,

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 522.

[2] См.: там же, т. 28, с. 221.

[3] Термин «геополитика» был введен шведским пангерманистом Р. Челленом, который в работе «Государство как форма жизни» (1917) и других произведениях развивал идею о внутренне присущем государству свойстве бороться за расширение «жизненного пространства» как главного условия сбалансированной политики (см.: Философская энциклопедия, т. 5, с. 477).

входят в политические доктрины американских, японских, израильских империалистов, а ныне используются и руководителями Китая.

Исторический материализм признает в системе «природа — общество» решающим фактором взаимодействия общество. Основными направлениями воздействия общества на природу выступают: а) расширение границ освоения природы обществом вширь (использование новых участков земной поверхности, Мирового океана, проникновение в космос) и «вглубь» (проникновение в микромир, открытие неизвестных ранее свойств и законов природы); б) интенсификация использования природных ресурсов; в) усиление воздействия общества на структуру окружающей природной среды (изменение биосферы, энергетического и теплового баланса среды, вмешательство в биологические и физиологические процессы и т. д.). В результате этих воздействий общества на природу расширяются рамки и содержание ноосферы.

В процессе взаимодействия общества и природы возникают противоречия, разрешение которых существенно зависит от социальной структуры общества, типа общественно-экономической формации. Эти противоречия (наиболее острые) в настоящее время получили название экологических проблем.

2. СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЭКОЛОГИИ И ИХ РЕШЕНИЕ В УСЛОВИЯХ КАПИТАЛИЗМА И СОЦИАЛИЗМА

Современное учение об условиях существования и взаимосвязи живых существ со средой их обитания принято называть экологией (от греческого «oicos» — дом и «logos» — учение). Эту взаимосвязь изучают многие науки. На наших глазах происходит экологизация современных наук и возникновение особой формы общественного сознания — экологического[1]. Наиболее целостное представление о взаимосвязи общества со средой его обитания дается в социальной экологии — относительно новом разделе социологии.

К числу наиболее острых современных социально-экологических проблем относятся: 1) проблема роста народонаселения и обеспечения его продовольствием; 2) проблема исчерпаемости природных ресурсов; 3) поддержание равновесия биосферы и охрана окружающей среды.

Демография — наука, специально занимающаяся закономерностями воспроизводства населения[2], свидетельствует о непрекращающемся росте народонаселения — совокупности людей, проживающих в пределах определенной территории, страны, во всем

---

[1] См.: Герасимов И. П. Проблемы экологизации современных наук. — Вопросы философии, 1978, № 11.

[2] См.: Курс демографии. 2-е изд. М., 1974, с. 5,

мире[1]. По подсчетам специалистов, к началу нашей эры численность народонаселения Земли составляла 200—250 млн. человек, к 1000 г. — 250—300 млн., к 1500 г. — 400—500 млн. человек[2]. Численности 1 млрд. человечество достигло в 1850 г., 2 млрд. — в 1930, отметка 3 млрд. была зарегистрирована в 1960 г. 28 марта 1976 г. численность населения земного шара достигла 4 млрд. человек. В опубликованном ООН статистическом сборнике сообщается, что землян насчитывается уже 4 млрд. 415 млн.[3].

Марксистско-ленинская социология исходит из того, что решение современных экологических проблем предполагает замену капитализма социализмом. К этому выводу приходят фактически и авторы «Всемирной стратегии охраны природы» — документа экологов многих стран мира,— считая, что только долговременное, тщательное планирование экономики, пресечение алчности, воздержание от соблазнов за счет природы поправлять просчеты и бесхозяйственность могут сохранить природу. А это возможно осуществить лишь при социализме. Замена капитализма социализмом покончила бы с милитаризмом, с гонкой вооружений и позволила бы огромные средства, связанные с расходованием их на военные цели, использовать на мирные нужды. В настоящее время сумма годовых военных расходов развитых стран Запада в 20 раз превышает сумму их официальной помощи развивающимся странам[4].

Основоположники марксистско-ленинской социологии считали, что каждому способу производства, каждому общественному строю присущи свои закономерности роста народонаселения[5], что при капитализме действует обязательный закон избыточного населения[6]. Только при социализме возникает возможность социального регулирования процессов развития народонаселения и управления этими процессами[7]. Демографическая политика социалистического государства направлена на возрастание численности населения, планомерное его размещение и рациональную занятость в сфере общественно организованного труда. Рост народонаселения — это не просто естественное, а социально-естественное явление.

Проблема обеспечения населения продовольствием — это прежде всего социальная проблема. При разумной организации общественного труда, бережном отношении к природным богат-

---

[1] См.: Малапьин К. А. Народонаселение. — Советская Военная Энциклопедия. М., 1978, т. 5, с. 510—512.

[2] См.: Народонаселение стран мира. Справочник. М., 1974, с. 10.

[3] См.: Правда, 1980, 20 июля.

[4] См.: Правда, 1977, 3 февр.

[5] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 646; Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 476.

[6] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 644.

[7] См.: Валентей Д. И. Проблемы управления процессами развития народонаселения. — Вопросы философии, 1978, № 2; Вишневский А. Г. Социальное управление рождаемостью. — Вопросы философии, 1978, № 6.

ствам возникает возможность удовлетворить разумные потребности в продуктах, необходимых для сбалансированного питания.

В социалистических странах принимаются меры по бережному использованию природных богатств, внедрению безотходной технологии, охране природы. Этому была, например, посвящена специальная сессия Верховного Совета СССР (1972 г.). В декабре 1978 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли новое постановление «О дополнительных мерах по усилению охраны природы и улучшению использования природных ресурсов». Социалистические страны вносят в ООН важные предложения, направленные на достижение соглашений о запрещении вредных воздействий на природную среду.

Безусловно, в решении экологических проблем и в странах социализма существуют определенные трудности. Они связаны с некоторыми просчетами хозяйственных органов, не всегда умеющих предвидеть последствия вмешательства человека в природу, со сложностью и большими экономическими затратами на строительство дорогостоящих очистных сооружений, переход к безотходной технологии, с недостаточно высоким уровнем экологического сознания у части населения и т. п. Однако эти трудности преодолеваются. Общественная собственность на средства производства, отсутствие социальных групп, заинтересованных в извлечении наивысших прибылей за счет хищнического использования природных богатств являются могучим фактором рационального и планомерного регулирования взаимоотношений социалистического общества и природы. Социалистические мораль и право стоят на страже охраны природы. Так, в Конституции СССР (статья 67) записано: «Граждане СССР обязаны беречь природу, охранять ее богатства»[1].

В принятых XXVI съездом КПСС «Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года» в специальном разделе «Охрана природы» сформулированы задачи в области природопользования и охраны окружающей среды.

Преимущества социализма в регулировании взаимосвязи общества и природы столь очевидны, что это осознается все более широкими кругами научной общественности Запада. Видный американский экономист и эколог Б. Коммонер выразил эту мысль в следующих словах: «Мы уже знаем, что современная технология, являющаяся частной собственностью, не может долго прожить, если она разрушает общественное богатство... Следовательно, экономическая система, основанная преимущественно на частном бизнесе, становится все более непригодной и неэффективной для того, чтобы распоряжаться этим жизненно важным общественным достоянием. Значит, эту систему надо менять»[2].

---

[1] Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1977, с. 25.

[2] Коммонер Б. Замыкающийся круг. Л., 1974, с. 206.

3. ВОЕННЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОСВЯЗИ ПРИРОДЫ И ОБЩЕСТВА

Географическая среда, демографические процессы всегда оказывали, хотя и неодинаковое, влияние на военное дело. Эта связь извращается сторонниками географического детерминизма, социал-дарвинистами и т. д. Так, основоположник геополитики немецкий географ и социолог Ф. Ратцель (1844—1904) считал борьбу за жизненное пространство источником войны, а английский буржуазный экономист Т. Р. Мальтус (1766—1834) утверждал, что несоответствие между ростом населения и количеством средств существования должно регулироваться войнами, эпидемиями и другими подобными средствами, что «избыточное население» — причина войны.

В противоположность геополитике исторический материализм усматривает причины войн не в географических условиях самих по себе, а именно в политике, проводимой эксплуататорскими классами. Конечно, среди обстоятельств, формирующих классово-политические причины войны, нередко присутствуют географические факторы, например борьба за обладание колониями. Но ведь все это необходимо для определенных экономических целей, а эту необходимость и эти цели формулируют и обобщенно выражают в своей политике определенные классы. История свидетельствует, что в гражданских войнах, которые вели угнетенные классы против угнетателей, географический фактор никогда не обусловливал причины войны. В национально-освободительных войнах он фигурировал в политических мотивах народов, борющихся за освобождение, лишь постольку, поскольку терпящие поражения колонизаторы стремились расчленить страну политически, сохранить за собой ключевые в экономическом отношении районы, сделать в будущем страну уязвимой в военном отношении. Напротив, ссылки на географические факторы, «географическую необходимость» и т. п. обязательно присутствуют в «аргументации» империалистических агрессоров.

Отметим еще одно обстоятельство. На протяжении веков географическое положение большинства стран практически не меняется, тогда как их политика претерпевает иной раз коренные изменения, которые являются следствием иных причин. Эти причины марксизм-ленинизм видит в развитии способа производства, экономики, в социально-классовых антагонизмах эксплуататорского строя [1].

Так обстоит дело, когда решается вопрос о роли географической среды в возникновении войны. Аналогично он рассматри-

---

[1] Косвенным доказательством ненаучности геополитики является характер споров между самими ее авторами. Так, в период расцвета европейского империализма Х. Маккиндер писал, что центр цивилизации («мировой остров»), дающий власть над миром,— это Евразия. После второй мировой войны Н. Спикмен объявил идеи Маккиндера «ложными и опасными», так как в действительности-де «мировой остров» — это Северная Америка (см.: Military Review, August, 1955).

вается и тогда, когда речь идет о военных доктринах государств, их военном строительстве, о причинах побед и поражений в войнах. Умение учитывать географические условия, извлекать из них пользу и превращать их в фактор, невыгодный для противника, во все времена считалось важнейшим компонентом полководческого, командирского искусства. Марксистско-ленинское учение о войне и армии, военная наука социалистического государства придают географическому фактору серьезное значение. Однако и здесь он выступает лишь в роли условия, придающего те или иные оттенки военной доктрине, направлению военного строительства, боевой деятельности войск, но он отнюдь не является первопричиной рождения военных доктрин и тем более побед и поражений в войнах. Скажем, и появление бредовой идеи гитлеровского блицкрига, и причины поражения фашистских войск под Москвой в декабре 1941 года следует искать в более глубоких обстоятельствах, нежели природные условия, которые, кстати сказать, были одинаковыми для обеих армий.

Географический фактор в войне — это комплекс природных условий, характерных для данной страны, театра военных действий (ТВД), стратегического или операционного направления. Географическое расположение страны по отношению к другим государствам — враждебным, дружественным или нейтральным — серьезно влияет на пропорции развития видов вооруженных сил, оперативное оборудование территории ТВД и другие вопросы, связанные с подготовкой к войне.

Однако, во-первых, соседние государства превращаются во враждебные или дружественные вовсе не из-за географических условий: история военных коалиций на протяжении веков начисто отвергает такое предположение. Во-вторых, роль географической среды меняется в зависимости от развития средств вооруженной борьбы, состояния вооруженных сил, их подготовленности к действиям в различных ландшафтно-климатических условиях. В-третьих, с развитием экономических и научно-технических возможностей государства и армии приобретают возможность существенно изменять естественную географическую среду в своих целях [1].

Известны случаи, когда географический фактор налагал существенный отпечаток на планы проведения операций. Так, замысел операции «Багратион» (1944 г.) предусматривал одновременный прорыв обороны врага на шести участках, окружение и уничтожение фашистских группировок в районах Витебска и Бобруйска, разгром оршанской и могилевской группировок. Такой план был обусловлен тем, что в лесисто-болотистой Белоруссии он давал возможность эффективнее использовать советские танковые соединения. Поэтому Ставка Верховного Главнокомандования, командующий фронтом Маршал Советского Союза

[1] См.: Широков М. Ф. Географический фактор в войне. — Советская Военная Энциклопедия, т. 2, с. 515—516.

К. К. Рокоссовский смело пошли на это нововведение. Однако даже здесь первопричину стратегического и оперативно-тактического творчества следует видеть не в географическом факторе самом по себе, а прежде всего в общей военно-политической обстановке, соотношении экономических, морально-политических и собственно военных потенциалов сторон, в частности в самом наличии в распоряжении советского командования мощных танковых соединений.

Итак, географическая среда, не являясь первопричиной и источником общественного прогресса, социальных изменений, войн, побед и поражений в них, выступает как важное условие, налагающее серьезный отпечаток на характер и темпы протекания всех этих процессов.

В современных условиях влияние природных условий на военное дело приобрело некоторые особенности: наличие у государства больших запасов полезных ископаемых, стратегического сырья влияет на его военную мощь; размер территории страны определяет живучесть экономики в случае войны, возможность маневра вооруженными силами; природные условия театров военных действий оказывают воздействие на размещение войск, их подготовку к вооруженной борьбе; оснащение армий ракетно-ядерным оружием, подводными лодками с автономным плаванием вызвало необходимость изучения свойств верхних слоев атмосферы, условий плавания в Мировом океане. Все это свидетельствует о расширении пространственно-природных факторов, воздействующих на ход и исход войн.

Важное военное значение имеет и проблема народонаселения. Как учит опыт истории, развитие военного дела сопровождалось все большим привлечением населения к непосредственному и опосредствованному участию в войнах. Теории малых армий, выдвигаемые отдельными буржуазными идеологами, никогда и нигде не были приняты в качестве основополагающих положений военных доктрин государств[1]. Необходимость в массовых армиях — одна из общих закономерностей военного строительства. В первой мировой войне участвовало 70 млн., во второй мировой войне — уже 110 млн. человек[2].

Свое решающее воздействие на ход и исход войны население оказывает в зависимости от природы общественного и государственного строя страны, проводимой государством внутренней и внешней политики, от социально-политического характера войны, от степени своей сознательности[3].

В современных условиях проблема людских ресурсов приобретает еще большее значение, чем в прошлом. Для ведения победоносной войны требуется высококачественный «человеческий

---

[1] См.: Советская Военная Энциклопедия, т. 5, с. 104.

[2] См.: Склярский С. Г. Массовая армия. — Советская Военная Энциклопедия, т. 5, с. 181—182.

[3] См.: Табунов Н. Д. Народные массы (в войне). — Советская Военная Энциклопедия, т. 5, с. 506—508.

материал», заблаговременная подготовка его к возможной войне.

Взаимосвязь общества и природы имеет еще один важный аспект — экологический. История свидетельствует, что войны всегда наносили ущерб окружающей среде и населению. Так, в XV в., когда вся Европа была охвачена войнами, эпидемия чумы унесла четверть населения континента. Пандемия (всемирная эпидемия) гриппа за время первой мировой войны обошлась человечеству в 20 млн. жизней. Академик О. В. Бароян пишет: «Хорошо известно, что различные социальные потрясения, в том числе и войны, приводили к широкому распространению эпизоотии среди сельскохозяйственных животных и эпифитии среди различных растений»[1]. Во время войн нарушаются нормальные хозяйственно-экономические связи, что ведет к нерациональному использованию мировых запасов сырья и топлива, не говоря уже о резком падении промышленного и сельскохозяйственного производства в самой зоне боевых действий, о непоправимом ущербе окружающей среде в этом районе.

Появление химического, бактериологического и ядерного оружия создало возможность тысячекратно усилить эти влияния. Не только боевое использование, но и испытания такого оружия чрезвычайно опасны для среды и населения в обширнейших районах мира. Нюрнбергский (1946 г.) и Хабаровский (1949 г.) процессы над германскими и японскими военными преступниками показали, что уже в ходе второй мировой войны они практически подготовились к применению бактериологического оружия. Американские агрессоры во Вьетнаме широко применяли средства воздействия на среду — искусственное вызывание ливней, уничтожение урожаев, зеленого покрова джунглей и т. п. В зарубежных странах получил распространение термин «геофизическая война», означающий преднамеренное использование сил природы в военных целях путем активного воздействия на окружающую среду и физические процессы, протекающие в литосфере, гидросфере и атмосфере[2]. Речь идет о создании искусственных землетрясений, мощных приливных волн типа цунами, ливней, магнитных бурь, изменении температурного режима определенных районов Земли, создании снежных лавин, селевых потоков и т. п. В зарубежных источниках сообщается об опытах, целью которых является разрушение ионосферы — озонного слоя атмосферы для создания над территорией противника «окон», через которые бы проникали смертоносные космические излучения.

В печати появились также сообщения о разработке в капиталистических странах новых средств массового уничтожения. На-

---

[1] Бароян О. В. Судьба конвенционных болезней. М., 1971, с. 226. (Эпизоотия и эпифития — широкое распространение заразных болезней соответственно среди животных и растений.)

[2] См.: Ляшенко И. Д. Геофизическая война. — Советская Военная Энциклопедия, т. 2, с. 523.

ряду с лучевым и инфразвуковым разрабатывается психотропное, генетическое и этническое оружие. Психотропное оружие предназначено для массового воздействия на психику населения и войск противника. Применение генетического оружия должно, по мысли его создателей, нарушить механизм наследственности. В данном случае речь идет о военном воздействии на будущие поколения населения противоборствующей страны. Наконец, как сообщалось в печати, Американскому химическому обществу в Лос-Анджелесе был представлен доклад профессора Р. Хаммершлага, в котором приводились доказательства того, что Пентагон изучает возможность использовать «этническое оружие»[1]. Имеется в виду применение специальных химических, биологических и других средств для избирательного поражения целых групп населения, которые отличаются пигментацией кожи, составом крови или другими признаками, обусловленными проживанием в определенных географических районах, и т. п. Понятно, что эти виды оружия предназначены для геноцида — уничтожения групп населения по расовым или национальным признакам, которое уже тридцать лет назад квалифицировано Организацией Объединенных Наций как «тягчайшее преступление против человечества» и запрещено конвенцией 1948 г. «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него».

Учитывая все это, КПСС и Советское правительство неоднократно выступали с инициативами, направленными на заключение международных договоров о всеобщем и полном прекращении испытаний ядерного оружия, о запрещении и уничтожении химического оружия, о запрещении создания новых видов и систем оружия массового уничтожения, а также воздействия на природную среду в военных и иных враждебных целях.

Таким образом, усложняющийся характер взаимосвязи природы и общества вызывает острые экологические проблемы, решение которых в интересах социального прогресса человечества возможно только при социализме. При капитализме неизбежно наступление и углубление экологического кризиса. Современные экологические проблемы оказывают непосредственное и опосредствованное влияние на военное строительство. В свою очередь военное дело оказывает все большее воздействие на природу и общество.

---

[1] См.: Железнов Р. Средства массового уничтожения — под запрет. — Правда, 1976, 9 сент.

ГЛАВА XI

ОПРЕДЕЛЯЮЩАЯ РОЛЬ СПОСОБА МАТЕРИАЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА В ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ И РАЗВИТИИ ВОЕННОГО ДЕЛА

Для функционирования и развития социальной жизни необходимо ее воспроизводство, то есть самих людей [1], всей системы общественных отношений [2], а это невозможно, в свою очередь, без воспроизводства материальных и духовных благ, служащих для удовлетворения человеческих потребностей. Основоположники научной философии придавали материальному и духовному [3] производству особое значение. В системе различных видов воспроизводства определяющая в конечном счете роль принадлежит материальному. «...Из определенной формы материального производства,— писал К. Маркс,— вытекает, во-первых, определенная структура общества, во-вторых, определенное отношение людей к природе. Их государственный строй и их духовный уклад определяются как тем, так и другим. Следовательно, этим же определяется и характер их духовного производства» [4]. Исторический материализм впервые в истории социологической мысли открыл и доказал, что именно способ материального производства оказывает в конечном счете определяющее влияние на направление и содержание исторического процесса, в том числе и на развитие военного дела.

1. СТРУКТУРА СПОСОБА МАТЕРИАЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА И ВЗАИМОСВЯЗЬ ЕГО ОСНОВНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ

В процессе производства материальных благ люди вступают в определенные отношения с природой и друг с другом. Эти два ряда отношений образуют две относительно самостоятельные стороны единого способа материального производства, представ-

---

[1] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 19; т. 46, ч. 2, с. 222.
[2] См. там же, т. 27, с. 408.
[3] См. там же, т. 3, с. 24, 36, 46; т. 26, ч. 1, с. 279; т. 27, с. 408; и др.
[4] Там же, т. 26, ч. 1, с. 279.

ленные **производительными силами** (содержанием) и **производственными отношениями** (формой).

Производство материальных благ, взятое как процесс взаимодействия между людьми и природой и между собой, предполагает наличие четырех элементов: человека (в родовом его значении) как субъекта труда, средств труда, предмета труда и производственных отношений.

Предмет труда — это природный объект, на который воздействует субъект труда, вооруженный средствами труда, с целью использования его свойств или преобразования его в формы, пригодные для удовлетворения материальных потребностей человека. Всеобщий первичный предмет труда — природа. Но до того, как человек прикоснулся к ней, она лишь потенциальный предмет труда. Актуальный предмет труда — это такой природный объект, который вовлечен человеческой деятельностью в процесс преобразования его в социально полезную вещь (потребительную стоимость). Объекты природы, уже частично подвергшиеся обработке (сырой материал, сырье), выступают в дальнейшем процессе производства в качестве вторичного предмета труда.

Средство труда суть вещь или комплекс вещей, которые человек помещает между собой и предметом труда и которые служат для него в качестве «проводника его воздействий на этот предмет» [1].

Средства труда делятся на искусственно созданные (производственная техника) и естественно возникшие (земельные угодья, водоемы, используемые, скажем, для разведения рыбы), на вещественные (производственные здания, машины) и энергетические (химическая, солнечная, ветровая, атомная энергия), на непосредственно функционирующие в производстве (машины, станки — орудия производства) и опосредствованно функционирующие в нем (система материального снабжения, транспортные средства, дороги, средства связи), то есть то, что называют инфраструктурой производства, на управленческо-контрольные и исполнительско-технологические и т. п.

В современном производстве границы между предметами труда и средствами труда часто носят условный характер, но тем не менее они существуют. Выступает ли та или иная вещь в качестве предмета труда или средства труда, «всецело зависит от ее определенной функции в процессе труда...» [2], то есть от того, воздействует ли она на другой предмет или, наоборот, подвергается этому воздействию с целью превращения ее в потребительную стоимость. Средства труда и предметы труда, взятые вместе, образуют **средства производства** (вещественные и энергетические элементы).

Человек, выполняющий в общественной жизни многочислен-

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 190.
[2] Там же, с. 194.

ные роли, включается в материальное производство в качестве **рабочей силы** — обладателя духовных и физических способностей, применяемых в процессе создания материальных благ[1]. В процессе производства **человек выполняет** энергетическую, транспортную, исполнительско-технологическую, логическую и контрольно-управленческую функции.

Способ непосредственного соединения человека со средствами производства и их функционирование составляют **технологию производства.** Все вещественные элементы производства (средства производства), технологически объединенные вместе и функционирующие в качестве его фактора, составляют **материально-техническую базу общества.**

Те силы, с помощью которых общество воздействует на природу с целью ее преобразования и получения материальных благ, образуют его **производительные силы.**

Структурные элементы производительных сил классифицируют по различным основаниям. Так, К. Маркс в составе производительных сил выделял в зависимости от соотношения вещественных и личностных компонентов — объективные и субъективные производительные силы[2], в зависимости от соотношения материальных и духовных сил — материальные производительные силы и духовные производительные силы[3], в зависимости от масштабов субъекта труда — индивидуальные, групповые (массовые) и общественные производительные силы[4].

Объективные производительные силы, или объективный фактор производства,— это созданные и создаваемые обществом средства производства, в том числе и предметы труда[5], независимо от того, прошли ли они первичную обработку или нет.

Субъективные производительные силы, или субъективный фактор производства,— это люди, занятые в материальном производстве как субъекты труда, носители духовных и физических способностей, как проявляющаяся в действии рабочая сила[6].

Определяющая роль объективных производительных сил в процессе производства обусловлена тем, что каждое новое поколение людей застает уже готовыми определенные средства труда, созданные предшествующими поколениями, вынуждено приспосабливаться к ним (ремесленное и машинное производства с соответствующими им средствами труда нуждаются и в рабочей силе различной квалификации). Далее, производительность труда — этот синтетический показатель уровня развития производительных сил — определяется главным образом технической оснащенностью производства.

---

[1] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 178.
[2] См. там же, т. 46, ч. 1, с. 485.
[3] См. там же, с. 493.
[4] См. там же, т. 23, с. 337.
[5] См. там же, т. 12, с. 735; т. 23, с. 220.
[6] См. там же, т. 23, с. 220.

Однако люди как **субъективные** производительные силы, хотя и находятся под определяющим воздействием вещественных и энергетических элементов производства, играют решающую роль в его развитии. Именно люди являются творцами новой техники, вносят прогрессивные изменения в технологию производства, определяют направление, размещение и конкретное содержание развития вещественных элементов производительных сил, иначе говоря, именно люди решают, какую материально-техническую базу им предстоит создать. Поэтому К. Маркс называл человека главной производительной силой [1].

Соотношение роли названных компонентов производительных сил есть конкретное проявление универсальной диалектической взаимосвязи объекта и субъекта: объект определяет границы и возможности деятельности субъекта, а субъект решает, как превратить эти возможности в действительность.

Принципиально важное значение имеет выделение К. Марксом помимо **материальных производительных сил** (к ним кроме вещественных и энергетических элементов производительных сил относится и физическая сила индивидов) и **духовных** производительных сил, к которым относятся влияющие на производительность труда чувства, настроения, профессиональные и научные знания участников производственного процесса, их сознательное отношение к процессу производства и его результатам. Следовательно, производительные силы, взятые в целом,— это не только материальные силы, а единство материальных и духовных сил. Причем К. Маркс и Ф. Энгельс гениально предсказали возрастание роли духовного фактора в производстве. В одной из ранних статей Ф. Энгельс писал, что в будущем «духовный элемент, конечно, будет принадлежать к числу элементов производства» [2].

Вследствие научно-технического прогресса человек как рабочая сила все более и более передает свои первоначальные функции источника энергии, транспортного средства и т. п. машинам и получает возможность развивать свои духовные силы, применять их при выполнении функций наладчика машины, регулировщика, контролера, технолога, конструктора и, наконец, организатора производства.

Духовные силы производителей материальных благ со временем настолько обособляются от вещественных элементов производства, что позволяют человеку стоять «рядом» с производством (хотя и не вне его). В условиях научно-технического прогресса происходит впервые подмеченный К. Марксом процесс превращения науки в относительно самостоятельную производительную силу. Этот процесс выражается в: 1) материализации научных знаний (создание с их помощью новой техники), 2) применении научных знаний для совершенствования технологиче-

---

[1] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 403.
[2] См. там же, т. 1, с. 555.

ского процесса, 3) использовании научных знаний для совершенствования управления производством в целом (в том числе и людьми), 4) повышении профессиональных знаний и опыта каждого работника производства.

Наука (научное знание) участвует в качестве производительной силы в производстве непосредственно и опосредствованно. Непосредственно — в форме профессионально ориентированных научных знаний, помогающих работнику увеличивать производительность своего труда (повышение общего образования рабочих только на один класс средней школы приводит к росту производительности труда до 2%). Опосредствованно — в форме созданных человеческой рукой органов человеческого мозга (машин). Но овеществленная сила знания — это уже не сами научные знания, а их материальный результат. Научное знание как духовное явление, материализуясь в вещах, перестает быть духовным. В этом случае в качестве непосредственной производительной силы выступают уже машины, станки, а не знания.

Таким образом, **общественные производительные силы** — это люди, обладающие физическими и духовными способностями (в том числе производственным опытом, научными знаниями), и приводимые ими в действие средства производства, с помощью которых общество добывает материальные блага, необходимые для удовлетворения своих потребностей.

Производительные силы функционируют и развиваются в исторически определенной социальной форме, представленной совокупностью **производственных отношений**, в которые вступают люди в процессе производства продукта и движения продукта от производства до потребления включительно. Эти отношения имеют различные уровни и соответственно различное содержание, что позволило К. Марксу говорить о первичных, вторичных и вообще производных производственных отношениях[1]. В их структуре можно выделить отношения между работниками, обусловленные технологией производства (технолого-производственные); отношения между работниками, детерминированные их организационно-производственной субординацией (организационно-производственные); отношения между предприятиями, связанные с их специализацией и кооперацией (территориально-отраслевые) и т. п. Все эти отношения между людьми возникают в процессе общественного производства, а потому несут в себе социальное содержание.

Основу же производственных отношений составляют те из них, в которых выражается отношение людей к собственности, роль людей в общественной организации труда (то есть решение вопроса, в чьих интересах главным образом осуществляется производство), способ распределения, обмена и потребления продуктов труда. Среди последних важнейшее место занимает отношение людей к собственности на основные средства производ-

---

[1] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 46.

ства, определяющее социально-классовую структуру данного общества [1]. Именно оно является первичным производственным отношением.

Собственность на средства производства может носить общественный или частный характер. В зависимости от этого производственные отношения делятся на два основных рода: а) отношения господства и подчинения [2] и б) отношения равенства и взаимопомощи. Первые характеризуются сосредоточением основных средств производства в руках эксплуататорского меньшинства, навязывающего свою волю трудящимся массам. Вторые базируются на общественной собственности на средства производства и исключают эксплуатацию человека человеком.

Взаимосвязь между производительными силами и производственными отношениями выражается общесоциологическим законом — законом соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил. Уже сама формулировка этого закона указывает на две существенные зависимости, а именно: не производительные силы (содержание) приходят в соответствие с производственными отношениями (формой), а, наоборот, производственные отношения обусловлены производительными силами; это соответствие осуществляется как по линии количественных (уровень), так и качественных (характер) показателей производительных сил.

Способ производства находится в постоянном изменении. Источником его развития являются противоречия: внешние (между способом производства и другими сферами общественной жизни — политикой, духовной культурой и т. д.) и внутренние. Последние служат главным источником его самодвижения. Внутренние противоречия представлены тремя основными группами. Это противоречия внутри производительных сил, внутри производственных отношений и противоречия между производительными силами и производственными отношениями (противоречия доминирующего значения).

Противоречия внутри производительных сил заключены в узлах сопряжения системы «человек — средства труда». Средства труда (техника), являясь искусственным продолжением органов человека, должны, с одной стороны, наиболее эффективно воздействовать на предмет труда, а с другой — находиться в соответствии с психофизиологическими возможностями человека, быть адекватными им.

Эти искусственно созданные «органы» прошли три основных этапа развития, выступая на каждом из них соответственно как простое орудие труда (рычаг, лопата, топор и т. д.), машина и, наконец, автомат. На первом этапе в звене «человек — простое орудие труда» человек выполнял функции источника энергии, средства, передающего эту энергию орудию, управляющего ме-

---

[1] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 44—45.
[2] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 38, 491; и др.

ханизма. На втором этапе в звене «человек — машина» человек передал машине почти целиком функции источника энергии, передаточного механизма, оставив за собой лишь функцию управления (пуск машины в движение, поддержание определенного режима ее работы). Конечно, это огромный шаг вперед в сравнении с системой «человек — простое орудие труда». Но на этом этапе режим работы машины лимитируется психофизиологическими «управленческими» возможностями человека. Поскольку в этой системе «узким местом» вновь является рабочий, то он тяжелой цепью зависимости приковывается к машине. Только на третьем этапе — этапе автоматизации — эту цепь удалось разорвать. Освободившись от человеческого «лимита», автомат стал действовать в соответствии с технологическим потенциалом, заложенным в машинах, а человек сосредоточил в своих руках высшие функции производства, наладки автоматов, контроля за их работой.

Стремясь облегчить свой труд, человек в течение веков неизменно шел к созданию роботов, компьютеров, способных лучше своего создателя осуществлять многие операции в течение длительного времени. Это закономерно привело к тому, что примерно с середины XX столетия в экономически развитых странах мира стала развертываться научно-техническая революция, ведущая к качественным изменениям всех элементов производительных сил — вещественных и энергетических. В результате технология производства подверглась сайентификации, то есть «онаучиванию», когда произошло превращение науки в решающий фактор производства. В корне изменился и субъект труда, изменились его функции и место в производственном процессе.

Однако изменение производительных сил не является самодовлеющей величиной, независимой от тех производственных отношений между людьми, в рамках которых развивается техника. Абсолютизация роли вещественных элементов производительных сил, преклонение перед «демоном техники» присущи сторонникам так называемого «технологического детерминизма» (американский экономист Дж. Гэлбрейт, французский социолог Р. Арон и другие), которые видят единственную причину общественных изменений в развитии техники и на этом основании предрекают якобы неизбежное сближение (конвергенцию) капиталистической и социалистической общественных систем.

На самом же деле не только техника, но и развитие производственных отношений, их социальная природа влияют на развитие производства, а через него и на всю общественную жизнь. При одном и том же уровне и характере производительных сил производственные отношения могут иметь широкий диапазон различий. Будучи относительно самостоятельными, производственные отношения подчинены и внутренней логике своего развития.

Главное противоречие внутри производственных отношений состоит в противоречии между характером собственности на ос-

новные средства производства и способом распределения материальных благ. Развитие «производства,— указывал Ф. Энгельс,— больше всего стимулируется таким способом распределения, который позволяет *всем* членам общества как можно более всесторонне развивать, поддерживать и проявлять свои способности»[1]. Частная собственность на основные средства производства неизбежно ведет к несправедливому распределению. Противоречие между собственниками средств производства и непосредственными производителями материальных благ само по себе революционизирует народные массы и зовет их к ниспровержению эксплуататоров.

Противоречия внутри производительных сил и производственных отношений развертываются и разрешаются не автономно друг от друга, а концентрируются в противоречии между производительными силами и производственными отношениями. Последние могут способствовать развитию производительных сил, а могут и тормозить их развитие. В конце концов это основное противоречие в исторически сложившихся способах производства вело к замене одного типа производства другим, более зрелым с точки зрения общественного прогресса.

Социалистический способ производства характеризуется рядом особенностей, демонстрирующих его историческое превосходство над капиталистическим и другими антагонистическими способами производства. При социализме производительным силам присущи резкое ускорение темпов и планомерность их развития, наиболее эффективное их использование в интересах народа, а производственным отношениям — утверждение общественной собственности на основные средства производства, упразднение социальных привилегий в общественной организации труда, распределение материальных и духовных благ в соответствии с количеством и качеством труда, затрачиваемого каждым работником производства, потребление материальных благ, обеспечивающее развитие каждой личности.

Социалистические производственные отношения и производительные силы по своей сущности соответствуют друг другу. Это соответствие создает возможность их дальнейшего совершенствования и постепенного перерастания в коммунистические. Для превращения этой возможности в действительность необходимо привести в движение творческий потенциал субъективного фактора — производственно-трудовую активность трудящихся, поднять на новый, более высокий уровень управление экономикой.

КПСС и Советское государство разработали экономическую стратегию, включающую в себя фундаментальные, долговременные цели и четкое определение средств и путей их реализации. «Цель социализма — все более полное удовлетворение растущих материальных и культурных потребностей народа путем непрерывного развития и совершенствования общественного производ-

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 206.

ства»[1]. Основными средствами достижения этой цели являются динамичное и пропорциональное развитие общественного производства, повышение его эффективности, ускорение научно-технического прогресса, рост производительности труда, всемерное улучшение качества работы во всех звеньях народного хозяйства. Основным звеном в решении экономических, социальных и культурных задач социалистического общества является создание материально-технической базы коммунизма.

Основные тенденции научно-технического прогресса и экономического развития, формирующие облик производительных сил коммунистического общества, сводятся к: созданию полностью механизированных и автоматизированных технологических процессов, обеспечивающих более высокий по сравнению с капитализмом уровень производительности труда, насыщению его творческим содержанием; решению проблем охраны окружающей среды; перестройке топливно-энергетической и сырьевой базы народного хозяйства на основе новых источников энергии и материалов; уменьшению зависимости от ограниченных по своим запасам видам топлива и сырья естественного происхождения; завершению процесса индустриализации в сельском хозяйстве в результате его полной механизации, эффективного управления биологическими процессами; развитию производственной инфраструктуры на основе единой системы транспорта и единой автоматизированной сети связи; повышению эффективности и качества производства; осуществлению коренных усовершенствований в сфере управления с применением ЭВМ, автоматизированной системы хранения, переработки и передачи информации.

Эти тенденции с каждым годом набирают все большую силу в обществе развитого социализма, подтверждая преимущества социалистического способа производства перед капиталистическим. Значительным этапом на этом пути стала десятая пятилетка.

Таким образом, по своему составу способ производства представляет собой диалектическое единство производительных сил и производственных отношений. Их сложная структура и заключенные в них противоречия являются одним из важных объектов исследования философов-марксистов.

2. СПОСОБ ПРОИЗВОДСТВА МАТЕРИАЛЬНЫХ БЛАГ КАК ОСНОВА ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Согласно материалистическому пониманию общественного развития способ производства материальных благ в конечном счете оказывает определяющее влияние на исторический процесс. Этот теоретический вывод исторического материализма отнюдь не перечеркивает роли других факторов (духовного производства, роли идей, влияния выдающихся личностей на исторические со-

---

[1] Программа Коммунистической партии Советского Союза, с. 15.

бытия) в общественной жизни, а выделяет лишь основную доминанту социального прогресса, силу которой подтверждает вся история человечества.

Способ производства материальных благ оказывает свое определяющее воздействие на все стороны, все процессы общественной жизни, и прежде всего на формирование человеческих потребностей — главной движущей силы людей. Именно потребности людей заставляют их действовать и проявлять социальную активность. Критикуя идеалистически мыслящих ученых, Ф. Энгельс так охарактеризовал главную пружину общественного прогресса: «Люди привыкли объяснять свои действия из своего мышления, вместо того чтобы объяснять их из своих потребностей (которые при этом, конечно, отражаются в голове, осознаются)...» [1]

Способность производства оказывать доминирующее влияние на формирование потребностей была впервые обнаружена К. Марксом. Выступая против тех, кто считал, что потребности рождаются в роднике души, не замутненном никакими материальными соображениями, К. Маркс писал: «На чем основывается вся система потребностей — на мнении или на всей организации производства? Чаще всего потребности рождаются прямо из производства или из положения вещей, основанного на производстве» [2].

Созданное для удовлетворения жизненно важных потребностей материальное производство в свою очередь становится самым мощным их стимулятором. Следствие превращается в причину. Производство предлагает людям свою продукцию богатейшего содержания и самой причудливой формы, воздействует на вкусы и моду людей. Производство продуктов питания ставится на широкую индустриальную основу, улучшается планировка и качество жилых домов, их интерьеры украшаются эстетически привлекательной мебелью, образцами электронной техники. Одежда и обувь непрерывно обновляются; фантазия модельеров, художников поражает своей неисчерпаемостью и изобретательностью. Современные транспортные средства превосходят мечту древних о ковре-самолете. Производство как бы спешит подтвердить истину: враг хорошего — лучшее. В свою очередь удовлетворенные потребности порождают новые потребности.

Через потребности и порожденную ими социальную активность способ производства воздействует на формирование социально-классовой структуры общества. В классическом определении классов, сформулированном В. И. Лениным в работе «Великий почин», самые существенные их признаки (отношение к средствам производства, роль в общественной организации труда, способ и размеры распределения) поставлены в прямую связь с

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 493.
[2] Там же, т. 4, с. 80.

производственными отношениями[1]. Поэтому обобщенный признак социального класса В. И. Ленин усматривает в том, какое место занимает эта группа людей именно в исторически определенной системе материального общественного производства. Хотя класс обладает и другими, производными признаками (например, свойственной ему идеологией и психологией, социальной активностью, определенным образом жизни и др.), его сущность локализована в сфере производства материальных благ. Каков способ производства, такова и социально-классовая структура общества.

Способ производства материальных благ оказывает определяющее в конечном счете воздействие и на социально-профессиональную структуру. Разделение общества на классы неизбежно ведет и к закреплению представителей этих классов, как правило, за определенными профессиями и специальностями.

Экономическая жизнь выступает также одним из решающих факторов возникновения социально-этнических общностей людей. Не язык сам по себе, не общность территории, а именно интернационализация экономической жизни явилась решающим условием превращения народностей, которые были наиболее типичной для эпохи феодализма формой исторических общностей, в нации — продукт капиталистического способа производства.

Таким же образом способ производства определяет основное содержание и тенденции развития надстроечных институтов и отношений. Наиболее тесно связана с экономическим базисом политика. Будучи концентрированным выражением экономики, она осуществляет отношения между классами, социальными группами, нациями по поводу использования государственной власти, политических институтов. Как правило, экономически господствующий класс сосредоточивает в своих руках политическую власть и право. Последнее есть не что иное, как возведенная в закон воля экономически господствующего класса. Способ и полнота удовлетворения материальных потребностей трудящихся определяют характер и границы их участия в общественно-политической деятельности, ибо, прежде чем активно участвовать в политической жизни, люди должны удовлетворять свои насущные потребности.

Далее, определяющее в конечном счете воздействие оказывает способ производства материальных благ и на духовную жизнь общества, хотя это воздействие и осуществляется порой опосредствованно. Очевиднее всего органическая связь с производством естественных и технических наук. Ф. Энгельс писал о них, что «уже с самого начала возникновение и развитие наук обусловлено производством»[2]. Потребности производства вызывают к жизни появление все более разветвленной системы научных учреждений, конструкторских бюро, экспериментальных лабораторий, институтов-заводов.

---

[1] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 15.
[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 500.

В современных условиях под влиянием прямых нужд производства стали более интенсивно развиваться и общественные науки: социология, социальная психология, наука управления и т. п. Это обусловлено тем, что повышение эффективности производства в значительной мере зависит от личностных качеств производителей материальных благ, их способности к общению, сотрудничеству, а также от управленческих качеств руководителей различных звеньев. Без овладения научными знаниями социального характера современный руководитель не может организовать эффективный труд производственного коллектива. Введение в штаты предприятий социологов, социальных психологов стало велением времени.

Несколько сложнее проследить связь искусства с производством материальных благ. Правда, декоративно-прикладное искусство вырастает прямо из нужд производства. Возможностями последнего определяется и развитие архитектуры. Бетон, стекло, металл, пластмассы придают особый облик современным зданиям и их внутреннему убранству. А вот живопись, музыка, художественная литература обладают наибольшей независимостью от развития производства, имеют внутреннюю логику своего развития, ибо главным предметом их отражения является человек с его мыслями, чаяниями и страстями — человек во всем богатстве своих проявлений, действующий не только в сфере производства, но и в сфере политики, быта и т. д. Но «независимость» этих видов искусства от производства тоже не безгранична. Дело здесь не только в наличии производственной тематики художественных произведений, и не только в том, что мотивы урбанизации, связанные с концентрацией производства в городах, властно звучат в современной поэзии. Эта зависимость глубже. Не случайно К. Маркс поставил такие вопросы: «...возможен ли Ахиллес в эпоху пороха и свинца? Или вообще «Илиада» наряду с печатным станком и тем более с типографской машиной? И разве не исчезают неизбежно сказительство, былинное пение и Муза, а тем самым и необходимые условия эпической поэзии, с появлением печатного слова?» [1]

Современная действительность еще более подтвердила эту мысль К. Маркса. Если много веков назад мудрые греки придумали для каждого вида искусства богиню-покровительницу — музу (покровительницей трагедии была Мельпомена, музой танцев — Терпсихора, музыки — Евтерпа, поэзии — Эрато), то у появившихся в XX в. новых видов искусства — кино и телевидения — нет своих муз. Но над ними шефствуют все музы сразу и, кроме того, у них есть более высокая покровительница — техника — дитя современного производства. Не достигни таких высот развитие техники, об этих видах искусства человечество

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 48.

могло бы только мечтать. Их появление — убедительное доказательство связи искусства с материальным производством.

Важно отметить и то, что распространение произведений искусства с развитием техники приобрело поистине планетарный масштаб. Мощность полиграфической, радиотехнической промышленности, производство киноустановок и телевизоров определяют возможность приобщения масс к миру прекрасного, содействуют повышению духовной культуры общества или, наоборот, тормозят духовное развитие личности в условиях так называемой массовой культуры при капитализме.

Далее, возможности некоторой части населения заниматься преимущественно умственным трудом, наукой, искусством также определяются уровнем развития производительных сил. Экономически отсталое общество вынуждено сосредоточивать подавляющую часть населения в сфере материального производства и тем самым ограничивать духовное производство.

Способ производства материальных благ определяет характер общественного и индивидуального быта людей, сферы услуг (сервиса), накладывает свой отпечаток на семейно-брачные отношения, демографические показатели. Неразвитость общественных производительных сил обрекает трудящихся на дополнительный изнуряющий труд в рамках индивидуального быта, мешает развитию их духовных и физических сил, сокращает их свободное время, которое К. Маркс называл главным мерилом общественного богатства.

В. И. Ленин связывал подлинную эмансипацию женщин с мощным развитием производительных сил, которое только и способно реорганизовать общественный быт, создав условия для строительства общественных столовых, яслей, детских садов и т. д. «Женщина продолжает оставаться *домашней рабыней*, несмотря на все освободительные законы,— писал он в 1919 г.,— ибо ее давит, душит, отупляет, принижает *мелкое домашнее* хозяйство, приковывая ее к кухне и к детской, расхищая ее труд работою до дикости непроизводительною, мелочною, изнервливающею, отупляющею, забивающею. Настоящее *освобождение женщины*, настоящий коммунизм начнется только там и тогда, где и когда начнется массовая борьба (руководимая владеющим государственной властью пролетариатом) против этого мелкого домашнего хозяйства, или, вернее, *массовая перестройка* его в крупное социалистическое хозяйство» [1].

Руководствуясь этим указанием В. И. Ленина, наша партия наметила и осуществляет широкомасштабный план благоустройства общественного и индивидуального быта, опирающийся на динамично развивающиеся производительные силы страны.

Обобщенным показателем зависимости различных сторон исторического процесса от способа производства является **образ жизни** людей. По этому поводу К. Маркс и Ф. Энгельс писали:

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 24.

«Этот способ производства надо рассматривать не только с той стороны, что он является воспроизводством физического существования индивидов. В еще большей степени, это — определенный способ деятельности данных индивидов, определенный вид их жизнедеятельности, их определенный *образ жизни*. Какова жизнедеятельность индивидов, таковы и они сами. То, что они собой представляют, совпадает, следовательно, с их производством — совпадает как с тем, *что́* они производят, так и с тем, *как* они производят. Что́ представляют собой индивиды, — это зависит, следовательно, от материальных условий их производства» [1].

Представляя по своей сущности способ жизнедеятельности и взаимоотношений людей, образ их жизни включает в свое содержание следующие компоненты: 1) систему потребностей и способ их удовлетворения; 2) систему жизнедеятельности людей, определяемую этими потребностями; 3) характер социальных отношений и общения, который утверждается в процессе жизнедеятельности людей; 4) характер отражения социальных отношений, всей системы жизнедеятельности в сознании людей, их социальное самочувствие. Все эти компоненты образа жизни находятся под воздействием способа производства материальных благ.

Все указанные направления воздействия экономики на исторический процесс переплетаются, фокусируются в кардинальной **зависимости смены общественно-экономических формаций от развития материального производства.** Это общесоциологический закон. В изложении К. Маркса он представлен следующим образом: «В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить, как прогрессивные эпохи экономической общественной формации... буржуазной общественной формацией завершается предыстория человеческого общества» [2].

Первобытнообщинный строй с его уравнительным распределением был общественной формой, соответствующей примитивным орудиям труда. Некоторое развитие производительных сил (кооперирование рабочей силы рабов, усовершенствование орудий труда) позволило производить прибавочный продукт и тем самым создало возможность для небольшой части общества (рабовладельцев) вести паразитический образ жизни или заниматься исключительно интеллектуальным трудом и управленческой деятельностью. Но раб, низведенный до положения «говорящего орудия», «живого инвентаря», не был заинтересован в росте производительности труда. Относительная заинтересованность появилась у крепостного крестьянина, наделенного клочком земли и имеющего в своем распоряжении некоторые орудия производства. Рост производительных сил привел к появлению ремесла, мануфактуры. Дальнейшее развитие фабричного производства уже потребовало свободных рук. Крепостные отношения

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 19.
[2] Там же, т. 13, с. 7, 8.

вступали в противоречие с новым уровнем и характером производительных сил. Таким образом, именно развитие материального производства явилось причиной смены общественно-экономических формаций.

Капитализм явился гигантским прогрессом по отношению к феодализму. Однако это прогрессивное начало исчерпало себя на определенной ступени. «Монополия капитала становится оковами того способа производства, который вырос при ней и под ней. Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют» [1].

Упразднение капиталистического способа производства, уничтожение антагонистического противоречия между трудом и капиталом, между трудящимися и собственниками основных средств производства являются обязательным условием появления нового, социалистического способа производства, а вместе с ним и на основе его — утверждения новой, коммунистической общественно-экономической формации, «основным принципом которой является полное и свободное развитие каждого индивидуума» [2].

Такова в самых общих чертах роль способа производства материальных благ в истории общества. Именно он является **основой** общественного развития.

3. ЗАВИСИМОСТЬ ВОЙНЫ И ВОЕННОГО ДЕЛА ОТ МАТЕРИАЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Войны и развитие военного дела — часть исторического процесса. Естественно, что общесоциологическая закономерность — определяющее воздействие способа производства на исторический процесс — проявляется и в сфере военного дела. Исторический материализм исходит из того, что способ материального производства оказывает определяющее в конечном счете воздействие на возникновение войн, на изменение военного дела, то есть теории и практики подготовки и ведения войн с помощью специально обученных и подготовленных вооруженных сил (армии, флота) и других звеньев военной организации.

Глубинная обусловленность войн коренится в экономике антагонистического общества. Анализируя противоречия между производительными силами и производственными отношениями при капитализме, В. И. Ленин сформулировал вывод: «При капитализме невозможен равномерный рост экономического развития отдельных хозяйств и отдельных государств. При капитализме невозможны иные средства восстановления, время от времени, нарушенного равновесия, как кризисы в промышленности, войны

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 772—773.
[2] Там же, с. 605.

в политике»[1]. Противоречия антагонистического способа производства — постоянный источник войн.

Поскольку политика является концентрированным выражением экономики, постольку источник войн, коренящийся в сфере антагонистического способа производства, трансформируется в причину — особый политический курс господствующих в эксплуататорском обществе классов, сознательно стремящихся достичь определенных целей средствами вооруженного насилия.

Экономически обусловленный источник войны и ее причина связаны между собой, но не тождественны друг другу. Если бы они были тождественны, то говорить о возможности предотвращения войн в современную эпоху было бы беспредметно. Но все дело в том, что воздействие сил мира на сторонников войны, на их политический курс в современных условиях таково, что и при наличии источника войны (капиталистического способа производства) возможно ограничить действие причин, непосредственно вызывающих войны. «...Нам не безразлично,— говорил В. И. Ленин на XI съезде РКП(б),— имеем ли мы дело с теми представителями буржуазного лагеря, которые тяготеют к военному решению вопроса, или с теми представителями буржуазного лагеря, которые тяготеют к пацифизму, будь он хотя самый плохенький...»[2].

Проведение ленинской политики мира, борьба за упрочение безопасности народов и широкое международное сотрудничество — эти главные задачи Советского государства на международной арене закреплены в Конституции СССР. На уровень высших требований Основного Закона возведены главные направления внешней политики нашей страны, принципы, на которых строятся отношения Советского Союза с другими государствами.

Мощные миролюбивые политические инициативы и акции правительств социалистических стран при изменяющемся соотношении сил в пользу социализма создают возможность исключения мировой войны с применением любых видов оружия и при наличии источника войны, коренящегося в капиталистическом способе производства. К сожалению, эта возможность не является единственной, а потому ее реализация потребует всесторонних дальнейших усилий, в том числе и экономических, направленных на разрядку международной напряженности.

Способ производства оказывает определяющее в конечном счете воздействие в целом на военную мощь государства и на ее составную часть — боевую мощь вооруженных сил.

Военная мощь государства существенно определяется тем, в какой мере уровень производительных сил страны позволяет переключить материальные средства и людские ресурсы на укрепление своего военного потенциала, подготовку и ведение войны, в какой мере отраслевая структура его экономики аде-

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 353.
[2] Там же, т. 45, с. 70.

кватна материально-техническим потребностям войны, способна к быстрой перестройке (мобильность экономики) в процессе войны и обладает живучестью (способностью к быстрому восстановлению разрушенных звеньев экономики и к наращиванию экономического потенциала).

Способ материального производства оказывает определяющее воздействие и на боевую мощь армии. Эту закономерность Ф. Энгельс выразил в следующих словах: «Ничто так не зависит от экономических условий, как именно армия и флот. Вооружение, состав, организация, тактика и стратегия зависят прежде всего от достигнутой в данный момент ступени производства и от средств сообщения» [1]. Эта зависимость реализуется по следующим направлениям.

Во-первых, техническая оснащенность вооруженных сил (качество и количество боевой техники) в решающей степени определяется материально-технической базой (вещественными элементами производства) общества, его производительными силами. В современных условиях многие отрасли производства развитых в экономическом отношении капиталистических государств втянуты в гонку вооружений, входят в военно-промышленные комплексы.

Во-вторых, организация вооруженных сил существенно определяется боевой техникой (а последняя зависит непосредственно от материально-технической базы общества) и характером ее обслуживания. Производство самолетов, танков, ракет и т. д. привело к появлению соответственно авиационных, танковых, ракетных и иных частей и соединений, имеющих специфическую организацию. В этих частях и соединениях резко увеличился удельный вес обслуживающего персонала, необходимого для наладки, заправки, ремонта, восстановления боевой техники.

В-третьих, боевая техника и оружие, их возможности в значительной мере предопределяют способы ведения вооруженной борьбы. Командир любого звена, военачальник, принимая решение и ставя боевые задачи частям, соединениям, всегда принимают в расчет боевые возможности оружия, находящегося в их распоряжении. В свою очередь эти возможности заранее обусловлены характером производства, уровнем его развития и зрелостью конструкторской мысли.

В-четвертых, на способы ведения вооруженной борьбы оказывает влияние наличие коммуникаций (железных и автомобильных дорог), транспортных средств, а это все — часть производства, точнее, его инфраструктуры. Опыт всех войн доказывает исключительную важность дорожно-транспортного обеспечения боевых действий войск.

В-пятых, характер управления боевой техникой и людьми в боевых условиях существенно определяется наличием техниче-

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 171.

ских средств связи, создаваемых военно-экономическими отраслями производства. Создание в современных условиях автоматизированных систем управления войсками (АСУВ) и автоматических систем управления боевыми средствами (АСУ), основанных на достижениях электроники, оказалось возможным именно потому, что военная экономика достигла высокого уровня развития. Без наличия электронно-вычислительной техники теперь невозможно быстро обрабатывать динамично изменяющуюся информацию, которая необходима командиру для быстрого принятия решения и контроля за его проведением в жизнь.

В-шестых, численный состав армии зависит от уровня развития производительных сил и производительности труда. Чем эффективнее материальное производство, тем большее количество населения можно поставить «под ружье». Во время второй мировой войны противоборствующие стороны могли направлять непосредственно на фронт миллионы людей.

В-седьмых, от уровня развития производительных сил зависит и качественный состав «человеческого материала», поступающего в армию. Несмотря на специфику военной техники, основные принципы ее устройства и обслуживания являются общими и для техники, применяемой в материальном производстве. Поэтому чем выше профессиональный уровень рабочих и служащих, занятых в мирных отраслях экономики, тем быстрее они способны овладеть функциями военных специалистов.

В-восьмых, характер производственных отношений (господства и подчинения или сотрудничества и взаимопомощи) оказывает большое воздействие на духовную жизнь военнослужащих, их отношение к целям войны. Это влияние экономики осуществляется опосредствованно через систему надстроечных институтов общества (политические и правовые учреждения, учебные заведения, печать, радио и т. д.).

В-девятых, способ производства материальных благ оказывает могучее воздействие на весь уклад жизни военнослужащих, образ их жизни (удовлетворение их материальных и духовных потребностей, систему их жизнедеятельности, способ общения между собой, их самочувствие и т. д.).

В-десятых, изменения в способе производства, революционизирование военной техники вызывают существенные сдвиги в военной науке, которая призвана отразить в своих теоретических концепциях эти изменения, усовершенствовать систему военного предвидения, выработать научно обоснованные рекомендации, направленные на улучшение обучения и воспитания военнослужащих в соответствии с установками и содержанием военной доктрины государства.

Таким образом, способ производства материальных благ выступает в конечном счете определяющим фактором исторического процесса во всех сферах общественной жизни, в том числе

и в военном деле. Не умаляя значения других факторов общественного развития, исторический материализм настаивает на приоритете в детерминации общественных явлений именно со стороны материального производства. В этом состоит сущность диалектико-материалистического монизма и вытекающего из него методологического принципа, согласно которому конечные причины социальных явлений нужно искать в материальной жизни общества, и прежде всего в способе производства материальных благ.

На первостепенное значение экономики для всестороннего развития общества, на необходимость постоянно держать в центре внимания вопросы управления народным хозяйством с новой силой указал XXVI съезд КПСС. Товарищ Л. И. Брежнев говорил на съезде: «Руководство народным хозяйством — это сердцевина всей деятельности партии и государства. Ведь именно в области экономики закладывается фундамент решения социальных задач, укрепления обороноспособности страны, фундамент активной внешней политики. Именно здесь создаются необходимые предпосылки успешного движения советского общества к коммунизму» [1].

---

[1] Материалы XXVI съезда КПСС, с. 31.

ГЛАВА XII

СОВРЕМЕННАЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ ВОЕННОГО ДЕЛА

Способ производства материальных благ, все социальные процессы современности испытывают на себе могучее воздействие все более развертывающейся вширь и вглубь научно-технической революции (НТР). Будучи особой формой научно-технического прогресса, НТР стала «одним из главных участков исторического соревнования между капитализмом и социализмом»[1]. НТР вызывает качественно противоположные социальные последствия в условиях капитализма и социализма. Она является катализатором глубоких преобразований в средствах и способах ведения современной войны, непосредственно влияет на военную мощь государства. Товарищ Л. И. Брежнев отмечал, что ускорение научно-технического прогресса и соединение достижений НТР с преимуществами социализма — это «глубоко партийные задачи, и во всем нашем хозяйственном строительстве, пожалуй, нет сегодня задач более актуальных и более ответственных»[2]. Важную задачу для военных специалистов представляют глубокое осознание сущности, содержания НТР и использование ее достижений для укрепления боевой мощи социалистических армий.

1. СУЩНОСТЬ И ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ СОВРЕМЕННОЙ НТР

В марксистской литературе понятие НТР утвердилось после принятия XXII съездом партии Программы КПСС, в которой было зафиксировано начало нового явления: «Человечество вступает в период научно-технического переворота, связанного с овладением ядерной энергией, освоением космоса, с развитием химии, автоматизацией производства и другими крупнейшими достижениями науки и техники»[3]. Приблизительно в это же время

[1] Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. М., 1969, с. 84.
[2] Брежнев Л. И. Ленинским курсом. М., 1976, т. 5, с. 503.
[3] Программа Коммунистической партии Советского Союза, с. 27.

понятие «научно-техническая революция» стало использоваться и в мировой литературе[1].

Понятие «НТР» тесно связано с понятиями «наука», «техника» и «научно-технический прогресс» и предполагает их предварительное рассмотрение.

В современных условиях понятие **науки** связано не только с производством и использованием знаний, но и с существованием определенных научных организаций, наличием научно-производственной базы, деятельностью коллективов ученых. Однако сущность науки состоит в том, что это — социально обусловленный процесс познания законов объективного мира, результаты которого представляют собой постоянно развивающуюся систему истинных знаний и методов, служащую целям преобразования действительности, а также решению проблем, санкционированных конкретным общественным строем[2].

Техника — это совокупность вещественных средств труда, созданных и объединенных человеком в искусственные системы для целесообразной деятельности в различных сферах общественной жизни. Иначе говоря, это «орудия производства, созданные цивилизацией»[3].

Раскрывая сущность научно-технического прогресса (НТП), В. И. Ленин писал: «...прогресс техники в том и выражается, что человеческий труд все более и более отступает на задний план перед трудом машин»[4], а наука в своем поступательном развитии познает законы природы и увеличивает власть человека над ней[5]. Из приведенных ленинских положений следует, что **научно-технический прогресс** представляет собой поступательный и все ускоряющийся процесс познания и использования законов материального мира, совершенствования и преобразования техники, возрастания роли науки и техники в развитии общества. Научно-технический прогресс протекает как в форме эволюционных, количественных накоплений научных знаний и постепенного совершенствования технических средств, так и в виде их революционных скачков, качественных изменений. Качественные изменения наступают тогда, когда научное познание совершает крупные открытия, возникают новые научные теории, в производство вовлекаются новые вещества и источники энергии, создаются принципиально новые орудия труда, когда те или иные существенные производственные функции человека передаются машинам. Это означает, что в науке и технике совершается революция. НТР и представляет специфическую форму протекания научно-технического прогресса.

---

[1] См.: Бернал Джон. Мир без войны. М., 1960, с. 65, 70, 217.
[2] См.: Бондаренко В. М. Современная наука и развитие военного дела. М., 1976, с. 12; Социализм и наука. М., 1981, с. 17.
[3] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 65.
[4] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 78.
[5] См. там же, т. 18, с. 298.

Чтобы разобраться в сущности современной НТР, необходимо выявить ее существенные особенности. Одной из характерных черт современной НТР является **слияние революционного переворота в науке с революционным переворотом в технике.**

Специфика современной НТР состоит в том, что наука, техника и производство оказываются настолько тесно взаимосвязанными, органически взаимодействующими, глубоко проникающими друг в друга, что обособленное их функционирование уже невозможно. С одной стороны, идет процесс технизации науки, с другой — наука прокладывает пути развития техники и производства. Теперь все чаще говорят о формировании внутренне единой, целостной системы «наука — техника — производство», обладающей свойствами, несводимыми к свойствам элементов, которые, функционируя внутри этой системы, в свою очередь обусловливают, обогащают, видоизменяют друг друга и систему в целом [1].

Другой важнейшей чертой современной НТР является все более интенсивное **превращение науки в непосредственную производительную силу общества**, в ведущую силу материального производства.

Положение о превращении науки в непосредственную производительную силу впервые выдвинуто и обосновано К. Марксом. По его утверждению, «развитие основного капитала (т. е. машин, оборудования, сооружений и т. д. — *Ред.*) является показателем того, до какой степени всеобщее общественное знание... превратилось в *непосредственную производительную силу...*» [2]. В подготовительных рукописях к «Капиталу» К. Маркс отмечал: «Вместе с капиталистическим производством **научный фактор** на определенной ступени впервые сознательно развивается, применяется и создается в таких масштабах, о которых предшествующие эпохи не имели никакого понятия...» [3].

Развивая эти мысли К. Маркса, В. И. Ленин указал, что толчок к превращению науки в непосредственную производительную силу даст крупная машинная индустрия, которая «преобразует производство на новых, рациональных началах, систематически применяет к производству данные науки» [4].

Однако в полной мере наука становится непосредственной производительной силой только в условиях коммунистической общественно-экономической формации. Характеризуя сегодняшний этап этого процесса применительно к развитому социалистическому обществу, Л. И. Брежнев особо подчеркнул: «Сегодня мы можем, видимо, сказать, что наука уже на деле стала непосред-

---

[1] См.: Майзель И. А. Наука, автоматизация, общество. Л., 1972, с. 182—188.

[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 2, с. 215.

[3] Маркс К. Машины. Применение природных сил и науки (Из рукописи 1861—1863 гг. «К критике политической экономии»). — Вопросы истории естествознания и техники, вып. 25. М., 1968, с. 76.

[4] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 544.

ственной производительной силой, причем такой производительной силой, значение которой растет изо дня в день»[1].

Наука как непосредственная производительная сила воплощается в личностных элементах производительных сил, непосредственно включается в деятельность работников производства при выполнении ими трудовых операций. Научные знания становятся существеннейшей составной частью производственного опыта и трудовых навыков людей, участвующих в процессе производства.

Сферой непосредственного приложения науки является управление производством и организация труда. Речь идет о широком внедрении в организационно-управленческую деятельность экономико-математических методов, системного анализа, теории выработки решений, научных принципов организации социалистического производства, позволяющих организовать производство и управлять им на подлинно научной основе.

Важной организационной формой превращения науки в непосредственную производительную силу является создание научно-производственных объединений, включение в состав производственных предприятий специальных научных подразделений, научно-исследовательских институтов и т. д.

Таким образом, производственный процесс все более и более становится сферой применения науки, которая в свою очередь выступает неотъемлемой функцией производственного процесса. Все это в комплексе и составляет превращение науки в непосредственную производительную силу.

Одной из важнейших черт НТР является ее **качественно новое воздействие на все элементы, структуру и динамику производительных сил, на изменение функций их элементов.**

Прежде всего следует отметить, что трехзвенная машина, включающая в себя двигатель (источник энергии), передаточный механизм, рабочий орган (рабочую машину), заменяется четырехзвенной. К названным звеньям добавляется управляющее, контролирующее устройство, основанное на применении ЭВМ. Середина XX в., которой обычно датируется начало современной НТР, ознаменовалась созданием на основе электронной техники и массовым внедрением в производство различного рода автоматических устройств, которым рабочий передает функции управления машинами и технологическими процессами. В этот период в результате соединения в единых комплексах управляющих и рабочих машин возникают автоматизированные системы, дальнейшее развитие которых приводит к комплексно-автоматизированному производству.

Комплексно-автоматизированное производство требует для себя адекватной энергетической базы, соответствующих предметов труда и технологии. В связи с этим происходит переворот

---

[1] Брежнев Л. И. Ленинским курсом. М., 1974, т. 4, с. 218.

в энергетике (создаются атомные электростанции, плазмотроны), качественно изменяются предметы труда и технология, происходит совершенствование всей системы орудий труда на основе комплексной механизации и автоматизации производства.

Эти изменения в вещественных элементах производительных сил вызвали и качественные изменения в субъекте труда — главной производительной силе. Произошло резкое повышение интеллектуализации труда. Сама логика развития производства предъявила более высокие требования к уровню квалификации работника производства, качественно изменила его функции. Энергетическая, транспортная, исполнительско-технологическая и в значительной мере логическая функции работника во всевозрастающей мере стали передаваться техническим средствам. Появился работник нового типа. В комплексно-автоматизированном производстве человек отделяется от машины, освобождается от выполнения ряда производственных операций, оказывается стоящим как бы над технологическим циклом, осуществляя функцию активного наблюдения, контроля, регулирования и создания автоматизированных систем. Говоря словами Маркса, здесь «труд выступает уже не столько как включенный в процесс производства, сколько как такой труд, при котором человек, наоборот, относится к самому процессу производства как его контролер и регулировщик... Вместо того чтобы быть главным агентом процесса производства, рабочий становится рядом с ним»[1]. Современная научно-техническая революция изменяет содержание и характер труда, место производителя в системе материального производства, перемещая его из сферы непосредственного производственного цикла в сферу разнообразных и сложных функций производственного приложения науки.

Содержание НТР не ограничивается качественными изменениями в производительных силах, а воздействует на все сферы общественной жизни: управление социальными процессами, образование, культуру в самом широком смысле этого слова, быт и сознание людей. Однако сущностное ее проявление локализовано в рамках производительных сил. Современная НТР качественно преобразует именно всю систему производительных сил, их технического базиса, включая самих работников производства. Следовательно, **современная НТР** может быть определена **как масштабный скачок в познании природы и использовании человеком ее законов, характеризуемый превращением науки в непосредственную производительную силу, преобразованием производительных сил**[2], что вызывает качественные изменения в других сферах общественной жизни. В этом определении выражена сущность НТР, отличающая ее от качественных переворотов в науке и технике, которые знало человечество в прошлом.

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 2, с. 213.
[2] См.: Человек — наука — техника. М., 1973, с. 30.

2. КОРЕННАЯ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЬ ПУТЕЙ РАЗВИТИЯ И СОЦИАЛЬНЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ПРИ КАПИТАЛИЗМЕ И СОЦИАЛИЗМЕ

Современная НТР не является социально нейтральной. Качественно влияя на изменение производительных сил, она вызывает изменения в производственных отношениях, а через них воздействует на всю систему социальных отношений. Естественно, что диаметрально противоположные по своей сущности производственные отношения социализма и капитализма не только создают различные условия для развертывания научно-технической революции, но обусловливают неодинаковое ее влияние на социальную сферу и ведут к принципиально противоположным социальным последствиям.

В итоговом документе международного Совещания коммунистических и рабочих партий (1969 г.) дан всесторонний анализ тех противоречий, к которым неизбежно ведет НТР в условиях капитализма. «Научно-техническая революция,— указывается в этом документе,— открывает перед человечеством беспрецедентные возможности преобразования природы, создания огромных материальных богатств, умножения творческих способностей человека. В то время как эти возможности должны были бы служить благу всех, капитализм использует научно-техническую революцию для увеличения прибылей и усиления эксплуатации трудящихся.

Научно-техническая революция ускоряет процесс обобществления экономики; в условиях господства монополий это ведет к воспроизводству социальных антагонизмов в еще больших масштабах и с еще большей остротой. Не только обостряются все прежние противоречия капитализма, но и порождаются новые. Это — прежде всего противоречие между необычайными возможностями, открываемыми научно-технической революцией, и препятствиями, которые капитализм выдвигает на пути их использования в интересах всего общества, обращая большую часть открытий науки и огромные материальные ресурсы на военные цели, расточая национальные богатства. Это — противоречие между общественным характером современного производства и государственно-монополистическим характером его регулирования. Это — не только рост противоречия между трудом и капиталом, но и углубление противоречия между интересами подавляющего большинства нации и финансовой олигархией»[1].

Весьма противоречивое воздействие НТР на все сферы общественной жизни капиталистического общества ведет к появлению двух различных тенденций. С одной стороны, НТР содействует относительному развитию капитала на отдельных направлениях, ведет к росту производительности труда, промышленной

---

[1] Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы, с. 297—298.

продукции, вынуждает класс капиталистов идти на повышение общего и профессионального образования трудящихся, увеличивать капиталовложения на научные исследования. С другой — НТР углубляет противоречия, присущие капитализму как общественному строю, и ставит исторический предел его существованию. Вторая тенденция является доминирующей, ведущей.

Эта тенденция выражается прежде всего в том, что в условиях капиталистического производства НТР направлена в конечном счете против широких народных масс — главной производительной силы общества. Речь идет об увеличении нормы эксплуатации, концентрации богатства в руках монополистической элиты, усилении безработицы, уменьшении платежеспособного спроса населения и других характерных для капиталистического общества социально-экономических процессах, стимулируемых НТР и оказывающих на ее протекание обратное, отрицательное, тормозящее воздействие. Говоря словами Маркса, в данном случае наука выступает как чуждая, враждебная труду, господствующая над ним сила. Господство частной собственности обусловливает резкую неравномерность в развитии НТР, стимулируя лишь те ее направления, прогресс которых отвечает корыстным интересам буржуазии. Зачастую не реализуются технически осуществимые и выгодные для общества проекты и открытия, если они не сулят существенных прибылей монополиям. Этой цели служит засекречивание результатов научных изысканий, скупка и укрывательство патентов, дискредитация неугодных научных направлений, отказ от их финансирования и т. д. Таким образом, под влиянием научно-технической революции в значительной мере усиливается тот процесс, о котором В. И. Ленин писал еще в 1916 г.: «Перед нами уже не конкуренционная борьба мелких и крупных, технически отсталых и технически передовых предприятий. Перед нами — удушение монополистами тех, кто не подчиняется монополии, ее гнету, ее произволу»[1]. Кроме того, в капиталистических странах научно-технический прогресс носит ярко выраженную милитаристскую направленность. Так, например, в США военная сфера поглощает 70% средств, затрачиваемых на науку, 80% научно-технических кадров занимается созданием вооружения[2]. Необходимые средства изымаются из национального богатства, создаваемого трудящимися, и используются в ущерб интересам рабочих.

НТР в капиталистическом мире катастрофически истощает природные ресурсы и углубляет экологический кризис. Плодами НТР не могут в полной мере воспользоваться трудящиеся развивающихся стран. Примерно 70% населения этого региона продолжают обрабатывать землю мотыгами и сохами.

Ныне приобретают особую актуальность положения, сформулированные В. И. Лениным: «Куда ни кинь — на каждом шагу

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 321.
[2] См.: Борисов В. В. Пентагон и наука. М., 1975.

встречаешь задачи, которые человечество вполне в состоянии разрешить *немедленно*. Мешает капитализм. Он накопил груды богатства — и сделал людей *рабами* этого богатства. Он разрешил сложнейшие вопросы техники — и застопорил проведение в жизнь технических улучшений из-за нищеты и темноты миллионов населения, из-за тупой скаредности горстки миллионеров»[1].

Эти противоречивые тенденции в развитии НТР при капитализме породили две противоположные концепции буржуазных ученых на место НТР в социальном прогрессе человечества. С одной стороны, ряд буржуазных идеологов рассматривает НТР как условие стабилизации капитализма и его дальнейшего развития (Д. Белл, У. Ростоу и другие). С другой стороны, многие ученые Запада видят в НТР угрозу дальнейшему прогрессу человечества. Подобные мысли, в частности, высказываются в книге американского автора О. Тоффлера «Экоспазм» (1975 г.), в которой он предлагает перейти от крупных промышленных предприятий к мелким предприятиям, к работе в замкнутых общинах, где каждый работает на дому по индивидуальной типологии.

Однако не сама по себе НТР повинна в социальных бедах, охвативших капиталистическое общество. Три десятилетия, прошедшие с начала развертывания НТР, подтвердили глубокую истинность вывода, сформулированного в Программе КПСС, о том, что «производственные отношения капитализма слишком узки для научно-технической революции. Осуществить эту революцию и использовать ее плоды в интересах общества может только социализм»[2]. Только в условиях социализма научно-техническая революция обретает верное, отвечающее интересам человека и общества направление. В свою очередь, только на основе ускоренного развития науки и техники могут быть решены конечные задачи революции социальной — построено коммунистическое общество.

Главное магистральное направление в реализации этой исторической задачи — соединение достижений НТР с преимуществами социализма. Преимущества социализма заложены в его природе. Они заключаются в общественной собственности на средства производства, в справедливом распределении материальных и духовных благ среди трудящихся, социально-политическом и идейном единстве населения социалистического общества, где нет эксплуататорских классов, а государственная власть выражает интересы народа, в котором утвердилась самая гуманная идеология — марксизм-ленинизм, и управление всеми сферами общественной жизни происходит на плановых началах. В социалистическом обществе нет классов и социальных групп, не заинтересованных в дальнейшем развитии НТР.

---

[1] **Ленин** В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 17.
[2] Программа Коммунистической партии Советского Союза, с. 27—28.

Соединение достижений НТР с преимуществами социализма означает, во-первых, что ее развитие направлено на реализацию высшей цели социалистического общества — неуклонный подъем материального и культурного уровня жизни народа, всестороннее и гармоническое развитие каждой личности.

Во-вторых, соединение достижений НТР с преимуществами социализма означает создание материально-технической базы коммунистического общества, адекватной обществу, в котором только и возможно осуществить великий принцип «От каждого по способности, каждому по потребности».

В-третьих, соединение достижений НТР с преимуществами социализма направлено на совершенствование всей системы общественных отношений, на развитие социалистического образа жизни во всех его аспектах.

Решение генеральной задачи — соединения достижений НТР с преимуществами социализма — опирается на возрастание роли субъективного фактора социалистического общества: на строго научную теоретическую и практическую деятельность марксистско-ленинской партии и социалистического государства, на постоянное совершенствование ими стиля управления всеми социальными процессами, на творческую и все возрастающую активность всего населения социалистического общества. «Успех научно-технической революции,— отмечалось на XXV съезде КПСС,— ее благотворное воздействие на экономику, на все стороны жизни общества не могут быть обеспечены усилиями только научных работников. Все большую роль приобретает вовлечение в этот исторического значения процесс всех участников общественного производства, всех звеньев хозяйственного механизма» [1].

В использовании достижений НТР при социализме есть и противоречия, но они не носят антагонистического характера. Марксистско-ленинские партии уделяют их разрешению самое пристальное внимание. Товарищ Л. И. Брежнев отмечает: «Революция в науке и технике требует кардинальных изменений в стиле и методах хозяйственной деятельности, решительной борьбы с косностью и рутинерством, подлинного уважения к науке, умения и желания советоваться, считаться с ней. Она требует совершенствования планирования и экономического стимулирования, с тем чтобы создать условия, которые в полной мере способствовали бы скорейшему прохождению новых идей по всей цепи — от изобретения до массового производства, ставили надежный экономический заслон выпуску устаревшей продукции» [2].

Следовательно, соединение НТР с социальным прогрессом возможно в полной мере только при социализме, но и здесь оно происходит не автоматически, а через сознательную и планомерную деятельность трудящихся, через борьбу нового со старым.

---

[1] Брежнев Л. И. Ленинским курсом, т. 5, с. 503.
[2] Там же.

3. ВЛИЯНИЕ СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА РАЗВИТИЕ ВОЕННОГО ДЕЛА

Основное марксистское положение о зависимости развития военного дела от науки, техники и производства было изложено Ф. Энгельсом в «Анти-Дюринге». «...Вся организация армий и применяемый ими способ ведения боя, а вместе с этим победы и поражения, оказываются зависящими от материальных, т. е. экономических условий: от человеческого материала и от оружия, следовательно — от качества и количества населения и от техники» [1],— писал он. Это указание Энгельса, равно как и ленинское положение, что без науки современную армию построить нельзя, являются ключом к марксистскому пониманию взаимосвязи современной НТР и развития военного дела.

Научно-технический прогресс всегда оказывал воздействие на развитие военного дела. Со временем это воздействие становилось все более существенным и всесторонним. Особо явственно эта связь выявилась после второй мировой войны, когда империализм превратил начавшуюся НТР в средство подготовки новой мировой войны. В настоящее время связь НТР с военным делом проявляется в том, что НТР наряду с политикой выступает одним из источников, одной из движущих сил современной революции в военном деле.

Однако политика и НТР влияют на развитие военного дела по-разному. Если роль политики выражается в определении целей преобразования военного дела, которые принципиально различны в социалистических и капиталистических странах, то НТР предоставляет средства для достижения этих целей.

Сейчас невозможно указать область или сторону военного дела, на которую современная НТР не оказала бы непосредственного или опосредованного влияния. Наиболее заметно это влияние сказывается, во-первых, на развитии военной техники и оружия; во-вторых, на организационной структуре армии; в-третьих, на способах и формах боевых действий, на военном искусстве, военной доктрине и военной науке в целом; в-четвертых, на личном составе армии, на изменении личности воина, характере его труда и т. д. Все указанные зависимости военного дела от НТР являются существенными, устойчивыми и в силу этого приобретают характер **закономерностей.** Рассмотрим их подробнее.

Научно-техническая революция оказывает радикальное влияние прежде всего на материально-техническую базу вооруженных сил, на количество и качество оружия и боевой техники. Этот процесс называют военно-технической революцией (ВТР). Известно, что количество и качество вооружения непосредственно определяется уровнем развития производительных сил общества и системой экономических отношений. «...Победа насилия,— писал Ф. Энгельс,— основывается на производстве оружия, а производство оружия, в свою очередь, основывается на производстве

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20. с. 175.

вообще, следовательно... на «экономической силе», на «хозяйственном положении», на *материальных* средствах, находящихся в распоряжении насилия»[1]. Стимулируя развитие производительных сил и общественных отношений, НТР тем самым опосредованно, через экономический потенциал страны, влияет на возможности производства и совершенствования военной техники.

Наряду с этим НТР оказывает на материально-техническую базу армии всестороннее непосредственное влияние, открывая перспективы и возможности создания новых видов оружия. Современная военная техника такова, что сейчас практически нет ни одной отрасли естественных и технических наук, с которой не были бы связаны разработка и производство оружия.

Достижения в области ядерной физики стали теоретическим фундаментом создания атомного и термоядерного оружия. Использование атомной энергии привело к внедрению атомных силовых установок на подводных лодках. Но военно-теоретическая и военно-техническая мысль в странах социализма не пассивно использовала достижения НТР. Она первой вскрыла противоречие между новыми высокоэффективными средствами поражения стратегического назначения и старыми средствами доставки, имеющими ограниченный, главным образом тактический и оперативный, характер. Усилия советских ученых, инженеров и рабочих, общий уровень развития науки и техники, экономическая мощь СССР позволили в короткий срок создать и освоить производство разнообразной ракетной техники, которая приобрела роль основного носителя ядерных средств поражения. Прогресс химии обусловил создание необходимых для ракет новых видов топлива с высокой теплотворной способностью, изготовление искусственных материалов с заранее заданными свойствами, позволяющих значительно уменьшить вес военной, особенно авиационной и ракетной, техники, повысить ее сопротивляемость механическим и термическим воздействиям и т. д. Наконец, НТР оказала большое влияние на развитие средств управления оружием и войсками. Широкое применение в военной области новейших средств управления, автоматической техники, электронно-вычислительных машин, основанное на теоретических идеях кибернетики и практических успехах радиоэлектроники, в корне изменило материально-техническую базу современных вооруженных сил.

Совокупность коренных качественных преобразований оружия, боевой техники, боевых комплексов и систем вооружения, наиболее характерными чертами которых является широкое внедрение ракетно-ядерного оружия и автоматизированных систем управления войсками и оружием, и составляет содержание военно-технической революции, происшедшей под влиянием НТР. В свою очередь, ВТР явилась основой революции в военном деле (РВД) — всей суммы коренных изменений в средствах вооруженной борьбы,

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 170.

способах ведения боевых действий, в организации войск, их обучении, воспитании и т. д.

НТР предопределила существенные изменения в организационной структуре вооруженных сил. Новые системы оружия внесли принципиальные изменения в решение проблемы развития существующих и создания новых видов вооруженных сил и родов войск, определения их роли и места в системе военной организации. Так, изменение организационной структуры Советских Вооруженных Сил было связано прежде всего с созданием нового средства вооруженной борьбы — ракетно-ядерного оружия. Новое содержание потребовало и новых организационных форм: в 1959 г. был создан новый вид Вооруженных Сил СССР — Ракетные войска стратегического назначения. Одновременно существенные изменения претерпели Сухопутные войска, Войска ПВО, Военно-Воздушные Силы, Военно-Морской Флот. Эти изменения, охватившие все звенья военной организации, начиная с низовых подразделений, шли по линии оснащения всех видов вооруженных сил ракетно-ядерным оружием, насыщения их новейшей техникой, повышения энерговооруженности, увеличения маневренности и мощи огневого удара, автоматизации управления войсками и оружием.

НТР привела к существенным изменениям в способах и формах боевых действий, в теории и практике военного искусства, в военных доктринах государств. В. И. Ленин подчеркивал, что влияние научно-технического прогресса на способы и формы военных действий осуществляется прежде всего через оружие и боевую технику. «Военная тактика,— писал он,— зависит от уровня военной техники...»[1].

Это положение марксизма-ленинизма в современных условиях приобрело особое методологическое значение. Новая военная техника не просто модифицирует, а коренным образом изменяет способы вооруженной борьбы. С появлением ракетно-ядерного оружия стало возможным непосредственно решать стратегические задачи, нанося ядерные удары по недоступным ранее или труднодостижимым стратегическим средствам противника, его военным группировкам, военно-экономическим центрам и системам управления. Массовое внедрение в войска качественно новых видов оружия существенно изменило пространственно-временные масштабы боевых действий, что предопределило изменения в боевых построениях войск, глубине задач, темпах наступления, формах маневра, характере обороны и других видах боевой деятельности. В современных условиях имеется тенденция к назреванию новых скачков в развитии способов ведения боевых действий, которые могут быть вызваны появлением нового оружия.

Эти изменения коснулись не только сферы тактики, оперативного искусства и стратегии, но и военных доктрин государств. Так, одной из причин отказа американских милитаристов от док-

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 374.

трины «массированного возмездия» и перехода к доктрине «гибкого реагирования» было успешное развитие НТР в Советском Союзе, изменившее соотношение сил в пользу мира и социализма.

Одной из актуальных проблем военного искусства является совершенствование методов управления войсками. На эту сферу военного дела современная НТР оказывает особо существенное влияние. Ряд отраслей современной науки непосредственно занимается проблемами оптимизации и комплексной автоматизации управления войсками. Успешное решение этих проблем подразумевает широкое внедрение в теорию и практику военного дела достижений логико-математических дисциплин, современного математического аппарата, достижений психологии, эвристики, эргономики, физиологии органов чувств, теории социального управления и т. д.

Таким образом, современная НТР как опосредованно, через оружие и боевую технику (т. е. через ВТР), так и непосредственно влияет на военное искусство, на способы и формы военных действий различных видов вооруженных сил и родов войск.

НТР оказывает существенное и всестороннее влияние на личный состав. Это влияние может быть как опосредованным — через оружие, военное искусство, способы ведения боевых действий, так и непосредственным — через техническую грамотность призывных контингентов и т. п. Во всех случаях оно является двусторонним: с одной стороны, развитие военной теории и практики предъявляет новые, более высокие требования к идейно-политическому, морально-психологическому и культурно-техническому уровню личного состава, с другой — качественные изменения в «человеческом материале» дают возможность эффективно использовать свойства новой военной техники, интенсивнее развивать военную науку, совершенствовать стратегию, оперативное искусство и тактику.

Социально-политический и научно-технический прогресс социалистических стран обеспечивает соответствующий уровень культуры, образования, технических знаний личного состава.

Современная боевая техника, воплощающая в себе последние достижения НТР, требует все более высокой подготовки солдат и офицеров. Среднее по сложности техническое устройство 15—20 лет назад насчитывало 700—800 деталей и узлов. Сегодня оно имеет уже около 1400—1500 деталей. Это вызывает дифференциацию и усложнение воинских профессий, особенно технических специальностей. Воинский труд становится все более интеллектуальным и творческим. Под воинский труд подведена новейшая техническая база в виде развитой электроэнергетики, различных автоматических и автоматизированных систем, счетно-решающих устройств, контролирующих приборов и механизмов, обеспечивающих успешное боевое применение оружия. Эксплуатация и обслуживание современных ракет, подводных лодок, боевых самолетов, танков требуют специалистов по двигателям, топливу и

топливной аппаратуре, радио- и радиоэлектронному оборудованию, ракетному вооружению, электроэнергетике, приборам и т. д.

Существенное влияние на характер и содержание воинского труда оказывает процесс быстрого внедрения в военное дело новейших научных открытий, замена тех или иных технических образцов, а иногда и систем вооружения новыми, а новых — новейшими. В этих условиях некоторые виды оружия стали настолько сложными, что, овладевая ими, многие строевые генералы и офицеры по роду их службы становятся подлинными учеными. Все это не могло не повлечь за собой новых требований к культурно-техническому уровню и профессиональной квалификации личного состава.

Однако новая техника предъявляет повышенные требования не только **к профессионально-технической, но и к идейно-политической и морально-психологической подготовке.** Материально-технические средства ведения войны и морально-боевые качества личного состава тесно взаимосвязаны, обусловливают друг друга. НТР еще более повысила значение коммунистической убежденности, политической сознательности и нравственной силы советских воинов. В современных условиях боевые действия воинов будут сопряжены с такими моральными и психологическими нагрузками, которых не доводилось испытывать участникам прошлых войн. Применение группового оружия, обслуживаемого экипажем, существенно повышает значение морально-психологической надежности каждого его члена.

ГЛАВА XIII

ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ И ОСОБЕННОСТИ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В материальном производстве, в разнообразных процессах НТР, несмотря на наличие в них духовных элементов, в наибольшей степени сконцентрирована материальность социальной жизни, ее общественное бытие. Его отражением, идеальным воспроизведением является общественное сознание, идеология и психология классов, социальных групп. В настоящее время наиболее влиятельной идеологией в духовной жизни человечества выступает марксизм-ленинизм. В социалистическом обществе массовое изучение марксизма-ленинизма — важнейшая особенность развития общественного сознания на современном этапе. Между марксистско-ленинской и буржуазной идеологиями под воздействием ряда факторов усиливается борьба, содержанием которой стали самые жгучие, самые злободневные проблемы современности, в том числе проблемы войны и мира. Правильное понимание военными специалистами диалектики общественного сознания и особенностей современной идеологической борьбы позволяет им более эффективно влиять на формирование у воинов научного мировоззрения, высоких морально-политических и психологических качеств.

1. СУЩНОСТЬ И СТРУКТУРА ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

Для характеристики духовных процессов и состояний общества в марксистской литературе принято пользоваться категориями: «духовное производство», «духовное потребление», «духовная культура», «духовная жизнь», «общественное сознание», которые в свою очередь раскрываются через более конкретные понятия. Указанные категории очень близки по своему содержанию, но между ними существует и определенное различие.

Духовное производство — это специфическая деятельность людей, направленная на создание духовных ценностей (идей, тео-

рий, художественных образов и т. п.)[1]. Духовное производство и духовное потребление, а также накопление, хранение и передача последующим поколениям духовных ценностей образуют духовную культуру общества (классов). Духовная жизнь общества охватывает все идеальные состояния и процессы людей, как осознаваемые, так и неосознаваемые ими, как социально значимые, так и сугубо личностные, интимные.

Основное содержание духовной жизни заключено в общественном сознании. Существуя лишь в сознании индивидов, общественное сознание не сводится к арифметической сумме индивидуальных сознаний, а представляет качественно особое духовное образование.

Выработав и внеся в социологию понятие общественного сознания, К. Маркс и Ф. Энгельс рассматривали его преимущественно в двух аспектах: историческо-гносеологическом (по отношению к общественному бытию) и социологическом (активно-деятельном). Историческо-гносеологический аспект выражает происхождение общественного сознания и его содержание. Социологический аспект раскрывает роль сознания в общественной жизни. Соответственно этому основоположники научной социологии выделяли две главные закономерности, характеризующие возникновение, функционирование, развитие общественного сознания и его роль в жизни общества.

Первая (историческо-гносеологическая) закономерность выражает вторичность общественного сознания по отношению к общественному бытию. Эта закономерность охватывает такие существенные связи (законы): 1) источником общественного сознания является общественное бытие; 2) изменения в общественном бытии вызывают изменения в общественном сознании; 3) общественное сознание в идеале, в принципе способно адекватно отразить общественное бытие; 4) общественное сознание классово-антагонистического общества отражает общественное бытие с позиций классов-антагонистов.

Вторая (социологическая) закономерность функционирования и развития общественного сознания заключается в его относительной самостоятельности от общественного бытия. Эта закономерность включает в себя следующие существенные связи: 1) раз возникнув, общественное сознание (особенно его отдельные виды, формы) подчиняется и внутренней логике своего развития (помимо воздействия на него общественного бытия), внутреннему взаимовлиянию видов и форм; 2) общественное сознание, представленное отдельными формами, способно отставать от общественного бытия, более или менее точно соответствовать ему и опережать его в своем развитии; 3) отдельные элементы общественного сознания способны проявлять устойчивость, сохраняя свое содержание в разные исторические эпохи, несмотря на существенное изменение общественного бытия (закон преемственно-

[1] См.: Сиземская И. Н. Диалектика материального и духовного производства. М., 1978.

сти); 4) общественное сознание способно активно воздействовать на общественное бытие, тормозя или стимулируя его развитие. Ф. Энгельс подчеркивал, что различные формы идеологии оказывают обратное, но вторичное воздействие на материальные условия[1].

Анализ этих закономерностей позволяет сделать вывод о том, что общественное сознание — это совокупность существующих в обществе идей, взглядов, теорий, чувств, настроений и привычек данного общества (класса, социальной группы), отражающих в конечном счете общественное бытие и влияющих на поведение и деятельность людей.

Общественное сознание имеет сложную структуру. Выделение отдельных элементов общественного сознания принято производить по основаниям: гносеолого-социологическому и субъектному.

В соответствии с первым основанием К. Маркс и Ф. Энгельс выделяли обыденное и теоретическое сознание[2] и соответствующие им более конкретные формы (политическое, правовое и т. д.), которые отличаются друг от друга предметом своего отражения, различной глубиной этого отражения и своими социальными функциями. В соответствии со вторым основанием (субъектным) принято выделять индивидуальное, групповое, классовое, национальное, общественное сознание.

Обыденное сознание — это сознание масс, возникающее и функционирующее в процессе их повседневной практики, их повседневного опыта и взаимного общения.

Обыденное сознание включает в себя: а) общественную психологию (классовую, национальную, профессиональную) — совокупность чувств, настроений, переживаний, мыслей, побуждений, иллюзий, привычек, отражающую социальную сторону общественного бытия людей и возникающую под непосредственным влиянием условий их повседневной жизнедеятельности; б) эмпирические знания — накопленный в течение многих веков осмысленный опыт трудовой деятельности, необходимые для труда практические житейские знания, представления о природной стороне общественного бытия; в) народное художественное творчество — эстетическую форму обобщения жизненного опыта масс и их стремлений (устные предания, легенды, мифы, песни и т. п.).

Теоретическое (научно-теоретическое, теоретико-идеологическое) **сознание** — результат обобщенного, систематизированного познания существенных, закономерных связей и отношений действительности. Оно включает в себя: а) научные знания в форме определенных понятий и теорий, отражающих законы природы, общества и мышления; б) общественную идеологию — целостную систему идей и взглядов, выражающую коренные интересы класса или всего общества (в условиях социализма и коммунизма).

---

[1] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 37, с. 419.
[2] См. там же, т. 20, с. 14; т. 23, с. 131, 552, 560; и др.

Идеология и общественная психология как соответствующие сферы теоретического и обыденного сознания образуют диалектическое единство, которое проявляется в общности объекта — социальной стороны (а не природной) общественного бытия, в общности субъекта (их носителями выступают социальные группы, классы, нации, общество в целом), в одних и тех же формах их реализации (политических теориях и политических представлениях и чувствах, правовых концепциях и обыденном правосознании и т. д.), в их взаимовлиянии друг на друга, в отражении коренных потребностей социальных групп, классов, наций, общества, в их способности регулировать поведение и деятельность людей.

Вместе с тем идеология и общественная психология отличаются друг от друга. Идеология отражает коренные потребности и интересы людей в концептуально выраженных формах, а общественная психология — в форме разрозненных представлений и чувств. Идеология способна более глубоко отразить сущность общественных явлений, а общественная психология отражает их более поверхностно, смутно. Идеологию разрабатывают отдельные идеологи (теоретики), наиболее сознательный авангард класса, а затем ее содержание вносится в сознание масс (через средства массовой информации, устные и печатные выступления), а общественная психология творится массами (именно поэтому ее справедливо называют еще массовым сознанием) как стихийно, так и целенаправленно под воздействием идеологии. Последняя более подвижна по сравнению с общественной психологией, в которой более прочно консервируются и сохраняются пережитки прошлого, традиции и привычки.

Идеология представляет собой классовое самосознание, а потому носит ярко выраженный партийный характер. В содержание идеологии не входят знания о природе и о человеке как организме. За пределами идеологии остаются те результаты естественных и технических наук, которые подобно орудиям труда способны обслуживать нужды любого строя. Эти науки причастны к идеологии в той мере, в какой их результаты и выводы служат обоснованию мировоззрения, а сами они пользуются методологией, основанной на классовом мировоззрении. Наиболее тесная связь существует между идеологией и общественными науками, в которых, хотя и имеются общечеловеческие элементы, все же классовый момент является определяющим.

Идеологии отличаются друг от друга своей истинностью (научные и ненаучные идеологии), соответствием социальному прогрессу (прогрессивные и реакционные), отношением к способам преобразования общества (революционные и реформистские).

Марксистско-ленинской идеологии присущи строгая научность (соответствие объективной действительности и доказательность), открытая партийность, то есть последовательная защита интересов рабочего класса, всех трудящихся, революционный оптимизм,

гуманистическое содержание, творческий характер развития. Именно поэтому марксистско-ленинская идеология — это «последовательное выражение коренных интересов рабочего класса, всех трудящихся и вместе с тем проверенная опытом социализма научная теория, дающая объективно верную картину мира, надёжный ориентир в практической деятельности» [1].

В оценке социальной роли идеологии исторический материализм противостоит как идеализму, приписывающему идеям определяющее значение в развитии общества, так и созерцательному материализму, отрицающему активную роль идей в общественном развитии. Марксизм-ленинизм исходит из того, что именно в активно-регулятивной деятельности, направленной на преобразование форм общественной жизни и подчинение их интересам определенного класса, состоит основной смысл и историческая необходимость идеологии.

Конечно, сами по себе идеи и теории не в состоянии переделывать общественное бытие. Они воздействуют на развитие общества через деятельность людей. Даже самая передовая идеология становится реальной силой только тогда, когда, овладевая массами, она побуждает их к активным действиям.

Воинская деятельность представляет собой единство идеального и материального. Идеи, чувства становятся реальной боевой силой, как только личный состав переходит от мысли через убеждение к действию, когда духовная сторона деятельности сливается с ее материальной стороной. При этом важно подчеркнуть, что в единстве духовного и материального идеология выступает в качестве руководящего начала деятельности солдат и командиров. Количество и качество оружия, боевой техники, численность и боевая выучка войск сами по себе еще не несут ни побед, ни поражений. Все эти потенции победы должны быть реализованы посредством приложения духовных сил личного состава, сердцевиной которых является идеология [2].

Офицеры-воспитатели социалистической армии учитывают в своей деятельности и психологию воинских коллективов, настроения и чувства подчиненных. Знание закономерностей формирования групповой психологии помогает офицерам-воспитателям добиваться повышения морально-психологической стойкости личного состава, исключать панические настроения в экстремальных ситуациях, успешно противостоять дезинформации, неблагоприятным слухам, распространяемым буржуазными пропагандистами через радио и другие средства массовой информации.

С гносеолого-социологической точки зрения, в общественном сознании принято выделять следующие его формы:

---

[1] К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Тезисы ЦК КПСС. М., 1969, с. 60.

[2] См.: Епишев А. А. Идеологическая работа в Советских Вооруженных Силах. М., 1978, с. 89—98; Идеям партии верны. М., 1982, с. 89—93.

философию, экономическое сознание[1], политическое сознание, правосознание, нравственное сознание (мораль), эстетическое сознание (искусство), религиозное или атеистическое сознание, научное сознание. В последнее время с достаточным на то основанием поднимается вопрос о выделении в особую форму экологического сознания.

Дифференциация форм общественного сознания производится на основе объективно существующих между ними различий: по предмету отражения (каждая форма общественного сознания отражает определенную сторону общественного бытия: в политических взглядах, например, отражаются отношения между классами, в морали — нравственные отношения между людьми и т. д.); по способу отражения (например, философия отражает действительность в наиболее общих категориях, искусство — в художественных образах и т. д.); по времени возникновения и функционирования (так, мораль существует с момента возникновения общества, политика возникла с появлением классов и т. д.); по характеру развития (каждая из форм обладает известной самостоятельностью, имеет специфику, внутренние закономерности развития); по роли в жизни общества (политика регулирует отношения между классами, мораль — нравственные отношения между людьми, философия выполняет мировоззренческую и методологическую функции и т. д.).

Вместе с тем формы общественного сознания образуют определенное единство. Все формы общественного сознания имеют один и тот же объект отражения — материальную жизнь общества, общественное бытие; все они выступают как отдельные виды единого духовного комплекса — общественного сознания; все складываются и функционируют на обоих уровнях — обыденном и теоретическом, хотя на последнем обнаруживают себя более отчетливо; все формы находятся в тесном взаимодействии между собой, взаимопроникают друг в друга и взаимообогащаются.

Методологическое значение положения о единстве и различии форм общественного сознания для военной теории и практики состоит в том, что оно дает исходные принципы анализа каждой из этих форм. Оно требует учета единства духовного мира личности воина, несводимости содержания общественного сознания, скажем, только к политическим или только к эстетическим взглядам. Наконец, оно указывает, что офицер-воспитатель должен воздействовать на все компоненты сознания воина — ум, чувства и волю. Все это позволяет наиболее эффективно организовать идеологическую и психологическую подготовку личного состава, всесторонне и гармонически формировать духовный мир личности воина.

---

[1] Вопрос о выделении экономического сознания в качестве самостоятельной формы сознания в марксистско-ленинской литературе поставлен сравнительно недавно (см.: Уледов А. К. Структура общественного сознания. М., 1968, с. 136—143).

В зависимости от субъекта-носителя принято выделять сознание отдельной личности (индивидуальное) и сознание определенной группы, общности (групповое, классовое, национальное, общественное).

Индивидуальное сознание представляет собой подвижное сочетание мыслей, чувств, воли отдельного человека. Оно формируется под влиянием общественного сознания, а также личного опыта, самообразования, опираясь на всемирно-исторический массив духовной культуры и всей человеческой практики.

В свою очередь групповое, классовое, национальное, общественное сознание как виды не могут существовать иначе, как в сознании индивидов. При этом общественное сознание не является простой суммой сознаний отдельных личностей, подобно тому, как и само общество не есть арифметическая сумма всех людей. Когда говорят об общественном сознании, то отвлекаются от того, что является только индивидуальным, сугубо личным, а имеют в виду лишь взгляды и идеи, характерные для целой социальной группы или для всего данного общества. Элементы общественного сознания присутствуют в каждом личном сознании как типологически общее, закономерное. Именно поэтому общественное сознание выражает сущность сознания индивида, но этой сущностью не исчерпывается все содержательное богатство последнего.

Из диалектики общественного и индивидуального сознания вытекают важные методологические выводы. Воспитатель должен учитывать, что социальное происхождение и положение личности хотя и влияет, но не предопределяет однозначно соответствующей духовной ее ориентации. Ибо в индивидуальном сознании отдельного человека можно обнаружить такие элементы, которые не характерны для нашего общества, а порождены специфическими условиями, особенностями его жизненного пути. С другой стороны, следует помнить, что индивидуальные особенности сознания воина, хотя и не относятся к общественному сознанию, имеют очень большое значение в его службе. Отсюда необходимость индивидуального подхода в воинском воспитании. Но главный вывод из сказанного таков: поскольку определяющая роль в системе индивидуального и общественного сознания принадлежит последнему, то главное внимание в формировании личности воина надо уделять прежде всего развитию классового сознания, формированию коммунистической идейности, готовности защищать социалистическое Отечество.

2. РОЛЬ ИДЕОЛОГИИ В ОБЩЕСТВЕННОМ РАЗВИТИИ И В СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНЕ

Особо важное место в общественном сознании принадлежит идеологии в единстве всех ее форм. Роль идеологии в общественном развитии наиболее ярко проявляется в ее функциях, которые присущи сознанию вообще. Однако в идеологии эти функции приобретают некоторую специфику. На передний план в идеологии

выдвигаются мировоззренческо-интегративная, воспитательная и организаторско-мобилизующая функции. Так, коммунистическая идеология цементирует, объединяет, интегрирует все звенья мировоззренческих знаний в единую систему, формирует у людей уверенность в правоте дела коммунизма, воспитывает у них качества подлинных защитников завоеваний социализма, организует и мобилизует граждан социалистического общества на борьбу за утверждение в жизни социалистических и коммунистических идеалов.

Более дифференцированно роль идеологии в развитии общества и в современной войне можно проследить через ее отдельные формы, которые по-разному воздействуют на экономический базис, социальное развитие, на ход и исход войны.

Особая роль в общественном развитии и в войне принадлежит политической идеологии — системе взглядов определенного класса на общественные отношения, на классовую борьбу и революцию, на государственное устройство и отношения между нациями, на проблемы войны и мира. В условиях социалистического общества марксистско-ленинская политическая идеология является стержнем духовной жизни масс, занимает центральное место в формировании личности воина. Идейно-политическое воспитание предполагает решение трех органически взаимосвязанных задач: во-первых, глубокого усвоения теоретических основ, целей и задач марксистско-ленинской политической идеологии; во-вторых, уяснения политических интересов социалистического государства, способов реализации этих интересов, выработки глубокой убежденности в исторической правоте, благородной миссии внутренней и внешней политики государств социалистического содружества, в-третьих, формирования высокой политической активности воина, готовности в любую минуту выступить на защиту идеалов коммунизма и политических интересов социалистического общества.

Важную роль в развитии общества играет правовая идеология, обслуживающая правовые отношения людей и имеющая большое значение в обеспечении высокой воинской дисциплины. Правосознание представляет собой систему взглядов класса на природу и функции государства и права, на обязательные нормы в деятельности организаций и граждан общества, на пути и формы правового регулирования внутренних и международных отношений. КПСС подчеркивает большое значение постоянного совершенствования нашего законодательства, укрепления социалистического правопорядка.

Правовое воспитание советских воинов включает в себя: глубокое усвоение военного законодательства, регулирующего правовое положение личного состава; формирование убеждения в его святости и необходимости выполнения любой ценой; выработку привычек неукоснительного соблюдения социалистической законности и выполнения требований воинских уставов и приказов; формирование качеств гражданина социалистического Отечества, бес-

предельно преданного своей Родине и непоколебимо стоящего на страже ее интересов. Особое значение имеет повседневная пропаганда и неукоснительное выполнение требований общевоинских уставов.

Социальная функция морали как формы идеологии заключается в регулировании отношений людей в интересах определенного класса (общества) посредством нравственных норм, основанных на привычках и общественном мнении. Моральная идеология есть систематизированные взгляды на отношения и поступки людей, выражающие их оценку с точки зрения добра, зла, чести, долга, достоинства, справедливости и других этических категорий. Самая прогрессивная идеология человечества сформулирована в моральных кодексах, принятых в социалистических странах, и в частности в моральном кодексе строителя коммунизма, включенном в Программу КПСС. Специфическое преломление этого кодекса к армейским условиям выражено в военной присяге и воинских уставах, где моральные требования, нормы воинской этики получают большую категоричность и императивность. Моральные силы народа и армии всегда оказывали огромное влияние на ход и исход войны. Роль морального фактора еще более возрастает в современной войне. Поэтому нравственное воспитание трудящихся и воинов социалистической армии, имеющее своей целью выработку активной жизненной позиции, содействующей реализации коммунистических идеалов, обеспечению единства слова и дела, обретает особо важное значение[1]. Советские офицеры располагают огромным арсеналом разнообразных форм и средств воспитания подчиненных.

Большую роль в социальном развитии играет искусство. В высших своих проявлениях оно выступает как форма идеологии и отражает жизнь со стороны ее эстетической оценки в категориях прекрасного и безобразного, возвышенного и низменного, трагического и комического и т. д. Тесно связанное с жизнью народа, искусство не просто доставляет эстетическое наслаждение, но способно вызывать у людей высокие мысли, благородные чувства и неукротимое стремление к достижению возвышенной цели. Социалистическое искусство является могучим фактором патриотического воспитания воинов. Оно воспевает героические, прекрасные свершения народа и его воинов, глубоко раскрывает значение воинской службы, учит жить и творить по законам красоты. Эстетические средства играют важную роль в выработке высоких морально-политических и боевых качеств советских воинов. Мир прекрасного формирует благородный нравственно-эстетический облик защитника социалистического Отечества, порож-

---

[1] См.: Волкогонов Д. А. Воинская этика. М., 1976; Миловидов А. С. Коммунистическая мораль и воинский долг. М., 1980; Табунов Н. Д. Категории этики в воспитании воинов. М., 1966.

дает жажду подвига, готовность к самопожертвованию во имя свободы и независимости Родины, торжества коммунизма[1].

Ненаучной формой идеологии является религия — фантастическое, иллюзорное отражение в сознании людей социальных и природных явлений. Религиозная вера в условиях социализма — это остаточное явление, сохранившееся в силу инерции мышления верующих и недостатков в атеистической пропаганде. Религия, будучи самой консервативной формой идеологии, цепко держится в эмоциях и привычках людей. Некоторая часть населения социалистических стран в той или иной мере еще находится под влиянием предрассудков религиозной идеологии. Этим обусловлена необходимость атеистической пропаганды, в том числе и в войсках, а также разоблачения буржуазного военного клерикализма.

Антиподом религии выступает наука, раскрывающая сущность явлений окружающего нас мира и дающая объективные знания о законах его развития. Общественные науки имеют, как правило, непосредственно идеологический характер и составляют особую форму идеологии. Что же касается естественных и технических наук, то они, как уже говорилось, выполняют идеологическую функцию через свои мировоззренческие выводы и социально значимые результаты. Роль науки в развитии общества и военного дела возрастает.

Чрезвычайно важной формой идеологии является философия. С позиций определенных классов философия дает наиболее общие понятия о мире и, если она подлинно научна, служит теоретической основой революционного преобразования последнего. Влияние философии как формы идеологии на развитие общества и военного дела осуществляется через ее основные функции: мировоззренческую и методологическую.

Такова социальная роль основных форм идеологии. Эта роль в строительстве и защите нового общества постоянно возрастает, что обусловлено самой природой социализма и коммунизма, которые возникают не стихийно, а в результате сознательной деятельности трудящихся масс под руководством марксистско-ленинских партий. Возрастание роли коммунистической идеологии диктуется дальнейшим развитием свободы и социалистической демократии, а также потребностями решительной борьбы с буржуазной и ревизионистской идеологией, с пережитками прошлого в сознании людей.

Идеология никогда не была изолирована от войны. Но когда в войнах сталкиваются однотипные по своей классовой сущности идеологии, то происходит как бы их нивелировка, взаимопоглощение, уравновешивание. Совсем по-другому обстоит дело, когда в войнах сталкиваются антагонистически противоположные идеологии. В таких войнах роль идеологии приобретает исключительно важное, порой — решающее значение; она выступает как

---

[1] См.: Марксистско-ленинская эстетика и воспитание воинов. М., 1975.

один из мощных факторов, определяющих весь ход и исход войны.

Возрастание роли идеологии в современной войне обусловлено также революцией в военном деле. Появление ядерного и термоядерного оружия, средств его доставки, совершенствование средств управления ходом боевых действий существенно изменяют способы и формы боевых действий войск. Если империалистическим странам удастся развязать мировую войну с применением ракетно-ядерного оружия, то в такой войне небывало возрастет роль идеологической закалки воинов социалистической армии, их глубокой идейной убежденности, безграничной преданности делу коммунизма.

Возрастание роли идеологии в современной войне предъявляет особые требования к идеологической работе в войсках. При организации и ведении идеологической работы в современных условиях нельзя не учитывать ее особенности: увеличение объема и значимости этой работы; ведение ее в условиях неутихающей идеологической борьбы; необходимость все более широкого использования в идеологической работе достижений и рекомендаций науки. При этом основными направлениями идеологической работы выступают: формирование у личного состава высокой коммунистической убежденности; обеспечение идейной стороны морально-политической и психологической подготовки воинов; обеспечение выполнения задач боевой и политической подготовки и повышения боевой готовности частей и кораблей; борьба за дальнейшее укрепление воинской дисциплины и организованности; воспитание воинов в духе патриотизма и социалистического интернационализма.

Наибольшая эффективность идеологической работы достигается тогда, когда этой работе уделяется пристальное внимание партийных организаций, их комитетов и бюро; по-хозяйски используются рекомендации науки; учитываются качественные сдвиги в личном составе; ведется решительная и последовательная борьба с инерцией мышления, формализмом и шаблоном. Решающая роль в неуклонном подъеме идейно-воспитательной работы принадлежит командирам, политработникам, инженерам, партийному и комсомольскому активу.

3. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ОСОБЕННОСТИ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ В СОВРЕМЕННУЮ ЭПОХУ

Марксистско-ленинская методология исследования[1] и практического ведения идеологической борьбы исходит прежде всего

[1] Методология и содержание современной идеологической борьбы обстоятельно рассмотрены в коллективных марксистских трудах: Философские проблемы идеологической борьбы. М., 1978; Борьба идей в современном мире. В 3-х т.: т. 1 — Основные линии и коренные проблемы идеологической борьбы. М., 1975; т. 2 — Современный капитализм: противоречия и доктрины. М., 1976; т. 3 — Развивающиеся страны: проблемы и идеологические течения. М., 1978.

из объективной диалектики перехода от капитализма к социализму, составляющего главное содержание современной эпохи. «...Происходящие перед нами величайшей важности исторические события могут быть поняты лишь при анализе, в первую голову, объективных условий перехода от одной эпохи к другой»[1], — писал по этому поводу В. И. Ленин. Социально-политические и экономические условия, в которых разворачивается ныне идеологическая борьба, можно свести к следующим моментам.

Во-первых, возрастание роли мирового социализма в системе международных отношений. Если к 1918 г. социализм, представленный Советской Россией, занимал 16% территории Земли, население составляло 8%, а его промышленное производство 3% мирового, то сегодня страны социализма занимают уже 26% территории, в них проживает свыше 30% населения, а удельный вес промышленного производства превышает 40%. Все это объективно ослабляет идеологические позиции империализма и усиливает влияние коммунистической идеологии на широкие народные массы.

Во-вторых, неуклонный рост международного коммунистического и рабочего движения. Сейчас в мире действуют более 90 коммунистических и рабочих партий, а число коммунистов составляет свыше 75 млн. человек. Коммунистическое движение является самой влиятельной идейно-политической силой современности, авангардом почти 600-миллионного отряда международного рабочего класса. Все это также не может не отражаться на характере идеологической борьбы.

В-третьих, крах колониальной системы империализма в результате национально-освободительного движения. Если в 1938 г. население колоний и полуколоний составляло около 64% жителей нашей планеты, то сегодня колониальная система практически ликвидирована. Освободившиеся страны все более тяготеют к некапиталистическому пути развития и составляют неотъемлемую часть мирового революционного процесса. Сбывается предвидение В. И. Ленина о том, что «движение большинства населения земного шара, первоначально направленное на национальное освобождение, обратится против капитализма и империализма...»[2]. Ожесточенная борьба за умы и сердца народных масс развивающихся стран — один из важнейших участков современной битвы идей.

В-четвертых, обострение внутренних противоречий капитализма (между рабочим классом и буржуазией, между монополиями, между капиталистическими странам и др.) приводит к его глубокому идейно-политическому кризису. Выход из этого кризиса буржуазия ищет в идеологической борьбе, делая при этом главную ставку на антикоммунизм.

Указанные объективные факторы действуют в тесной связи и взаимообусловленности между собой. При этом основным и

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 141.
[2] Там же, т. 44, с. 38.

решающим для них является возрастание роли мировой системы социализма — главного детища международного рабочего класса. Эти факторы определяют характер, особенности и тенденции современной идеологической борьбы.

В современных условиях особой остроты достигла борьба между социалистической (коммунистической) и буржуазной идеологиями как антиподами. Мысль о непримиримости буржуазной и социалистической идеологий была со всей определенностью высказана В. И. Лениным еще в самом начале века: «...вопрос стоит *только так*: буржуазная или социалистическая идеология. Середины тут нет...»[1] Эта идея стала еще более актуальной в наши дни в условиях буржуазной пропаганды «деидеологизации», «реидеологизации» и реформистско-ревизионистской проповеди «интеграции идей», «освобождения науки от идеологии» и т. п.

Непримиримость буржуазной и коммунистической идеологий объективно обусловлена самой социально-классовой природой идеологии. Как невозможно слияние интересов эксплуататоров и эксплуатируемых, так невозможен и синтез их идеологий. Они несовместимы в силу классового водораздела, полярно противоположных классовых позиций. Коммунистическая и буржуазная идеологии коренным образом различаются по характеру, содержанию и роли в общественной жизни. Характерными чертами буржуазной идеологии, в противоположность коммунистической, являются: реакционность, антигуманизм, антинаучность, милитаристская направленность, контрреволюционность.

Коренное различие классовой сущности буржуазной и коммунистической идеологий приводит к диаметрально противоположным выводам и оценкам по всем важнейшим проблемам современного мирового развития и обусловливает непрерывную борьбу между ними. **Идеологическая борьба есть одна из форм проявления ожесточенной классовой борьбы, отражение противоборства противоположных социальных систем в сфере сознания**[2].

В современных условиях идеологическая борьба не только не утихает, но и обостряется. Причем это положение носит характер закона, который был открыт и сформулирован В. И. Лениным. Обобщая первый опыт строительства социализма в условиях борьбы с капитализмом, В. И. Ленин в 1918 г. писал, что капитализм «не умирает сразу и тем более бешено сопротивляется, чем ближе к смерти...»[3]. Через два года В. И. Ленин дает развернутую формулировку этого закона: «На нашей революции больше, чем на всякой другой, подтвердился закон, что сила революции, сила натиска, энергия, решимость и торжество ее победы усиливают вместе с тем силу сопротивления со стороны буржуа-

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 39.

[2] В этом (широком) смысле понятие идеологической борьбы охватывает как идеологию, так и общественную психологию. В более узком значении идеологическая борьба распространяется лишь на сферу собственно идеологии.

[3] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 382.

зии. Чем мы больше побеждаем, тем больше капиталистические эксплуататоры учатся объединяться и переходят в более решительные наступления»[1]. Сказанное в полной мере распространяется на идеологическую борьбу и в современных условиях. На XXVI съезде КПСС отмечалось, что в современных условиях «фактом является и заметное обострение идеологической борьбы. Для Запада она не сводится к противоборству идей. Он пускает в ход целую систему средств, рассчитанных на подрыв социалистического мира, его разрыхление.

Империалисты и их пособники систематически проводят враждебные кампании против социалистических стран. Они чернят и извращают все, что происходит в этих странах. Для них самое главное — отвратить людей от социализма.

События последнего времени еще и еще раз подтверждают: наши классовые противники учатся на своих поражениях. Они действуют против стран социализма все более изощренно и коварно»[2].

Для успешной борьбы с буржуазной идеологией важно не просто констатировать обострение этой борьбы, но и знать ее особенности на современном этапе. Это — глобальность идеологической борьбы, ведение ее во всех сферах общественной жизни, на всех континентах, всеми средствами массовой информации; скоординированная деятельность буржуазной пропаганды с «левым» и правым ревизионизмом, с национализмом; изменение стратегии и тактики буржуазной пропаганды, стремление расколоть мировое коммунистическое и национально-освободительное движение, разобщить социалистические страны и вызвать идейную эрозию в них, «убить марксизм «посредством мягкости», удушить посредством объятий...»[3]; одним из главных объектов идеологической борьбы выступают проблемы войны и мира, вопросы военной теории[4]. При этом острие атак направляется на то, чтобы оспорить интернациональный характер защиты социализма, руководящую роль КПСС в военном строительстве, исказить социальные функции Советских Вооруженных Сил, методологические основы советской внешней политики в области войны и мира.

В условиях обострения и усложнения идеологического противоборства первостепенное значение приобретает методологическая вооруженность в борьбе против враждебной идеологии — знание и умелое использование марксистско-ленинских принципов идеологической борьбы[5].

Принцип классового подхода к битве идей. Этот принцип тре-

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 244.
[2] Материалы XXVI съезда КПСС, с. 9.
[3] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 227.
[4] См.: Епишев А. А. Идеологическая борьба по военным вопросам, с. 9.
[5] Некоторые ленинские принципы идеологической борьбы изложены в кн.: Модржинская Е. Д. Ленинизм и современная идеологическая борьба. М., 1972, с. 32—37.

бует «за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать *интересы* тех или иных классов»[1]. Актуальность данного принципа еще более возрастает в наши дни, когда буржуазная идеология рядится в тогу «беспартийности», «неклассовости». Поэтому в полной мере сохраняет свое значение ленинский подход к оценке подобных идеологов: «Кто... говорит о *не*классовой политике и о *не*классовом социализме, того стоит просто посадить в клетку и показывать рядом с каким-нибудь австралийским кенгуру»[2].

Принцип непримиримости в идеологической борьбе. Не может быть компромиссов или уступок, учил В. И. Ленин, в теории, в программе, в знамени[3]. Примирение с буржуазной идеологией означает сдачу трудящимися массами своего революционного оружия и соглашение с угнетением. Принцип непримиримости требует «неустанно бороться против всякой буржуазной идеологии, в какие бы модные и блестящие мундиры она ни рядилась»[4].

Принцип сочетания классового и гносеологического подходов к анализу явлений идеологической борьбы. Для успеха борьбы важно вскрыть не только классовые, но и гносеологические истоки враждебной идеологии. При всей своей реакционности буржуазная идеология в гносеологическом отношении «не беспочвенна, она есть *пустоцвет*, бесспорно, но пустоцвет, растущий на живом дереве, живого, плодотворного, истинного, могучего, всесильного, объективного, абсолютного, человеческого познания»[5]. Задача состоит в том, чтобы обнажить гносеологические причины появления «пустоцвета» буржуазной идеологии. Без этого борьба с нею будет затруднена.

Принцип неразрывности борьбы против буржуазной идеологии и других разновидностей идеологии антикоммунизма (ревизионизма, реформизма, маоизма и сионизма).

Объективная обусловленность данного принципа заключается в том, что реформизм и ревизионизм всех мастей и оттенков своими социальными корнями уходят к классу буржуа, в мелкобуржуазную стихию. Нередко вся «оригинальность» и «новаторство» различных антикоммунистических идеологий сводятся к перепевам на новые мотивы старых буржуазных идей. В силу такой социальной и теоретической общности буржуазная, реформистская и ревизионистская идеология смыкаются между собой и, следовательно, требуют неразрывности борьбы против них. В. И. Ленин предупреждал: «Опаснее всего в этом отношении люди, не желающие понять, что борьба с империализмом, если она не связана неразрывно с борьбой против оппортунизма, есть пустая и лживая фраза»[6].

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 47.
[2] Там же, с. 4.
[3] См. там же, т. 2, с. 450.
[4] Там же, т. 6, с. 269.
[5] Там же, т. 29, с. 322.
[6] Там же, т. 27, с. 424.

Принцип главного звена в борьбе против враждебной идеологии. Опыт показывает, что на различных этапах идеологической борьбы на первый план выдвигаются и представляют наибольшую опасность то одни, то другие участки. Это вызывается изменением соотношения сил на мировой арене, пересмотром стратегии и тактики идеологии империализма. Поэтому неразрывность борьбы против враждебной идеологии всех мастей предполагает вместе с тем сосредоточение усилий на наиболее опасном в данный момент направлении. Указанный принцип требует, кроме того, определения и научного решения наиболее важных и актуальных проблем, извращаемых апологетами империализма, а также дальнейшего развития марксистско-ленинской теории.

Принцип наступательности в идеологической борьбе. Идеологическая борьба несовместима с благодушием и стихийностью. Любое ослабление идеологического натиска, малейшее упование на самотек незамедлительно используется классовыми врагами. В. И. Ленин подчеркивал, что «*всякое* умаление социалистической идеологии, *всякое отстранение* от нее означает тем самым усиление идеологии буржуазной. Толкуют о стихийности. Но *стихийное* развитие рабочего движения идет именно к подчинению его буржуазной идеологии...» [1]. В условиях идеологического противоборства двух мировых систем этот ленинский принцип приобретает еще большее значение. Как указывается в постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы», малейшее ослабление марксистско-ленинских позиций на идеологическом фронте тотчас же используется противником для практического действия в целях подрыва социализма. Отсюда и требование данного принципа — непрерывное, решительное, энергичное наступление на идеологию империализма.

Принцип интернационализма в идеологической борьбе. Идея пролетарского интернационализма, заключенная в лозунге «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», в полной мере распространяется и на идеологическую борьбу. «Так как положение рабочих всех стран одинаково,— отмечал Ф. Энгельс,— так как их интересы одинаковы, враги у них одни и те же, то и бороться они должны сообща...» [2]. В этом состоит объективная основа интернационализма. Раскрывая сущность данного принципа, В. И. Ленин подчеркивал: «Интернационализм на деле — один и только один: беззаветная работа над развитием революционного движения и революционной борьбы в *своей* стране, поддержка (пропагандой, сочувствием, материально) *такой же борьбы,* такой же линии, и *только ее одной* во *всех* без исключения странах» [3].

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 40.
[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 373.
[3] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 170.

Принцип конкретно-исторического подхода к современной битве идей. Основоположники марксизма-ленинизма считали принципиально важным анализировать идеологическую борьбу в ее изменении, эволюции, тенденции, учили подходить к ней конкретно, учитывать гибкость тактики и противоречия в лагере противника.

Таковы основные методологические принципы идеологической борьбы в современных условиях. Все они органически взаимосвязаны между собой, и соблюдение каждого из них предполагает учет всех остальных.

Следовательно, одна из основных задач командного, инженерного и политического состава социалистической армии состоит в том, чтобы на основе марксистско-ленинской методологии подвергать аргументированной и беспощадной критике буржуазные идеологические концепции, позитивно разрабатывать современные военно-теоретические проблемы, воспитывать у подчиненных непримиримость к чуждому нам буржуазному миру. Эффективное выполнение указанной задачи требует критического уяснения военными кадрами враждебных философских теорий и методологических основ буржуазной военной науки.

ГЛАВА XIV

КРИТИКА СОВРЕМЕННЫХ БУРЖУАЗНЫХ ФИЛОСОФСКИХ, СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВ БУРЖУАЗНОЙ ВОЕННОЙ НАУКИ

В широком спектре идеологической борьбы между мировой системой социализма и капитализма одним из важнейших направлений является противоборство между диалектическим и историческим материализмом, с одной стороны, и современной буржуазной философией и социологией, с другой. Буржуазная философия и социология переживают острейший кризис, являющийся выражением все более углубляющегося общего кризиса капитализма в духовной сфере. Однако, паразитируя на реальных проблемах современности, буржуазная философия и социология продолжают играть значительную роль в формировании сознания в современном капиталистическом обществе и выступают, в частности, как мировоззренческая и методологическая основа буржуазной военной науки, идеологии и политики милитаризма. Поэтому последовательное разоблачение реакционной сущности и научной несостоятельности идейной основы буржуазных военно-теоретических концепций — одна из актуальных задач в наши дни, когда проблема войны и мира стала главным вопросом современности. *«Разоблачение капиталистов,*— указывал В. И. Ленин,— *есть первый шаг к обузданию капиталистов»* [1]. Офицеры социалистической армии, внимательно следя за эволюцией и деградацией буржуазной философии [2] и социологии, получают возможность лучше понять слабые и сильные стороны буржуазной военной науки, идейные истоки милитаризма и на этой основе более квалифицированно воспитывать вооруженных защитников завоеваний социализма.

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 204.

[2] См.: Кризис буржуазной философии в современную эпоху.— В кн.: История философии. М., 1965, т. 4, кн. 2; Буржуазная философия XX века. М., 1974.

1. АНТИНАУЧНЫЙ И РЕАКЦИОННЫЙ ХАРАКТЕР СОВРЕМЕННОЙ БУРЖУАЗНОЙ ФИЛОСОФИИ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ ОСНОВЫ БУРЖУАЗНОЙ ВОЕННОЙ ТЕОРИИ

События последних лет наглядно подтверждают необратимость углубления кризиса капитализма по всем линиям: экономической, социальной, политической, духовной. Этот кризис, отмечает товарищ Л. И. Брежнев, «поражает институты власти, буржуазные политические партии, расшатывает элементарные нравственные нормы... Продолжается упадок духовной культуры, растет преступность» [1].

Закономерным проявлением общего кризиса капитализма в идеологии выступает кризис буржуазной философии и социологии. Об этом свидетельствуют крайняя реакционность и антинаучность их теоретического содержания и методов исследования наиболее важных проблем современности. Реакционность буржуазной философии и социологии проявляется в антикоммунизме, антигуманизме, социальном пессимизме, оправдании милитаризма, расизма, национализма, фашизма и апологетике обреченного на гибель капиталистического строя. С реакционностью буржуазной философии и социологии неразрывно связана их антинаучность, проявляющаяся в господстве идеализма (хотя на словах буржуазные философы и социологи открещиваются от него), иррациональном истолковании явлений общественной жизни, утонченной апологии религии, отрицании научного мировоззрения.

Антинаучность буржуазной философии и социологии проявляется и в методах познания объективной действительности, которые по своей сущности продолжают оставаться метафизическими. Особенностью современной методологии, используемой в буржуазной философии и социологии, является эклектизм, смешение самых разнообразных мировоззренческих принципов (а порою и взаимоисключающих), что неизбежно ведет к плюрализму — методологическим установкам, согласно которым признается множество факторов, детерминирующих определенное явление, но без выделения главных начал. Современные буржуазные философы и социологи «признают» диалектику, формально «учитывают» достижения марксизма, считают себя свободными от односторонности. «Можно с уверенностью утверждать, что именно идея плюрализма во всех ее многообразных проявлениях и аспектах представляет собой ядро, центр притяжения всей современной буржуазной философской и социально-политической мысли» [2]. Определенные интеграционные процессы, протекающие в буржуазной философии и социологии, свидетельствуют не о развитии, а о кризисе буржуазных философских и социально-политических концепций.

---

[1] Брежнев Л. И. Ленинским курсом, т. 5, с. 480.

[2] Федосеев П. Н. Философия и мировоззренческие проблемы современной науки. — Вопросы философии, 1978, № 12, с. 39.

Этот кризис, естественно, имеет свои особенности как в области философии, так и социологии. Так, наиболее зримым выражением кризиса в буржуазной философии является мировоззренческий нигилизм, исходным принципом которого служит положение о том, что любая философия не может служить ядром мировоззрения, вокруг которого группируются другие элементы мировоззренческого знания, в силу ненаучности якобы всякой философии. Даже тогда, когда буржуазные философы формально признают важность философии и мировоззрения для научного исследования, они возводят китайскую стену между философией и наукой или же стремятся укрепить союз между буржуазной философией и ненаучными формами мышления (религией).

Об этом свидетельствуют выступления некоторых буржуазных философов на XV Всемирном философском конгрессе (Варна, Болгария, 1973 г.), в которых проводилась мысль, что «философия не является наукой» (А. Мерсье, Швейцария)[1]. Эта же точка зрения отражена и в книге известного западного философа М. Хайдеггера «Конец философии» (Нью-Йорк, 1973). С тех же позиций философского, мировоззренческого нигилизма выступал ряд западных философов и на XVI Всемирном философском конгрессе (Дюссельдорф, ФРГ, 1978 г.). Например, швейцарский философ В. Люббе пытался доказать, что мировоззренческое значение науки непрерывно уменьшается в ходе ее поступательного развития и что современная научно-техническая революция несовместима с философскими установками.

О кризисе буржуазной философии свидетельствуют значительное ослабление влияния так называемой «большой тройки» (экзистенциализма, неопозитивизма, неотомизма)[2], ее трансформация и растворение в других самых модных современных философских концепциях. Однако нельзя понять содержание «самоновейших» философских школ в буржуазном обществе, если не проследить их генезис и связь с теми течениями, которые определяли духовную атмосферу Запада в течение последних десятилетий и продолжают в явном и скрытом виде присутствовать и в новейших философских теориях.

Большинство современных буржуазных философских учений так или иначе связано с иррационализмом, который противопоставляет волю разуму, бессознательное сознательному. Основным понятием иррационалистического идеализма является категория иррациональной реальности, т. е. такой действительности, которая представляет собой беспорядочный поток изменений, нечто вроде хаоса. Сторонники иррационализма утверждают, что дей-

---

[1] См.: Федосеев П. Н. Итоги XV Всемирного философского конгресса. — Вопросы философии, 1973, № 12.

[2] См.: Кузнецов В. Н. Основные тенденции кризиса современной буржуазной философии. М., 1978. (В названной брошюре содержится обширная библиография и рассматриваются идейные преемники «большой тройки» — экзистенциализма, неопозитивизма и неотомизма, анализ которых учтен в настоящей главе.)

ствительность рационально непознаваема. Главное в познании — сверхразумная, мистическая интуиция, коренящаяся в инстинкте. Один из основателей иррационализма немецкий философ А. Шопенгауэр в свое время заявлял, что миром правит не разум, а беспричинная, бесцельная, неразумная воля, недоступная познанию. Распространение иррационалистического идеализма на Западе обусловлено тем, что такая философия отчуждает мысль от реальной действительности, лишает разум возможности сравнивать явления и делать правильные выводы о социальных антагонизмах буржуазного общества. «Это — *крик страха и отчаяния*,— писал по поводу такой философии М. Горький.— Мысль необходимо ослепить и обессилить для того, чтобы она не различала классовых противоречий, чтобы силу разума заменить тупой верою в авторитет классового государства и церкви, нужно ослепить разум для того, чтобы он не различал огней, зажженных в Союзе Советских Социалистических Республик» [1].

Наиболее влиятельной разновидностью иррационализма является экзистенциализм (от латинского existencia — существование), или философия существования, возникшая в середине 20-х годов XX столетия. Идейные истоки экзистенциализма — религиозно-мистическое учение датского философа С. Кьеркегора, воззрения немецких философов Ф. Ницше, Э. Гуссерля. Наиболее активно философию существования разрабатывали в довоенной Германии, а затем в ФРГ М. Хайдеггер (1889—1976), К. Ясперс (1883—1969), во Франции — Г. Марсель (1889—1972), Ж.-П. Сартр (р. 1905), С. де Бовуар (р. 1908), А. Камю (1913—1960), М. Мерло-Понти (1908—1961) и другие. После второй мировой войны экзистенциализм получил распространение в США, Италии, Японии и других странах преимущественно в среде представителей литературы и искусства, интеллигенции, мелкой буржуазии.

Начало всех начал в философии экзистенциализма — внутренне изолированный индивид, все интересы которого сосредоточены на нем же самом, на его собственном ненадежном и бренном бытии. Существование индивида, его конечность, погруженность в «ничто», прекращение существования, или смерть, переживание этих «способов существования» и вечный страх перед смертью — таковы главные вопросы, волнующие экзистенциалистов.

Главным фактором человеческого существования экзистенциалисты считают страх. Познавательное значение страха, согласно экзистенциалистам, состоит в том, что он ставит существование перед лицом конечности, человек оказывается наедине с собой, со своим существованием, противопоставленным «ничто». Такое толкование в духе беспросветного фатализма изображает человека и человечество в качестве беспомощных орудий «бытия», именуемого бездной и смертью.

---

[1] Горький М. О молодежи. М., 1974, с. 202.

Идея страха и бессилия перед судьбой широко используется буржуазными идеологами для создания духовного напряжения в обществе, нагнетания «страха перед коммунистической угрозой» и служит идеологическим обоснованием многих военных теорий, например теории «защиты цивилизации от коммунистического варварства». Американский буржуазный клерикальный философ Р. Дринан в одной из своих книг отмечал, что после второй мировой войны среди американцев был широко распространен «почти божественный ужас перед коммунизмом»[1].

Экзистенциализм составляет одну из идейных основ психологической обработки личного состава империалистических армий. Страх перед смертью, борьба за жизнь, «выживание» человека ставятся в основу стимуляции боевого духа солдата. Это достигается, как считают буржуазные психологи, путем обострения реакций человека, направленных на борьбу за жизнь. С этой целью во всех армиях НАТО практикуется обучение личного состава методам «выживания», чтобы подготовить морально и физически военнослужащих к тяжелым условиям войны.

Проповедуя иррационализм, экзистенциалисты отрицают возможность научного познания мира, считают субъективистски истолкованную интуицию единственно надежным средством постижения действительности, иррационального существования.

В буржуазных военных теориях такая философская позиция находит выражение в признании исключительной роли личности полководца, деятельность которого считается иррациональной, не подчиненной действию законов познания. Ход боевых действий он постигает не разумом, а интуицией. Его поступки нельзя ни оценивать, ни обсуждать. Должно быть слепое преклонение перед волей полководца.

В середине 60-х годов экзистенциализм претерпевает значительные изменения, выразившиеся в том, что от него отпочковываются философские концепции. Его идеи включаются в другие теории, такие, как структурализм, философская антропология и некоторые другие.

Родоначальником структурализма, получившего наибольшее распространение во Франции, считается К. Леви-Стросс (р. 1908), ученый в области теоретической этнографии. Суть его учения состоит в следующем: определяющее воздействие на восприятие людьми окружающего мира и на их образ жизни оказывают так называемые «ментальные» (от латинского mens — ум) структуры, определяемые молекулярными структурами головного мозга.

Отвергая проблему социального формирования человеческого сознания и проблему отражения им объективной реальности, эта теория представляет, по сути дела, подновленную вариацию кантовского априоризма. Таким образом, теоретики структурализма

---

[1] Drinan R. F. Vietnam and Armageddon. Peace, War and Christian Conscience. New York, 1970, p. 108.

выдвигают еще одну несостоятельную в научном отношении философскую теорию, модернизирующую прежние отвергнутые учения и спекулирующую на достижениях нейрофизиологии.

В подходе к проблеме человеческого существования ряд буржуазных мыслителей стал ныне поднимать на щит так называемую «философскую антропологию». Ее основателями считаются немецкие философы М. Шеллер и Г. Плеснер. К видным современным представителям этого течения относятся Г. Хенгстенберг, А. Гелен, Э. Ротхакер и другие. «Философская антропология» выступила с претензией на создание «синтетического учения о человеке», учитывающего в нем данные естественных и социальных дисциплин. Однако, по сути дела, это учение представляет собой все тот же субъективный идеализм, паразитирующий на достижениях преимущественно естественных наук. Хотя сторонники этого учения признают антропогенез человека, но считают, что разум человека сконструирован на основе исключительно биологической природы человека. Социальные факторы формирования сознания человека они сводят к врожденной духовной компоненте. Тем самым фактически отрицается роль социальной практики в становлении человеческого сознания. Таким образом, «философская антропология» как учение противостоит марксистскому решению проблемы человеческого бытия и формирования сознания человека.

В экзистенциализме и современных его ветвях мы находим субъективный идеализм «психического» направления, сводящий мировоззрение человека к его субъективно-психическому восприятию в отрыве от объективной реальности. Новые течения экзистенциализма, по сути дела, не способны объяснить проблему познаваемости мира и лишний раз свидетельствуют о глубоком кризисе современной буржуазной философии.

В. И. Ленин видел в исходном «психическом» идеализме «мертвую» абстракцию, прикрывающую разжиженную теологию. Он убедительно показал, что подобная философия стоит ближе всего к религиозному мировоззрению.

Идеалистическая философия всегда давала прямое или косвенное обоснование религии. И это не только различные формы объективного идеализма, берущего за исходное обожествленный разум, но и учения субъективно-идеалистического эмпиризма, подобные экзистенциализму. Известно, например, что Д. Юм видел заслуги своего скептицизма в том, что он подрывает научное познание и дает «преимущество для человеческого разума достигать познания верховного существа» [1], т. е. бога.

Близость идеализма с религиозной верой классики марксизма-ленинизма отмечали не раз в своих работах. «Все идеалисты...— подчеркивали К. Маркс и Ф. Энгельс,— как старые, так и новые, верят в наития, в откровения, в спасителей, в чудотворцев, и только от степени их образования зависит, принимает ли эта

---

[1] Юм Д. Соч. М., 1965, с. 442.

вера грубую, религиозную форму или же просвещенную, философскую...»[1]

В современной буржуазной философии существуют и находят широкое распространение откровенно религиозные учения — различные школы философии в рамках христианства и других вероисповеданий. Наиболее влиятельной среди них является философия неотомизма (от латинского neo — новый и Thomas — Фома). Неотомизм — разновидность объективного идеализма, основывающаяся на теологической философии крупнейшего представителя западноевропейской схоластики Фомы Аквинского (1225—1274), который в конце XIX в. был официально объявлен Ватиканом главным католическим авторитетом в области философии. Распространению неотомизма среди верующих католиков и представителей других религий способствовали Ж. Маритен (1882—1973), Г. Веттер (р. 1911), Э. Жильсон (р. 1884) и другие.

В отличие от «святого» Фомы неотомисты выдвигают на первый план не теологические, а философские вопросы. Старый томизм был учением господствующих феодальных классов, современный томизм — философия реакционной, в особенности клерикальной, буржуазии, разрабатывающая аргументы в защиту капитализма.

Одной из основных гносеологических предпосылок философии неотомизма является идея гармонии веры и знания. Фома Аквинский доказывал, что христианское вероучение со всеми описываемыми в Библии чудесами не только не противоречит здравому смыслу, но, в сущности, согласуется с ним. Иными словами, он пытался в соответствии со средневековой схоластической традицией обосновать христианские догмы с помощью логических аргументов. Он, в частности, разрабатывал в своем главном труде «Сумма теологии»[2] логические «доказательства» существования бога.

Современные неотомисты, развивая идеи своего первого учителя, пытаются примирить науку и религию, утверждая, что обе они имеют своим источником божественный разум и поэтому не должны противоречить друг другу. Борьба между наукой и религией объявляется преходящим недоразумением и объясняется частью недостаточным развитием научного знания, частью некомпетентным вмешательством некоторых католических иерархов в дела науки.

В безуспешной попытке выявить взаимосвязь современной науки с католицизмом неотомисты занимаются идеалистической обработкой естествознания. При этом они используют философские шатания некоторых естествоиспытателей. Например, из гипотезы о расширении наблюдаемой части Вселенной делается вывод о конечности Вселенной и ее сотворимости богом. Из установленного астрономией существования значительных масс кос-

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 536.

[2] См.: Антология мировой философии в 4-х т. М., 1969, т. 1, ч. 2, с. 823—861.

мической пыли постулируется заключение: Вселенная разрушается.

Если в прошлом для неотомистов было характерно непримиримое отношение ко всем инакомыслящим даже из лагеря буржуазных философов, то в настоящее время они пытаются объединить вокруг себя все буржуазные идеалистические учения, выступают против «анархии философских систем», т. е. против «чрезмерной» полемики между различными фракциями современной идеалистической философии, пытаясь обеспечить тесное сотрудничество всех буржуазных философов для борьбы против их общего противника — диалектического и исторического материализма, научного коммунизма. Характерно в этом отношении признание уже упоминавшегося американского религиозного философа Р. Дринана. По его словам, «католики, вероятно, внесли больший вклад в американский антикоммунизм, чем любая другая группа в Соединенных Штатах. В течение последних четырех поколений коммунизм официально предавался анафеме не менее чем двадцать раз» [1].

Неотомисты увещевают трудящихся мириться со своим угнетенным положением, стараются убедить их в том, что бедность в земной жизни есть неоспоримое преимущество, гарантирующее вечное блаженство в раю. Неотомисты обращаются с увещеваниями и к предпринимателям, взывая к их совести, стремясь установить мир и классовое сотрудничество в буржуазном обществе.

К неотомизму полностью применима ленинская характеристика идеализма, представляющего утонченную, рафинированную форму фидеизма, «который стоит во всеоружии, располагает громадными организациями и продолжает неуклонно воздействовать на массы, обращая на пользу себе малейшее шатание философской мысли» [2].

Религиозная пропаганда выступает одним из главных средств духовной обработки империалистических армий, а ее философская основа — неотомизм усиленно внедряется в сознание офицерского состава и других слоев военнослужащих [3]. В тесном контакте с идеологическими центрами организует свою деятельность военно-религиозная служба. В США ее возглавляет управление главного капеллана вооруженных сил. Она имеет соответствующие управления в армии, ВВС и ВМС, отделы и отделения в объединениях, соединениях, на базах и в учебных заведениях. Военные священники ведут изучение настроений личного состава, осуществляют политическую слежку в войсках. Под видом бесед об «общечеловеческих ценностях», «моральных силах», «храбрости» капелланы восхваляют капиталистические порядки, требуют от солдат ревностной службы. С помощью системы эмоционально

---

[1] Drinan R. F. Op. cit., p. 109.

[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 380.

[3] По данным официальной статистики, в США насчитывается 48,4 млн., а в Западной Европе — 192 млн. верующих католиков (см.: Пучков П. И. Современная география религий. М., 1975, с. 83, 142).

насыщенных обрядов и культовых действий капелланы оказывают большое влияние на психику солдат. Реакционные теологи содействуют формированию милитаристски ориентированного сознания не только в армии, но и в стране, разжигают ненависть к населению социалистических стран.

Однако, несмотря на известную популярность неотомизма, прежде всего среди верующего населения капиталистических стран, традиционная духовная монополия неотомизма среди католиков рухнула. Началом кризиса неотомизма послужили решения II Ватиканского собора (1963—1965), которые предписали, что учение «святого» Фомы не догма, а лишь рекомендация к изучению священного писания. Упразднение монополии на неотомизм привело к тому, что в настоящее время воспряли постоянные оппоненты неотомизма — последователи блаженного Августина (354—430) — одного из «отцов церкви» у католиков и сторонники современной теологической философии — тейярдизма.

Тейярдизм как философское течение возник во Франции в конце 50-х годов после опубликования посмертно трудов антрополога и иезуита П. Тейяра де Шардена (1881—1955). В основе учения Тейяра — примирение науки и религии с определенной уступкой в пользу науки. Тейярдисты ставят вопрос о признании религией естественного космогенеза (то есть отвергается догмат о сотворении мира), а также об отрицании догмата о боге-творце. Сторонники Тейяра считают, что жизнь и сознание не созданы волей бога-творца, а есть проявление «психической энергии», первоначально разлитой во всей природе и в ходе эволюции возвышенной до божества — «бога-Омеги». Подобным толкованием происхождения жизни на Земле и эволюции вплоть до появления сознания тейярдисты отдают дань неоспоримым достижениям естественных наук, оставляя большой простор и религиозному вероучению. Тейярдизм получил большое распространение у верующих естествоиспытателей как более утонченная, чем неотомистская, теория и способствовал распространению иллюзии о примирении науки и религии.

Среди других буржуазных философских школ наиболее влиятелен неопозитивизм.

Неопозитивизм (называемый также логическим позитивизмом, логическим эмпиризмом) получил свое развитие от позитивизма 30-х гг. XIX в. Позитивизм сложился под влиянием субъективного идеализма Беркли и агностицизма Юма. Основателями первого этапа позитивизма были французский социолог и философ О. Конт (1798—1857) и английский социолог Г. Спенсер (1820—1903), которые пытались стать над материализмом и идеализмом в философии, объявили положительные, эмпирически наблюдаемые факты (позитивные явления) основой новой науки, которая не нуждается ни в какой философии. На самом же деле позитивизм представлял собою эклектическое учение, сочетающее субъективизм и агностицизм с элементами материалистического понимания природы. По своему социальному содержанию

позитивизм выступил как мировоззрение консервативной буржуазии, ограничивающее компетенцию науки эмпирическим описанием наблюдаемого, примирительно относящегося к религии и откровенно враждебно — к революционной борьбе пролетариата.

Вторым этапом позитивизма стал махизм (эмпириокритицизм), всесторонняя критика которого дана в работе В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Махизм явился идейным источником неопозитивизма (третьего этапа позитивизма).

В развитии современного неопозитивизма важную роль сыграли английский логик, математик и философ Б. Рассел (1872—1970) и австрийский философ Л. Витгенштейн (1889—1951). Разработкой неопозитивистского учения активно занимаются Р. Карнап (р. 1891), К. Поппер (р. 1902) и другие.

В отличие от махистов, внимание которых было сосредоточено на анализе ощущений, чувственного опыта как такового, неопозитивисты делали акцент на исследовании логического аппарата новейшего естествознания. Неопозитивисты ставили своей целью создать на основе математической логики «язык науки».

Если экзистенциализм может быть охарактеризован как буржуазная «философия жизни», неотомизм — как «философия верующих», то неопозитивизм представляет собой буржуазную «философию науки». В неопозитивистском движении принимают участие не только философы, но и некоторые естествоиспытатели и логики. Среди них имеются видные специалисты в области частных наук. Все это делает особенно сложным и противоречивым неопозитивистское отношение к науке.

Одно из главных положений неопозитивизма состоит в отказе от философии как мировоззренческой науки. Философские проблемы, заявляют неопозитивисты, по природе своей лишены научного смысла, непознаваемы и, следовательно, чужды духу научного исследования. Общефилософские положения, говорят они, в принципе не могут быть ни верифицированы (проверены), ни логически доказаны. Такого рода проблемы, по их мнению, носят теологический характер, то есть доступны лишь богу. Научно-философское мировоззрение, так же как и научная, социологическая теория общественного развития, провозглашается невозможным и ненужным и квалифицируется как вненаучная «метафизика», выходящая за пределы опыта.

Реакционный идеологический смысл этой концепции достаточно очевиден. Она является основой для борьбы против марксистского мировоззрения, для теорий «деидеологизации», для попыток идейного разоружения рабочего класса. Поскольку неопозитивисты проповедуют мирное сосуществование науки и религии, то налицо открытая апологетика теизма, смыкание неопозитивизма, как разновидности субъективного идеализма, с религиозными догмами.

Неопозитивистское понимание процесса познания и проблемы истинности приходит в противоречие с действительным содер-

жанием науки. Оно не дает возможности объяснить законы природы и общества, принципы науки. Критика метода «верификации» привела к появлению семантического варианта неопозитивизма. Семантики заявляют, что истинность понятий необходимо искать в языковой системе. Тем самым на место «фактической истинности» — соответствия научных высказываний реальным фактам — ставится чисто «логическая истинность». По мнению последователей «семантического» неопозитивизма, высказывание считается истинным, если оно построено в соответствии с логико-семантическими правилами данной языковой системы.

Таковы основные направления буржуазной философской мысли. Они являются доминирующими на Западе и служат основной методологической и мировоззренческой базой для других социальных наук, и прежде всего буржуазной социологии и военной теории.

2. КРИТИКА СОВРЕМЕННОЙ БУРЖУАЗНОЙ СОЦИОЛОГИИ КАК ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ОСНОВЫ МИЛИТАРИЗМА

Современная буржуазная социология представлена множеством различных теорий, концепций, классификация которых представляет нелегкое дело. По мнению американского социолога Ф. Линча, «западная социология в настоящий момент отнюдь не напоминает стройно звучащую симфонию... Это, скорее, грубая какофония различных теоретических тем и методологических мелодий, лишенная единого ритма, порядка, формы» [1]. Как и в философии, в буржуазной социологии господствует теоретический плюрализм. В последние годы и в социологии наблюдаются интеграционные процессы, стремление социологов опереться на данные других научных дисциплин — экономики, психологии, антропологии, лингвистики и т. д. Особенностью современной буржуазной социологии является обращение к Марксу, признание особых заслуг основоположника научной социологии перед обществоведением. Однако делается это для того, чтобы «поправить» К. Маркса, приспособить его учение к схемам буржуазной теоретической мысли, «задушить в своих объятиях». Об этом свидетельствуют доклады и выступления буржуазных социологов, представленные на VIII Всемирный социологический конгресс (Торонто, Канада, август 1974 г.) [2] и на IX Всемирный социологический конгресс (Упсала, Швеция, август 1978 г.) [3].

Буржуазная социология нашего времени не сумела преодолеть недостатки, присущие домарксовской социологии, а именно: идеа-

---

[1] American Sociologist, 1975, vol. 10, № 2, p. 84.

[2] См.: Буржуазная социология во второй половине XX века. — В кн.: Социология и современность. М., 1977, т. 2, с. 74—118.

[3] См.: Социология и проблемы социального развития. М., 1978; Здравомыслов А. Г. Пути социального развития (к итогам IX Всемирного социологического конгресса).— Социологические исследования, 1978, № 4, с. 53—63.

лизм во взглядах на общество и недооценку социальной роли народных масс, на которые указывал В. И. Ленин в работе «Карл Маркс»[1]. Под влиянием марксистской социологии идеализм во взглядах на общество в буржуазной социологии стал сочетаться с элементами материализма, но это материализм натуралистический, вульгарный. В поисках общей теории в буржуазной социологии наблюдается тенденция к эволюции от натурализма к субъективизму, к психологизации общественных явлений. Хотя буржуазная социология на словах отмежевывается от своей связи с буржуазной философией, но именно буржуазная философия методологически подпирает построения буржуазно-социологических концепций. Нельзя не видеть связи между экзистенциалистски ориентированными концепциями буржуазной философии и различными психологическими течениями буржуазной социологии, между позитивизмом и буржуазной эмпирической социологией и т. д.

Из всех течений буржуазной социологии тесно связаны с идеологией и политикой милитаризма, с буржуазной военной наукой такие традиционные течения, как натуралистическое, психологическое, технологический детерминизм, эмпирическая социология, структурно-функциональный анализ и их «самоновейшие» модификации и наиболее тесно — собственно милитаристские концепции. В определенной мере эти теории отражают самое существенное содержание буржуазной социологии вообще.

Натуралистическое течение в буржуазной социологии сложилось во второй половине XIX в. К нему относятся те социологические концепции, которые пытаются объяснить структуру и законы развития человеческого общества с помощью биологических понятий. Представители этого течения подменяют законы высшей и наиболее сложной формы движения материи — социальной законами более простой формы движения материи — биологической, не видят существенного различия между человеком и объектом естественных наук, применяют к изучению общества идеи и методы естественнонаучного познания.

В рамках натуралистического течения выделяются неомальтузианство, геополитика, социальный дарвинизм, социальная этология (этология — наука, занимающаяся изучением поведения животных в естественных условиях). Печать натурализма лежит и на более поздних социологических теориях (структурном функционализме и др.).

Современное неомальтузианство пропагандирует идеи вечности войн, поскольку они будто бы необходимы, в частности, для устранения «лишнего населения». Оно рассчитано в своем воздействии на массы прежде всего на уровне социальной психологии. Примитивность теоретических построений, присущая натуралистической школе, вполне удовлетворяет буржуазного обы-

---

[1] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 57.

вателя и способна эффективно воздействовать на массы неграмотных и полуграмотных в капиталистическом мире.

Представители психологического течения в современной буржуазной социологии пытаются объяснить развитие общества свойствами человеческой психики. Это течение представлено неофрейдизмом и его многочисленными вариациями, социометрией (микросоциологией) и другими школами.

Теория психоанализа (фрейдизм) была создана на рубеже прошлого и нынешнего веков австрийским психоневрологом З. Фрейдом (1856—1939) и имела вначале чисто прикладной, медицинский характер. Представляя собой с самого начала лишь своеобразный метод лечения неврозов, психоанализ затем превращается в своеобразную социальную философию, претендующую на универсальность, всеобщность своей методологии в решении социальных проблем.

Изучение различных невротических заболеваний привело Фрейда к рассмотрению социальных условий человеческого существования как главных препятствий на пути к психическому здоровью человека. По Фрейду, в силу строгой необходимости существования человек вынужден подавлять свои инстинкты и направлять их энергию по социально приемлемым каналам. «Наша цивилизация,— пишет он,— основана на подавлении инстинктов»[1].

Главная роль в многообразной психической деятельности человека отводится бессознательным, биологически детерминированным инстинктам. Разум выступает лишь как сопутствующий им элемент.

Одной из черт современной буржуазной социологии является стремление подменить науку об обществе голым эмпиризмом, фактологией.

Философской основой эмпирического течения в буржуазной социологии служит субъективный идеализм неопозитивистского толка. Идеалистически трактуются факты, под которыми понимаются не состояния или стороны объективной действительности, а лишь «данные опыта», сводящиеся к совокупности ощущений. Наиболее распространенной школой эмпирического течения следует считать эмпирическую социологию. Характерная особенность эмпирической социологии состоит в том, что она исходит из опыта (эмпирии), изучает факты, ограниченные во времени и пространстве, применяя для этого особую процедуру и технику исследования: наблюдение, интервью, анкеты, социальный эксперимент и моделирование, статистику и т. д.

Под влиянием неопозитивизма «эмпирические» социологи искусственно отрывают частное и единичное от общего, отдельные факты от социального целого, т. е. от общества. Факты берутся не в их общей связи, не как проявление закономерностей и глубинных процессов жизни общества, а как механический на-

---

[1] Freud Z. The Future of an Illusion. New York, 1964, p. 11.

бор отдельно зафиксированных состояний изучаемого объекта. «Факты,— говорил В. И. Ленин,— если взять их в их *целом*, в их *связи*, не только «упрямая», но и безусловно доказательная вещь. Фактики, если они берутся вне целого, вне связи, если они отрывочны и произвольны, являются именно только игрушкой или кое-чем еще похуже» [1].

Эмпирическая социология направлена на отрицание объективных законов общественного развития. В непосредственно наблюдаемых событиях, в фактах, говорят сторонники эмпирической социологии, которые являются совокупностью ощущений и восприятий, якобы не может заключаться общее и закономерное. Поэтому-де лишены смысла и не подлежат «опытной проверке» такие понятия, как «капитализм», «социализм», «класс», «революция», «война» и т. п.

Эмпиризм приводит к тому, что социология как наука теряет свой предмет. В буржуазной эмпирической социологии единое социологическое учение распадается на множество не связанных друг с другом отдельных дисциплин, на механический конгломерат обособленных «социологий»: индустриальную социологию, социологию права, науки, образования, религии, семьи и т. д. Многие эмпирические исследования, проводимые буржуазными социологами, носят чисто прикладной характер и проводятся по заказам монополий и фирм, интересующихся состоянием рынков сбыта, вкусами покупателей и т. д.

Необходимо видеть принципиальное различие между буржуазной эмпирической социологией и конкретными социологическими исследованиями, проводимыми на теоретической базе исторического материализма. Конкретные социологические исследования используются марксистско-ленинской социологией для изучения глубинных процессов общественной жизни.

Неудовлетворенность результатами эмпирической социологии со стороны самих буржуазных социологов вызвала к жизни общетеоретическое течение в буржуазной социологии, представители которого стремятся создать универсальную систему социологического знания как альтернативу историческому материализму.

В русле общетеоретического течения буржуазной социологии развиваются сциентистско-технократическая, абстрактно-гуманистическая и критическая («диалектическая») теории. Первая, стремясь осмыслить последствия научно-технического прогресса и НТР, опирается на структурный функционализм в его модифицированной форме, вторая — на социологически истолкованные идеи экзистенциализма и неофрейдизма, третья — на многочисленные вариации так называемого «неомарксизма», простирающегося от маоизма и троцкизма до мелкобуржуазного реформизма и ревизионизма [2]. Но признать эти теории откристаллизовавшимися нельзя.

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 350.

[2] См.: Бакуркин Б. Ф., Ионин Л. Г., Комаров М. С. Теоретическая социология США сегодня, с. 10—13.

Если взять буржуазную социологию в целом, то она оказывается неспособной разрешить диалектическую взаимосвязь между общим, особенным и единичным в познании социальной действительности. Буржуазные социологи либо запутываются в дебрях эмпиризма, либо плодят оторванные от жизни спекулятивные схемы.

Современная буржуазная социология переживает глубокий кризис. Это подтвердили международные социологические конгрессы последних лет (VI — 1966, Эвиан, Франция; VII — 1970, Варна, Болгария; VIII — 1974, Торонто, Канада; IX — 1978, Упсала, Швеция), где потерпели поражение попытки выдвинуть какую-либо долговременную буржуазную социологическую теорию. На последних конгрессах (Торонто, Упсала) буржуазные социологи впервые не сумели выдвинуть какой-либо новой концепции.

Особую опасность для дела мира представляет собственно милитаристское течение в буржуазной социологии, специально разрабатывающее проблемы войны. Различные школы этого течения обслуживают интересы военно-промышленных комплексов капиталистических стран, идеологически обеспечивают гегемонистские устремления ведущих держав капиталистического мира и притупляют бдительность миролюбивых сил, внушая им мысль о вечности и неискоренимости войн. Типичным для позиции сторонников этого течения является высказывание американского социолога Э. Ривса: «Следует считать само собой разумеющимся, что мы никогда не сможем уничтожить войну между нациями, потому что война в природе человека; попытаться уничтожить войну — безнадежная задача» [1].

Милитаристское течение в буржуазной социологии неоднородно. В него вносят свою лепту буржуазные социологи, которые не занимаются специально проблемами войны, а экстраполируют выводы своих социологических теорий на область международных отношений. Вместе с тем его основу составляют концепции, авторы которых профессионально анализируют сущность и причины возникновения войн, оправдывают гонку вооружений и нагнетают чувство страха, напряженности у населения пропагандой неизбежности войн между государствами и народами [2].

В рамках милитаристского течения в буржуазной социологии можно выделить с некоторой долей условности следующие концепции: военно-политические, военно-психологические, военно-технократические. Именно эти теории служат непосредственной мировоззренческой и методологической основой идеологии милитаризма и буржуазной военной науки.

---

[1] Rakove M. L., eds. Arms and Foreign Policy in the Nuclear Age. New York, 1972. p. 80.

[2] В советской литературе милитаристское течение в буржуазной социологии подвергнуто обстоятельной критике (см.: Миголатьев А. А. Империализм и милитаризм. М., 1979; Рыбкин Е. И. Война и политика в современную эпоху. М., 1973; Война, история, идеология (буржуазная военная история на службе милитаризма). М., 1974; Война и армия. М., 1977; и др.).

Военно-политические социологические теории исходят из того, что сущность и причины войн определяются политикой. При этом сознательно извращается сущность политики, из нее выхолащивается социально-классовое содержание. Буржуазные идеологи стремятся представить агрессивную, экспансионистскую политику империализма как необходимость «сдерживать» мировой коммунизм от его насильственного распространения. Соединенные Штаты, заявляет один из ведущих американских социологов В. Аспатуриан, имеют «священную» цель спасти мир от «агрессивных устремлений Советского Союза и коммунистического тоталитаризма» [1].

Военно-политические социологические теории включают в себя две группы концепций: «институционные» и «мотивационные» (так они именуются в буржуазной социологической литературе).

«Институционные» военно-социологические теории представлены в трудах таких западных ученых, как К. Уолтц, Г. Досвелл, Л. Каплан, Т. Абель, Р. Розенкранц, Р. Барнет, и других. Смысл позиции этих авторов в том, что они определяют источник войн с некоторым оттенком фатализма. По их мнению, источник войн коренится в форме правления, в характере политических институтов. Например, К. Уолтц в своей книге «Человек, государство и война» пишет, что государства с автократическим, «тоталитарным» правлением неизбежно являются источником войн (автократическими, «тоталитарными» государствами провозглашаются им социалистические страны). Демократические (западные) государства «стремятся к миру», утверждает К. Уолтц, но и они не очень последовательны в своем миролюбии, «демократия безответственна и импульсивна и постоянно подстрекает войну...» [2].

Таким образом, получается безвыходный замкнутый круг — все государства фатально стремятся к войне. Выход автор видит в «твердой» власти, считая, что «монархи миролюбивы». Развивая дальше эту мысль, американский военный социолог И. Горовитц даже фашизм с его «твердой» властью считает путем к миру: «Каждый желает мира в конечном итоге... даже фашистская доктрина рассматривала пацифизм под именем расовой чистоты как предпосылку для тысячелетнего мира» [3].

«Мотивационные» военно-социологические теории исходят не из фатальной неизбежности войны, а из мотивов, желаний и волевых усилий правительств, политической элиты или политических лидеров. «Мотивационные» теории ориентируются на волюнтаризм при полном игнорировании объективных факторов. Сторонники этих теорий представлены группой таких ученых, как Г. Снайдер, Г. Моргентау, В. Леви, И. Клод, Р. Мак и другие.

Анализируя причины, ход и исход войн, авторы этих теорий

---

[1] Military Review, vol. LIV, January 1974, № 1, p. 52.

[2] Pruitt D., Snyder R., eds. Theory and Research on the Causes of War. Englewood Cliffs. N. J., 1969, p. 20.

[3] Horowitz I. War and Peace in Contemporary Social and Philosophical Theory. London, 1973, p. 193.

рассматривают прежде всего «мотивы, вовлекающие людей в войну». Этими мотивами представляются: желание овладеть богатством других стран, «жизненным пространством», стремление к власти, или стремление «установить дружественные правительства в других странах», или просто «жажда приключений или славы»[1]. Исследование этих побуждающих мотивов чрезвычайно затруднено, и посему причины войн, говорят эти авторы, понять крайне трудно.

Во всех этих «теориях» ясно виден социальный заказ агрессивных империалистических кругов, соответствующий интервенционистским целям НАТО. Авторы подобных теорий далеки от объективного, научного анализа действительности. Антисоветизм, классовая ненависть к Советскому Союзу — характерная черта этих идеологических построений. В. И. Ленин объяснял причины этой ненависти: «Россия — первая страна, которой история дала роль зачинателя социалистической революции, и именно поэтому на нашу долю выпадает столько борьбы и страданий. Империалисты и капиталисты других стран понимают, что Россия стоит во всеоружии, что в России решается судьба не русского только, а и международного капитала. Вот почему они распространяют во всей своей прессе неслыханное количество лжи против большевиков,— во всемирной прессе буржуазии, которая вся куплена на миллионы и миллиарды»[2].

Милитаристскими кругами усиленно подогревается теория «советской угрозы», пытающаяся приписать Советскому Союзу стремление к мировому господству. Например, авторы «Альманаха мировой военной мощи» Т. Дюпуи и В. Бленгард заявляют, что цели СССР — нанести упреждающий ядерный удар по США и Западной Европе и затем «захватить всю Западную Европу»[3].

На самом деле тезис о «советской угрозе» используется военно-промышленными кругами империалистических стран для подхлестывания гонки вооружений, для раздувания ненависти к странам социализма в целях подготовки населения к новой войне. В этой связи характерны слова итальянского средневекового философа Никколо Макиавелли: если население мятежно, возбуждай ненависть к внешним врагам. Этот совет широко используется империалистическими правительствами, чтобы погасить революционное движение в своих странах. «Если люди могут связать свое недовольство с враждебностью к внешним врагам,— поучает американский социолог Р. Стегнер,— то вероятность революции уменьшается»[4].

Наша партия разоблачила смысл буржуазных концепций «советской угрозы».

---

[1] Pruitt D., Snyder R., eds. Op. cit., p. 15—17.

[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 137.

[3] The Almanac of the World Military Power. 2nd ed. London, 1972, p. 148.

[4] McNeal E., eds. The Nature of Human Conflict. Englewood Cliffs. N. J., 1965, p. 54.

«...Давно пора выставить за дверь серьезной политики обветшалое пугало «советской угрозы», — отмечал на XXVI съезде КПСС Л. И. Брежнев. — ...Военная угроза над США, как и над всеми другими странами мира, действительно нависла. Но ее источник — не Советский Союз, не его мифическое превосходство, а сама гонка вооружений, сохраняющаяся в мире напряженность. С этой подлинной, а не воображаемой угрозой мы готовы бороться — рука об руку с Америкой, с европейскими государствами, со всеми странами нашей планеты» [1].

Буржуазными идеологами широко используется и такая форма искажения социально-политической сущности войны, как искусственное противопоставление внешней политики внутренней, провозглашение примата внешней политики, которая якобы не связана с политикой внутренней, с общественно-политическим строем государства. Например, голландский социолог Эрнст-Ван-ден-Хааг в книге «Политическое насилие и гражданское неповиновение» пишет: «Война как межправительственное насилие есть насилие исключительно политическое... Насилие законодателей (государств) друг против друга коренным образом отличается от насилия среди граждан, управляемых законом, и от насилия между гражданами и их правительствами» [2]. Иными словами, война представляется лишь как «межправительственное насилие», результат внешней политики. Отрицаются гражданские войны, которые представляются как беспорядки, «неповиновение» внутри страны. С помощью подобных аргументов буржуазия стремится замаскировать действительные цели войны, весьма искусно камуфлируя их ложным «патриотизмом», «национальными целями» и другими пропагандистскими штампами, при помощи которых буржуазии нередко удается направить общественное мнение в нужном ей направлении.

Марксизм учит, что не существует двух оторванных друг от друга политик — внешней и внутренней. Внутренняя политика непосредственно выражает классовую природу государства и определяет внешнюю политику. В. И. Ленин указывал в связи с этим: «...характер войны и ее успех больше всего зависят от внутреннего порядка той страны, которая вступает в войну, что война есть отражение той внутренней политики, которую данная страна перед войной ведет» [3].

Промежуточное положение между институционными и мотивационными концепциями занимает элитарная концепция войны, сторонники которой причины войны видят в «политической ориентации правящей элиты». Одним из авторов такой концепции является М. Яновитц (США). Он утверждает, что война, как ре-

---

[1] Материалы XXVI съезда КПСС, с. 23.

[2] E. Van den Haag. Political Violence and Civil Disobedience. New York, 1972, p. 6.

[3] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 319.

зультат политики, зависит от «волюнтаристских усилий и расчета элиты внутри каждой нации, государства» [1].

Все эти концепции призваны приписать странам социалистического содружества несвойственную им агрессивность и скрыть, что постоянный источник войн и конфликтов — монополистический капитализм, а в случае неудачи политических акций взвалить вину на отдельных лиц.

Эта концепция широко используется западными учеными в фальсификации уроков и итогов второй мировой войны, когда главным виновником войны объявляется Гитлер и его правительство, а не германский и международный империализм; в то же время все поражения германской армии объясняются опять же ошибками одного Гитлера. При этом игнорируется определяющая роль Советского Союза, его Вооруженных Сил и советского военного искусства в разгроме фашизма.

При подобном внеклассовом подходе к анализу природы войны, глубоко антинаучных представлениях и реакционной социальной направленности анализа невозможен правильный взгляд на сущность войны. Впрочем, буржуазные социологи и не заинтересованы в подлинно научном понимании действительности.

Другой разновидностью милитаристского течения в буржуазной социологии являются военно-психологические концепции, опирающиеся на натуралистические и психологические теории, распространенные на Западе.

Эти концепции берут свое начало от теории «агрессивности» (pugnacity) личности, разработанной английским философом У. Мак-Дугаллом (р. 1908). Согласно этой теории каждому человеку свойствен «инстинкт агрессивности» к другим людям, что в масштабе страны является причиной агрессии и насилия. «Человек в своей основе дьявол,— утверждают сторонники этой теории.— Дьявольская натура человека периодически втягивает его в поведение насилия, находящее наиболее подходящее применение в войне» [2].

Несмотря на явную абсурдность, и ныне эта антинаучная концепция имеет своих сторонников, которые рассчитывают на ее распространение прежде всего среди религиозно настроенных слоев населения, так как она близка к теологическим догматам «первородного греха» человека (Л. Беркович, К. Клакхон, Э. Макнил и другие).

Однако впоследствии теория «врожденной агрессивности» человека была несколько модернизирована. Так, в частности, ныне отрицается врожденный характер агрессивности человека и утверждается, что агрессивность связана с внешними обстоятель-

---

[1] Janowitz M. Op. cit., p. 120.
[2] Pruitt D., Snyder R., eds. Op. cit., p. 4.

ствами, с окружающей человека средой, вызывающей его «раздражимость», реакцию противодействия и враждебности.

Например, по мнению одного из основателей этой модернизированной схемы Джона Долларда, «человек не имеет врожденной склонности к враждебности, но становится агрессивным, когда встречает препятствие в достижении своей цели, либо из-за других внешних условий»[1].

По сути дела, теории Мак-Дугалла и Долларда почти одинаковы: они рассматривают «агрессивность», враждебность человека к другим людям как его постоянную черту, неизбежно сопутствующую жизни человека и человечества. Эта враждебность, мол, ведет к постоянным конфликтам, борьбе между людьми, нациями, государствами.

Чтобы как-то связать конфликты между индивидами с таким социальным явлением, как война, буржуазные социологи выдвигают тезис о том, что война является всего лишь разновидностью конфликтов, борьбы между индивидами. Так, по определению Е. Дурбина и Дж. Боулби, «война — или организованная борьба между большими группами зрелых людей — должна считаться определенной частью более крупного понятия — понятия борьбы (fighting). Борьба есть... универсальная форма человеческого поведения»[2].

Тенденция замены понятия «война» понятиями «борьба», «конфликт» проникла широко в буржуазную социологию. Созданы институты по «исследованию конфликтов», издаются журналы, например «Журнал по проблемам конфликтов» при Мичиганском университете (США).

В современных условиях ряд буржуазных социологов под влиянием психоаналитической теории З. Фрейда продолжает считать склонность к войне извечным свойством человеческой психики. Так, по мнению психоаналитика А. Мичерлиха, существуют психологические предпосылки войны, «которые основаны только на специфике психики человека как представителя особого биологического вида. Не изменив психической конституции... едва ли можно рассчитывать на уменьшение опасности развязывания новой войны»[3].

В русле милитаристского течения в буржуазной социологии значительное распространение получили военно-технократические концепции, выросшие под влиянием научно-технического прогресса, НТР, под воздействием многочисленных технико-индустриальных школ в буржуазной социологии.

Учитывая особую важность для военных специалистов социалистической армии, в особенности для инженеров, ясного понимания того, как вырастают идеализм и метафизика на древе

---

[1] McNeal E., eds. Op. cit., p. 52.

[2] War. Studies from psychology, sociology, antropology. New York, 1968, p. 81.

[3] Mitscherlich A. Agression ist eine Grundmacht des Lebens.— „Der Spiegel", 1969, No 42, S. 209.

вечно живого познания в современных условиях, как интерес господствующих классов закрепляет гносеологические заблуждения отдельных субъективно честных ученых Запада и ставит их на службу милитаризму, имеет смысл специально рассмотреть современные технократические концепции и их связь с идеологией и политикой милитаризма, с буржуазной военной наукой.

3. СОВРЕМЕННАЯ БУРЖУАЗНАЯ ТЕХНОКРАТИЯ И МИЛИТАРИЗМ

Для уяснения сути современных технократических теорий вообще и их военно-прикладного варианта в частности необходимо хотя бы бегло рассмотреть историю их возникновения и эволюции.

Термин «технократия» (греч. techne — техника, и kratos — власть) в различных буржуазных и ревизионистских теориях означает государственный режим, при котором правят технические специалисты, независимо от их классовой принадлежности.

Идеологи технократии ориентировались на ту часть научно-технической интеллигенции, которая находит удовлетворение своих обыденных интересов в рамках буржуазного общества, и это определяет границы критического содержания ее технократических воззрений. Главным объектом критики является не вся буржуазная система, а лишь определенный слой буржуазного общества — бюрократический управленческий персонал. Эти идеи нашли свое выражение в течениях неорационализма и сциентизма[1], выразителями которых явились Г. Саймон, Э. Вайнберг, Г. Маркузе — в США, К. Поппер — в Англии, теоретики «Объединения немецких инженеров» — в ФРГ и другие[2]. Различие между этими течениями незначительно. Если неорационалисты абсолютизируют роль техники, технической рациональности и распространяют ее на всю общественную жизнь, то сциентисты делают то же самое с естественнонаучными методами инженерной деятельности. По их мнению, под влиянием научных и технических методов социально-политические отношения теряют главенствующую роль, растворяются в технико-организационных и становятся сферой господства единых рациональных технических правил. «В медиуме техники, — пишет Г. Маркузе, — культура, политика и экономика растапливаются в единую вездесущую систему, которая сглаживает и снимает все альтернативы... Техническая рациональность стала политической рациональностью»[3]. За их рассуждениями о «критериях рациональности» скрывается старая формула технократии: власть должна основываться на знании и

---

[1] Сциентизм (лат. scientia) — знание, наука.

[2] Критику этих концепций см. в кн.: Новиков Н. В. Мираж «организованного общества». М., 1974; Градулс А. Я. «Социальная инженерия» на службе современного капитализма. М., 1972; Корнфорт М. Открытая философия и открытое общество. М., 1972.

[3] Marcuse H. Der eindimensionale Mensch. Neuwied und Berlin, 1967, S. 19.

технологии производства, управлять обществом должны «внеклассовые» специалисты. Разница лишь в том, что новые теории предполагают не ломку, а модернизацию существующих капиталистических принципов «на научной основе».

В условиях обострившейся классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией, перехода стран и народов на путь социализма и коммунизма идеи сциентизма и неорационализма выглядят как утопия, рассчитанная на внешнее «онаучивание» капитализма и отвлечение трудящихся от действительно научных путей ликвидации капитализма. И в современных условиях сохраняют свою актуальность слова В. И. Ленина о том, что «буржуазия Европы и Америки, в лице своих идеологов и политических деятелей, все чаще выступает с защитой так называемых социальных реформ... реформизм против социалистической революции — вот формула современной «передовой», образованной буржуазии»[1]. Буржуазные концепции «социальной инженерии» (менеджеризм, неорационализм и сциентизм) как раз и являются примером реализации этой формулы в современных условиях.

В 60—70-е годы в эволюции технократической идеологии наступает этап прямой апологии капитализма и милитаризма в условиях дальнейшего изменения соотношения сил в мире в пользу социализма, происходящего в период научно-технической революции. Если в начале века технократизм опирался на техников и инженеров, бывших своеобразными аутсайдерами в системе капитализма, а потому относящихся к ней критически, если идеология техников-интеллигентов 40—50-х годов формировалась как отражение умеренно-критической позиции, то технократизм 60—70-х годов выражает интересы верховных групп монополистического капитала и военно-промышленного комплекса. Концепции американской профессуры (Д. Белла, Дж. Гэлбрейта, З. Бжезинского, Г. Кана и других) по вопросам технократии и наукократии в настоящее время широко используются в теоретической и прикладной социологии, политической экономии, в политике буржуазных и ревизионистских партий, в военных доктринах империалистических государств.

Так, Д. Белл в своих многочисленных работах, основные идеи которых он подытожил в книге «Технократия и политика» (1971), предлагает отказаться от выработанного марксизмом учения об общественно-экономических формациях и рассматривать историю по схеме: доиндустриальное — индустриальное — постиндустриальное общество. В постиндустриальном обществе суть общественного строя, по мнению Белла, определяется научно-техническим потенциалом. Уходя от классового анализа общества, Белл утверждает, будто наука и техника сами автоматически порождают новый тип общественных связей, в котором прежние «чисто экономические интересы людей» заменяются научно-техническими и происходит якобы «сдвиг власти» от владельцев соб-

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 305.

ственности к технократам и ученым. «Ведущая роль в новом обществе,— пишет он,— будет принадлежать не бизнесменам и корпорациям, какими мы видим их сегодня, а корпорациям исследования и развития, индустриальным лабораториям, экспериментальным центрам и университетам»[1].

В отличие от ранней технократической теории, здесь речь идет не о захвате власти технократами, а всего лишь об узаконении завоеванных позиций научно-технической интеллигенции: для повышения эффективности управления буржуазным обществом промышленно-финансовая олигархия должна потесниться и дать место у кормила власти верхушке интеллектуальной элиты.

Техницизм — это сформировавшийся философско-социологический метод, основанный на абсолютизации роли техники и инженерно-технических специалистов в жизни общества. Техницисты истолковывают технику как абсолютно независимую от социального строя величину. Более широким методом в буржуазной социологии выступает технологический детерминизм, основанный на извращении диалектики развития производительных сил и производственных отношений, абсолютизации роли науки, техники, технологии и игнорировании производственных отношений при анализе явлений общественной жизни.

Технологический детерминизм, техницизм и сциентизм, как правило, используются в буржуазной социологии в комплексе. Распространенные на область социальных отношений, эти концепции и выступают как технократические, или сциентистско-технократические, теории. В них абсолютизируется, фетишизируется какая-либо из граней научно-технического прогресса, НТР.

Фетишизация отдельных граней научно-технического прогресса, осуществляемая в рамках технократических теорий, явилась почвой, на которой выросли как лжеоптимистические, так и пессимистические идеологические концепции.

Лжеоптимисты (З. Бжезинский, Д. Белл и другие) рассматривают НТР и вообще научно-технический прогресс как такой резерв капитализма, который позволит этому обществу без всяких социальных потрясений и социалистической революции путем усовершенствования отдельных сторон, сфер общественной жизни беспредельно развиваться и увлечь за собою народы социалистических, а тем паче развивающихся стран.

Пессимисты (Э. Фромм, Л. Мемфорд, А. Тоффлер — в США, Н. Жульен — во Франции) стоят на позиции технофобии[2], считая, что научно-технический прогресс таит в себе смертельную опасность для человечества, устранить которую невозможно. С точки зрения технофобии техника является стихийной силой,

---

[1] Цит. по: Новиков Н. В. Мираж «организованного общества», с. 117.

[2] Технофобия (от греч. techne+phobos) — страх перед техникой, технобоязнь. Критику этого направления см. в кн.: Ойзерман Т. И. Исторический материализм и идеология «технического» пессимизма. М., 1976; Смирнова Г. Е. Критика буржуазной философии техники. Л., 1976.

которая лишь по видимости служит человеку, но в действительности порабощает его.

Сторонники технократических теорий создали серию идеологических мифов, в том числе мифы о социальной гармонии, о возможности конвергенции двух противоположных социально-политических систем, о возможности единого планетарного технократического сознания и т. д.

Суть мифа о социальной гармонии состоит в том, что якобы под воздействием НТР возникают «зрелые корпорации» (Д. Гэлбрейт), «планирующие единицы» (Д. Белл), в которых капитал демократизировался, а технократы стали контролировать развитие производства, находясь на внеклассовых позициях, обеспечивая гармонию интересов всей нации, всего общества.

На самом же деле интеллигенция, привлекаемая к управлению, неоднородна по своему составу. «Низшее» звено приближается по своему материальному положению к квалифицированным рабочим. Она подвержена той же эксплуатации, что и весь рабочий класс. «Средним» управляющим капиталист, как правило, возмещает не только необходимый, но и часть прибавочного труда. Верхние же слои — элита управляющих (директора предприятий и т. д.) — получают в форме жалованья часть капиталистической прибыли и поэтому полностью связаны с судьбой монополистической буржуазии. Так, в 1969 г. руководитель «Дженерал Моторс» Дж. Роч получил 250 тыс. долларов жалованья и 405 тыс. долларов премиальных, а его преемник Р. Гарстенберг в 1972 г. — соответственно 300 и 251 тыс. долларов [1]. Исследования показали, что из всего состава менеджеров ФРГ выходцы из верхних слоев буржуазии составляют 92,6%, а из нижних, а также рабочих — всего 7,4% [2]. Следовательно, ни о какой социальной гармонии в мире капитала не может быть и речи, а интеллигенция, привлекаемая к управлению, выполняет функции капитала.

Миф о возможности конвергенции двух противоположных систем возник на основе абсолютизации внешнего сходства некоторых производственно-технических и организационных функций в условиях социализма и капитализма. «Суть превалирующего факта,— утверждал Гэлбрейт,— состоит в том, что крупные технические комплексы всегда будут идентичны по организации и связанной с нею социальной структуре, независимо от того, находится ли данный сталелитейный комплекс в Новосибирске, Новой Гуте (Польша) или Гэри (штат Индиана, США)» [3].

Сравнивая производственно-управленческую деятельность на капиталистическом и социалистическом предприятиях, можно

---

[1] См.: Минервин И. Г. США. Проблемы управленческих кадров в промышленности. М., 1975, с. 15.

[2] См.: Критический анализ теории и практики менеджмента. Пер. с нем. М., 1976, с. 338.

[3] Цит. по: Скворцов В. Н. Доктрина конвергенции и ее пропаганда. М., 1974, с. 13.

найти, конечно, немало внешних сходств в деятельности руководителей. Однако содержание и цель, сущность и принципы управления в условиях капитализма и социализма определяются в конечном счете господствующими экономическими отношениями и интересами правящих классов.

Миф о конвергенции двух систем оказался недолговечным. Более того, многие сторонники технократических теорий стали вновь возвращаться к мысли об особом пути капиталистического развития по образцу США, создавая миф о едином, планетарном сознании человечества, который на поверку оказывается не чем иным, как эгоистическим сознанием класса буржуазии. Так З. Бжезинский, бывший помощник президента США по национальной безопасности, в своем выступлении в октябре 1977 г. в Бонне подчеркнул намерение «вновь утвердить руководящую роль Соединенных Штатов в мировых делах», стремление к «возрождению некоторых наиболее важных духовных ценностей и исторических корней нашего общества и одновременно — приобщению вновь Запада к условиям, общим для всего человечества»[1]. В этом выступлении выражено желание превратить комплекс идей современной монополистической буржуазии в фундамент «планетарного сознания».

Если подытожить сказанное, то можно свести суть технократических концепций к следующим основным положениям: собственность на средства производства якобы потеряла значение определяющей основы классового деления общества, главную роль в обществе играет функция управления собственностью; производственные отношения, которые на деле составляют экономический базис любого общества, якобы уже не играют никакой роли, а их место заняли «технологические» отношения, связанные с разделением труда на производстве; научно-техническая революция автоматически ведет к социальной гармонии, ликвидации экономического и политического господства буржуазии и передаче власти стоящим вне классов инженерам и ученым, которые якобы смогут осуществлять управление в интересах всего общества; будущее человечества связано будто бы с совершенствованием капиталистического общества и его развитием по образцу и подобию США; учение о социалистической революции стало, мол, анахронизмом.

При этом обращает на себя внимание тот факт, что многие сторонники технократических теорий пытаются «опереться» на К. Маркса. По словам Гэлбрейта, именно Маркс «сделал вопрос о власти предметом экономической науки, и сделал это с такой страстностью», что «многие представители (буржуазной социологии.— *Ред.*)... в конце концов пришли к согласию с Марксом»[2]. Американский социолог А. Этциони высказался еще более от-

---

[1] См.: Смолянский В. От теории конвергенции к планетарному сознанию. — Коммунист, 1978, № 8, с. 108.

[2] Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество, с. 87.

кровенно, выступая на IX Международном социологическом конгрессе (Упсала, Швеция, 1978 г.). Он заявил: К. Маркс разъяснил положение рабочего класса, но он якобы не учел роли других социальных сил, а именно только союз знания и власти выступает в роли решающего фактора развития современного общества. Сравнив общество с многопалубным кораблем, А. Этциони высказал мысль, что сотрудничество всех находящихся на разных палубах позволяет выстоять перед лицом социальных бедствий.

Иначе говоря, ссылки на К. Маркса, на его роль в разработке теории способа материального производства, производительных сил делаются во имя того, чтобы, спекулируя величайшим авторитетом основоположника научной социологии, выхолостить из его учения подлинную диалектику социального развития. Но ведь известно, что марксисты вели ожесточенную борьбу с «экономическим» материализмом, представители которого утверждали, что экономика является якобы единственной силой общественного развития. Да и сами буржуазные идеологи долго обвиняли марксизм в экономическом детерминизме. А современные технократы восприняли этот детерминизм в самой грубой форме, разорвав диалектическую связь между производительными силами и производственными отношениями, превратив производственные отношения в пассивное отражение развития производительных сил, прогресса науки и техники, исказив взаимосвязь базиса и надстройки.

В русле технократической теории развиваются военно-технократические концепции, занимающие в настоящее время одно из ведущих мест в милитаристском течении буржуазной социологии.

В военно-технократических концепциях даются «ответы» на самые жгучие вопросы войны и армии, но даются искаженно, в интересах милитаризма, военно-промышленного комплекса капиталистических стран.

Сторонники военно-технократических концепций считают, что развитие науки и техники ставит человечество перед фатальной неизбежностью будущей войны, а потому, мол, для спасения западной цивилизации не остается другого выхода, кроме как безудержная гонка вооружений. «Соглашение о полном или частичном запрещении гонки атомных вооружений невозможно,— пишет французский социолог Р. Арон,— потому что оно в то же время содержало бы запрещение научного исследования... Современный Фауст не остановится по своей воле на пути к знанию, даже если этот путь ведет к катастрофе» [1].

Таким образом, современные буржуазные философские, социологические концепции извращают сущность происходящих общественных событий и в частности войн, выступая теоретической основой империалистической пропаганды, рассчитанной на мас-

[1] Цит по: Критика буржуазных концепций научно-технической революции. М., 1976, с. 99.

сового читателя и слушателя, на население социалистических стран и в особенности советских людей. В постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» (1979 г.) вновь указывается, что «империалистическая пропаганда, с которой теперь открыто взаимодействует пропаганда пекинских шовинистов и агрессоров, непрерывно ведет яростное наступление на умы советских людей, стремится с помощью самых изощренных методов и современных технических средств отравить их сознание клеветой на советскую действительность, очернить социализм, приукрасить империализм, его грабительскую, бесчеловечную политику и практику. Извращенная информация и тенденциозное освещение фактов, умолчание, полуправда и просто беспардонная ложь — все пускается в ход»[1]. В этих условиях повышение идеологической и, прежде всего, политической бдительности офицеров социалистических армий приобретает всевозрастающее значение.

[1] О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы. Постановление ЦК КПСС от 26 апреля 1979 г. М., 1979, с. 6.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОГО УЧЕНИЯ О ВОЙНЕ И АРМИИ

ГЛАВА XV

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОГО УЧЕНИЯ О ВОЙНЕ И АРМИИ

Основоположники марксизма-ленинизма, разрабатывая и развивая материалистическое понимание истории, стратегию и тактику революционной борьбы пролетариата, трудящихся масс за свое социальное и национальное освобождение, уделяли пристальное внимание исследованию революционных войн, теории строительства военной организации пролетариата, угнетенных масс. Результатом этого явилось целостное учение о войне и армии, развиваемое с позиций всех составных частей марксизма-ленинизма. Вместе с тем каждая из этих частей имеет свой особый подход к изучению военного дела. Поэтому можно выделить в русле исторического материализма относительно самостоятельное социологическое учение о войне и армии, в рамках политической экономии — особую отрасль военно-экономического знания, а в границах научного коммунизма — учение о защите социалистического Отечества и завоеваний социализма. Марксизм-ленинизм в целом, обращенный к анализу классово-политических отношений и выявлению особых законов военной практики и теории классов, государств в современную эпоху, выступает непосредственно методологической основой политического содержания военных доктрин и военной науки в странах социалистического содружества, обучения и воспитания воинов социалистических армий.

1. МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ О ВОЙНЕ И АРМИИ

Исторически сложилось так, что победа Великой Октябрьской социалистической революции и построение первого в мире социалистического общества в СССР поставили КПСС и Советское правительство перед необходимостью непосредственного решения

многогранных проблем военного строительства и развития военного дела.

В. И. Лениным были разработаны методологические основы социалистической (исторически возникшей как советской) военной науки. По его указанию к ее развитию были привлечены крупнейшие военные специалисты. Утверждение социалистической военной науки проходило в напряженной борьбе с буржуазной военной наукой, с позитивистскими взглядами, носителями которых были троцкисты и ряд военных специалистов бывшей царской армии, привлеченных к военно-педагогической работе в Советской Армии (РККА). Крупный вклад в становление и развитие военной науки на методологической основе марксизма-ленинизма внес выдающийся советский полководец и военный теоретик М. В. Фрунзе. Он настойчиво проводил в жизнь мысль о том, что «марксистский метод должен стать методом руководства во всех областях военно-научного знания»[1].

Окруженная империалистическими государствами, Советская страна нуждалась в государственных, партийных и, конечно, военных кадрах, которые бы свободно ориентировались в проблемах военного строительства, умели применять мировоззренческие и методологические принципы марксизма-ленинизма к военному делу.

В начале 30-х годов в СССР появляются и получают признание первые учебные курсы марксистско-ленинского учения о войне и армии, предназначенные для марксистско-ленинской подготовки начальствующего состава РККА[2] и для слушателей коммунистических вузов (комвузов) и советских партийных школ (совпартшкол)[3]. В последующем, особенно после Великой Отечественной войны, значительно расширился круг научных работ. Было выпущено пять изданий нового коллективного труда «Марксизм-ленинизм о войне и армии», получившего известность не только в СССР, но и за рубежом. Заметным явлением в философско-социологической литературе стали коллективные труды «Методологические проблемы военной теории и практики» (2-е изд., 1969), «Философское наследие В. И. Ленина и проблемы современной войны» (М., 1972), «Война и армия» (М., 1977), в которых учение о войне и армии систематизировалось и развивалось преимущественно в русле военно-социологической теории.

К середине 70-х годов возникла и была осознана потребность более четкого определения предмета марксистско-ленинского учения о войне и армии и его отношения к трем составным частям марксизма-ленинизма. Это было обусловлено в основном двумя причинами.

---

[1] Фрунзе М. В. Избр. произв., с. 204.

[2] Марксизм-ленинизм о войне и армии. М., 1932.

[3] Леонидов Л., Гришин П., Сандлер А. Марксистско-ленинское учение о войне. М. — Л., 1932.

Одна из них состояла в том, что за последние три десятилетия в мире произошли события, кардинально преобразившие социально-политический облик нашей планеты. Возникла и окрепла мировая система социализма. Мировое коммунистическое движение стало самой влиятельной идейно-политической силой современности. Мощный подъем национально-освободительного движения привел к краху мировой колониальной системы. Колоссальные успехи мирового революционного процесса требовали теоретического осмысления этих событий и в области марксистско-ленинского учения о войне и армии на основе методологических положений, разработанных в Программе КПСС, документах последних съездов КПСС и братских марксистско-ленинских партий стран социалистического содружества, международных Совещаний коммунистических и рабочих партий (1957, 1960, 1969).

Вторая причина, вызвавшая потребность уточнения предмета марксистско-ленинского учения о войне и армии, заключалась в углубляющемся процессе дифференциации и интеграции знания, развивающегося на стыке марксизма-ленинизма и военной науки, под влиянием социально-политических перемен в международных отношениях. Отражением этого процесса явилась дискуссия в советской печати (1976—1977), участники которой ставили перед собой цель уточнить предмет марксистско-ленинского учения о войне и армии и, более того, определить его отношение к марксизму-ленинизму в целом. К настоящему времени можно считать общепризнанными следующие выводы.

Все части марксизма-ленинизма выступают в качестве всеобщей методологии исследования современных социальных процессов, в том числе и таких, как война, функционирование армии, защита завоеваний социализма и прогрессивных завоеваний национально-освободительного движения. В. И. Ленин подчеркивал, что марксизм требует комплексного экономического, политического анализа каждой конкретной войны [1], что и в вопросах военного строительства, военной организации необходимо подходить с позиций марксизма в целом [2].

Вместе с тем каждая из составных частей марксизма-ленинизма имеет специфический объект и предмет исследования. Применительно к рассматриваемой проблематике объектом исторического материализма являются войны и армии во все исторические эпохи. Объектом политической экономии выступают военно-экономические отношения, проблемы экономической обусловленности войны, взаимосвязи экономики, с одной стороны, войны и армии — с другой. Объектом научного коммунизма выступают революционные войны эпохи капитализма (империализма) и пролетарских революций и преимущественно современной эпохи, защита завоеваний социализма и прогрессивных завоеваний национально-освободительного движения.

---

[1] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 77; т. 27, с. 93.
[2] См. там же, т. 38, с. 138.

В этих объектах, изучаемых многими науками, каждая из составных частей марксизма-ленинизма вычленяет и свой собственный предмет.

Исторический материализм как общесоциологическая теория, занимающая верховное место в системе социологического знания, рассматривает войну как социально-историческое явление, определяет ее сущность и место в общественном развитии. В настоящее время в системе социологического знания уже достаточно явственно выделилась относительно самостоятельная ветвь (теория среднего уровня) — марксистско-ленинское социологическое учение о войне и армии, которое, опираясь на исторический материализм, изучает законы возникновения, хода и исхода войн, а также законы происхождения, функционирования и эволюции армии во все исторические эпохи.

Можно обнаружить и наметившуюся тенденцию к появлению социологических теорий прикладного уровня (например, социологическая теория воинского коллектива).

На стыке политической экономии и военной науки отпочковалась довольно обширная система военно-экономических знаний, имеющая тоже свои уровни исследования, дифференциация которых еще не откристаллизовалась с достаточной ясностью. Часть военно-экономических знаний входит непосредственно в политическую экономию на ее высшем уровне. Политическая экономия на этом уровне совместно с историческим материализмом выясняет экономическую обусловленность войн, исследует экономические интересы и экономические цели классов, государств, вскрывая тем самым закономерные связи между экономикой общества и войной в целом. Теорией среднего уровня можно считать ту часть военно-экономических знаний, которая изучает законы экономического обеспечения подготовки страны к обороне и ведению войны в целом. Наконец, теорией низшего уровня являются закономерные связи между обществом и вооруженными силами, определяющие экономическое обеспечение строительства вооруженных сил в мирное время и ведение вооруженной борьбы в период войны. Такая дифференциация военно-экономических знаний при отсутствии пока полной унификации в терминах проводится как в СССР, так и в других социалистических странах.

После введения в педагогический процесс в вузах СССР курса научного коммунизма (1963) как самостоятельной учебной дисциплины значительно активизировалась научно-исследовательская работа на стыке научного коммунизма и военной проблематики. Появились работы, авторы которых предлагали назвать это ответвление научного коммунизма марксистско-ленинским учением о защите социалистического Отечества, завоеваний социализма и строящегося коммунизма. В этой ветви научного знания речь идет о защите не только завоеваний социалистических стран, но и прогрессивных завоеваний национально-освободительного движения.

Области научного знания, связанные с военной проблематикой и развивающиеся в русле исторического материализма, политической экономии и научного коммунизма, различаются как по своему объекту, так и по предмету. Различны и их методологические функции. В силу своей специфики, к примеру, научный коммунизм не может выполнять методологическую функцию при исследовании войн и армий минувших эпох. Эту задачу решает исторический материализм.

В качестве цельного учения о войне и армии, синтезирующего в себе в снятом виде достижения политической экономии, научного коммунизма, а также обобщенные выводы военной науки, выступает марксистско-ленинское (социологическое) учение о войне и армии как относительно самостоятельная ветвь исторического материализма. Предметом марксистско-ленинского учения о войне и армии являются социологические законы возникновения, хода и исхода войн, а также происхождения и функционирования армий во всемирной истории и в особенности в современную эпоху. Это учение неразрывно связано с системой военно-экономических знаний, в особенности с ее верхним уровнем, с марксистско-ленинским учением о защите социалистического Отечества, завоеваний социализма.

В марксистско-ленинской литературе не только позитивно исследуются проблемы научного понимания войны и армии, но и вместе с тем дается научная критика фальсификаций этих проблем в буржуазной, реформистской и ревизионистской литературе.

Уточнение предмета любой теории, в том числе и марксистско-ленинского учения о войне и армии,— это закономерный процесс, обусловленный динамичным изменением содержания современной эпохи, а также углублением дифференциации и интеграции военно-научных знаний. Этот процесс — яркое подтверждение творческого характера марксистско-ленинской теории.

2. МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЕ УЧЕНИЕ О ВОЙНЕ И АРМИИ И СИСТЕМА ВОЕННО-НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

В настоящее время практически нет такой области научного знания, достижения которой в той или иной мере не использовались бы в военном деле или не были бы связаны с ним. Это закономерно, ибо война, становясь особым состоянием общества, требует привлечения всех материальных и духовных сил общества.

Войну изучают три составные части марксизма-ленинизма, общественные, естественные, технические и логико-математические науки. Степень и характер «подключения» этих наук к военной проблематике не одинаковы. Часть военно-научного знания получила собирательное название военной науки.

Методологическим основанием размежевания содержания, элементов военной науки от других звеньев военно-научного знания

служит отличие войны в целом как общественно-исторического явления от вооруженной борьбы как ее главного средства и признака и в то же время специфической формы ее проявления. В настоящее время уже преодолен взгляд, сторонники которого сводили войну только к вооруженной борьбе. В книге «Война и армия» справедливо утверждается: «Исторический опыт учит, что сужение понятия войны до вооруженной борьбы войск ведет к недооценке решающей роли народных масс, принижает значение политического руководства в войне, не позволяет правильно уяснить роль единства фронта и тыла. Подобные просчеты были бы особенно опасны в современной войне, которая носит всеобъемлющий характер и выдвигает чрезвычайно высокие требования к военному строительству»[1].

Занимаясь проблемами вооруженной борьбы и ее непосредственного обеспечения (экономического, духовного, политического), военная наука не изучает войну в целом, ее общесоциологические законы (это прерогатива марксистско-ленинского учения о войне и армии), но руководствуется методологическими положениями этого учения и учитывает выводы всех звеньев военно-научного знания, не входящего в военную науку.

О том, что военная наука имеет своим предметом законы подготовки, ведения и непосредственного обеспечения вооруженной борьбы, свидетельствует ее структура, взгляд на которую утвердился в марксистско-ленинской литературе[2].

Военная наука включает в себя общую теорию подготовки, ведения и непосредственного обеспечения вооруженной борьбы и ряд специализированных теорий. Важнейшей из них является теория военного искусства (на уровнях стратегии, оперативного искусства и тактики), которая представляет ядро военной науки. Теория военного искусства исследует законы вооруженной борьбы и на основе этого формулирует принципы военного искусства и нормативно-правовые положения, находящие свое отражение в соответствующих уставах (боевых и общевоинских).

Важное место в военной науке занимает специализированная теория военного строительства, которая раскрывает вопросы состава и организации вооруженных сил в мирное и военное время, систему их комплектования и развертывания и т. д.

Составной частью руководства КПСС Вооруженными Силами СССР является партийно-политическая работа — идеологическая и организаторская деятельность военных советов, политорганов, командиров, партийных организаций армии и флота; стройная система мероприятий по последовательному проведению в жизнь политики партии в Вооруженных Силах; теория и практика воспитания военнослужащих.

В военную науку в качестве специализированной теории входит и та часть военно-экономического знания, которая иссле-

---

[1] Война и армия, с. 72.
[2] См.: Советская Военная Энциклопедия. М., 1976, т. 2, с. 184.

дует законы экономического обеспечения вооруженных сил в мирное время и ведения вооруженной борьбы в военное время.

В каждой специализированной теории военной науки в качестве ее элемента существует соответствующая ей специализированная теория управления (например, теория управления обучением и воспитанием воинов), а в качестве элемента общей теории военной науки — теория управления вооруженными силами[1].

Границы военной науки подвижны. В нее входят и не названные здесь специализированные теории (например, военно-исторические). К ней примыкают и имеют тенденцию войти в нее те звенья военно-научного знания, в которых проблемы вооруженных сил и вооруженной борьбы разрастаются и их изучение становится необходимым для подготовки военных кадров.

Особое положение в системе военно-научного знания занимает военная доктрина — принятая в государстве на данное время система взглядов на цели и характер возможной войны, на подготовку к ней страны и вооруженных сил, а также на способы ее ведения[2].

В военной доктрине различают две диалектически взаимосвязанные стороны — политическую и военно-техническую. Политическая часть военной доктрины социалистического государства основывается на прогрессивных идеях защиты социалистического Отечества и завоеваний социализма, укрепления мира и безопасности народов. Военно-техническая часть военной доктрины основывается на реальных военно-технических и боевых достижениях и возможностях вооруженных сил.

В силу особых исторических условий сначала возникла советская военная доктрина. В настоящее время военные доктрины стран социалистического содружества являются разновидностями единой по своей политической сущности социалистической военной доктрины.

Основы политического содержания социалистической военной доктрины были разработаны В. И. Лениным применительно к первому социалистическому государству, но они не утратили своей актуальности для всех социалистических стран.

Во-первых, В. И. Ленин сформулировал положение о том, что существование социалистического государства будет неизбежно вызывать со стороны империалистических государств стремление уничтожить завоевания социализма. «Сейчас, — указывал он,— мы целый ряд могучих держав отучили от войны с нами, но надолго ли, мы ручаться не можем. Надо быть готовыми к тому, что при малейшем изменении положения империалистические хищники снова направятся на нас»[3]. Уроки

---

[1] См.: Вопросы научного руководства в Советских Вооруженных Силах. М., 1973.

[2] См.: Огарков Н. В. Всегда в готовности к защите Отечества. М., 1982, с. 53.

[3] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 136.

второй мировой войны не пошли впрок некоторым политическим и военным деятелям империалистических государств. И в современных условиях они вынашивают планы агрессии против СССР и других стран социалистического содружества.

Во-вторых, В. И. Ленин обосновал предпочтительность для социалистического государства мирного развития, обеспечения мирного сосуществования с капиталистическими государствами, а потому исключительную важность борьбы за сохранение мира. «...Мы всеми силами будем охранять дальнейший мир, мы не остановимся перед большими уступками и жертвами для того, чтобы этот мир отстоять» [1]. Но эта предпочтительность мира не односторонняя. Мир выгоден всем народам. «И всякая попытка войны против нас будет означать для государств, которые втянутся в такую войну, ухудшение тех условий, которые они могли бы иметь без войны и до войны, по сравнению с теми, которые они получат в результате и после войны» [2].

В-третьих, искреннее стремление социалистического государства идти на взаимоприемлемые компромиссы, уступки имеет свои границы. «Но есть предел,— подчеркивал В. И. Ленин,— дальше которого идти нельзя. Мы не допустим издевательства над мирными договорами, не допустим попыток нарушать нашу мирную работу. Мы не допустим этого ни в коем случае и станем, как один человек, чтобы отстоять свое существование» [3]. В современных условиях, когда мир социализма представлен братской семьей социалистических стран, военная мощь которых существенно выросла, это положение военной доктрины звучит особенно внушительно.

В-четвертых, война по своему социально-политическому характеру со стороны народов социалистической страны, подвергшейся агрессии, всегда справедлива, ибо трудящиеся, вынужденные защищаться от угнетателей, ведут «справедливую, священную войну» [4]. Сознание и чувство справедливости выступают могучим фактором мобилизации усилий народа и армии социалистической страны на отпор агрессору.

В-пятых, В. И. Ленин выдвинул положение о том, что в условиях угрозы агрессии нужно готовиться к обороне со всей ответственностью и своевременно. «Когда мы стали представителями господствующего класса, начавшего организовывать социализм,— писал В. И. Ленин,— мы требуем от всех *серьезного* отношения к обороне страны» [5]. В. И. Ленин ставил задачу, чтобы все взрослое население овладевало военными знаниями [6]. Это положение военной доктрины имеет особое значение для армий социалистических стран в настоящее время. «Вполне понятно,—

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 298.
[2] Там же, т. 42, с. 131.
[3] Там же, т. 44, с. 298.
[4] Там же, т. 36, с. 401.
[5] Там же, с. 292.
[6] См. там же, с. 36.

подчеркивал Министр обороны СССР Маршал Советского Союза Д. Ф. Устинов,— что Советский Союз, другие страны социалистического содружества не могут оставлять без внимания военные приготовления и происки агрессивных сил, где бы они ни велись. Наши народы заплатили очень высокую цену за мир. И для нас нет важнее задачи, чем обеспечение безопасности Родины, завоеваний социализма» [1].

В-шестых, особое значение в укреплении обороноспособности социалистической страны В. И. Ленин придавал совершенствованию ее вооруженных сил. Он учил, что «господствующий класс, пролетариат, если только он хочет и будет господствовать, должен доказать это и своей военной организацией» [2].

В-седьмых, защита завоеваний социализма — это забота всех народов, строящих и построивших социализм, эта задача интернациональная по своей сущности. «...Стоя против огромного фронта империалистических держав,— писал В. И. Ленин,— мы, борющиеся против империализма, представляем собой союз, требующий тесного военного сплочения, и всякие попытки нарушить это сплочение рассматриваем, как совершенно недопустимое явление, как измену интересам борьбы против международного империализма» [3]. Теперь, когда социалистические страны связаны узами тесной солидарности, это положение звучит еще более актуально.

В-восьмых, принципиально важным положением военной доктрины социалистического государства В. И. Ленин считал осуществление руководства со стороны Коммунистической партии всеми важнейшими направлениями военного строительства. По инициативе В. И. Ленина в декабре 1918 г. было принято постановление ЦК партии, в котором указывалось, что «политика военного ведомства, как и всех других ведомств и учреждений, ведется на точном основании общих директив, даваемых партией в лице ее Центрального Комитета и под его непосредственным контролем» [4]. Этим положением руководствуются командные кадры социалистической армии. «Вся история нашего государства и его Вооруженных Сил является убедительным подтверждением правильности ленинского вывода о решающей роли Коммунистической партии в военном строительстве. Неуклонное возрастание роли партийного руководства Вооруженными Силами носит закономерный характер» [5].

Принципиальное значение имеют указания В. И. Ленина, непосредственно направленные на развитие военно-технической

---

[1] Устинов Д. Ф. Избранные речи и статьи. М., 1979, с. 32.
[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 139.
[3] Там же, т. 40, с. 98—99.
[4] КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза. Документы 1917—1981. М., 1981, с. 42.
[5] Устинов Д. Ф. Избранные речи и статьи, с. 33.

стороны доктрины. Великий вождь ставил перед военными кадрами задачу овладеть современной наукой, техникой и современными способами ведения войны[1]. Он подчеркивал, что «неразумно или даже преступно поведение той армии, которая не готовится овладеть всеми видами оружия, всеми средствами и приемами борьбы, которые есть или могут быть у неприятеля»[2].

Все эти положения были сформулированы В. И. Лениным в контексте его выступлений перед партией, страной, перед коммунистами зарубежных стран в разное время и в связи с различными причинами, но, взятые вместе, они составляют именно то содержание, которое впоследствии получило название военной доктрины. Ее содержание творчески развивается КПСС, братскими партиями социалистических стран, находит свое согласованное выражение в документах Политического консультативного комитета Организации Варшавского Договора.

Военная доктрина определяет основные направления развития военной науки социалистической армии, а марксистско-ленинское учение о войне и армии, учение о защите социалистического Отечества, завоеваний социализма, военно-экономическая теория, или, иначе говоря, марксизм-ленинизм в целом, обращенный к военной практике, дают методологическое обоснование теоретической и практической деятельности военных кадров социалистических армий.

3. СУЩНОСТЬ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОГО УЧЕНИЯ О ВОЙНЕ И АРМИИ

Марксистско-ленинское учение о войне и армии представляет систему категорий («война», «тип войны», «социально-политический характер войны», «армия» и т. д.), законов (например, закон зависимости хода и исхода войны от экономического строя общества) и принципов (к примеру, принцип единства политического и военного руководства), которые, взятые вместе, составляют понятийный аппарат этого учения.

Марксистско-ленинское учение о войне и армии вносит значительный вклад в формирование научного мировоззрения военных специалистов социалистической армии, давая им систематизированный свод знаний о войне и ее месте в историческом процессе, о сущности и законах функционирования армии.

Вместе с тем марксистско-ленинское учение о войне и армии выполняет методологическую функцию по отношению к военной доктрине, военной науке, ко всей теоретической и практической деятельности военных кадров социалистической армии.

Военная доктрина опирается на понятийный аппарат, выработанный марксистско-ленинским учением о войне и армии, и на основе этого учения разрабатывает политическое содержание с

[1] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 139; т. 40, с. 183.
[2] Там же, т. 41, с. 81.

учетом конкретно-исторических условий, сложившихся в системе международных отношений.

Это учение обеспечивает общей военной теории и практике целостный охват военной проблематики, системно-комплексный подход к ней. Применение положений марксистско-ленинского учения о войне и армии позволяет военной науке слить в единое диалектическое целое достижения различных отраслей знаний и на этой основе перспективно решать вопросы военного строительства.

В качестве примера того, как именно марксистско-ленинское учение о войне и армии влияет на теорию военного искусства, можно назвать разработанный В. И. Лениным принцип применения в зависимости от обстановки различных форм и способов боевых действий. В статье «Партизанская война» он писал: «...марксизм отличается от всех примитивных форм социализма тем, что он не связывает движения с какой-либо одной определенной формою борьбы» [1]. Здесь речь идет о том, что в зависимости от конкретных условий на первый план выдвигаются, становятся главными различные формы борьбы, в связи с чем видоизменяются и второстепенные ее формы. Владея всеми средствами и приемами борьбы, учил В. И. Ленин, мы побеждаем наверняка. Он указывал также на необходимость изменения методов «борьбы против врага... когда изменяются обстоятельства» [2]. Он сформулировал очень важное для военного искусства положение: для достижения победы необходимо овладеть всеми формами борьбы, научиться с максимальной быстротой дополнять одну форму борьбы другой [3].

Марксистско-ленинское учение о войне и армии выполняет свою методологическую функцию и по отношению к уставам социалистической армии, в которых кристаллизуются достижения военной науки, спрессован многолетний опыт ведения вооруженной борьбы в защиту социалистического Отечества, опыт военного строительства.

Воинский устав представляет собой нормативно-правовой свод систематизированных идей, принципов и правил, установленный на длительное время и регулирующий всю жизнь и деятельность армии, процесс подготовки и ведения вооруженной борьбы вооруженными силами или отдельными их составными элементами (видами вооружённых сил, родами войск). Через уставы происходит непосредственное воздействие военной мысли на ход боевых действий, обучение и воспитание личного состава.

По предназначению их можно разделить на две группы: боевые уставы по организации и ведению боевых действий и уставы по регулированию отдельных сфер воинской жизни — Устав внутренней службы, Дисциплинарный устав, Устав гарнизонной и

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 1.
[2] Там же, т. 36, с. 178.
[3] См. там же, т. 41, с. 89.

караульной служб, Строевой устав (вторую группу называют общевоинскими уставами).

Боевые уставы обеспечивают научный уровень организации боевой деятельности войск и руководства ею. В них собран и научно обобщен боевой опыт, накопленный в вооруженной борьбе с врагами, а также опыт военного строительства, даны научно обоснованные рекомендации о путях и способах достижения победы.

Общевоинские уставы вносят в службу и учебу военнослужащих четкость, слаженность, целеустремленность. Они способствуют сплочению личного состава, формированию воинского коллектива, выработке у воинов высоких морально-боевых качеств. Все это имеет неоценимое значение для поддержания высокой боевой готовности войск.

Через марксистско-ленинское учение о войне и армии общие законы и принципы диалектического и исторического материализма находят свое конкретное проявление. Особо важную роль при этом имеет принцип классово-партийного подхода к военному строительству. Умелое применение методологических положений марксистско-ленинского учения о войне и армии в боевой деятельности — важнейшее условие достижения победы.

Следовательно, марксистско-ленинское учение о войне и армии выполняет роль непосредственной методологической основы всей военной теории и практики. Это учение обеспечивает общесоциологический подход к военной проблематике, осуществляемый с позиции марксизма-ленинизма в целом, диалектико-материалистического понимания истории в частности.

ГЛАВА XVI

ПРОИСХОЖДЕНИЕ, СУЩНОСТЬ И ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ВОЙН

К коренным методологическим проблемам исследования войны как общественного явления относятся вопросы ее происхождения, сущности и исторического значения. Научно обоснованное понимание этих проблем позволяет установить источники и причины современных войн, выработать правильное отношение к ним, реалистически оценить их возможные последствия. Всякая война является, с одной стороны, следствием особых условий социального развития, а с другой — активным средством вмешательства в эти условия, причиной их сознательно планируемых и стихийно протекающих изменений. Обе стороны неразрывны. Поэтому анализ войны включает в себя и оценку роли войны как «суммирования» политики и фактора последующего социального развития.

Глубокое понимание сущности и содержания войн, их причин и источников, их влияния на все социальные процессы дает возможность всем воинам социалистической армии понять свою роль в укреплении обороноспособности стран социалистического содружества, повышении постоянной боевой готовности войск к вооруженной защите завоеваний социализма.

1. ПРОИСХОЖДЕНИЕ И СУЩНОСТЬ ВОЙНЫ

В домарксистской и современной буржуазной социологии существует множество концепций войн, авторы которых видят источники войн в якобы извечной агрессивной природе человека, его иррационализме, необузданном стремлении к господству одних людей над другими, идеологических разногласиях, божественном предопределении (войны как наказание людей за содеянное ими зло), демонии техники, не подчиняющейся разумному контролю, и т. д. Порою в отдельных из этих концепций правильно фиксируются какие-то факторы, влияющие на возникновение войны, но они или абсолютизируются, обособляются от других,

или же даются в таком случайном сочетании, которое несовместимо с признанием закономерного происхождения войн.

Исторический материализм впервые в истории социологической мысли научно установил: войны — не извечный спутник человечества, они носят исторически преходящий характер. Ключ к пониманию причин возникновения войн марксизм-ленинизм обнаружил в объективных законах общественного развития, присущих определенным классово-антагонистическим формациям.

В доклассовом, первобытнообщинном строе не было войн как социального явления, ибо не существовало источников и причин их возникновения. Вооруженные столкновения между родами, общинами, племенами по своей сущности не были войнами в строго научном смысле.

Вооруженные схватки первобытных племен, которые Ф. Энгельс называл «древними войнами»[1], классики марксизма характеризовали как большую общую работу, направленную на решение задач захвата необходимых условий самого существования людей, на их удержание и охрану. В вооруженных схватках участвовали все трудоспособные члены племени, и они осуществлялись с помощью тех же орудий, что и трудовая деятельность. В эту эпоху человеческой истории не было ни армий, ни специального оружия для ведения борьбы.

Иное положение сложилось на стадии разложения первобытного строя. Разделение труда, рост, хотя и незначительный, его производительности и обусловленное этим производство прибавочного продукта создали возможность его присвоения привилегированными членами племени (вождями, главами кланов и т. д.) и их наследниками. Постепенно отдельные лица сплотились в господствующий класс. За его представителями были постепенно закреплены общественные должностные функции по управлению людьми. Этому содействовал процесс создания особого аппарата людей — вооруженных отрядов, обособившихся от остального племени, и целой системы учреждений, т. е. государства, призванного охранять интересы привилегированной части общества.

В новых исторических условиях человеческая рабочая сила могла уже произвести больше, чем требовалось для простого ее поддержания, поэтому она приобрела особую ценность. Возникла потребность в привлечении к производству дополнительных рабочих рук. Их доставляла война. Имея в виду именно последний этап существования первобытнообщинного строя, период его разложения, Ф. Энгельс писал: «...война так же стара, как и одновременное существование по соседству друг с другом нескольких общинных групп. До того времени не знали, что делать с военнопленными, и потому их попросту убивали, а еще раньше съедали. Но на достигнутой теперь ступени «хозяйственного положения» военнопленные приобрели известную стоимость; их начали поэтому оставлять в живых и стали пользоваться их

[1] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 108.

трудом»[1]. Рабство было открыто, а вместе с ним началась многовековая эпоха войн.

Критикуя концепцию немецкого философа-эклектика, вульгарного экономиста и реакционного мелкобуржуазного социолога Е. Дюринга, считавшего насилие первопричиной всех общественных изменений, К. Маркс и Ф. Энгельс доказали, что только появление частной собственности на средства производства и обусловленная этим возможность присвоения прибавочного продукта представителями господствующего класса породили социальные антагонизмы. Богатство «вообще должно быть сперва добыто трудом, — писал Ф. Энгельс, — и только после этого его можно отнять грабежом»[2]. Вооруженное насилие и применялось в истории, чтоб воспользоваться плодами человеческого труда, природными богатствами, находящимися в распоряжении соседнего народа. Война стала регулярной функцией эксплуататорского государства, средством приобретения новых территорий и рабочей силы.

Система источников, причин и условий возникновения войн вообще и войн современной эпохи в особенности весьма сложна. В ней следует выделить коренные, глубинные причины, заключающиеся в экономической основе войн, и прежде всего в противоречиях между характером и уровнем развития производительных сил и производственными отношениями антагонистического общества. Именно это составляет источник войны, ее самую глубинную причину.

Вместе с тем войны сознательно готовятся и развязываются господствующими классами, выступают средством, орудием их политики. Поэтому кроме коренных, глубинных причин следует выделить непосредственные причины и условия возникновения войн, в формировании которых важную роль играет субъективный фактор в лице политического руководства классов и государств.

Важность различения понятий «источник войны», «непосредственная причина войны», «виновник войны» обусловлена относительно самостоятельной и активной по отношению к экономике политикой. Поэтому, анализируя причины войны, необходимо исследовать прежде всего ее действительный источник и на его основе определять виновника войны. Так, если возникнет война между двумя противоположными социальными системами — капитализмом и социализмом — как способ разрешения противоречий между агрессивной политикой империализма и миролюбивой политикой социалистических стран, то виновником такой войны может быть только империализм. И речь здесь идет не о «доброй» и «злой», «хорошей» или «плохой» стороне противоречия. Такой упрощенный подход критиковал в свое время К. Маркс. По его утверждению, «сколь бы обе крайности ни выступали в своем

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 185.
[2] Там же, с. 165.

существовании как действительные и как крайности, — свойство быть крайностью кроется все же лишь в *сущности* одной из них... Положение обеих не одинаково... Действительного дуализма *сущности* не бывает»[1].

Именно империализм в лице военно-промышленного комплекса в силу своей экономической и социально-политической сущности обладает этим свойством «крайности» и объективно заинтересован в таком разрешении противоречия, так как является истинным источником и виновником современных войн. Указывая на конкретных виновников современной войны, Л. И. Брежнев говорил: «Нужно ясно видеть, что угрозу миру создают вполне конкретные социальные группы, организации и люди. Например, даже по свидетельству самых высокопоставленных деятелей крупнейших стран Запада, тот зловещий союз милитаристов-профессионалов с монополиями, богатеющими от изготовления орудий войны, который принято именовать военно-промышленным комплексом, стал там как бы «государством в государстве», приобрел самодовлеющую силу»[2]. Истинная природа империализма убедительно показана в «Декларации государств — участников Варшавского Договора», принятой на совещании Политического консультативного комитета в Москве 23 ноября 1978 г., в которой ясно подчеркнуто: источником угрозы миру являются «империалистические круги, монополии, заинтересованные в постоянном расширении производства оружия и увеличении его запасов как средства наживы и в то же время средства подчинения себе независимых стран и народов...»[3].

Утверждение социализма в мировом масштабе устранит саму основу, порождающую войны, создаст объективные условия ликвидации источника войн вообще.

Понимание действительных источников войн, их коренных причин неотделимо от уяснения категории «сущность войны».

Войны в прошлые эпохи велись преимущественно заранее отмобилизованными армиями. Поэтому представления людей о сущности войны, как правило, ассоциировались только с боевыми действиями, происходившими на полях сражений. В. И. Ленин называл такой взгляд на войну, при котором она отрывалась от политики, сводилась только к боевым действиям, обывательским, ненаучным. «Обыватель не понимает,— писал он,— что война есть «продолжение политики», и потому ограничивается тем, что-де «неприятель нападает», «неприятель вторгся в мою страну», не разбирая, *из-за чего* ведется война, *какими* классами, ради *какой* политической цели... Для обывателя важно, *где* стоят войска, кто *сейчас* побеждает»[4].

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 322.

[2] Брежнев Л. И. На страже мира и социализма. М., 1979, с. 316—317.

[3] Правда, 1978, 24 ноября.

[4] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 83.

На самом же деле все здесь обстоит значительно сложнее. В конечном счете в основе любой формы общественной деятельности классов, наций, государств лежит экономический интерес. Поскольку концентрированным выражением экономики выступает политика, то ее сущностью является борьба за расстановку социально-политических сил в интересах того или иного класса (нации, государства). Сердцевина политики — борьба за завоевание, удержание и использование государственной власти. Эта борьба приобретает многообразные формы и ведется различными средствами. Одним из самых мощных и острых средств достижения политических целей выступает война как форма насилия.

Связь между политикой и войной отмечали некоторые проницательные мыслители прошлого, но наиболее полное изложение этой концепции в домарксистской литературе дано немецким военным теоретиком К. Клаузевицем (1780—1831) в книге «О войне». По его заключению, «война есть не что иное, как продолжение государственной политики иными средствами»[1].

Высоко оценивая это положение К. Клаузевица, В. И. Ленин увидел ограниченность понимания им политики, а следовательно, и войны. На полях книги К. Клаузевица рядом с приведенным здесь определением В. И. Ленин поставил вопрос: «Что есть политика?»[2], указав тем самым на уязвимое место в позиции немецкого военного историка. Действительно, разъясняя свое понимание политики, К. Клаузевиц писал: «Мы исходим из того, что политика объединяет в себе и согласовывает все интересы, как внутреннего управления, так и гуманности и всего остального, что может быть выдвинуто философским разумом; она лишь защитник всех этих интересов перед другими государствами. Что политика может иметь неверное направление, служить преимущественно честолюбию, частным интересам, тщеславию правителей, — это сюда не относится. Ни в коем случае военное искусство не является «наставником» политики. Мы можем здесь рассматривать политику лишь как представителя всех интересов целого общества»[3].

Раскрывая сущность войны, В. И. Ленин в лекции, прочитанной 27 мая 1917 г. на тему «Война и революция», говорил: «Война есть продолжение политики иными средствами. Всякая война нераздельно связана с тем политическим строем, из которого она вытекает. Ту самую политику, которую известная держава, известный класс внутри этой державы вел в течение долгого времени перед войной, неизбежно и неминуемо этот самый класс продолжает во время войны, переменив только форму действия»[4].

Таким образом, ленинское определение сущности войны как продолжения политики другими (именно насильственными)

---

[1] Клаузевиц К. О войне. М., 1941, т. 1, с. 17.
[2] Ленинский сборник, 12, с. 437.
[3] Клаузевиц К. О войне. М., 1941, т. 2, с. 335—336.
[4] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 79.

средствами[1], внешне совпадающее с формулировкой К. Клаузевица, принципиально отличается от нее по своему содержанию. Во-первых, Клаузевиц, будучи последователем Гегеля, видел конечную причину, источник войны в «философском разуме». В отличие от этой идеалистической концепции В. И. Ленин усматривал источник войны в антагонистических противоречиях между производительными силами и производственными отношениями[2]. Во-вторых, Клаузевиц рассматривал политику как политику государственную, выражающую интересы всего общества, а не господствующего в нем класса. Он не видел того, что каждый класс проводит свою политику, продолжением которой может быть война. Поэтому из его поля зрения выпадали гражданские войны. В-третьих, для Клаузевица война была продолжением только внешней политики, для В. И. Ленина самым главным в системе политических отношений были отношения между классами (внутренняя политика) и государствами (внешняя политика), находящиеся в неразрывном единстве и определенной субординации (внешняя определяется внутренней).

Оценить всю глубину ленинского определения сущности войны можно только на основе научного понимания политики[3]. Все компоненты политики непосредственно или опосредованно связаны с сущностью войны. Каждый из них, взятый в относительной самостоятельности, имеет и свою собственную сущность и собственное проявление. Так, конкретные материальные и духовные средства, используемые в интересах политики в качестве вооруженного насилия, изменяются (от лука до ракетно-ядерного оружия, от стихийного протеста до идеологически отточенных убеждений), сохраняя определенную устойчивость. Их сущность заключается в их функции — быть средством политики как целого. Поэтому выносить за пределы сущности войны функциональную сущность насильственных средств равносильно тому, что представлять себе деятельность современного рабочего без машины и станка или сводить политику к благим намерениям, не подкрепляемым активной деятельностью, которая немыслима без определенных средств этой деятельности.

Сущность войны, как и сущность любого сложного явления, имеет несколько уровней: менее глубоких, т. е. ближе связанных

---

[1] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 224.

[2] См. там же, т. 27, с. 396.

[3] Структурными элементами политики являются: 1) политическое сознание (политическая идеология и психология, причем ведущим компонентом является идеология); 2) политические отношения между классами, социальными группами, складывающиеся на основе завоевания, удержания и использования государственной власти (эти отношения могут выступить или в форме сотрудничества или в форме социального антагонизма); 3) политические институты (государство, партии, другие организации) и находящиеся в их распоряжении материальные и духовные средства; 4) социальная практика, выражающаяся в определенной деятельности классов, социальных групп, использующих политическую власть в своих интересах или борющихся за завоевание этой власти.

с внешними проявлениями, и более глубоких. Здесь особенно важно помнить положение В. И. Ленина о том, что наше познание движется от сущности первого порядка к сущности второго, третьего и т. д.[1]

В определении сущности войны сущностью первого, ближайшего порядка выступает направляемая политикой вооруженная борьба, законы которой исследуются военной наукой. Сущность второго, более глубокого порядка выражает зависимость войны во всех ее формах от политики. Именно политика «повинна» в возникновении войны, определяет степень ее размаха и напряженности, характер использования вооруженного и других форм насилия. Сущностью третьего, еще более глубокого порядка является классовое социально-экономическое содержание самой политики.

Сущность войны, как и ее проявления, подвержена изменению. Согласно указанию В. И. Ленина «не только явления преходящи, подвижны, текучи, отделены лишь условными гранями, но и *сущности* вещей также»[2]. Применительно к войне это означает, что коренное изменение сущности войны связано с ее исчезновением из жизни общества и заменой ее вечным миром, а изменение внутри сущности войны суть не что иное, как модификация ее структурных элементов и их взаимосвязи (целей, преследуемых определенными классами, применяемых средств и изменения политических отношений и т. п.).

2. СООТНОШЕНИЕ ВОЙНЫ И ПОЛИТИКИ

Регулирование политических отношений осуществляется мирными и немирными (военными) средствами. Как война продолжает политику, так и «мир есть продолжение *той же* политики...»[3]. В. И. Ленин рассматривал войну как часть политики[4]. Поэтому взаимосвязь войны и политики сводится к взаимосвязи части и целого.

Воздействие политики (целого) на войну (свою часть) состоит в самом общем виде в следующем. Война всегда является продолжением политики как особой системы и подчиняется ее закономерностям. В политике мирного времени, как в зародыше, уже видны все контуры возможной войны. «Как же найти «действительную сущность» войны, как определить ее?» — спрашивал В. И. Ленин и отвечал: «Война есть продолжение политики. Надо изучить политику перед войной, политику, ведущую и приведшую к войне. Если политика была империалистская, т. е. защищающая интересы финансового капитала, грабящая и угнетающая колонии и чужие страны, то и война, вытекающая из этой политики, есть империалистская война. Если политика

[1] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 227.
[2] Там же.
[3] Там же, т. 27, с. 269.
[4] См.: Ленинский сборник, 12, с. 433.

была национально-освободительная, т. е. выражавшая массовое движение против национального гнета, то война, вытекающая из такой политики, есть национально-освободительная война»[1].

Это общее положение может быть конкретизировано исходя из существенных компонентов политики.

Во-первых, политика оказывает свое воздействие на войну, используя прежде всего политическую идеологию и психологию, формулируя цели и задачи войны. Политика «порождает» войну, которая возникает тогда, когда противоречия достигают предельной остроты и сторона, заинтересованная в войне, имеет благоприятные условия для ее начала. В этот момент происходит скачок от мира к войне. Сущность войны ярко обнаруживается в политическом акте начала войны, т. е. здесь осуществляется прямая связь категорий «причины» и «сущности» войны, «перелив» первой во вторую. Благодаря этой прямой связи мы можем еще до начала войны, изучив ее источники, познать сущность возможной войны.

Во-вторых, агрессивная политика в лице государственной власти в предвидении войны осуществляет подготовку материально-технической базы вооруженной борьбы, заблаговременно добиваясь военно-технического превосходства над противником. Поэтому в современных условиях не может не вызывать тревогу у всех миролюбивых сил лихорадочная гонка вооружений в США, других империалистических странах, выражающая суть их политики. Агрессивные империалистические силы подхлестывают гонку вооружений, представляющую серьезную угрозу для мира и безопасности народов, пытаются всячески помешать разрядке напряженности. Миролюбивая политика стран социалистического содружества не нацелена на то, чтобы добиваться военного превосходства над другой стороной.

В-третьих, политическое руководство страны осуществляет внешнеполитическую деятельность, направляя свои усилия как на привлечение союзников, так и на нейтрализацию тех, кто может быть использован ее вероятным противником. С этой целью используются разведка, тайная дипломатия и т. д. «Пока есть война, — говорил В. И. Ленин, — должна существовать и тайная дипломатия, как одно из средств войны»[2].

В-четвертых, политика воздействует на содержание общественных отношений до войны и во время войны, усиливая в случае необходимости централизацию управления, ограничивая степень демократии, вводя в случае необходимости чрезвычайные меры, превращая страну в военный лагерь.

В-пятых, политика, разрабатывая общий стратегический план войны, определяет как ее конечные цели, так и послевоенное устройство мира.

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 82—83.
[2] Там же, т. 41, с. 341.

Следовательно, подготовка к войне и ее ведение осуществляются с помощью организационно-управленческих, экономических, духовных, дипломатических, разведывательных и других средств, направляемых политикой. «Политика государства, ведущего войну, — писал видный советский полководец М. Н. Тухачевский, — сказывается в целях войны, в борьбе классов, в экономике, внутренней и внешней политике, а для пролетарского государства она неизбежно «прорывает» вооруженный фронт и объединяет интернациональные классовые интересы пролетариата. Она объединяет все экономические ресурсы для согласованного достижения целей войны; она стремится обеспечить государство необходимым ему нейтралитетом или союзом тех или других стран. Она развивает и свою экономику с учетом предстоящих военных задач» [1].

Среди всех средств борьбы, направляемых политикой, есть и такое, которое является специфически военным. В качестве этого средства выступает вооруженное насилие. Вооруженная борьба — главный признак войны.

Учитывая комплексный характер воздействия политики на войну, В. И. Ленин говорил: «Война есть не только продолжение политики, она есть суммирование политики...» [2] Причем фокусом этого суммирования, по его мнению, выступает вооруженная борьба. В ней переплетаются и концентрируются все усилия государства, общественных организаций, все их потенциальные возможности.

Вооруженная борьба — это особая социальная практика и часть войны, а следовательно, и политики. Воздействие политики на вооруженную борьбу осуществляется в следующих направлениях. Во-первых, политика определяет общие цели, стоящие перед вооруженными силами, их организацию, социальную направленность воспитания и обучения военнослужащих. Во-вторых, политика осуществляет контроль за ведением боевых действий, корректирует их в связи с развитием своих целей (или, наоборот, ориентирует свои цели в зависимости от хода вооруженной борьбы), а также с учетом изменений политических условий, в которых протекает вооруженная борьба. В-третьих, в условиях ракетно-ядерной войны, если империалисты развяжут ее, политика будет определять избирательность, очередность и силу ядерных ударов, применение других новейших средств вооруженной борьбы. Именно политические цели войны в конечном счете определяют масштаб и напряженность вооруженной борьбы.

Мировые войны современной эпохи требуют мобилизации всех материальных и духовных ресурсов воюющих коалиций. Поэтому политика тщательно учитывает экономические условия и военно-стратегическое положение сторон, не допуская расхождения меж-

---

[1] Тухачевский М. Н. Война как проблема вооруженной борьбы.— Большая Советская Энциклопедия. 1-е изд. М., 1928, т. 12, с. 576.

[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 406.

ду политическими соображениями и военной целесообразностью. Только органическое единство политического подхода к военным проблемам и отличное знание стратегической и оперативно-тактической обстановки, соотношения военных сил, своих и противника, законов вооруженной борьбы обеспечивают наилучшие условия для достижения поставленных целей.

Новое в соотношении войны и политики состоит в том, что в настоящее время нет таких заманчивых для империализма политических или экономических целей, которые могли бы быть достигнуты империалистическими агрессорами в ракетно-ядерной войне.

Являясь частью целого, политики, война оказывает обратное воздействие на это целое. Она может подтвердить жизненность проводимой политики (в случае победы) или привести к ее поражению. «Война, — писал К. Маркс, — подвергает нацию испытанию... Подобно тому как мумии мгновенно распадаются, когда подвергаются воздействию атмосферы, так и война выносит окончательный приговор социальным учреждениям, которые утратили свою жизнеспособность»[1].

Большое воздействие на политику воюющих и нейтральных государств оказывают победы и поражения в вооруженной борьбе. Военные неудачи могут изменить внешнеполитический курс государства, вынудить его лидеров отказаться от продолжения войны, пойти на политические компромиссы.

Тяжелые испытания могут стать катализатором революционной ситуации, побудить массы выступить против правительства, проводящего антинародный курс, отказаться от участия в агрессивной, захватнической войне и содействовать революционным преобразованиям в обществе, привести к коренному изменению политики. Вместе с тем война может укрепить реакционные силы, создать условия для разгрома революционных организаций, расправы над их лидерами и т. д.

Следовательно, взаимосвязь политики и войны характеризуется воздействием политики (целого) на войну (часть) и обратным воздействием войны (части) на политику (целое). Однако война — не обычная часть. При определенных обстоятельствах (и об этом свидетельствуют войны XX в.) она может играть доминирующую роль в этом целом, превращаясь в особое состояние общества и подчиняя себе все другие элементы политики.

3. РОЛЬ ВОЙНЫ В ИСТОРИИ

Исторический материализм вскрыл не только сущность войн, но и дал единственно правильное истолкование их исторической роли, указал на связь между сущностью войн и их влиянием на социальные процессы, на зависимость этого влияния от ряда

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 11, с. 551.

факторов: социального строя, экономического развития страны и т. д.

Война оказывает воздействие на все стороны общественной жизни, вызывая сдвиги в экономике, политике, духовной жизни людей, влияя на экологические и демографические процессы. Причем это воздействие проявляется как в ходе войны, так и в послевоенное время в виде ее последствий.

Результаты войны можно свести к следующим основным показателям: 1) человеческим жертвам (убитым, раненым и искалеченным); 2) материальному ущербу (разрушенные города и села, уничтоженные посевы и т. д.); 3) гибели духовных ценностей (уничтожение памятников литературы и искусства); 4) продиктованным победителем условиям послевоенного мира (изменение политической карты мира со всеми вытекающими отсюда последствиями, контрибуции и т. д.); 5) новым явлениям общественной жизни, развившимся под прямым воздействием войны (коренное изменение классовых сил и т. д.).

Люди давно обратили внимание на крайне противоречивое влияние войны на жизнь общества. С одной стороны, любая война сопровождается уничтожением людей, несет им страдания. С другой стороны, войны выступают нередко единственным средством освобождения от социального и национального гнета, служат условием процветания одних групп людей за счет несчастья других. Абсолютизация этих сторон — прогрессивных и регрессивных тенденций общественной жизни, вызванных войной, — и породила две противоположные теоретические концепции войны в социальной мысли.

Одна из этих концепций — милитаристско-апологетическая. Ее последователи видят в войне важнейшее средство прогрессивного развития общества. Один из апологетов войны голландский военный писатель Р. Штейнметц, пожалуй, наиболее ярко выразил кредо представителей этой концепции. «Какое счастье, — восторженно писал он, — что не Толстой был нашим предком». И далее: «Никакая победа над природой не может в такой мере вдохновить человека к крайнему напряжению всех сил, как мысль о победе над человеком». Свою книгу «Философия войны» он закончил словами: «Мне удалось, я надеюсь, показать, что сохранение войны является вместе со многими другими необходимым средством к умножению человеческого счастья»[1].

Современные приверженцы этой концепции в буржуазной социологии руководствуются различными мотивами (геополитическими, расистскими, шовинистическими, психологическими, технократическими и т. п.), но все они считают войну фатальным спутником человечества, а потому призывают людей смириться с этим. Правда, в современных милитаристско-апологетических концепциях поубавилось восторженности перед «прелестями» войны, но милитаристская суть прежних взглядов сохранилась.

---

[1] Штейнметц. Философия войны. Спб., 1915, с. 22, 36, 322.

В современную эпоху эта концепция используется идеологами антикоммунизма и носит откровенно антисоциалистический, антисоветский характер, что придает ей особую реакционность.

Противоположная ей концепция — пацифистско-гуманистическая. Сторонники этой концепции, исходя из искренних и гуманистических побуждений, не желают войн, предают их проклятию, рассматривают войны только как социальное зло.

В современных условиях среди сторонников пацифистско-гуманистической концепции немало тех, кто не только проклинает войну, но и активно борется за мир (радикальный пацифизм), занимает прогрессивные позиции.

Попытки конкретно-исторически оценить место и роль войны в истории предпринимались и в домарксистской литературе, однако такие взгляды были непоследовательными и чаще всего базировались на идеалистической или вульгарно-материалистической основе. В трудах отдельных мыслителей такие мысли выражались иногда в диалектически зрелой форме. Например, выдающийся русский философ-диалектик Н. Г. Чернышевский считал, что абстрактный подход к оценке войны не верен, ибо истина конкретна. Чтобы сказать, пагубна или благотворна та или иная война, «надобно знать, о какой войне идет речь, все зависит от обстоятельств, времени и места»[1]. Поэтому войну 1812 г. Н. Г. Чернышевский считал спасительной для русского народа.

Однако преодолеть ограниченность и ошибочность (а в милитаристско-апологетическом варианте и реакционность) указанных двух противоположных взглядов на роль войны в истории удалось только марксистско-ленинской социологии.

Диалектико-материалистическая концепция войны, созданная К. Марксом, Ф. Энгельсом, В. И. Лениным и развитая в документах мирового коммунистического движения, при оценке исторической роли войны учитывает содержание эпохи, тип и социально-политический характер войны, свойства применяемого оружия, масштабы и интенсивность вооруженной борьбы и т. д. и соотносит все это с тем, в какой мере конкретная война содействует социальному прогрессу по своему основному историческому значению, определяемому соотношением в ней прогрессивной и регрессивной тенденций. Именно основное историческое значение войны В. И. Ленин и рассматривал в качестве критерия той роли, которую она играет в судьбах народов, втянутых в ее орбиту[2].

Прогрессивная тенденция войны состоит в достижении победы прогрессивными или относительно прогрессивными социальными силами. «В истории неоднократно бывали войны, — писал В. И. Ленин, — которые, несмотря на все ужасы, зверства, бедствия и мучения, неизбежно связанные со всякой войной, были прогрессивны, т. е. приносили пользу развитию человечества, по-

---

[1] Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. М., 1947, т. 3, с. 208.
[2] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 312.

могая разрушать особенно вредные и реакционные учреждения (например, самодержавие или крепостничество), самые варварские в Европе деспотии (турецкую и русскую)» [1].

Даже при несправедливой с обеих сторон войне В. И. Ленин считал возможным говорить в отдельных случаях об относительной прогрессивности победы одной из воюющих сторон. Так, В. И. Ленин видел революционное значение поражения самодержавия в русско-японской войне. «Война передовой страны с отсталой, — указывал он, — сыграла и на этот раз, как неоднократно уже в истории, великую революционную роль. И сознательный пролетариат, будучи беспощадным врагом войны, неизбежного и неустранимого спутника всякого классового господства вообще, — не может закрывать глаза на эту революционную задачу, выполняемую разгромившей самодержавие японской буржуазией. Пролетариат враждебен всякой буржуазии и всяким проявлениям буржуазного строя, но эта враждебность не избавляет его от обязанности различения исторически прогрессивных и реакционных представителей буржуазии» [2].

Это положение, сформулированное В. И. Лениным, приобретает особо актуальное методологическое значение в современных условиях. Оно не позволяет полностью отождествлять прогрессивность войны в смысле ее основного исторического значения с отдельными факторами, способствующими, но взятыми в отрыве от других факторов, не гарантирующими такую прогрессивность. Этой диалектики не могут или не хотят понять маоисты и неотроцкисты.

Регрессивная тенденция войны заключается в уничтожении трудящихся — главной производительной силы, плодов цивилизации, материальной и духовной культуры — всего, что создано трудом многих поколений, в победе реакционных сил.

Пользуясь критерием основного исторического значения войны (соотношением ее прогрессивной и регрессивной тенденций), В. И. Ленин решительно выступал против идеологии и политики милитаризма, рассматривая его как реакционную и регрессивную силу. Он отклонял обвинения в том, что коммунисты якобы рассматривают войну как единственно возможный детонатор революции. Когда накануне первой мировой войны к нему обратился польский журналист Альфред Майкосен с вопросом, хочет ли он войны в Европе, В. И. Ленин ответил: «Нет, я не хочу... Я делаю и буду делать все, что в моих силах, для того, чтобы помешать мобилизации и войне. Я не хочу, чтобы миллионы пролетариев истребляли друг друга, платя своей кровью за безумие капитализма. Объективно предвидеть войну и в случае ее развязывания стремиться как можно лучше использовать — это одно... Желать войны или работать на нее — это совсем другое» [3].

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 311.
[2] Там же, т. 9, с. 156.
[3] Цит. по: Серадский Ю. Польские годы Ленина. М., 1963, с. 25.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции В. И. Ленин говорил: «... вся наша политика и пропаганда направлена отнюдь не к тому, чтобы втравливать народы в войну, а чтобы положить конец войне»[1]. Великий вождь убежденно отстаивал предпочтительность мирного сосуществования первого социалистического государства с капиталистическими странами. По его глубокому убеждению, мир «двинет дело вперед в бесконечное количество раз лучше, чем война...»[2]. Социализм не нуждается в войне, социализм и мир неразделимы.

Однако борьба марксистов-ленинцев за мир отнюдь не означает тождества их позиции с идеологией и политикой пацифизма. В борьбе за освобождение от социального гнета, национального угнетения война всегда имеет прогрессивную направленность. По заявлению В. И. Ленина, «мы вполне признаем законность, прогрессивность и необходимость гражданских войн, т. е. войн угнетенного класса против угнетающего...»[3], что «национальные войны *против* империалистских держав не только возможны и вероятны, они неизбежны и *прогрессивны, революционны...*»[4].

На прогрессивное историческое значение борьбы народов в конкретных условиях оказывают влияние многочисленные факторы, и прежде всего справедливый характер этой борьбы. Однако победоносный для народа исход вооруженного выступления зависит и от реального соотношения сил, характера применяемого оружия, международных условий.

Когда инициатива вооруженной борьбы зависит от трудящихся масс, чрезвычайно важное значение приобретает вопрос о целесообразности их выступления. По утверждению В. И. Ленина, «только *целесообразное* сопротивление реакции служит революции»[5]. Когда немецкий империализм навязал молодой Советской республике унизительные условия Брестского мира, многие члены РСДРП(б) выступили за то, чтобы начать революционную (и вполне справедливую) войну против германского милитаризма и заодно помочь немецким рабочим. Хотя В. И. Ленин считал это чувство «трижды законным»[6], он в то же время предостерегал: «... идти на серьезное повстанческое или военное столкновение *заведомо...* без армии есть авантюра, не помогающая германским рабочим, а затрудняющая их борьбу, облегчающая дело их врага и нашего врага»[7]. Признавая без всяких оговорок справедливый характер борьбы народов за свое национальное освобождение, В. И. Ленин подчеркивал, что успех этой борьбы (основное историческое значение) в конкретных усло-

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 99.
[2] Там же, т. 40, с. 247.
[3] Там же, т. 26, с. 311.
[4] Там же, т. 30, с. 9.
[5] Там же, т. 35, с. 348.
[6] Там же, т. 36, с. 102.
[7] Там же, т. 35, с. 349.

виях определяется благоприятными внутренними и внешними условиями[1].

Этот ленинский анализ соотношения прогрессивности войны в смысле ее основного исторического значения с отдельными факторами, действие которых направлено на достижение этой прогрессивности, исключительно важно учитывать в наши дни. Этот анализ учит, что только одного фактора справедливости еще недостаточно для достижения победы, для обеспечения ее прогрессивного итога. Для этого необходимо иметь значительную экономическую и военную силу, новейшее оружие и боевую технику, благоприятные внутренние и внешние условия.

Следовательно, прогрессивность войны, ее роль в истории определяется не одним, а рядом факторов, в том числе экономическим, социально-политическим, собственно военно-техническим и т. д. Появление ракетно-ядерного оружия и оснащение им крупнейших армий мира придает проблеме основного исторического значения войны особую актуальность. Только величайшей безответственностью за судьбы народов и эгоистическими гегемонистскими установками можно объяснить позицию наследников Мао, их уверенность, что и война с применением ракетно-ядерного оружия — «вещь хорошая». Эта позиция покоится на надежде, что современным китайским милитаристам удастся остаться в стороне от огня ракетно-ядерной войны, если ее развяжут империалисты против СССР и других стран социалистического содружества.

Страны социалистического содружества, всесторонне учитывая, что применение ракетно-ядерного оружия чревато весьма опасными для человечества последствиями, решительно и последовательно выступают за исключение этого оружия из арсенала всех армий, за предотвращение мировой ракетно-ядерной войны. Эту опасность осознают и отдельные наиболее дальновидные и реалистически мыслящие лидеры капиталистических государств.

С новыми мирными инициативами выступил XXVI съезд КПСС. Учитывая, что политика агрессивных империалистических сил уже привела к значительному росту международной напряженности со всеми вытекающими отсюда опасными последствиями, партия предложила расширить меры по укреплению доверия между социалистическими и капиталистическими странами, сократить стратегические вооружения, ограничить развертывание новых подводных лодок, установить мораторий на размещение в Европе новых ракетно-ядерных средств, создать авторитетный международный комитет, который показал бы жизненную необходимость предотвращения ядерной катастрофы. Выдвигая эти предложения, КПСС исходит из того, что в международном плане нет сейчас более важной задачи, чем отстоять мир[2].

---

[1] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 9.
[2] См.: Материалы XXVI съезда КПСС, с. 26—31.

Всем своим сердцем воины социалистических армий разделяют миролюбивую политику марксистско-ленинских партий, правительств своих стран. Однако, пока существуют силы, готовые пойти на риск развязывания новой войны, воины стран социалистического содружества будут делать все необходимое, чтобы труд народов и их революционные завоевания были надежно защищены.

ГЛАВА XVII

ТИПЫ И СОЦИАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР ВОЙН СОВРЕМЕННОЙ ЭПОХИ

Разработанная классиками марксизма-ленинизма методология анализа и классификации войн имеет первостепенное значение для определения отношения КПСС, других марксистско-ленинских партий к современным войнам, для разработки политики по проблемам войны и мира, осуществления мероприятий по укреплению обороноспособности стран социалистического содружества. Овладение этой научной методологией офицерскими кадрами способствует глубокому пониманию ими как прошлых, так и современных войн и целеустремленной практической деятельности по повышению боеспособности и боеготовности социалистических армий, обучению и воспитанию подчиненных.

1. МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ КЛАССИФИКАЦИИ ВОЙН

Диалектико-материалистическая методология анализа общественных явлений, разработанная основоположниками марксизма-ленинизма, развитая в документах КПСС и международного коммунистического движения, дает незыблемое научное основание и для классификации войн современной эпохи. В трудах современных марксистов-ленинцев проделана значительная работа по уточнению критериев классификации войн в мировой истории[1] и в особенности войн современной эпохи[2].

В арсенале марксистско-ленинской методологии особо важное значение для классификации войн имеет принцип всестороннего подхода к анализу войны как явления исторического, социально-политического по своей сущности, воплощающегося наиболее концентрированно в вооруженной борьбе и имеющего не только качественную, но и количественную определенность.

---

[1] См.: Марксизм-ленинизм о войне и армии. М., 1968; Марксистско-ленинская методология военной истории. М., 1976.

[2] Война и армия. М., 1977; Рыбкин Е. И. Война и политика в современную эпоху. М., 1973; и др.

Принцип всесторонности позволяет выделить для классификации войн следующие основания: исторические, социально-политические, военно-технические и масштабные.

К историческим основаниям относятся те, с помощью которых возможно сгруппировать войны на основе научной периодизации всемирной истории, а также определить воздействие войны на социальный прогресс человечества.

Одним из важнейших оснований классификации войн выступает связь войны с эпохой. Нельзя понять данной войны, учил В. И. Ленин, не поняв эпохи. «Нужно поставить... войну в ту историческую обстановку, в которой она происходит, и только тогда можно определить свое к ней отношение»[1]. Эпоха — это сравнительно длительный этап во всемирной истории, который характеризуется борьбой определенных классов и формаций. Характер эпохи устанавливается по тому, какой класс стоит в центре исторических событий и определяет главное направление развития эпохи. На этом основании в марксистско-ленинской военной истории принято выделять войны периода рабовладения, феодализма, капитализма и войны современной эпохи. Поскольку одна и та же эпоха представлена, как правило, не одной, а несколькими формациями, то, естественно, внутри эпохи выделяются определенные внутренние этапы[2], характеризующие изменение этой эпохи.

Другим историческим основанием является воздействие войны на ход истории, на социальный прогресс человечества или народов, втянутых в орбиту войны. В. И. Ленин определял влияние войны на социальный прогресс по ее основному историческому значению. По этому основанию В. И. Ленин выделял войны прогрессивные, то есть приносящие пользу развитию человечества[3]. В качестве противоположного понятия выступает понятие регрессивной, или, по терминологии В. И. Ленина, реакционной войны[4].

Поскольку война как продолжение политики насильственными средствами представляет двусторонний процесс, постольку к классификации войн очень важно применять социально-политические основания, позволяющие классифицировать войны по их типу и по социально-политическому характеру.

«Категория «тип войны» объединяет определенную группу войн, имеющих сходные признаки, которые вытекают из особен-

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 27.

[2] Строгого закрепления терминов за определенными временными интервалами не существует. Классики марксизма-ленинизма использовали в ряде случаев как синонимы термины «этап», «период», «стадия», «фаза», «эпоха». — *Ред.*

[3] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 311.

[4] Термины «регресс» и «реакция» в определенном смысле синонимы. Однако термин «регресс» является более общим: им обозначается движение вспять в противоположность прогрессу во всей объективной действительности. Термин «реакция» в смысле регресса в социологической литературе применяется только к общественной жизни. — *Ред.*

ностей конкретно-исторической системы экономических и политических отношений между государствами, классами и обусловленных ими противоречий, а также из способов и методов разрешения этих противоречий»[1]. Характеризуя войну Пруссии против Франции в 1870 г., К. Маркс писал: «... всеобщее негодование вызвал здесь способ ведения войны: система реквизиций, сжигание деревень, расстрелы франтиреров (партизан. — *Прим. ред.*), взятие заложников и тому подобное...»[2].

По социально-политическому характеру войны делятся на справедливые и несправедливые. В основе справедливых войн лежит прогрессивная, а в основе несправедливых — реакционная (регрессивная) направленность целей воюющих сторон. Именно поэтому В. И. Ленин часто пользовался как синонимами терминами «прогрессивная» и «справедливая» война, делая соответствующие уточнения[3]. Важно отметить, что прогрессивная война (в смысле ее социально-политического характера) и прогрессивная война (в смысле ее основного исторического значения) — не тождественные понятия. Смешение этих понятий, связанных с одним и тем же термином, приводит к тому, что отдельные, даже субъективно честные ученые, искренне стремящиеся к истине (например, Дж. Сомервилл в США), делают ошибочный вывод, будто марксистско-ленинское деление войн на справедливые и несправедливые устарело. На самом же деле это деление сохраняет свое методологическое значение и в современных условиях, не позволяя уравнивать агрессора и его жертву. Другое дело, что основное историческое значение войны определяется не только социально-политическим характером войны[4].

В связи с тем, что основным признаком войны является вооруженная борьба, войны классифицируются и по военно-техническим признакам, присущим вооруженной борьбе.

В зависимости от конкретно сложившейся военно-стратегической обстановки, по выражению В. И. Ленина, «в военном смысле» войны могут быть оборонительными и наступательными[5]. По применяемым способам и формам вооруженной борьбы

---

[1] Война и армия, с. 80.

[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 33, с. 139.

[3] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 312.

[4] В книге «Война и армия» оба основания (историческое и социально-политическое) объединены в одно — социально-историческое. В широком смысле термин «исторический» включает в себя все социальные процессы (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 16, подстрочник), в том числе и политические. В таком смысле он употребляется и в названии «исторический материализм» в отличие от истории как науки. Однако двузначность термина «исторический» побуждает авторов данного учебного пособия разделить социально-исторические основания на две группы: собственно исторические и социально-политические.

[5] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 370.

К. Маркс и Ф. Энгельс пользовались понятиями «оборонительная» и «наступательная» война в смысле их справедливости и несправедливости (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 33, с. 36—37). В связи с тем что в годы первой мировой войны социал-шовинисты стали смешивать

они подразделяются на маневренные и позиционные; по применяемым средствам ведения вооруженной борьбы на следующие виды: с применением ядерного оружия, с использованием только обычных средств и комбинированные.

Наконец, классификация войн возможна и по масштабным основаниям, с помощью которых выделяются группы войн преимущественно по количественным критериям: в зависимости от длительности они делятся на скоротечные и затяжные; в зависимости от пространственного масштаба войны современной эпохи могут быть мировыми и локальными; по числу участников войны, характеру их группировки современные войны делят на войны между двумя государствами и между коалициями.

Категории (группы) войн, выделенные по масштабным основаниям, условны и подвижны. Скажем, современные локальные войны чреваты опасностью перерастания в новую мировую войну, ибо они, как правило, затрагивают интересы большинства или значительной части стран мира. Даже небольшой вооруженный конфликт в любой части земного шара обычно вызывает бурную реакцию всей мировой общественности.

Военно-технические и масштабные основания классификации войн используются преимущественно в военной науке, истории и теории военного искусства в неразрывном единстве с историческими и социально-политическими основаниями. Поэтому, например, хотя понятие «локальная война» возникло этимологически от понятий «местный», «ограниченный», оно в трудах марксистов не сводится только к пространственной характеристике войны, а наполнено и социально-политическим содержанием.

Характеристика войн благодаря тому, что она дается на основе их классификации по различным основаниям, получает всестороннее освещение и полноту. Однако эти основания в марксистско-ленинском учении о войне и армии строго субординированы. Фундаментом этой классификации выступают социально-политические основания. Война — это прежде всего политическое явление. «Все дело, — подчеркивал В. И. Ленин, — в *системе* политических отношений перед войной и во время войны» [1]. Именно социально-политический, классовый подход к войне позволяет понять самую суть войны и служит надежным ориентиром при анализе войн современности.

Буржуазные военные социологи, историки, военные авторы, как правило, сознательно уходят от исторических и социально-

---

эти понятия с оборонительными и наступательными боевыми действиями, В. И. Ленин предложил отказаться применять термины «оборонительная» и «наступательная» война для определения социально-политического характера (считая, что его адекватно выражают термины «справедливая» и «несправедливая» война), а использовать их лишь в военном смысле, то есть для определения вооруженной борьбы (см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 27, 29; т. 30, с. 83). — *Ред.*

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 344.

политических оснований классификации войн, ограничиваясь военно-техническими и масштабными, а нередко пренебрегая и ими. Этим теоретикам, идейно охраняющим и оправдывающим интересы господствующих классов, не по душе социально-политические основания классификации. Когда же они все-таки считают для себя необходимым обратиться к ним (например, при делении войн на справедливые и несправедливые), то они фальсифицируют факты истории. Затрагивающий судьбы народов и всех современных классов материал, которым оперируют буржуазные ученые, вызывает у них, говоря словами К. Маркса, «самые низменные и самые отвратительные страсти человеческой души — фурий частного интереса» [1].

2. ТИПЫ ВОЙН СОВРЕМЕННОЙ ЭПОХИ

Социально-политические основания классификации войн дают возможность классифицировать войны по типам и социально-политическому характеру. Однако предпочтительность рассмотрения в учебно-педагогическом процессе этой проблемы сначала с точки зрения деления войн на типы, а затем на рода (справедливые и несправедливые) обусловлена следующими обстоятельствами.

Во-первых, война генетически вырастает из системы экономических и политических отношений, а последние обусловливают тип войны, характеризующий ее как двусторонний процесс. Во-вторых, логически правильнее начинать анализ войн на основе их типов потому, что в рамках одного типа войны могут быть не только одинаковыми по своему социально-политическому характеру (например, несправедливые войны между капиталистическими государствами из-за стремления произвести передел сфер влияния), но и диаметрально противоположными (справедливыми с одной стороны и несправедливыми с другой). В последнем случае характеристика социально-политического характера войны не применима к войне в целом как к двустороннему процессу. Последнее понятие является более общим по отношению к войне, ведущейся одной из сторон. Частное может быть понято, как указывал В. И. Ленин, на основе предварительного уяснения общего [2].

Вместе с тем жесткое обособление и противопоставление типа войны социально-политическому характеру, определяемому политическими целями каждой из воюющих сторон, антидиалектично. Их относительно самостоятельное рассмотрение допустимо только в интересах методически оправданного анализа. В. И. Ле-

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 10.
[2] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 15, с. 368.

ник применял эти два подхода к анализу войн в неразрывном единстве.

В. И. Ленин считал «ошибочным теоретически и вредным практически *не* различать типов войн» [1]. За основу деления войн на типы В. И. Ленин брал исторически разрешаемые в войнах противоречия, обусловленные экономическими и политическими отношениями между классами и государствами[2].

Приведем классический пример ленинского анализа войн по типам в дооктябрьский период. В письме к И. Арманд 19 января 1917 г. он писал: «Войны вещь архипестрая, разнообразная, сложная. С общим шаблоном подходить нельзя.

(I) Три главных типа: отношение угнетенной нации к угнетающей... По общему правилу, война законна со стороны угнетенной (все равно, оборонительная или наступательная в военном смысле).

(II) Отношение между 2-мя угнетающими нациями. Борьба за колонии, за рынки и т. п. (Рим и Карфаген; Англия и Германия 1914—1917). По общему правилу, война такого рода с *обеих* сторон есть грабеж...

(III) Третий тип. *Система* равноправных наций. Вопрос куда **сложнее!!!!**» [3].

Как видим, В. И. Ленин, выделяя типы войн, указывает обе воюющие стороны. Поэтому понятие, например, «национально-освободительная война» характеризует не тип войны, а представляет в данной типологии категорию, определяющую одну из разновидностей справедливой войны в системе политических отношений между угнетающими и угнетенными нациями. Далее, В. И. Ленин одновременно с выделением типов войны указывает и на логически вытекающий из него социально-политический характер войны для каждой из воюющих сторон, отмечая ее несправедливость с обеих сторон или справедливость с одной из них. И, наконец, из приведенного высказывания следует, что недопустимо отождествлять (а это именно делали социал-шовинисты в первой мировой войне) социально-политический характер войны с оборонительными или наступательными боевыми действиями.

Уже в 1916 г. В. И. Ленин на основе анализа классовой борьбы пролетариата пришел к выводу о возможности нового типа войн — между социалистическими государствами и буржуазными. Эти войны характерны только для современной эпохи[4].

Ленинская методология анализа войн по типам в полной мере применима и в современных условиях.

Современная эпоха представляет собой узел различных антагонистических противоречий. Наиболее существенными из них являются: противоречия между мировыми общественными систе-

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 118.
[2] См. там же, т. 32, с. 80; т. 49, с. 345, 369—370.
[3] Там же, т. 49, с. 369—370.
[4] Там же, т. 30, с. 133; т. 49, с. 288.

мами — социализмом и капитализмом; противоречия между пролетариатом и буржуазией внутри капиталистических государств, между крайней реакцией, монополистической верхушкой с одной стороны и всем народом с другой; противоречия между национально-освободительным движением и империализмом; противоречия конкурирующих между собой империалистических, капиталистических государств. С этими противоречиями и связаны основные типы современных войн.

Войны между государствами (коалициями) двух противоположных общественных систем. Марксизм-ленинизм требует выделения основного противоречия, выражающего самую сущность явления. Таким основным противоречием современной эпохи является противоречие между социализмом и империализмом, противоборство двух основных сил, первая из которых стремится обеспечить мир между народами, невиданные в истории темпы прогресса всех сторон жизни общества, а вторая является главным тормозом общественного развития, источником и виновником всех войн. Империализм пытался уже не раз разрешить это противоречие при помощи вооруженного насилия, вмешиваясь в гражданскую войну в Советской России, организуя войну против СССР в 1941—1945 гг. и предпринимая ряд локальных войн против социалистических государств (КНДР, ДРВ).

Гражданские войны между пролетариатом и буржуазией, между народами и монополиями. Этот тип войн представляет собой также острую и решительную форму классовой борьбы. Такой характер этих войн зависит не от рабочего класса и его союзников, а от степени ожесточенности сопротивления буржуазии, прибегающей к самым варварским средствам и способам борьбы. Со стороны пролетариата такие войны носят прогрессивный, революционный и справедливый характер. Такой была, например, гражданская война в России в 1918—1920 гг. Она уничтожила отжившие буржуазные порядки, расчистила почву для социалистического строительства, способствовала поступательному развитию общества.

Вместе с тем в нашу эпоху гражданские войны со стороны прогрессивных сил могут происходить не только в социалистических, но и в общедемократических целях. Например, восстание в Болгарии (1923 г.), гражданская война в Китае (1924—1949 гг.), война в Испании (1936—1939 гг.), в Греции (1946—1949 гг.), на Кубе (1956—1959 гг.) и т. д. В основе таких войн лежит противоречие между всем народом и реакционной верхушкой общества, монополиями. Эти войны ведутся либо в защиту демократической революции, либо в антифашистских целях. В ходе такой войны пролетариат ставит задачу перерастания общедемократической революции в революцию социалистическую.

Войны между империалистическими государствами и народами, борющимися за свою независимость. Это самый распространенный тип войн современной эпохи. Согласно ленинской

типологии он связан с противоречием между угнетенной нацией и угнетающей. Это — один из наиболее сложных типов, разновидностями (подтипами) которого являются:

1. Войны между народами колоний и полуколоний с одной стороны и империалистическими государствами, колонизаторами с другой. Например, война алжирского народа с французскими колонизаторами (1954—1962 гг.); народа Кении с английским империализмом (1952—1956 гг.); современные войны между народами Намибии и белыми расистами ЮАР, между коренным населением Южной Африки и белым меньшинством, установившим свое господство, и т. д.

2. Войны между империалистическими государствами и проимпериалистическими марионеточными режимами с одной стороны и народами, борющимися за свое национальное и социальное освобождение, с другой. Такими были войны в Южном Вьетнаме, Камбодже и другие.

3. Война между молодыми национальными суверенными государствами и империалистическими агрессорами, стремящимися установить неоколониализм. Например, тройственная англо-франко-израильская агрессия в Египте (1956 г.); вооруженная интервенция США против Доминиканской Республики (1956 г.); подготовленная империалистами агрессия Израиля против Египта, Сирии, Иордании и Ливана (1967 г.); иностранная интервенция, инспирированная империализмом и его пособниками против Анголы (1976 г.), против Республики Бенин (1977 г.) и др.

Войны между империалистическими государствами. Политическая система государственно-монополистического капитализма и милитаризма уже не раз порождала несправедливые, грабительские мировые и локальные войны данного типа. Наличие основного противоречия современной эпохи между двумя мировыми системами не исключает и глубоких противоречий между империалистическими государствами. За последние годы, как отметил Л. И. Брежнев, «усилились межимпериалистическое соперничество, раздоры в «Общем рынке» и внутри НАТО. Возросшая мощь международных монополий сделала конкурентную борьбу еще более беспощадной»[1]. Острый характер ныне приобретают разногласия между главными мировыми центрами империализма — США, странами Западной Европы и Японией, что свидетельствует о возможности возникновения и в будущем войн подобного типа. Однако они не разрешают, а лишь обостряют эти противоречия, делают все более очевидной необходимость устранения таких войн посредством социалистической революции.

В нашу эпоху возможны как войны между мощной империалистической державой и притесняемой ею малой капиталистиче-

---

[1] Брежнев Л. И. Ленинским курсом, т. 5, с. 479.

ской страной, так и войны между равноправными, по выражению В. И. Ленина, капиталистическими странами, в том числе между молодыми национальными государствами, вступившими на капиталистический путь развития. Разрушение колониальных империй и образование молодых национальных государств сопровождаются большими трудностями. Они заключены в наследстве, оставленном колонизаторами, — искусственной нарезке границ, пестроте социальных отношений и т. п. Вопрос о войнах, связанных с отношениями равноправных наций, нуждается в особо тщательном конкретно-классовом анализе на базе марксистской методологии.

Природе социализма войны чужды. Между социалистическими странами не может быть войн, не может быть и такого типа войны. Между социалистическими странами взаимоотношения строятся на принципах социалистического интернационализма, исключающих войну. В настоящее время буржуазные идеологи стремятся «опровергнуть» этот тезис, используя факт вооруженного нападения Китая на Социалистическую Республику Вьетнам (февраль 1979 г.), а также внешнеполитические установки Китая, руководители которого называют СССР открыто «врагом номер один». Цель такой идеологической кампании — доказать, что войны порождаются не только империализмом, но и социализмом.

В действительности же социализм ни как учение, ни как политическая система не несет и, конечно, не может нести ровным счетом никакой ответственности за нападение китайских войск на Вьетнам. Это разбойничье нападение было подготовлено правящей верхушкой Китая, предавшей идеалы и дело социализма, подготовлено маоизмом — идеологией и политикой шовинизма, великодержавия и гегемонизма.

Предательство пекинскими руководителями идеалов и дела социализма — явление не случайное. В революционном движении Китая длительное время боролись две тенденции: одна марксистско-ленинская и другая мелкобуржуазная, узконационалистическая, антимарксистская. Представители первой при поддержке международных революционных сил, и прежде всего СССР, обеспечили победу китайской революции, образование КНР как суверенного государства, вступление его на путь социалистического строительства. Однако эти завоевания китайского народа оказались под угрозой в результате того, что представителям второй тенденции удалось одержать верх. В Китае еще не построены основы социализма в сфере экономики, в которой важные ключевые позиции занимает национальная буржуазия. В сфере надстройки по сравнению с 50-ми годами произошли глубокие деформационные процессы, которые привели к тому, что у руля правления страной оказались люди, чуждые социалистическому интернационализму, природе социализма. И это важно учитывать, ибо, как говорил В. И. Ленин применительно к переходному периоду, «базируясь на экономике, социализм

вовсе не сводится весь к ней»[1]. Для построения социализма «необходим фундамент — социалистическое производство, но на этом фундаменте необходима *еще* демократическая организация государства, демократическая армия и пр.»[2]. Нынешняя тактика Пекина определяется проимпериалистической направленностью его внешней политики. Выражая мелкобуржуазные интересы, современные наследники Мао вступили в прямой сговор с империализмом.

Последние события, и в особенности вторжение китайских войск на территорию СРВ, показали, что Китай из резерва империализма превратился в его прямого союзника. «Китайское руководство, предав идеалы революции и социализма, охваченное фанатической устремленностью к гегемонизму, переметнулось в стан империализма и реакции, стало их союзником в борьбе против мирового социализма, международного коммунистического, рабочего и национально-освободительного движения, против всех прогрессивных сил»[3]. Нынешняя политика Китая отнюдь не опровергает тезиса о том, что в природе социализма нет и не может быть источников войны. Агрессивная война Китая против СРВ — это, подчеркнем еще раз, война, развязанная маоистской верхушкой, предавшей социализм, переметнувшейся в стан империалистических союзников. И здесь, как видим, абсолютно необходим классовый социально-политический анализ. Как справедливо отметил ЦК Коммунистической партии США, «маоизм — в основе своей политика предательства интересов рабочего класса и идеалов социализма, продиктованная желанием подобрать крохи, падающие со стола империализма»[4].

Пекин проводит политику, глубоко враждебную социалистическим странам, международному революционному движению, всем прогрессивным силам. На антисоветской, враждебной делу мира основе происходит сближение агрессивных кругов Запада, в первую очередь Соединенных Штатов, с китайским руководством. Партнерство империализма и пекинского гегемонизма представляет собой новое опасное явление в мировой политике, опасное для всего человечества, в том числе для американского и китайского народов.

Буржуазные авторы при классификации войн или уходят от их социально-политического анализа, или проводят ее по произвольным основаниям. Так, в книге американского социолога М. Мидларского «О войне» все современные войны подразделяются на 4 типа:

территориально-ограниченные непродолжительные по времени, без существенных жертв;

длительные региональные с большим числом участников,

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 22.
[2] Там же.
[3] Пекин: вчера — резерв империализма, сегодня — его союзник. — Коммунист, 1979, № 4, с. 84.
[4] Коммунист, 1979, № 1, с. 108.

большими жертвами, ведущиеся с целью оказать определенное политическое влияние;

продолжительные насильственные войны с большим числом жертв, направленные на изменение политики государства — противника;.

«нормативные войны», приводящие «к коренным изменениям» в системе политической власти как внутри страны, так и в международном масштабе[1]. В этой путаной классификации нет единого основания. Американский генерал М. Тейлор в книге «Ненадежная безопасность» все войны подразделяет на тотальные, обычные и подрывные[2]. К последним он относит гражданские (со стороны трудящихся) и национально-освободительные войны. В этой классификации отсутствует социально-политический анализ войн, но зато просматривается тенденция автора опорочить борьбу трудящихся, народов в гражданских и национально-освободительных войнах.

В сущности, названные «теоретические» концепции определили и принятую в Пентагоне систему классификации современных войн. Там их делят на стратегические, то есть мировые ракетно-ядерные, ядерные на театре войны, скажем, в Европе, обычные на театре военных действий, то есть локальные.

Как видим, характерный прием буржуазных идеологов и военных авторов в классификации войн — это выпячивание военно-стратегических, военно-технических характеристик войны, абсолютизация ее отдельных сторон и признаков, смешение разных оснований, уход от классово-политического анализа. Это является следствием классовой тенденциозности и применения антинаучной методологии классификации войн.

3. РОДА И ВИДЫ СОВРЕМЕННЫХ ВОЙН

Основоположники марксизма-ленинизма придавали исключительно важное значение делению войн по социальному, или социально-политическому, характеру на два рода — справедливые и несправедливые. Категория «социальный характер войны» выражает классово-социальную направленность войны, то есть соответствие или несоответствие главных политических целей (и их реализации) каждой из воюющих сторон социальному прогрессу, а также оценку этой войны как справедливой или несправедливой[3].

Для выяснения социального характера войны классики марксизма-ленинизма особое значение придавали анализу ее конкретного социального содержания, которое «охватывает целенаправленную деятельность воюющих сторон, взятую во всем ее конкретном многообразии и взаимном переплетении»[4].

Главнейшим компонентом, или, как говорил В. И. Ленин,

---

[1] См.: Midlazsky M. On war. N. Y., 1975, p. 12—14.
[2] См.: Taylor M. Precarious Security. N. Y., 1976, p. 54.
[3] См.: Война и армия, с. 88—89.
[4] Война и армия, с. 88.

«основным вопросом», при анализе социального содержания той или иной войны является определение ее классово-политического содержания. «С точки зрения марксизма... — писал В. И. Ленин, — основной вопрос при обсуждении социалистами того, как следует оценивать войну и как следует относиться к ней, состоит в том, из-за чего эта война ведется, какими классами она подготовлялась и направлялась» [1]. Анализ классово-политического содержания он требовал делать «для каждой войны особо» [2], то есть изучить *«причины войны, цели, которые она себе ставит, и классы, которые ее ведут»* [3].

Вскрытые В. И. Лениным политические цели буржуазии в первой мировой войне характерны и для политики современного империализма. Однако ныне резко усилилась их антисоциалистическая, антиреволюционная направленность. Ныне возросла активность сил империализма и реакции, которые пытаются подчинить своему господству независимые государства и народы, подхлестывают гонку вооружений, грубо вмешиваются во внутренние дела других государств, что создает угрозу для процесса разрядки, противодействует стремлению народов к миру, свободе, независимости и прогрессу.

Как явление общественной жизни война подлежит моральной и правовой оценкам. Каждый класс стремится средствами морали и права одобрить или осудить войну, а также обосновать в ней свои политические цели.

Однако мораль и право в классовом обществе носят классовый характер. Каков же критерий такой оценки современных войн? В марксистско-ленинском понимании категория «справедливая война» означает одобрение войны с точки зрения прогрессивных сил эпохи, в юридическом отношении — признание ее законной с той же точки зрения. В частности, война, ведущаяся революционным классом и другими революционными силами за свое социальное и национальное освобождение, говоря словами В. И. Ленина, «это — единственная законная, правомерная, справедливая, действительно великая война из всех войн, какие знает история» [4]. В этом высказывании сочетаются моральная и правовая оценки классово-политического характера войны.

Социальный характер войны может изменяться в процессе одной и той же войны. Так, вторая мировая война началась как империалистическая, захватническая как со стороны фашистского блока, так и со стороны Англии и Франции [5]. Однако под воздействием нарастающей национально-освободительной борьбы народов против фашистской агрессии характер войны со стороны Англии и Франции постепенно изменялся. Этот процесс окончательно завершился со вступлением в войну СССР и образованием

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 77—78.

[2] Там же, т. 30, с. 262.

[3] Там же, с. 265.

[4] Там же, т. 9, с. 212.

[5] См.: История второй мировой войны 1939—1945 в 12-ти т. М., 1973, т. 1, гл. 1, с. 11.

антигитлеровской коалиции. Но если со стороны СССР война от начала до конца была справедливой, то правящие круги государств — союзников СССР по коалиции одновременно преследовали и империалистические цели. Поэтому правильным методологическим принципом при оценке войн, ведущихся эксплуататорскими классами, является оценка политического содержания войн с учетом внутренней противоречивости политики этих классов.

Справедливый, законный и в этом смысле прогрессивный характер войн современной эпохи можно установить только с позиций интересов рабочего класса, социалистической системы, интересов народов, борющихся против колониализма и неоколониализма, с точки зрения интересов всех революционных сил, определяющих магистральный путь развития человечества к социализму и коммунизму. Этому марксистско-ленинскому принципу следовали и следуют в своей практической деятельности марксистско-ленинские партии. Именно с позиций этого принципа они ведут борьбу против идеалистических, субъективистских критериев оценки войн современной эпохи.

Марксистско-ленинская методология исследования социального характера конкретных войн современной эпохи имеет исключительную политическую актуальность. Она позволяет коммунистическим и рабочим партиям социалистических государств определить свое отношение к каждой войне и наметить правильную линию поведения. Вместе с тем она имеет большое идеологическое значение. Ведь современные войны втягивают в свою орбиту многомиллионные массы людей, и степень их активности в огромной мере зависит от понимания социально-политического характера данной войны. «Убеждение в справедливости войны... — писал В. И. Ленин, — поднимает дух солдат и заставляет их переносить неслыханные тяжести» [1].

Двуединый (общий) анализ войн по типам и социально-политическому характеру позволяет выделять следующие виды справедливых войн:

войны в защиту социалистического Отечества, завоеваний социализма;

войны угнетенных классов, всех прогрессивных сил против эксплуататорских классов, против монополий;

национально-освободительные войны;

войны несоциалистических государств в защиту своего суверенитета и территориальной целостности от империалистического агрессора.

Соответственно этому к несправедливым видам войн относятся:

войны империалистических государств против социалистических стран;

войны эксплуататорских классов, монополий против эксплуа-

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 121.

тируемых классов, всех прогрессивных сил, осуществляемые в рамках гражданской войны;

войны буржуазии за сохранение колониализма;

агрессивные войны империализма против несоциалистических государств.

Войны в защиту социалистического Отечества, завоеваний социализма являются особым видом войн современной эпохи и отличаются от всех других войн существенными чертами.

Во-первых, это вынужденные войны, крайнее средство, к которому народы, строящие социалистическое и коммунистическое общество, принуждаются империалистической агрессией. Такие войны в высшей степени справедливы и ведутся за самые прогрессивные цели.

Во-вторых, войны в защиту социалистического Отечества, завоеваний социализма носят последовательно революционный характер. Они являются продолжением классовой борьбы организованного в социалистические государства пролетариата против мировой буржуазии. По утверждению В. И. Ленина, такие войны носят характер международной гражданской войны. Руководящая роль в них принадлежит марксистско-ленинским партиям.

В-третьих, войны в защиту социалистического Отечества, завоеваний социализма носят подлинно народный характер как по целям и историческому значению, так и по методам их ведения. Все это обусловливает невиданную активность и массовый героизм народа, готовность лучших его сынов на самопожертвование.

В-четвертых, в войнах в защиту социалистического Отечества, завоеваний социализма воедино сливаются национальные и интернациональные цели и задачи освободительной борьбы пролетариата. Так, Советский Союз, выполняя свой интернациональный долг, оказал экономическую, морально-политическую и военную помощь народам Монголии, КНДР, Китая, Кубы, Вьетнама в их борьбе против внешней агрессии. Советский Союз сыграл решающую роль в освобождении народов Европы от фашистского ига. Наиболее полно раскрывается интернациональный характер защиты социализма в рамках Варшавского Договора.

Ярко выраженной спецификой обладают и современные национально-освободительные войны. Во-первых, в этих войнах народам, поднявшимся на борьбу против неоколонизаторов, приходится вести ее не против отдельных империалистических государств, а против их коалиций. Поэтому успех народов в этой борьбе в решающей мере зависит от тесного сотрудничества с мировой социалистической системой. Подтверждением может служить победа вьетнамского, ангольского, кампучийского и других народов.

Во-вторых, в современном национально-освободительном движении настойчиво пробивает себе дорогу тенденция сближения национально-освободительной борьбы с гражданской войной. Это обусловлено углублением национально-освободительного движения и вступлением его в новый этап — борьбы не только против

империализма, но и внутренней реакции (помещиков и буржуазии).

Приведенная здесь классификация войн современной эпохи не является исчерпывающей. Отдельные категории (группы) войн можно выделять и по другим основаниям. Однако данная классификация охватывает самое существенное в войнах.

В современных условиях марксистско-ленинское учение о справедливых и несправедливых войнах подвергается наиболее активным атакам.

Идеологи милитаризма пытаются выдать интересы монополистической буржуазии за общенациональные интересы и тем самым обосновать «справедливость» и «законность» ее войн против социализма, рабочего и национально-освободительного движения в условиях якобы фатальной неизбежности войны. «Североатлантический блок, — пишет, например, американский теоретик Л. Уэттен, — вправе предпринимать любые шаги, которые нужны для защиты колыбели мировой цивилизации»[1]. Яснее трудно выразить кредо агрессоров.

Марксистско-ленинская оценка современных войн на основе их научной классификации позволяет разоблачить идеологов милитаризма, их преданность интересам военно-промышленного комплекса, их «цивилизованное варварство» и в то же время показать теоретическую несостоятельность пацифистски мыслящих ученых, которые отрицают правильность марксистско-ленинского учения о справедливых и несправедливых войнах, не понимая действительно сложной диалектики социально-политического характера войны и ее результатов (основного исторического значения). А именно понимание этой диалектики на основе марксистско-ленинской методологии открывает путь к истине и мобилизует народы социалистических стран и воинов социалистических армий на борьбу с милитаризмом, на защиту завоеваний социализма.

---

[1] Whetten L. Contemporary American Foreign Policy. N. Y., 1975, p. 320.

ГЛАВА XVIII

ВОЕННАЯ МОЩЬ ГОСУДАРСТВ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Анализ сущности войны, классификация войн современной эпохи являются методологической основой выявления существенных, закономерных связей и тенденций, определяющих возникновение, ход и исход войн. В конечном итоге ход и исход войны обусловлены соотношением материальных и духовных сил противоборствующих сторон. Эта общая, поистине универсальная закономерность реализуется через систему законов войны и вооруженной борьбы, выявление, классификация и понимание которых невозможны без предварительного анализа военной мощи государств, выделения ее структурных элементов, ибо законы войны и вооруженной борьбы и есть не что иное, как существенные зависимости между ходом и исходом войны, с одной стороны, и определенными потенциалами (факторами), образующими военную мощь государства, — с другой. Кроме того, анализ военной мощи помимо уяснения детерминации ею законов войны и вооруженной борьбы позволяет военным кадрам лучше понять свое место в общей системе обороноспособности социалистического государства и свою роль в повышении боевой готовности социалистической армии.

1. ПОТЕНЦИАЛЬНАЯ ВОЕННАЯ МОЩЬ ГОСУДАРСТВА И ЕЕ ЭЛЕМЕНТЫ

Военная мощь страны, государства — это совокупность всех материальных и духовных сил государства (коалиции государств) и его способность мобилизовать эти силы для достижения цели войны[1]. Применительно к социалистическому государству синонимическими понятиями выступают «оборонная мощь»[2], «обороноспособность государства»[3].

[1] См.: Советская Военная Энциклопедия, т. 2, с. 183.
[2] См.: Программа Коммунистической партии Советского Союза, с. 111.
[3] См.: Тюшкевич С. А. Обороноспособность государства. — Советская Военная Энциклопедия, т. 5, с. 668—669.

Выделение структурных элементов военной мощи в марксистско-ленинском учении о войне и армии принято осуществлять по двум основаниям — потенциалам и силам (материальным и духовным), диалектически взаимосвязанным и раскрывающим под определенным углом зрения одно и то же содержание.

Потенциал (от лат. potentia — возможность) в широком смысле — запасы, средства, силы, находящиеся в наличии и могущие быть использованными для совершения определенного действия. Совокупность потенциалов составляет потенциальную военную мощь государства. Представления о них уточнялись в процессе развития марксистско-ленинского учения о войне и армии и учения о защите социалистического Отечества и завоеваний социализма. При этом советские ученые, опираясь на марксистско-ленинскую методологию, выделяли потенциалы, исходя из основных сфер жизнедеятельности социалистического общества, обеспечивающих укрепление обороноспособности страны. В настоящее время можно считать утвердившимся взгляд, согласно которому принято выделять экономический, социальный, политический, духовный, научно-технический и собственно военный потенциалы.

Экономический потенциал страны (коалиции) характеризует общие экономические возможности государства, определяемые объемом производства, уровнем производительности труда, эффективностью использования оборудования, технологической культурой и качеством продукции. Экономический потенциал выражает общие возможности по обеспечению материального и культурного уровня жизни людей, развитию науки, образования, здравоохранения, улучшению социальных и жилищных условий и т. п. Достигнутый в настоящее время экономический потенциал Советского государства позволяет успешно решать все социальные, политические и оборонные задачи, создавать современные средства производства, предметы потребления и орудия ведения войны.

Понятие «экономический потенциал» не является специфически-военным. Общеэкономический потенциал страны — это фундамент ее военно-экономического потенциала. Если не развиты оборонные отрасли промышленности, не учтены потребности обороны страны, не созданы мобилизационные запасы и не зарезервированы для нужд обороны производственные мощности, то, как бы ни был высок общий экономический потенциал, страна будет обладать абстрактной, неразвитой возможностью ведения войны.

Военно-экономический потенциал зависит не только от валового объема продукции и других общеэкономических величин, но и от того, обеспечивает ли размещение промышленности ее живучесть, продуман ли вопрос о дублировании предприятий на

---

[1] См.: Пожаров А. И. Экономические основы оборонного могущества социалистического государства. М., 1981.

случай выхода из строя некоторых из них, обеспечена ли мобильность производства — способность быстро перейти на режим военного времени, оптимизированы ли военные перевозки по территории страны, прикрыты ли промышленные районы средствами ПВО и т. п.

Социальный потенциал выражает социальную и прежде всего классовую структуру общества, степень прочности взаимоотношений между классами и социальными группами, нациями и народностями, между обществом, коллективами и личностью. Иначе говоря, социальный потенциал определяется общественным строем страны. В. И. Ленин, подчеркивая влияние общественного строя на военную мощь государства, задолго до Октябрьской революции писал: «Обороноспособность, военная мощь страны *с* национализацией банков *выше*, чем страны с банками, остающимися в частных руках. Военная мощь крестьянской страны, с землей в руках крестьянских комитетов, *выше*, чем страны с помещичьим землевладением» [1].

Особенность этого потенциала состоит в том, что взаимоотношения между классами, нациями и т. д. выражаются через экономические, политические, духовные связи. Однако его самостоятельное выделение вполне оправдано. Такой порядок рассмотрения сфер общественной жизни принят в ряде коллективных трудов [2].

Социальный потенциал концентрированно выражает или отношения сотрудничества и взаимопомощи, или отношения господства и подчинения в обществе и существенно определяет военную мощь государства. Социальный потенциал социалистического общества отличается особой прочностью и жизнестойкостью.

Политический потенциал [3] выражает возможности страны к ведению войны, заложенные в политической системе государства (государственных и общественных организациях, политических отношениях и т. п.), способность этой системы мобилизовать материальные и людские ресурсы страны в интересах достижения политических целей. По выражению В. И. Ленина, «всякая война нераздельно связана с тем политическим строем, из которого она вытекает» [4]. Величина политического потенциала определяется характером политической системы, государственным строем общества. В социалистических странах этот потенциал форми-

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 195.

[2] См.: Марксистско-ленинское учение о социализме и современность. М., 1975, с. 250—273.

[3] Некоторые авторы включают политический потенциал в социальный (см.: Война и армия, с. 174) или же объединяют его с социальным, называя социально-политическим (см.: Основы научного коммунизма. М., 1968, с. 282). Авторы данного пособия полагают, что целесообразно эти потенциалы (социальный и политический) разделить и рассматривать особо.

[4] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 79.

руется и развивается под руководящим воздействием марксистско-ленинских партий. Он характеризуется демократическими свободами, правами и обязанностями граждан, свидетельствующими о неоспоримых преимуществах социалистической политической системы над буржуазной. В Конституции СССР (ст. 31) записано: «Защита социалистического Отечества относится к важнейшим функциям государства и является делом всего народа» [1].

Духовный потенциал выражает возможности, заложенные в духовной жизни общества, которые могут быть использованы в случае ведения войны для достижения ее политических целей. Ядром духовного потенциала выступают моральное и политическое сознание общественных классов. Именно поэтому в более ранних трудах марксистов этот потенциал назывался морально-политическим или просто моральным. Исторически это сложилось потому, что вплоть до середины нашего века духовные силы на войне назывались моральными силами. Однако по мере исследования отдельных форм общественного сознания выявилась потребность более дифференцированного подхода к духовному потенциалу. В последние годы в партийных документах этот потенциал получил более адекватное название духовного. Так, XXV съезд КПСС отметил, что международная деятельность КПСС, Советского государства «опирается на экономическую и оборонную мощь страны, ее духовный потенциал...» [2]. Соответственно этот потенциал, приведенный в действие, стали именовать духовным фактором [3].

Особое место среди потенциалов, составляющих военную мощь государства, занимает **научно-технический потенциал страны (коалиции)**. Он определяется достигнутым уровнем научно-технической мысли, достижениями в развитии техники и технологии и их способностью участвовать в решении кардинальных задач практики в производственной, социальной и военной областях.

До середины 50-х годов наука и техника рассматривались как элементы экономического потенциала. В ходе НТР выявилась их относительно самостоятельная от экономики (в рамках материалистического понимания истории) роль и было введено соответствующее понятие.

Особое положение научно-технического потенциала определяется тем, что он органически связан как с базисными (экономическими), так и с надстроечными (в частности, с духовными) звеньями общественной структуры и с известной долей условности может рассматриваться их частью, стороной. Кроме того,

---

[1] Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик, с. 15.

[2] Материалы XXV съезда КПСС, с. 34.

[3] См.: Война и армия, с. 231—256.

сам этот потенциал с достаточным на то основанием может быть разделен на собственно научный и технический. Однако наука столь тесно связана с техникой (особенно в сфере производственной), что в последние годы утвердилось понятие научно-технического потенциала. В документах XXV съезда было дано определение его содержания. «Выполняя решения съезда (имеется в виду XXIV съезд партии. — *Ред.*), — говорится в документах XXV съезда, — мы добились заметного роста научно-технического потенциала. Еще шире стал фронт научных исследований. Все больший размах приобретает творчество сотен тысяч изобретателей и рационализаторов. Немало научно-производственных объединений, целых отраслей вышли на передовые технические рубежи. Многие виды производимого в стране оборудования, отдельные типы машин, ряд технологических процессов отвечают лучшим мировым достижениям» [1].

При определении научно-технического потенциала учитывается уровень развития всей системы научных знаний — общественных, естественных и технических дисциплин, так как влияние этого потенциала не ограничивается сферой производства, а проявляется в научном обосновании внутренней и внешней политики государства, социальных мероприятий, постановки образования и воспитания граждан, здравоохранения и т. п.

Основу научно-технического потенциала составляют фундаментальные науки — ядерная физика, квантовая механика, кибернетика, математика и другие. Только на их базе возможно интенсивное, коренное качественное изменение в способах производства и вооруженной борьбы. Однако этот потенциал зависит также от уровня развития прикладных наук, технологии. Сейчас теории проектирования, конструирования и исследования эффективности техники приобретают статус самостоятельных наук. Реализация достижений науки решающим образом зависит от уровня исследований, проводимых в отраслевых институтах, конструкторских и проектных организациях, непосредственно обеспечивающих интеграцию сложившейся в ходе НТР системы «наука — техника — производство».

Научно-технический потенциал страны существенно зависит от таких показателей, как обеспеченность НИИ и КБ высококвалифицированными кадрами, улучшение научно-технической информации, материальная обеспеченность исследовательских и проектно-конструкторских учреждений. Следовательно, этот потенциал зависит от постановки образования в стране, уровня организации и управления в государственных масштабах, от способности государства выделить на оборону необходимые средства и т. п., то есть в конечном счете от социально-политического и экономического строя данной страны. Именно соединение достижений научно-технической революции с преимуществами соци-

[1] Материалы XXV съезда КПСС, с. 47.

ализма обеспечивает высокий научно-технический потенциал Советского Союза, других стран социализма.

Все названные потенциалы не являются специфически военными. Но, будучи обращенными к военной практике, они приобретают особую направленность, а потому из них выделяют военно-прикладные ответвления (например, военно-экономический, военно-политический, военно-духовный, военно-научный потенциалы).

Помимо этих потенциалов принято выделять и **собственно военный потенциал** — возможности государства (коалиции) содержать и совершенствовать вооруженные силы, повышать их боеспособность, пополнять обученными кадрами, снабжать современным оружием и военной техникой и всеми видами довольствия в мирное и военное время [1].

В военный потенциал входят:

боевой потенциал, определяемый возможностями, заложенными в количестве и качестве личного состава и техники, организационной структуре войск, системе их обучения, обеспечения и управления, и характеризующий боевую мощь [2] наличных вооруженных сил в ее потенциальном состоянии;

мобилизационные возможности государства [3] в той мере, в которой они направлены непосредственно на укрепление боевой мощи вооруженных сил. Остальная часть мобилизационных возможностей реализуется в других потенциалах (военно-экономическом, научно-техническом и т. д.).

Выделение потенциалов может быть проведено также путем экстраполяции основного вопроса философии на военную мощь государства (коалиции). В этом случае в рамках военной мощи правомерно выделение материальных и духовных сил.

В каждом из вышеназванных потенциалов, поскольку в них включены люди, содержатся духовные элементы. Так, величина экономического потенциала определяется производственным опытом людей, их научно-производственными знаниями, а научно-технический потенциал, как уже явствует из самого его названия, включает в себя научные знания. То же самое можно сказать и о других потенциалах. Поэтому понятие «духовные силы» в соотношении с материальными силами является более широким понятием, чем духовный потенциал, рассматриваемый в контексте с другими потенциалами (экономическим, социальным, политическим, научно-техническим и собственно военным). Следовательно, материальные силы — это материальная сторона, а духовные силы — это духовная сторона военной мощи государства (коалиции).

---

[1] См.: Тюшкевич С. А. Потенциал военный. — Советская Военная Энциклопедия, т. 6, с. 473—474.

[2] См.: Рыбкин Е. И., Тюшкевич С. А. Боевая мощь. — Советская Военная Энциклопедия, т. 1, с. 513—514.

[3] См.: Белоконов К. К. Мобилизационные возможности государства. — Советская Военная Энциклопедия, т. 5, с. 340—341.

Все перечисленные потенциалы, материальные и духовные силы диалектически взаимосвязаны, определяя в своем единстве военную мощь страны или группы стран.

2. ВОЕННАЯ ГОТОВНОСТЬ ГОСУДАРСТВА И ЕГО РЕАЛЬНАЯ ВОЕННАЯ МОЩЬ

Реальная военная мощь государства не является арифметической суммой перечисленных потенциалов. Взятые порознь, они еще не характеризуют его истинную военную мощь, хотя каждый из них и является необходимой ее предпосылкой. Опыт истории войн свидетельствует, что иной раз государства, обладавшие меньшим экономическим или военным потенциалом, одерживали победу, так как им удавалось перекрыть в определенных границах недостаток одного из потенциалов превосходством другого. Так, хотя молодая Советская республика уступала объединенным силам контрреволюции и интервентов по всем показателям, кроме духовного, Красная Армия одерживала победу за победой. Следовательно, реальная военная мощь государств — величина комплексная, отдельные ее компоненты находятся в диалектической взаимосвязи, это сложная, охваченная огромным количеством положительных и отрицательных, прямых и обратных связей система, каждый из элементов которой чутко реагирует на изменения остальных.

Буржуазные военные теоретики в оценке соотношения сил противоборствующих сторон стоят на агностических позициях. Так, американский ученый Г. Блейни в книге «Причины войн» утверждает: «По иронии судьбы наиболее точной формулой измерения силы является результат войны. До тех пор, пока война представляет ценность с этой точки зрения, поиски более гуманного и эффективного пути для измерения соотношения сил будут, видимо, бесплодными» [1].

Несмотря на чрезвычайную сложность измерения военной мощи государства (коалиции), марксисты-ленинцы являются противниками агностицизма и исходят из того, что проблема оценки и сравнения отдельных потенциалов, военной мощи государства в целом в принципе разрешима. Притом не только в описательно-качественной, но и в строгой количественной форме [2].

В структурном отношении каждый из потенциалов военной мощи — это только возможность, которую еще надо суметь реализовать. В истории войн нередки случаи, когда государства, располагавшие превосходящими потенциалами, упускали победу, по каким-то объективным или субъективным причинам не могли

---

[1] Цит. по: Война, история, идеология. М., 1974, с. 45.

[2] См.: Тараканов К. В. Математика и вооруженная борьба. М., 1974.

мобилизовать свои ресурсы, привести их в действие. Чтобы приведение в действие военной мощи государства было своевременным, необходима определенная мера готовности вооруженных сил и страны в целом.

Для характеристики способности государства и армии немедленно вступить в войну служат понятия «военная готовность страны» и «боевая готовность войск».

Военная готовность государства — это способность населения страны в целом вступить при необходимости немедленно в войну и успешно вести ее. В. И. Ленин придавал этой проблеме исключительно важное значение. Он указывал, что «военную готовность мы должны сохранить во всяком случае» [1].

Главным звеном военной готовности выступает боевая готовность войск — состояние, определяющее степень подготовленности войск к немедленному выполнению возложенных на них боевых задач. Еще в первые годы Советской власти В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что «мы свою Красную Армию во что бы то ни стало должны сохранить во всей боевой готовности и усилить ее боевую способность» [2].

Военная готовность страны включает не только боевую готовность войск, но также готовность немедленно ввести в действие мобилизационные планы во всех отраслях народного хозяйства, готовность к использованию мобилизационных запасов, призыву резервных контингентов, готовность гражданской обороны, транспорта, завершенность оборудования территории страны как театра военных действий и т. п.

В условиях современных войн маловероятно, чтобы миролюбивая, не проводящая агрессивную политику страна перед началом войны получила какое-то особое время для приведения армии, промышленности, транспорта и т. п. в полную готовность. Поэтому постоянная высокая военная готовность — это показатель реального военного могущества страны.

Боевую готовность войск принято рассматривать на различных уровнях. В тактическом плане она определяется степенью укомплектованности соединений, частей, кораблей и подразделений личным составом, его высокой боевой и политической подготовкой, полевой, морской и воздушной выучкой, дисциплинированностью и организованностью; боевой слаженностью соединений, частей и подразделений, необходимой подготовкой командных кадров и штабов; укомплектованностью войск оружием и боевой техникой, их исправностью и готовностью к действию, наличием в войсках необходимых для ведения боевых действий запасов боеприпасов, горючего и смазочных материалов, продовольствия. В оперативном и стратегическом плане сверх перечисленного боевая готовность войск еще характеризуется забла-

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 130.
[2] Там же.

говременным созданием необходимых группировок войск на операционных направлениях и театрах военных действий в соответствии с военно-политической обстановкой и военной доктриной, готовностью соответствующих штабов и органов управления немедленно приступить к руководству боевыми действиями и т. п.

Прошло то время, когда высокая боевая готовность требовалась лишь от частей, расположенных в первых эшелонах приграничных военных округов, а в военное время — в прифронтовой полосе. Теперь, с появлением новых средств нападения и возросшей быстротой передвижения, требуется, чтобы войска, даже расположенные в глубоком тылу, постоянно находились в готовности к немедленным действиям. Современная обстановка предъявляет к боевой готовности высокие требования. В наши дни огромные скорости полета ракет и самолетов требуют приведения войск в полную боевую готовность в течение считанных минут. Только при этом условии можно рассчитывать на эффективное отражение или срыв внезапных ударов агрессора и успешное выполнение боевых задач, особенно ракетными войсками, средствами ПВО и авиацией, в которых счет времени идет на секунды.

Министр обороны СССР Маршал Советского Союза Д. Ф. Устинов, говоря о боевой готовности Советских Вооруженных Сил, подчеркивал: «Главный, определяющий показатель мощи Вооруженных Сил — их постоянная боевая готовность, гарантирующая немедленный отпор любому агрессору.

В боевой готовности, как в фокусе, сосредоточены огромные усилия и материальные затраты народа на оснащение армии, сознательность, обученность и дисциплина всех военнослужащих, искусство командного состава в управлении войсками и многое другое. Боевая тотовность является венцом воинского мастерства личного состава в мирное время и ключом к победе на войне. Нарастающая из года в год гонка вооружений в капиталистических странах, усиление их военных приготовлений, направленных против Советского Союза и других социалистических государств, требуют, чтобы боевая готовность армии и флота всегда находилась на должном высоком уровне. Это постоянная задача советских воинов. И они с глубоким пониманием и с чувством высокой ответственности относятся к ее выполнению, к совершенствованию своего боевого мастерства» [1].

Боевая готовность войск и военная готовность страны — величины не постоянные; по своему характеру они историчны, динамичны и соотносительны.

Историчность боевой и военной готовности и их элементов состоит в том, что одна и та же армия, страна в различные периоды своей истории могут быть готовы к войне в разной сте-

---

[1] Устинов Д. Ф. Избранные речи и статьи, с. 37.

пени. Так, в послевоенный период, учитывая возрастание военной опасности со стороны империализма и подготовку им новой мировой войны, а также учитывая исторический опыт ведения войн с агрессорами, КПСС, Советское правительство были вынуждены повышать готовность нашей армии и государства в целом к отражению агрессии.

Динамичность боевой и военной готовности состоит в том, что их невозможно создать и закрепить разовым актом, они постоянно нуждаются в поддержании и развитии. Обладать высокой боевой и военной готовностью — значит постоянно поддерживать их на уровне непрерывно возрастающих требований. КПСС и Советское правительство, страны социалистического содружества проявляют постоянную заботу о боеготовности войск и готовности стран к защите завоеваний социализма.

Необходимая мера соотносительности боевой и военной готовности устанавливается сравнением со степенью готовности других держав и их армий. Как бы ни была высока боевая и военная готовность армии и страны в сравнении с прошлым, она все же недостаточна, если уступает готовности других стран и армий.

Постоянным источником военной угрозы в современную эпоху является империализм. Поэтому, определяя меру необходимой боевой и военной готовности, КПСС, Советское правительство исходят из учета степени боевой и военной готовности ведущих стран империалистического лагеря, в первую очередь стран НАТО.

По данным печати, боевая готовность армий НАТО весьма высока. Для поэтапного их приведения в полную боевую готовность разработана система тревог, боевые дежурства, рассредоточение.

По сообщению западногерманского журнала «Веркунде», широкое применение инфракрасных установок, лазеров, телевидения, электронных вычислительных машин, автоматизированных систем управления войсками и оружием, радиолокаторов дальнего обнаружения, разведывательных спутников и т. п. в значительной степени повысили степень боевой готовности войск НАТО.

Не желая считаться с реальностями современного мира, правящие круги США и других стран НАТО стремятся во что бы то ни стало изменить в свою пользу соотношение сил на мировой арене. Мир с «позиции силы» — таким хотели бы видеть его в Вашингтоне. Не о равенстве и одинаковой безопасности сторон пекутся там сегодня, а о создании новых, все более губительных средств массового уничтожения, достижении военного превосходства над Советским Союзом, установлении своей гегемонии и прямого господства над другими странами и народами[1].

---

[1] См.: Откуда исходит угроза миру. М., 1982, с. 78.

Натовские пропагандисты не скрывают готовности агрессивных сил империализма направить военную мощь в первую очередь против Советского Союза и других стран социалистического содружества.

Внешняя политика СССР и стран социалистического содружества пронизана стремлением к миру. Однако соотносительная природа боевой и военной готовности, понимание того непреложного факта, что снижение степени нашей готовности могло бы толкнуть империалистов на военную авантюру, вынуждают социалистические страны поддерживать военную и боевую готовность на уровне, обеспечивающем их оборону.

Таким образом, через военную готовность страны и боевую готовность войск потенциальная военная мощь государства становится ее реальной военной мощью.

3. ДИНАМИКА РЕАЛИЗАЦИИ ВОЕННОЙ МОЩИ ГОСУДАРСТВА В ХОДЕ ВОЙНЫ

С началом войны происходит превращение довоенных потенций, которыми обладало государство, в реально действующие причины и условия, определяющие действительное соотношение сил воюющих сторон в динамике вооруженной борьбы. Поэтому сама динамика реализации военной мощи стала объектом особых исследований. Важное значение для понимания этого процесса имеет понятие «фактор».

Фактор (от лат. factor — делающий, производящий) — термин, имеющий два значения: 1) движущая сила совершаемого процесса; 2) необходимое условие его совершения. Применительно к военной мощи государств понятие «фактор» употребляют, когда речь идет об экономических, духовных и других возможностях государства, приведенных в действие в ходе войны и ставших движущей силой этого процесса. Во втором смысле понятие «фактор» употребляют в тех случаях, когда говорят о таких необходимых условиях реализации военной мощи, как уровень руководства и управления, бдительность, внезапность и т. п.

Экономический, социальный, политический, духовный, научно-технический и собственно военный факторы — это та часть соответствующих потенциалов страны, которую ей удалось ввести в действие, превратить в движущие силы, в динамике определяющие ход и исход войны.

Способность государства превратить потенциалы в реальные факторы войны зависит не только от объективных возможностей, заложенных в потенциалах, но и от субъективных причин — реалистичности военно-политической доктрины, уровня организации руководства и управления, политико-морального состояния народа и армии.

Ярким примером преимущества советского экономического, общественного и государственного строя, высочайшего уровня политического и военного руководства, героизма советских людей

является перевод страны на военные рельсы в трудных условиях начального периода Великой Отечественной войны, превращение довоенных потенциалов в действующие факторы победы. Уже с середины 1942 г. оборонная промышленность начала наращивать выпуск военной продукции, обеспечив на протяжении последующих лет войны военно-экономическое, техническое и военное превосходство над противником. Таким образом, взятая в динамике военная мощь СССР оказалась более высокой, чем военный потенциал фашистского блока, хотя начальный баланс сил был в пользу фашистской Германии и ее союзников.

В современных условиях вопрос о диалектике перерастания довоенных потенциалов в динамически действующие факторы войны стоит значительно острее, чем прежде.

Экономический фактор. С одной стороны, высокие темпы боевых действий могут привести к тому, что в скоротечной войне будут использоваться в основном довоенные запасы, с другой — большие потери в технике и других материальных средствах в результате первых ударов могут поставить исход войны в зависимость от текущего производства. Современная НТР делает реальным быстрое увеличение выпуска оружия и боевой техники, в то же время возможность нанесения мощных ударов по промышленным районам в глубоком тылу затрудняет наращивание экономического фактора в ходе войны. Эти противоречивые тенденции обусловливают особую значимость создания довоенных стратегических запасов. Не случайно, что страны НАТО, по данным зарубежной печати, только на европейских ТВД создали стратегические запасы энергетических ресурсов на уровне 90-дневной потребности. Марксистско-ленинское учение о войне и армии исходит из концепции диалектического единства, взаимодополнения начального военно-экономического потенциала, довоенных запасов и текущего военного производства.

Социальный фактор. Социальное единство стран социалистического содружества, нерушимая сплоченность рабочего класса, социалистического крестьянства, народной интеллигенции выступают той социальной основой, на которой вырастают единые коренные интересы народа, для которого вопрос о будущности решен окончательно и бесповоротно. Эта будущность — совершенствование социализма и строительство коммунизма, выражающее главную тенденцию современной эпохи.

Антагонизм между классами в капиталистических странах, напротив, служит деморализующим фактором, ослабляющим боеспособность вооруженных сил империалистических государств.

Политический фактор. Миролюбивая политика марксистско-ленинских партий социалистических государств, их колоссальный авторитет в обществе и безграничная поддержка этой политики всеми классами и слоями народа выступают могущественным фактором защиты социализма в период войны, которую могут развязать империалистические агрессоры.

Поражение американских войск во Вьетнаме — яркий пример низкой эффективности политического фактора одной из самых сильных в экономическом отношении стран капитала. Политика США в этой войне, которую даже буржуазная печать окрестила «грязной» для агрессора, не пользовалась поддержкой не только у мировой общественности, но и в самих США у подавляющей части населения.

Духовный фактор. Справедливая война способствует наиболее полному превращению духовного потенциала в духовный фактор. Войны в защиту социализма, за национальное освобождение свидетельствуют о силе этого фактора, компенсирующего относительную ограниченность других факторов.

Напротив, несправедливый характер войны резко снижает духовные силы государства. «Для разных стран разный предел, но — предел, — писал В. И. Ленин, — дальше которого вести войну, ради интересов капиталистов, нельзя»[1]. Нельзя вести массы на грабительскую войну и надеяться на их энтузиазм[2].

Во время войны происходит резкая активизация идеологического и психологического воздействия на население и армию не только своей страны, но и на население и армию противника.

Опыт партийно-политической работы в Советских Вооруженных Силах свидетельствует о высокой ее результативности. Волнующие эпизоды партийно-политической работы раскрыты с партийной публицистичной страстностью в воспоминаниях Л. И. Брежнева «Малая земля». Огромную роль партийно-политической работы подчеркивает Маршал Советского Союза Д. Ф. Устинов: «Это — оружие особого рода. Оно никогда не стареет. Партийно-политическая работа охватывает все сферы жизни и деятельности личного состава, активно воздействует на сознание и сердца советских воинов, сплачивает их вокруг КПСС, мобилизует на успешное решение стоящих задач»[3].

Научно-технический фактор. В войнах прошлого этот фактор, как правило, однозначно определялся величиной довоенного научно-технического потенциала, так как невысокие темпы развития науки, а также большой «лаг» (время между совершением открытия и его внедрением) не давали возможности применить на поле боя открытия и изобретения, сделанные в ходе войны. В нашем веке дело существенно изменилось, и вклад ученых в военные усилия своих стран в ходе второй мировой войны оказался весьма значительным.

В ходе современных войн возникает необходимость немедленного создания новых видов оружия и принятия срочных контрмер против новой боевой техники или тактики противника. Поэтому роль текущих исследований и разработок в современных войнах будет и впредь возрастать, порой достигая формы прямого про-

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 49.
[2] См. там же, т. 34, с. 197.
[3] Устинов Д. Ф. Избранные речи и статьи, с. 38.

тивоборства проектно-конструкторских организаций, научных и вычислительных центров в создании новых и модернизации существующих видов боевой техники в ходе войны, в разработке более эффективных способов ее применения, в совершенствовании систем и процессов управления войсками, экономикой и транспортом, в разработке новых средств лечения раненых, борьбы с эпидемическими заболеваниями и т. п. В частности, широкое использование сетевого планирования, ЭВМ с заранее разработанными программами проектирования типовых блоков и узлов позволит в ходе войны быстро разрабатывать проекты, создавать и размножать техническую документацию и запускать новую боевую технику в производство.

Военный фактор — это реализация военного потенциала государства. Величина этого фактора прежде всего зависит от абсолютных размеров военного потенциала, что имеет особое значение в начале войны. В зависимости от того, какой была степень военной готовности страны и боевой готовности войск, военный фактор может оказаться либо больше «номинального» начального потенциала, либо меньше его. Это зависит от уровня военно-политического руководства страной, управления войсками, инициативы, бдительности, обеспечения скрытности, умения парализовать внезапные действия противника и т. п.

Условия такого рода, как руководство, управление, инициатива, бдительность, скрытность, внезапность и т. п., также принято называть «факторами», хотя в данном случае эти понятия имеют другой смысл: это не «движущая причина» (о чем шла речь ранее), а «необходимое условие».

Все названные факторы действуют в нерасторжимой диалектической взаимосвязи, дополняя и в известных пределах компенсируя друг друга. Переключение потенциала на режим факторного действия осуществляется через военную и боевую готовность. Каждый из факторов способен к саморазвитию, что особенно важно учитывать, а главное — использовать в ходе войны и вооруженной борьбы. От социальной активности, инициативы офицеров социалистической армии существенно зависит результативность превращения военного потенциала в фактор защиты завоеваний социализма.

ГЛАВА XIX

ХАРАКТЕР И СИСТЕМА ЗАКОНОВ ВОЙНЫ, ВООРУЖЕННОЙ БОРЬБЫ И ПРИНЦИПОВ ВОЕННОГО ИСКУССТВА

Методологическая функция марксистско-ленинского учения о войне и армии отчетливо проявляется при анализе системы законов войны, вооруженной борьбы и принципов военного искусства.

Знание характера законов войны, вооруженной борьбы и принципов военного искусства, понимание системы законов, их взаимосвязей, умение вывести из этих законов принципы военного строительства и военного искусства служат основой сознательной деятельности людей в противоречивой, подвижной, меняющейся обстановке, которая свойственна вооруженной борьбе.

Эта система законов войны в целом и вооруженной борьбы в частности выводится из общей закономерности войны — зависимости ее хода и исхода от соотношения материальных и духовных сил противоборствующих сторон, воплощенных в военной мощи государств, которая раскрыта в предыдущей главе через систему потенциалов и факторов.

1. ХАРАКТЕР ЗАКОНОВ ВОЙНЫ И ВООРУЖЕННОЙ БОРЬБЫ

Военно-теоретическая мысль прошла долгий и мучительный путь, прежде чем прийти к осознанию идеи, что война как историческое и общественно-политическое явление подчиняется определенным законам. Еще в конце прошлого столетия мысль о том, что такие законы существуют, многим военным теоретикам и историкам казалась весьма проблематичной, а в современной буржуазной военно-теоретической литературе она оспаривается и поныне. Однако попытки найти законы войны предпринимались с тем большей настойчивостью, чем обширнее становился военно-исторический материал, которым располагали военные исследователи. Так, профессор академии генерального штаба русской армии генерал Н. П. Михневич писал, что «отыскать законы войны трудно, конечно, но не невозможно. Они быть

должны и будут отысканы. Можно с уверенностью делать подобные предсказания потому, что ни для одной из отраслей социологии не собрано такого количества материалов, как для изучения войны»[1].

Однако для домарксовских военных теоретиков были характерны смешение законов войны с принципами (правилами) военного искусства и субъективно-идеалистическое истолкование их природы как продуктов творческого гения великих полководцев. Эти пороки во взглядах на законы войны присущи большинству современных буржуазных военных авторов. Ряд из них признает наличие некоторых законов вооруженной борьбы, но рассматривает их в отрыве от законов войны в целом, в особенности от тех, которые обусловлены социальным и политическим строем общества.

Переворот во взглядах на законы войны связан с учением К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина. Открытие материалистического понимания истории позволило основоположникам марксизма-ленинизма разработать научно обоснованную методологию исследования не только сущности, социально-политического характера войн, но и законов войны. В. И. Ленин указывал в связи с анализом вооруженного восстания, что политическая борьба подчиняется своим «законам, в которые надо внимательно вдуматься»[2], а выступая с докладом о новой экономической политике 29 октября 1921 г., требовал не забывать основных законов всякой войны[3]. Более того, основоположники марксизма-ленинизма сформулировали эти законы и раскрыли их природу.

Прежде всего они отмечали, что законы войны, как и другие социологические законы, имеют объективный характер.

Объективными законы войны являются прежде всего потому, что они существуют и действуют и по содержанию и по форме независимо от воли и сознания людей. Люди не могут их по своему произволу создать, отменить или уничтожить. Законы проявляются и действуют в определенных объективных условиях и имеют одинаковую силу для каждой из воюющих сторон.

Будучи познанными, законы войны в целом и вооруженной борьбы в частности выступают как законы науки, объективные по содержанию (то есть отражающие идеально, вне сознания существующие реальные связи) и субъективные по форме. Субъективность формы законов науки и объясняет наблюдающуюся неодинаковость их формулировок у различных авторов.

Объективный характер законов войны и вооруженной борьбы распространяется не только на материальные процессы, но и на духовные явления. Отражение в сознании военнослужащих бое-

---

[1] Михневич Н. П. История военного искусства с древнейших времен до начала девятнадцатого столетия. Спб., 1895, с. 6.
[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 382—383.
[3] См. там же, т. 44, с. 210.

вой обстановки, политико-моральное состояние войск и т. д. объективно детерминированы, а потому вплетаются в законы войны и вооруженной борьбы независимо от воли и сознания людей.

Однако объективный характер этих законов отнюдь не означает, что люди не в состоянии влиять на их действие. Изменяя условия войны, вооруженной борьбы, люди в состоянии субъективно, то есть по своей воле, ограничивать или, напротив, предоставлять простор действию этих законов. «Различие субъективного от объективного есть, — отмечал В. И. Ленин, — **НО И ОНО ИМЕЕТ СВОИ ГРАНИЦЫ»** [1]. Субъективное переходит, переливается в объективное, и наоборот.

Знание объективных законов войны предохраняет от ошибок и произвола в воинской деятельности, от авантюризма, дает возможность предвидеть ход событий на войне и в то же время предохраняет от пассивного следования за стихийно складывающейся обстановкой.

Многие буржуазные теоретики и военные деятели отрицают объективный характер законов войны. Это отрицание имеет определенный классовый смысл: скрыть от трудящихся тот факт, что война является закономерным порождением капитализма. Даже те из буржуазных авторов, которые рассматривают развитие общества как результат взаимодействия многих факторов, в том числе и «его собственных законов», сводят на нет их объективный характер, мотивируя свое мнение сугубой индивидуальностью исторических событий, их неповторимостью.

Безусловно, повторяемость важная и необходимая черта закона. Однако марксистско-ленинская философия никогда не абсолютизировала ее. Ведь повторяться могут не только необходимые, но и случайные связи. Кроме того, социологический закон требует не повторения абсолютно всех деталей, а только главного, существенного, выделения того общего, что лежит в основе многообразных явлений истории. История войн неопровержимо свидетельствует о наличии этого общего в войнах самых различных эпох. Данное обстоятельство дает возможность применить и к войнам «тот общенаучный критерий повторяемости, применимость которого... отрицали субъективисты» [2].

Отрицание, полупризнание и извращение буржуазными теоретиками объективных законов войны не означает, что военная теория и в особенности военная практика капиталистических государств не считаются с этими законами. Военная практика капиталистических государств свидетельствует о том, что их политические и военные руководители организуют подготовку и ведение войн, стихийно опираясь на законы войны и вооруженной борьбы. Теоретическая же мистификация законов войны в бур-

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 90.
[2] Там же, т. 1, с. 137.

жуазной военно-теоретической литературе обусловлена социально-классовыми (стремлением господствующих классов скрыть от народных масс социально-политическую сущность войны) и гносеологическими (ненаучной методологией) причинами. Все это обязывает военных специалистов социалистических армий внимательно изучать военно-теоретическую мысль и в особенности анализировать военную практику капиталистических государств и их вооруженных сил.

Законы войны и вооруженной борьбы носят не только объективный, но и исторический характер. Их историчность заключается в следующем. Во-первых, они (как и война) возникли с появлением классово антагонистического общества и вместе с ним закончат свое существование. Во-вторых, изменение социально-политических и экономических условий, средств вооруженной борьбы и человеческого материала влияет на законы войны. В результате одни законы изменяются, другие появляются, а третьи исчезают. Так, с переходом от господства холодного оружия к преобладанию огнестрельного оружия некоторые законы вооруженной борьбы претерпели существенное изменение. В ракетно-ядерной войне, если ее развяжут империалисты, ряд законов будет значительно отличаться по содержанию и проявлению от законов, действовавших в прежних войнах. Поэтому подготовка к отражению возможной империалистической агрессии в условиях научно-технического прогресса требует самого глубокого и всестороннего исследования законов именно современной войны.

Эти черты (объективность, историчность) присущи не только названным законам войны, но и всем социологическим законам вообще. Необходимость привлечения внимания к этим чертам законов войны и вооруженной борьбы диктуется тем, что именно они особенно настойчиво извращаются буржуазными военными теоретиками, склоняющимися или к релятивизму (отрицанию законов), или к абсолютизации законов (объявлению их вечными и неизменными).

Вместе с тем привлечение внимания именно к этим чертам законов войны и вооруженной борьбы побуждает военных специалистов социалистической армии более целеустремленно исследовать законы вооруженной борьбы на ее различных уровнях (стратегическом, оперативном, тактическом) и на основе этого организовывать свою деятельность, исключающую волюнтаристский произвол.

2. СИСТЕМА ЗАКОНОВ ВОЙНЫ И МЕСТО В НЕЙ ЗАКОНОВ ВООРУЖЕННОЙ БОРЬБЫ

Опираясь на марксистско-ленинскую методологию, советские военные ученые систематизировали законы войны; сформулированные основоположниками марксизма-ленинизма, углубили ана-

лиз их содержания и провели большую работу по их классификации [1].

Вопрос о системном подходе к анализу общественных явлений всесторонне разработан К. Марксом, Ф. Энгельсом и В. И. Лениным. С позиции системного подхода ими анализировались общественно-экономическая формация, способ производства, базис, общественное сознание и т. д. Подобный методологический подход вполне применим и к анализу таких сложных явлений, как война и ее законы.

В войне действуют:

законы, изучаемые диалектическим материализмом (закон единства и борьбы противоположностей и другие) [2];

законы, изучаемые историческим материализмом (например, закон классовой борьбы);

законы, изучаемые научным коммунизмом (например, закон зависимости победоносного исхода справедливых войн от единства и сплоченности современных мировых революционных сил);

законы войны, изучаемые марксистско-ленинским учением о войне и армии;

законы вооруженной борьбы, изучаемые военной наукой.

В этой системе законов собственно военными законами являются две последние группы, которые целесообразно рассмотреть более подробно.

Мысль о различении законов войны и законов вооруженной борьбы принадлежит основоположникам марксизма-ленинизма. С одной стороны, они дали формулировки законов войны в целом, а с другой — они выделяли и законы вооруженной борьбы. В статье «Европейская война» Ф. Энгельс, говоря о боевых действиях французского, английского и русского военных флотов, указывал: «Но после того, как приказ о них отдан, военные передвижения на море и на суше подчиняются уже не желаниям и планам дипломатов, а своим собственным законам, которых нельзя нарушить, не подвергая опасности всю экспедицию» [3]. Эта идея была осознана советскими военными теоретиками и получила развитие в их трудах. Так, в своей книге «Мозг армии» Б. М. Шапошников отмечал: «Война — это такое явление общественной жизни, которое хотя и служит для достижения политических целей, однако, имеет, как насилие, свои собственные законы...» [4].

Система законов войны, взятой в целом, включает в себя законы ее происхождения (генезиса), хода и исхода.

---

[1] История исследования этой проблемы отражена в кн.: Попов М. В. Сущность законов вооруженной борьбы, с. 25—36; Тюшкевич С. А. Философия и военная теория, с. 220—222.

[2] См.: Грудинин И. А. Диалектика и современное военное дело. М., 1971; и др.

[3] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 10, с. 1.

[4] Шапошников Б. Мозг армии. М.— Л., 1929, кн. 3, с. 230.

Законы происхождения войны — это те причинно-следственные связи, которые коренятся в системе экономических и политических межгосударственных и внутригосударственных отношений до войны.

Законы хода и исхода войны выражают зависимости ее протекания и результата от отдельных реальных потенциалов (факторов), составляющих военную мощь государства (коалиции) или классов (в случае гражданской войны)[1]. Сами понятия «ход войны» и «исход войны» более адекватно выражают суть процессов, чем выражение — «функционирование и развитие войны». К законам хода и исхода войны относятся следующие.

1. **Закон зависимости хода и исхода войны от соотношения экономических сил воюющих государств (коалиций).** Ф. Энгельс сформулировал этот закон в следующей редакции: «...вся организация армий и применяемый ими способ ведения боя, а вместе с этим победы и поражения, оказываются зависящими от материальных, т. е. экономических условий...»[2] В. И. Ленин в новых исторических условиях развил это положение: «В современной войне... экономическая организация имеет решающее значение»[3], — отмечал он.

2. **Закон зависимости хода и исхода войны от общественного строя, социальной структуры общества, социальных сил воюющих государств (коалиций).** Идею этого закона классики марксизма-ленинизма выражали неоднократно. Так, В. И. Ленин подчеркивал, что общество, представленное союзом рабочих и крестьян, будучи более прогрессивным по сравнению с обществом, разделенным на антагонистические классы, не может быть побеждено. «Никогда не победят того народа, — указывал В. И. Ленин, — в котором рабочие и крестьяне в большинстве своем узнали, почувствовали и увидели, что они отстаивают свою, Советскую власть — власть трудящихся, что отстаивают то дело, победа которого им и их детям обеспечит возможность пользоваться всеми благами культуры, всеми созданиями человеческого труда»[4].

3. **Закон зависимости хода и исхода войны от политической системы, государственного строя общества, организованных политических сил воюющих государств (коалиций).** Социальная структура общества находит свое логическое завершение в политической системе, представленной партиями, государственными и общественными организациями. В. И. Ленин неоднократно отме-

---

[1] В советской литературе в систематизированной форме эти законы были изложены в кн.: Трифоненков П. Н. Об основных законах хода и исхода современной войны. М., 1962. В последующем эти идеи развивались другими авторами (см.: Тюшкевич С. А. Законы и обычаи войны.— Советская Военная Энциклопедия, т. 3, с. 375—378).

[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 175.

[3] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 194,

[4] Там же, т. 38, с. 315,

чал: молодая Страна Советов победила потому, что по призыву Коммунистической партии, по воле государства диктатуры пролетариата, поддержанных профсоюзными, комсомольскими организациями, все взрослое население Советской страны проявляло самоотверженность и героизм в борьбе с внешней и внутренней контрреволюцией.

4. **Закон зависимости хода и исхода войны от духовных сил воюющих государств (коалиций).** «Во всякой войне, — писал В. И. Ленин, — победа в конечном счете обусловливается состоянием духа тех масс, которые на поле брани проливают свою кровь»[1]. Сказанное В. И. Лениным по отношению к воинским массам в полной мере применимо и к духовным силам всего населения, участвующего в войне.

5. **Закон зависимости хода и исхода войны от соотношения научно-технических факторов противоборствующих сторон.** Ленинские указания о роли науки в укреплении обороноспособности страны общеизвестны. Одновременно В. И. Ленин подчеркивал, что в современной войне «берет верх тот, у кого величайшая техника... и лучшие машины...»[2].

6. **Закон зависимости хода и исхода войны от соотношения военных факторов воюющих сторон.** Этот закон в определенном смысле суммирует действие других законов, названных выше. В конечном счете экономическая, социальная, политическая, научно-техническая и духовная силы должны проявиться в силе военной. В. И. Ленин писал: «Военное сопротивление нельзя сломать иначе, как военными средствами...»[3] Раскрывая содержание этого закона, В. И. Ленин говорил, в частности, о громадном значении военных знаний, военной техники и военной организации[4].

Следующая группа законов раскрывает существенные зависимости вооруженной борьбы, боевых действий войск. В трудах советских военных авторов предпринимались неоднократные попытки рассмотреть эту группу законов[5]. Их перечень не установлен однозначно, и в этом направлении предстоит еще многое сделать специалистам социалистической военной науки.

Учитывая относительную самостоятельность вооруженной борьбы, можно считать, что и она подчинена действию общей для нее закономерности — **зависимости побед и поражений от соотношения боевой мощи противоборствующих вооруженных сил.**

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 121.
[2] Там же, т. 36, с. 116.
[3] Там же, с. 177.
[4] См. там же, т. 10, с. 340.
[5] В числе первых работ, в которых законы вооруженной борьбы излагались в систематизированном виде, следует назвать следующие: Смирнов М. В., Базь И. С., Козлов С. Н., Сидоров П. А. О советской военной науке. М., 1960, с. 224—232; Попов М. В. Сущность законов вооруженной борьбы. М., 1964.

Эта закономерность вооруженной борьбы раскрывается через ряд законов, к которым специалисты военной науки относят следующие:

закон зависимости способов вооруженной борьбы от средств ее ведения (причем под средствами понимаются не только техника, но и люди);

закон взаимодействия войск по месту, времени и цели;

закон зависимости боевых действий от соответствия характера управления целям и средствам вооруженной борьбы;

закон зависимости победы в вооруженной борьбе от сосредоточения основных усилий на решающем направлении и другие законы.

Здесь не ставится задача перечислить все законы вооруженной борьбы, раскрыть их содержание и установить их субординацию — это задача военной науки. Важно отметить лишь, что такие законы существуют и что они определяют динамику боевых действий, победы и поражения в вооруженной борьбе. Не лишне, однако, заметить, что внутренняя классификация законов вооруженной борьбы зависит от масштабов боевых действий (сражение, операция, бой), от видов боевых действий (наступление, оборона), от видов вооруженных сил (сухопутные войска, военно-морские силы и т. д.) [1].

При рассмотрении законов войны и вооруженной борьбы советские авторы активно обсуждали вопрос об основном законе войны. Впервые, основываясь на ленинском определении войны, идею об этом законе высказал Г. А. Федоров, который писал: «Война... представляет собой продолжение политики определенных классов и государств средствами вооруженного насилия, направление которой в конечном счете обусловливается экономическим строем общества. Таков **основной закон** возникновения и хода каждой войны» [2]. М. В. Попов уточнил эту формулировку: «Существенное отношение в войне между политикой и вооруженной борьбой, заключающееся в определяющем влиянии политики на вооруженное насилие, и есть основной закон войны».

Это определение основного закона войны имеет, по мнению авторов данного пособия, ряд преимуществ по сравнению с иными формулировками, предложенными в других работах (например, с формулировкой: закон определяющего влияния политического содержания войны и соотношения сил сторон на характер, ход и исход войны) [3].

Во-первых, оно не подменяет общую закономерность войны, выражающую зависимость хода и исхода войны от соотношения

---

[1] Идея о необходимости поисков этих законов выражена в нашей военно-теоретической литературе. См., например: курс лекций «Марксистско-ленинская философия и методологические проблемы военной теории и практики» (М., 1976).

[2] См.: Марксизм-ленинизм о войне и армии. 3-е изд. М., 1962, с. 53.

[3] См.: Война и армия, с. 154.

материальных и духовных сил воюющих сторон и включающую в себя в том числе и соотношение политических сил.

Во-вторых, в этом определении учтено самое главное, что характеризует сущность войны, а именно политика. «Характер политической цели»,— писал В. И. Ленин,— имеет решающее влияние на ведение войны...» [1]

В-третьих, это определение основного закона связывает воедино политику и вооруженную борьбу, без чего нет и не может быть войны, ибо вооруженная борьба выступает ее главным средством.

В-четвертых, основной закон войны является таковым и потому, что он действует от начала до конца войны и выступает стержнем, вокруг которого группируются все остальные законы войны и вооруженной борьбы. Политика определяет цель войны, а сознательная цель человека, писал К. Маркс, «как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинить свою волю» [2]. Именно поэтому экономические, социальные, политические, научно-технические и собственно военные возможности фокусируются политикой в одном направлении, и тем самым создается определенное соотношение сил.

Таким образом, законы войны, законы вооруженной борьбы и связывающий их воедино основной закон войны представляют собою систему существенных зависимостей, которым подчинена логика войны в целом. Законы вооруженной борьбы по сравнению с законами войны занимают подчиненное положение и определяются в конечном счете последними, сохраняя при этом свою относительную самостоятельность.

Классификация законов войны и вооруженной борьбы (целого и части) может быть проведена и по другим основаниям. Так, при анализе военной мощи каждой из воюющих сторон правомерно выделение структурно-функциональных законов (например, закон зависимости военной мощи государства от экономического, социального и других потенциалов). Правомерно выделение однозначных (динамических) и вероятностных (статистических) законов войны и вооруженной борьбы. Знание последних имеет большое значение при их логико-математической формализации.

Однако все другие классификации законов войны являются дополнительными, и главная из них (классификаций) обусловлена и методологически оправдана выделением (но не обособлением) в рамках войны относительно самостоятельной сферы деятельности — вооруженной борьбы. В соответствии с этим и принято выделять две группы законов — вооруженной борьбы и войны в целом.

Знание законов войны и вооруженной борьбы нужно не только теоретикам и военачальникам. Эти законы диктуют ло-

---

[1] Ленинский сборник, 12, с. 429.
[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 189.

гику поведения и деятельности командиру любого уровня. Их осознание и глубокое понимание дают общую ориентацию действиям военнослужащих, укрепляют их убежденность в том, что война и вооруженная борьба — это не хаос одних случайностей, что, несмотря на чрезвычайный динамизм военного положения, боевой обстановки, на войне в целом и в вооруженной борьбе в частности через массу случайностей, неупорядоченных явлений пробивают дорогу необходимость, а следовательно, и законы.

3. ЗАКОНЫ ВОЕННОЙ НАУКИ И ПРИНЦИПЫ ВОЕННОГО ИСКУССТВА

Законы любой науки представляют собой ступеньки, моменты перехода от менее глубокой к более глубокой сущности. Поэтому отражение законов вооруженной борьбы в сознании людей, проникновение в механизм действия этих законов происходит не сразу. На первых порах это отражение выступает неполным, приблизительным, относительным. Глубина, всесторонность и адекватность отображения законов вооруженной борьбы в военной науке зависят от характера социально-политического строя, мировоззрения и классовых позиций исследователей, их знаний и умения анализировать и обобщать опыт войн, видеть перспективы развития военного дела и т. п.

Значительное влияние на правильность познания законов вооруженной борьбы оказывает характер военной доктрины государства и военной теории. Передовая, прогрессивная военная доктрина, которая на научной основе определяет характер и цели возможной войны, основные мероприятия по строительству вооруженных сил и их подготовке, правильно предвидит способы и формы ведения войны и т. п., оказывает положительное влияние на познание этих законов. Реакционный характер военной доктрины, где преднамеренно искажаются социально-политические, идеологические основы войн, ведет к серьезным трудностям в познании законов вооруженной борьбы и решении других военно-теоретических вопросов.

Верность познания и использования законов вооруженной борьбы зависит и от того, насколько возможны их математическое описание и логическая формализация. В современный период, когда происходит бурный процесс математизации науки, в том числе и военной, возникла настоятельная потребность в логико-математической формализации не только отдельных явлений и принципов вооруженной борьбы, но и ее законов[1]. Несмотря на сложность и трудность решения данной проблемы, этот процесс идет все ускоряющимися темпами. Его ход зависит прежде всего от глубины и всесторонности познания законов вооруженной борьбы и от степени совершенства математического аппарата.

Познание законов вооруженной борьбы осуществляется как на эмпирическом, так и на теоретическом уровнях. Эмпирическое

[1] См.: Бокарев В. А. Кибернетика и военное дело, с. 191—211.

познание законов вооруженной борьбы является недостаточно глубоким и несистемным. Оно лишь отражает непосредственно наблюдаемые связи и отношения явлений вооруженной борьбы, фиксируемые людьми в процессе практической деятельности. Тем не менее на основе эмпирического познания законов вооруженной борьбы нередко удается сформулировать принципы, разработать полезные положения уставов, наставлений, рекомендаций и т. п.

Теоретический уровень отражения законов вооруженной борьбы является более глубоким и точным, позволяющим установить внутренние, существенные, необходимые связи и отношения явлений и процессов боевых действий. На основе теоретического познания законов вооруженной борьбы формулируются сущностные законы и принципы военной науки.

Марксистско-ленинская методология обеспечивает социалистической военной науке возможность верно и глубоко познавать объективные законы вооруженной борьбы. К настоящему времени законы вооруженной борьбы изучены советскими военными учеными с большой степенью приближения к их объективному содержанию. Вносят заметный вклад в разработку законов военной науки специалисты братских социалистических армий. Однако нельзя считать этот процесс познания законченным, абсолютным. Это объясняется как сложностью самих исследуемых законов, так и тем, что сейчас происходит бурный прогресс в развитии экономики, техники, науки и культуры, продолжает быстро, революционно развиваться и военное дело.

Огромное значение имеют для развития военной науки положения и выводы съездов партии о развитии общественных, естественных и технических наук, о гармоничном сочетании фундаментальных и прикладных исследований, о неразрывной связи теории и практики. Опираясь на эти выводы, военные специалисты интенсивно развивают военную науку. «Наша военная наука, — отмечал Маршал Советского Союза Н. В. Огарков, — вступила в качественно новый период своего развития. При выработке новых концепций на основе результатов научных исследований, анализа опыта войны и послевоенных учений и маневров были критически переработаны многие теоретические положения военного искусства, строительства армии и флота, найдено оптимальное сочетание новых и сложившихся ранее взглядов на подготовку страны и ее Вооруженных Сил к войне, способы ведения военных действий» [1].

Законы вооруженной борьбы отражаются не только в законах военной науки, но и в **принципах военного искусства.**

Принципы военного искусства являются результатом исследования и отражения законов вооруженной борьбы, обобщения опыта боевых действий, истории развития военного дела. Фор-

[1] Огарков Н. Военная наука и защита социалистического Отечества.— Коммунист, 1978, № 7, с. 115.

мулирование принципов военного искусства происходит двумя путями: непосредственно (на основе эмпирического постижения законов вооруженной борьбы) и опосредованно (на основе теоретического осмысления законов вооруженной борьбы и предварительного формулирования законов военной науки). Первый путь был доминирующим в прошлом, что объясняется незрелостью военно-теоретической мысли минувших эпох. Создание социалистической военной науки выдвинуло на передний план второй путь как более эффективный и безупречный в методологическом отношении.

Как известно, многие принципы — активности, скрытности и т. п. — были в общем виде сформулированы еще в глубокой древности и успешно применялись в практике боевых действий. Один из древнейших принципов военного искусства, открытый еще фиванским полководцем Эпаминондом в 371 г. до н. э., гласит, что для достижения победы необходимо сосредоточение превосходящих сил и средств в решающий момент и на решающем направлении. Говоря об этом принципе, Ф. Энгельс писал: «Эпаминонд первым открыл великий тактический принцип, который вплоть до наших дней определяет исход почти всех решающих сражений: неравномерное распределение войск по фронту в целях сосредоточения сил для главного удара на решающем участке»[1]. Сохраняет ли в настоящее время свое значение указание Ф. Энгельса о принципе Эпаминонда? Сосредоточение усилий в определенные моменты вооруженной борьбы на решающих направлениях и в современной войне будет необходимо для победы над врагом. Конечно, это сосредоточение будет не таким, каким оно было в прошлых войнах. И в будущих войнах войска будут вести вооруженную борьбу в определенных боевых порядках и оперативных построениях. Следовательно, останутся и направления главных ударов в наступлении, районы сосредоточения основных усилий в обороне.

В связи с тем что законы военной науки и принципы военного искусства формулировались в разное время, а также потому, что их функциональная роль не одинакова (закон отражает существенную связь между явлениями, а принцип выступает как руководящее правило), между ними сложилось неоднозначное соотношение.

Во-первых, в количественном отношении один принцип военного искусства может по своему объективному содержанию соответствовать одному закону (например, уже названный принцип Эпаминонда соответствует одному закону вооруженной борьбы — зависимости победы в вооруженной борьбе от сосредоточения основных усилий на решающем направлении) или нескольким законам (так, принцип взаимодействия отражает существенные моменты почти всех законов вооруженной борьбы). Может быть соответствие нескольких принципов одному закону

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 14, с. 355.

вооруженной борьбы. Например, между законом зависимости эффективности боевых действий каждой из противоборствующих сторон от соответствия характера управления целям и средствам, с одной стороны, и принципами военного искусства (принципом частной победы, принципом тщательного планирования и т. д.), с другой, существует прямая корреляция.

Во-вторых, закон военной науки имплицитно (скрытно, неявно) содержит в себе нормативность (побуждение) действия, а принцип военного искусства эту нормативность выражает подчеркнуто. Его императивный (побудительный) характер очевиден. Так, принцип активности, вошедший в уставы, требует от командиров проявлять инициативу, творчество, навязывать свою волю противнику.

Как законы военной науки, так и принципы военного искусства в зависимости от точности отражения ими действительности могут как истинно, так и искаженно отражать законы вооруженной борьбы. История войн знает немало примеров, когда принципы военного искусства были сформулированы субъективистски, без опоры на объективную действительность, а «принципы, — писал Ф. Энгельс, — верны лишь постольку, поскольку они соответствуют природе и истории»[1]. В случае когда принципы военного искусства вытекают из требований антинаучных, авантюристических, реакционных военных доктрин, они, в конечном итоге приводят тех, кто ими руководствуется, к поражению. Такова судьба ряда принципов военного искусства (например, «молниеносности» войны), разработанных гитлеровскими военными теоретиками. Так было и с некоторыми принципами военного искусства, примененными американскими империалистами во Вьетнаме.

Критерием истинности законов военной науки и принципов военного искусства выступает в конечном счете практика — сама вооруженная борьба, а в периоды между вооруженной борьбой — учения, маневры и т. д.

Принципы военного искусства выступают связующим звеном между теорией и практикой. Так, например, победа в бою, операции с объективной необходимостью определяется закономерностью соотношения сил, но формы ее проявления могут быть самыми различными. В одном случае победа может быть достигнута вследствие общего превосходства в силах, в другом — путем создания превосходства на одном направлении и в решающий момент, в третьем — благодаря внезапности, применению новых, неожиданных для противника средств или способов ведения боевых действий и т. д.

Задача военно-научного познания состоит в том, чтобы определить формы проявления объективного закона и обосновать способы его использования для достижения поставленных целей. Именно тут вступают в силу принципы военного искусства. Они

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 34.

как раз и служат той формой военно-научного знания, которая непосредственно применяется в практической военной деятельности. Принципы военного искусства переводят содержание теоретических положений военной науки (в случае предварительного формулирования последних) на язык военной практики.

Принципы обязывают считаться с обстоятельствами, использовать их и добиваться победы. Будучи руководством для практики, принципы военного искусства сами по себе побед не одерживают. Их использование в боевой обстановке требует от каждого военного руководителя и войск большого мастерства и живого, творческого отношения к делу. Боевая обстановка бесконечно разнообразна, и применяемые в ней принципы в каждом конкретном случае требуют творческих поисков.

Принципы военного искусства историчны и постоянно развиваются, наполняются новым содержанием. Так, принцип взаимодействия в современной войне существенно отличается от этого же принципа в минувших войнах.

Многие буржуазные военные теоретики считают принципы военного искусства неизменными, вечными. Так, английский военный теоретик И. Хеймонт писал: «На протяжении всей истории оружие и способы его использования претерпевали изменения, однако основные принципы ведения войны оставались прежними. Даже появление ядерного оружия, радио- и радиотехнических средств не повлияло на проверенные временем принципы войны...» [1] Одна из важнейших причин метафизического подхода к объяснению принципов военного искусства буржуазных военных теоретиков состоит в том, что они игнорируют диалектику развития этих принципов, соотношение законов вооруженной борьбы и принципов военного искусства.

К числу принципов военного искусства относятся такие, как тщательное планирование и всестороннее обеспечение боевых действий, сочетание всех способов и форм вооруженной борьбы, взаимодействие всех видов вооруженных сил и родов войск, сосредоточение превосходящих сил и средств на главном направлении и в решающий момент, высокая активность, глубокое построение войск в бою и операции, экономия сил и средств, упреждение противника в развертывании и построении боевого порядка и т. д. Среди них можно выделить основные и частные [2].

Социалистическая военная наука не объявляет систему принципов военного искусства раз и навсегда данной, а творчески разрабатывает их с учетом изменившихся условий.

Конечно, одно только знание общих принципов не гарантирует успеха в практической воинской деятельности. Для правильного и эффективного их использования в конкретной боевой обстановке каждый командир, военный инженер должен обладать

---

[1] Хеймонт Ирвинг. Тактическая разведка в современной войне. Пер. с англ. М., 1963, с. 12.

[2] См.: Савкин В. Е. Основные принципы оперативного искусства и тактики. М., 1972.

гибким мышлением, творчеством и инициативой. Однако при прочих равных условиях глубокое знание принципов военного искусства является важным условием успешной воинской деятельности.

В социалистической военной науке научность принципов военного искусства совпадает с глубокой научной обоснованностью требований военной доктрины, что обеспечивает очень важное преимущество социалистической науки перед буржуазной.

Общая система принципов социалистического военного искусства находит свое логическое завершение в требованиях уставов, наставлений и инструкций, приказов, директив и в других актах управления.

Таким образом, общее направление развития законов военной науки и принципов военного искусства на уровне их теоретического осмысления можно представить в следующем контексте: сфера объективной диалектики (законы войны в целом — законы вооруженной борьбы) как объект познания, сфера субъективной диалектики (законы марксистско-ленинского учения о войне и армии, законы военной науки, принципы военного искусства, нормативно-правовые акты управления) как отражение явлений объективной диалектики. Глубокое понимание сложной системы законов войны, вооруженной борьбы и принципов военного искусства, знание этих законов, принципов и тех нормативно-правовых актов управления, в которых они отражены, являются надежной предпосылкой научного предвидения в военном деле, дают возможность предсказывать как основные тенденции развития военного дела в целом, так и конкретные события в условиях боя, операции, служат основой воинского мастерства офицеров.

ГЛАВА XX

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АРМИИ

С марксистско-ленинским учением о войне органически связано учение о происхождении, классовой сущности, назначении и закономерностях функционирования армии[1]. Если война представляет осуществление политики тех или иных классов средствами насилия, то армия в руках этих классов является главным орудием насилия, основным средством ведения войны. Именно поэтому марксистско-ленинское учение о войне и армии предстает как единая и целостная теория.

В качестве объекта исследования армию как вооруженную силу изучают различные науки, в том числе и все составные части марксизма-ленинизма. Политическая экономия исследует экономические основы возникновения и функционирования армии как органа государства, научный коммунизм — закономерности возникновения и эволюции социалистической армии, а также армий революционных сил в капиталистических странах в период созревания революционной ситуации и в ходе социалистической революции и армий национально-освободительных движений. Исторический материализм изучает армию как государственно-классовый институт на всем протяжении его исторического существования, уделяя, естественно, особое внимание анализу классовой сущности, социальному назначению и закономерностям функционирования армий различных типов в современную эпоху. Глубокое понимание этих проблем дает возможность военным специалистам социалистической армии понять ее социально-политические преимущества над современными империалистическими армиями и еще лучше оценить благородный смысл своей профессии.

---

[1] Термин «армия» служит для обозначения нескольких однопорядковых понятий: 1) вооруженных сил государства; 2) сухопутных войск в отличие от других видов вооруженных сил (флота, авиации и т. д.); 3) оперативного объединения, состоящего из нескольких соединений и частей. В настоящей главе термин «армия» употребляется в первом значении.

1. ПРОИСХОЖДЕНИЕ, СУЩНОСТЬ И ОСНОВНЫЕ ТИПЫ АРМИЙ

Впервые в истории социологической мысли научные ответы на вопросы о происхождении, сущности и типологии армий дали основоположники марксизма-ленинизма. Ф. Энгельс в труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства» прослеживает возникновение армии как органа государства, а в работе «Армия» и ряде других статей, написанных для 16-томной «Новой американской энциклопедии», специально рассматривает эту проблему. В. И. Ленин в новых исторических условиях особое внимание уделяет анализу революционных армий, вводит понятие социалистической армии и разрабатывает основы ее строительства. В документах КПСС, марксистско-ленинских партий других стран социалистического содружества получило творческое развитие марксистско-ленинское учение об армии нового типа.

В разработку учения об армии значительный вклад внесли советские ученые. В пяти изданиях книги «Марксизм-ленинизм о войне и армии», в двух изданиях работы «Методологические проблемы военной теории и практики», в коллективных трудах «Война и армия», «Партия и армия» и многих других обобщены важнейшие положения классиков марксизма-ленинизма и КПСС об армии и развиты отдельные аспекты этого учения. В последние годы советские ученые уделяли большое внимание разработке закономерностей функционирования армии вообще и социалистической армии в особенности, а также типологии армий.

Как известно, при первобытнообщинном строе армии не было. Существовала самодействующая вооруженная организация населения, включающая всех членов племенных и родовых коллективов. Она решала общие задачи охраны и поддержания условий существования родо-племенных отношений. Эти задачи не носили политического характера, а вплетались в естественную жизнь первобытного общества. Не было тогда ни особой организации вооруженных людей, оторванной от населения и противостоящей ему, ни специальных орудий для ведения вооруженной борьбы.

Со времени раскола общества на классы, с возникновением и углублением на базе частной собственности антагонистических противоречий самодействующая вооруженная организация населения сделалась невозможной. Господствующий эксплуататорский класс с целью защиты своих интересов создает армию — особые отряды вооруженных людей, с помощью которых он осуществляет свою классовую диктатуру. Глубокую связь процесса возникновения армии с возникновением государства как орудия политической власти экономически господствующего класса неоднократно подчеркивали в своих произведениях классики марксизма-ленинизма. Так, в работе «Государство и революция» В. И. Ленин писал: «Складывается государство, создается особая

сила, особые отряды вооруженных людей...»[1] Эти отряды предназначены для осуществления политики господствующего класса с помощью оружия. Без них господствующий класс не смог бы утвердить и удержать своего господства.

В статье «Армия», предназначенной для «Новой американской энциклопедии», Ф. Энгельс дает такое определение: «*Армия* — организованное объединение вооруженных людей, содержащееся государством в целях наступательной или оборонительной войны»[2]. В этом определении Ф. Энгельс исходил из того, что государство — это орган классовой диктатуры, а наступательная и оборонительная война различаются по своему социально-политическому характеру как несправедливая и соответственно справедливая война. В силу того что редакция энциклопедии поставила авторам обязательное условие не высказывать своей партийной точки зрения[3], Ф. Энгельс не мог с полной ясностью сказать в статье о том, что армия создается не только государством, но и угнетенными классами для ведения гражданской войны.

Развивая учение об армии, В. И. Ленин в новых исторических условиях сформулировал два важных методологических положения, уточняющих определение армии. Прежде всего В. И. Ленин указывал, что, борясь против эксплуататоров, угнетенные классы в период крайнего обострения этой борьбы вынуждены создавать революционные, повстанческие армии. Такой была, например, армия Спартака[4]. Подняв восстание с целью освобождения рабов, Спартак постепенно создал сильную и дисциплинированную армию из рабов и примкнувших к ним крестьян. В течение ряда лет армия Спартака наносила сильные удары по войскам Рима, угрожала господствующему в государстве классу рабовладельцев. Только воспользовавшись незрелостью класса рабов и разногласиями среди руководителей восстания, рабовладельческий Рим смог разбить восставших. Из этого примера мы видим, что армия Спартака не являлась органом римского государства. Она выражала и защищала интересы рабов. В феодальной России крестьянская армия под руководством Пугачева вела упорные бои против регулярной армии самодержавного государства. Во время революции 1905 г. в России В. И. Ленин ставил перед партией задачу создать революционную армию. «Революционная армия,— писал он,— должна практически применить военные знания и военные орудия для решения всей дальнейшей судьбы русского народа, для решения первого, насущнейшего вопроса, вопроса о свободе»[5]. Как показывает история, армию могут создать и свергнутые эксплуататорские классы, у которых вырвана государственная власть.

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 10.
[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 14, с. 5.
[3] См. там же, с. 712.
[4] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 77.
[5] Там же, т. 10, с. 340.

Далее, в период первой мировой войны, когда социал-шовинисты стали сознательно затушевывать ее социально-политический характер, В. И. Ленин считал необходимым отказаться от понятий «оборонительная» и «наступательная» война как устаревших[1], ибо они не позволяли с достаточной ясностью различать войну как социально-политическое явление и как вооруженную борьбу.

Таким образом, **армия — это организованное объединение вооруженных людей, созданное государством или классом в целях справедливой или несправедливой войны.**

Армия характеризуется следующими важнейшими чертами. Во-первых, армия — это не обычная, а **вооруженная** организация, оснащенная боевой техникой и оружием. Во-вторых, основное социальное назначение армии — подготовка к войне и ее ведение средствами вооруженного насилия в интересах государства или класса, стремящегося уничтожить государственную власть, выражающую интересы экономически и политически господствующего класса. Социальное назначение армии проявляется в ее функциях. При этом армия может обслуживать интересы не одного государства, а коалиции государств, не одного класса, а блока социальных групп под эгидой определенного класса. Создание революционных армий, выражающих интересы прогрессивных социальных сил и выступающих против реакционного государства,— довольно распространенное явление в зоне национально-освободительного движения. Следовательно, на первом этапе борьбы за власть армия выступает не обязательно как государственная организация.

Сущность армии — в ее социальном назначении. Не способ комплектования, не ее организационная структура, а именно социальное назначение выражают ее социально-классовую суть. Армия может быть укомплектована на основе обязательной воинской обязанности, путем привлечения в ее состав добровольцев, наемников или на смешанных принципах формирования. Это, безусловно, влияет на боеспособность армии. Однако природа армии, ее сущность определяются тем, в чьих интересах создана и функционирует армия, какому классу (или классам) она служит.

Буржуазные социологи стремятся представить армию империалистического государства институтом, якобы выражающим интересы всей нации, стоящим вне политики. Такое стремление обусловлено классовыми причинами — желанием замаскировать социально-классовую сущность армии, выдать ее за инструмент «надклассовой» политики, окружить ее ореолом «народности». В. И. Ленин разоблачил этот прием буржуазных политиков, подчеркнув, что «войско не может быть, никогда не было и никогда не будет нейтральным»[2] к классовым интересам. По его убежде-

---

[1] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 29.
[2] Там же, т. 12, с. 58.

нию, «пошлая, лицемерная, лживая доктрина: «армия должна быть вне политики» особенно удобна для прикрытия истинных стремлений буржуазии по этой части» [1].

Сущность (как и содержание) органично связана с формой. «Форма существенна,— писал В. И. Ленин.— Сущность формирована» [2]. **Форма армии** — это способ реализации ее социального назначения (сущности) в организационно-технической структуре и различных видах жизнедеятельности военнослужащих.

Форма армии включает в себя: организацию войск; их вооружение и снаряжение; управление войсками; систему обучения и воспитания; систему регламентации жизни и взаимоотношений между военнослужащими; систему комплектования и т. д. [3].

Хотя отдельные элементы формы могут внешне совпадать (например, организация войск, управление и т. д.), но это отнюдь не свидетельствует о их тождественности. Более того, это совпадение чисто внешнее. Так, единоначалие как принцип управления применяется и в социалистических, и в капиталистических армиях, однако характер его противоположен в различных армиях. Социалистические армии защищают интересы трудящихся, и поэтому единоначалие в них по своей социально-политической сущности является социалистическим. Единоначалие в буржуазных армиях служит средством утверждения господства эксплуататорского класса.

Категории «сущность (а также «содержание») армии» и «форма армии» сугубо соотносительны. В другом контексте отдельные элементы формы армии могут рассматриваться обособленно, и в этом случае в каждом из них правомерно выделять собственную сущность, собственное содержание, а также соответствующую им форму. Так, обучение и воспитание в армии могут быть проанализированы как со стороны сущности, содержания, так и со стороны формы.

В зависимости от социально-классовой сущности армий в марксистско-ленинском учении о войне и армии принято выделять следующие основные их исторические типы: рабовладельческие, феодальные, капиталистические (буржуазные) [4], социалистические [5], появление и функционирование которых обусловлено общесоциологическим законом смены общественно-экономических формаций.

Помимо основных типов в антагонистических обществах возникают армии угнетенных классов — армии рабов, крестьянские армии и армии пролетарские.

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 283.

[2] Там же, т. 29, с. 129.

[3] См.: Война и армия, с. 298—299.

[4] Впервые в военно-исторической литературе выделение типов армий (рабовладельческой, феодальной, капиталистической) дано в статье Ф. Энгельса «Армия».

[5] Понятие «социалистическая армия» впервые введено В. И. Лениным (см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 216, 224).

В современную эпоху основными типами армий являются капиталистические (буржуазные) и социалистические армии.

Армии развивающихся стран не образуют самостоятельного основного типа. Дело в том, что в развивающихся, освободившихся странах происходит сложный процесс дифференциации социальных сил в их борьбе за выбор или за углубление уже выбранного пути. Часть стран Азии, Африки, Латинской Америки развиваются по капиталистическому пути, и их армии с полным основанием могут быть отнесены к капиталистическим армиям. Особое место среди освободившихся государств занимают страны социалистической ориентации. Их армии не являются пока социалистическими, но по мере дальнейшего движения этих стран по некапиталистическому пути они и их армии в перспективе могут стать социалистическими.

Безусловно, более дифференцированная группировка армий как внутри основных типов, так и армий развивающихся стран по более частным основаниям вполне возможна и полезна[1], но она лишь конкретизирует деление современных армий на основные их типы[2].

2. ОБЩИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АРМИИ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ПРОЯВЛЕНИЯ

В трудах марксистов сравнительно продолжительное время характеристика армий различных типов давалась через их особые черты. В начале семидесятых годов стали появляться труды, в которых был поставлен вопрос о закономерностях развития социалистической армии, а затем и о закономерностях развития армии вообще. Переход от анализа армии путем выявления особенностей различных ее типов к анализу армии через закономерности ее эволюции — не просто замена терминов, а показатель дальнейшего глубокого проникновения в сущность военной организации.

В. И. Ленин, говоря об эволюции формации, указывал, что она имеет свои законы происхождения (генезиса), функционирования и развития[3]. При этом В. И. Ленин, учитывая, что отдельная фор-

---

[1] Существует, например, такое деление: 1) среди капиталистических армий — армии главных империалистических государств (США, ФРГ, Великобритании, Франции, Японии), других капиталистических государств, входящих в империалистические блоки, и армии нейтралистских капиталистических государств; 2) среди социалистических армий армии, входящие в Организацию Варшавского Договора и не входящие в эту организацию. Своеобразная классификация армий развивающихся стран содержится в кн.: Мирский Г. И. Армия и политика в странах Азии и Африки. М., 1970.

[2] См.: Советская Военная Энциклопедия, т. 1, с. 254—255.

[3] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 138, 157, 165.

мация (имелись в виду докоммунистические формации) не может бесконечно развиваться, употреблял вместо понятия «развитие» категорию «перехода в высшую форму, превращения в другой социальный организм»[1].

В. И. Ленин создал стройную и цельную концепцию социалистической армии как ядра военной организации государства нового типа.

В документах КПСС и в Конституции СССР в духе ленинских идей научно определено историческое предназначение Советских Вооруженных Сил на современном этапе. Важным вкладом в развитие ленинской концепции социалистической армии явился вывод партии о том, что с построением в СССР общества развитого социализма характерные черты, присущие Советским Вооруженным Силам, обогатились новым содержанием, по своей социальной природе они превратились в орган общенародного государства.

Исходя из ленинской концепции социалистической армии, учитывая качественные сдвиги, происшедшие на международной арене, характер социальных процессов, протекающих в обществе развитого социализма, влияние научно-технического прогресса на совершенствование военного дела, КПСС выявила новые закономерности развития Советских Вооруженных Сил на современном этапе, определила пути дальнейшего повышения их боевой мощи и боевой готовности.

Ленинская концепция социалистической армии и основанная на ней практическая деятельность КПСС в области военного строительства имеют неоценимое интернациональное значение для братских коммунистических партий, для всех прогрессивных сил современности, ведущих борьбу за революционное обновление мира.

С учетом разработки этой проблемы в марксистской литературе можно выделить три общие закономерности в развитии армии: 1) закономерность происхождения армии; 2) закономерность, характеризующую связь между обществом и армией в процессе ее функционирования; 3) закономерность, характеризующую связь между внутренними элементами армии.

Генетическая закономерность состоит в том, что армия как следствие имеет причину своего возникновения в политике государства или класса, стремящегося добиться или вынужденного добиваться реализации (защиты) своих интересов путем вооруженного насилия.

Вторая закономерность выражает зависимость социально-политического характера и боевой мощи армии от общества. Идею этой закономерности К. Маркс выразил в словах: «...в истории армии с поразительной ясностью резюмируется вся история гражданского общества»[2]. Выдающийся советский военный теоретик

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 429.
[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 29, с. 154.

и полководец М. В. Фрунзе отмечал, что Красная Армия является «точным сколком, точным слепком с нашей рабоче-крестьянской страны...»[1].

Эта закономерность раскрывается через те же законы, в которых выражена связь между ходом и исходом войны, с одной стороны, и военной мощью государства — с другой. И в этом нет ничего удивительного и неожиданного. Характер армии и ее боевая мощь обусловлены экономическим, социальным, политическим строем общества, его духовной жизнью и научно-техническими возможностями. В соответствии с этой закономерностью правомерно выделение следующих законов.

1. **Закон зависимости характера и боевой мощи армии от экономики.** Ф. Энгельс писал, что вооружение, состав, организация, тактика и стратегия армии определяются способом материального производства. Род производственных отношений (базиса) обусловливает характер и тип армии.

2. **Закон зависимости характера и боевой мощи армии от социально-классового строя общества.** Каждый класс сообразно своей природе определяет принципы строительства, комплектования, обучения и воспитания армии. Так, в рабовладельческом и феодальном обществах армии комплектовались преимущественно из представителей господствующих классов. При капитализме относительная эмансипация крестьянства создала условия для комплектования армии из широких масс народа. Для трудящихся классов вводится воинская повинность, обеспечивающая создание массовой армии. Однако рабочие и крестьяне, переодетые в солдатские шинели, составляют в подавляющем большинстве лишь рядовой состав буржуазных армий. Поэтому такая армия не утрачивает своего буржуазно-классового характера.

3. **Закон зависимости характера и боевой мощи армии от политического строя общества.** Являясь, как правило, элементом государства, а через него и всей политической структуры общества, армия несет на себе печать этой структуры. Любая армия — детище своего строя. Будучи неотъемлемой частью общества, она строится и функционирует в соответствии с данной социально-политической системой. В том и состоит социально-политическая природа армии, этим же определяется ее тип, ее качество как классовой организации, как одной из важнейших частей политической надстройки общества.

4. **Закон зависимости характера и боевой мощи армии от духовной культуры общества.** Ф. Энгельс писал, что уровень духовной культуры является необходимым условием «для создания нужных кадров образованных офицеров и для умственного развития самих солдат»[2]. Духовная жизнь общества существенно влияет на мировоззренческие установки военнослужащих, на их

---

[1] Фрунзе М. В. Избр. произв. М., 1965, с. 330.
[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 506.

морально-боевые качества, на их культурно-технический уровень, а следовательно, на боевую мощь армии. В империалистических странах милитаризм пронизывает все духовное воспитание. Империалисты разработали целую систему мероприятий, предназначенных, по выражению английского фельдмаршала Монтгомери, заставить народ «от колыбели до могилы» служить армии.

5. **Закон зависимости характера армии и её боевой мощи от научно-технических возможностей общества.** Этот закон производен от других вышеназванных законов. В нем как бы пересекаются, переплетаются другие законы, характеризующие связь армии и общества. Развитие науки в масштабах общества, его технического потенциала находит свое первое применение в армии, ибо любое государство не может не проявлять заботу об одном из самых важнейших органов политической надстройки, если оно хочет укрепить свою жизнеспособность. Однако для милитаристски ориентированных государств это превращается в самоцель, для социалистических стран укрепление боевой мощи армии средствами науки и техники служит условием обороны, защиты завоеваний социализма и осуществляется в пределах объективной необходимости.

Все эти законы, характеризующие связь общества (класса) и армии, являются общими для армий всех типов, но проявляются специфически в зависимости от социальной структуры общества и соответственно от типа армии.

Третья закономерность выражает зависимость боевой мощи армии от характера ее внутренних элементов и степени их согласованности. Армия, будучи порождением государства или класса, подчинена действию как общих, так и своих внутренних законов функционирования. К основным из них относятся следующие.

1. **Закон зависимости боевой мощи армии от количества и качества военнослужащих.** История свидетельствует о том, что наблюдается тенденция к созданию массовых армий, хотя причины этого в армиях диаметрально противоположных типов неодинаковы. Совершенствуется и профессиональное качество «человеческого материала». «Без инициативного, сознательного солдата и матроса,— указывал В. И. Ленин,— невозможен успех в современной войне»[1]. Формирование такого солдата и матроса интенсивно осуществляется и внутри армии. Однако характер обучения и особенности воспитания военнослужащих существенно различаются, например, в буржуазных и социалистических армиях.

В капиталистической армии военнослужащие получают извращенные представления о сущности внутренних и международных событий, о роли армии в жизни общества, заражаются милитаристскими, шовинистическими идеями. Конечно, в зависимости от конкретных условий, а также от ряда субъективных факторов

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 155.

служба в буржуазной армии может привести человека и к прозрению, к серьезным сдвигам в его сознании, к некоторому освобождению от критериев и оценок, навязываемых военной пропагандистской машиной. В современных условиях зарубежные военные деятели и буржуазная печать все чаще бьют тревогу по поводу того, что среди военнослужащих отмечаются «эрозия воли к обороне», «падение таких духовных ценностей, как готовность служить и жертвовать», рост настроений в пользу разрядки, а некоторые солдаты «стали вдохновляться марксизмом». Однако буржуазным пропагандистам удается в целом «воспитать» необходимые им кадры, послушные воле господствующего класса.

В последние годы в капиталистических государствах усилился политический отбор военнослужащих, становится все более характерным принцип комплектования по найму. Например, вооруженные силы США полностью укомплектованы наемниками. В армиях других стран — участниц НАТО наемники составляют примерно половину личного состава, а в некоторых боевых частях, особенно стратегического назначения, — большинство.

2. **Закон зависимости боевой мощи армии от количества и качества боевой техники и оружия.** Военная техника влияет на создание новых видов вооруженных сил и родов войск, совершенствование старых, на изменение структуры воинских формирований и т. п. Эти изменения выступают в двух формах: эволюционной и революционной. Медленный рост количества и качества военной техники сопровождается незначительными изменениями структуры войск. Новое оружие, если оно произведено в небольшом количестве, не вызывает ломки организационной структуры армии, а «вживается» в существующую структуру, усиливая боевые возможности войск. Дальнейший количественный и качественный рост вооружения приводит к радикальным, скачкообразным изменениям в организации вооруженных сил. Под воздействием новой военной техники, внедряемой в войсках в значительном количестве, создаются новые подразделения, части, соединения, объединения, появляются новые рода и виды вооруженных сил. Некоторые рода войск при этом закономерно сходят со сцены, как это произошло с кавалерией в период после второй мировой войны, а некоторые претерпевают коренные изменения, что было характерным, в частности, для пехоты, превратившейся в мотострелковые войска.

Новая военная техника влияет и на способы ведения вооруженной борьбы, что существенно сказывается на изменении боевой мощи армии.

3. **Закон зависимости боевой мощи армии от характера и уровня управления войсками.** Качество и количество личного состава и техники, находящихся в армии, могут быть использованы по-разному. В современных условиях управление войсками стало таким фактором, который выдвинулся на одно из первых мест. Ни у кого сейчас не вызывает сомнения, что между боевой мощью и управлением имеется самая существенная связь.

Помимо общих законов функционирования, присущих армиям всех исторических типов, каждому типу армии свойственны и свои специфические законы.

3. СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ЗАКОНЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АРМИИ

Между рабовладельческой, феодальной и буржуазной армиями имеются существенные различия по их социальному составу, по способам комплектования и воспитания военнослужащих, по качеству техники и управлению войсками. Вместе с тем их объединяет то, что все они являются армиями антагонистических обществ. Это обстоятельство столь существенно, что оно обусловливает ряд общих для них, но специфических по отношению ко всем историческим типам армий, законов их происхождения и функционирования. Рассмотрим эти законы, имея в виду прежде всего капиталистические армии.

Одним из них выступает **закон возникновения армии более высокого типа на основе армии предшествующего типа.** Возникновение буржуазных армий, как правило, происходит не путем решительного упразднения старых феодальных армий, а с помощью их постепенного преобразования, приспособления к новым историческим условиям. Так было в Германии, России и других странах. Это объясняется тем, что собственность на средства производства и у феодалов, и у капиталистов однотипна по своей сущности, а потому и вооруженная сила, антинародная по своей сущности, используется не только в интересах феодалов, но и при некоторой ее модификации в интересах буржуазии.

Важнейшим специфическим законом функционирования капиталистической (а также рабовладельческой, феодальной) армии является **соответствие ее социального предназначения интересам господствующего класса.**

Социальное предназначение рабовладельческой, феодальной и буржуазной армий выражается в двух ее основных функциях: внутренней и внешней. Внутренняя функция состоит в подавлении трудящихся, в поддержании такого порядка в обществе, при котором эксплуататоры могли бы безбоязненно эксплуатировать народ. Внешняя функция армий эксплуататорских государств состоит в ведении захватнических, грабительских войн, а при недостаточной боевой мощи, не позволяющей организовывать агрессию, в защите государственного суверенитета своей страны.

Буржуазные политические и военные деятели, идеологи и пропагандисты тщатся доказать, что вооруженные силы капиталистических стран существуют, мол, только для осуществления внешней функции — защиты интересов нации. Это — обман трудящихся. В свое время К. Маркс справедливо указывал, что регулярные армии предназначены прежде всего «для подавления рабочего класса» [1]. По утверждению В. И. Ленина, посто-

---

[1] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 556.

ннное войско «даже в самых демократических буржуазных республиках, например, в Швейцарии — есть вооружение буржуазии *против* пролетариата. Это — такая элементарная истина, что особенно останавливаться на ней едва ли есть надобность. Достаточно напомнить употребление войска против стачечников во всех капиталистических странах»[1]. Вся история армий эксплуататорских государств доказывает правоту слов классиков марксизма-ленинизма.

Вместе с тем армия нужна эксплуататорским классам и для осуществления внешней функции их государств. Она используется господствующими эксплуататорскими классами для захвата чужих территорий, покорения других народов, осуществления внешнеполитических акций, отвечающих интересам этих классов. Разумеется, в период войны эта функция может временно выдвигаться на первый план и заслонять внутреннюю. Однако в любом случае внутренняя функция армий эксплуататорских классов сохраняется.

Следующим законом функционирования буржуазной армии является **углубление ее реакционного характера.** Этот закон проявляется в возрастающей роли военной верхушки буржуазной армии в процессе милитаризации капиталистических стран, в расширении могущества военно-промышленного комплекса, в подавлении буржуазными армиями революционных и демократических движений внутри капиталистических стран и в зоне национально-освободительного движения, во внешнеэкспансионистской деятельности капиталистических государств и в агрессии против стран социализма.

Углубление реакционного характера буржуазной армии особенно наглядно видно на примере вооруженных сил США. В армии США действуют специальные наставления, пособия, инструкции по осуществлению жандармско-полицейских функций против «внутренних беспорядков», «бунтовщиков», в которых военнослужащим предписывается: «Стрелять надо так, чтобы не ранить, а убивать»[2].

Армия США использовалась против героического народа Вьетнама, строящего социализм. Американская военщина пыталась совершить агрессию против революционной Кубы. Согласно данным исследований, проведенных институтом Брукингса, в нынешнем столетии США 215 раз прибегали к использованию вооруженных сил или к угрозе их использования для поддержания своих внешнеполитических акций, а в 33 ситуациях даже угрожали применением ядерного оружия[3]. С 1945 по 1977 г. США и другие страны НАТО совершили 115 вооруженных провокаций, из них 22 — после 1970 г.[4]. Американский институт сухопутных

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 135.

[2] См.: Белащенко Т., Ржешевский О. Армия США как она есть. М., 1965, с. 20.

[3] См.: Правда, 1977, 13 февр.

[4] См.: Зарубежное военное обозрение, 1978, № 8, с. 7.

боевых операций в специальной программе «Конфликтные ситуации и задачи сухопутных войск» исследовал 145 возможных войн, в которых могут участвовать США в 1980—1990 годах[1].

Углубление реакционности капиталистических армий обусловлено обострением общего кризиса капитализма, стремлением буржуазии использовать в своих частнокорыстных целях ту силу, которая и до этого была «орудием реакции, слугой капитала в борьбе против труда, палачом народной свободы»[2]. Империализм прочно связал свою судьбу, само свое существование с милитаризмом. Его агрессивная политика, вскрытая В. И. Лениным, не изменилась. В свете возрастающей опасности этой политики следует рассматривать и такие факты, как создание Соединенными Штатами «сил быстрого развертывания» — новой дубинки империалистического диктата, их воинственные, провокационные акции, лихорадочный поиск мест для новых военных баз.

Прямую противоположность этим армиям представляют социалистические армии, которым присущи свои законы возникновения и функционирования. К их числу относится **закон решительного слома старой (буржуазной) армии и создания принципиально новой революционной армии.** К. Маркс, анализируя в работе «Гражданская война во Франции» первый, правда, скоротечный опыт диктатуры пролетариата, писал: «Первым декретом Коммуны было уничтожение постоянного войска и замена его вооруженным народом»[3], главную массу которого составляли рабочие. В. И. Ленин, анализируя опыт создания первой революционной армии, подчеркивал, что первый урок социалистической революции сводится к тому, что необходимо «разбить старую армию, распустить ее, заменить ее новою»[4].

Слом старой армии означает замену прежде всего реакционного офицерского состава, ликвидацию военных формирований, преданных эксплуататорским классам, и создание новых формирований и учреждений, имеющих классово-пролетарское содержание. При овладении ключевыми позициями в новой армии представителями новой пролетарской власти допускается использование военных специалистов буржуазной армии, перешедших на сторону народа. Основу новой армии составляют военные формирования, созданные рабочим классом в ходе классовой или национально-освободительной борьбы.

Важнейшим специфическим законом возникновения и функционирования социалистической армии является **соответствие ее социального предназначения интересам рабочего класса, всех трудящихся** нового общества.

Этот закон находит свое выражение в пролетарско-классовом характере социалистической армии, во все более развивающемся

---

[1] См.: Новое время, 1978, № 50, с. 19.
[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 113.
[3] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 17, с. 342.
[4] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 295.

единстве народа и армии по мере перерастания государства диктатуры пролетариата в общенародное социалистическое государство и в период его развития, в изменении ее социальных функций, в полной мере отвечающих интересам народа.

Социалистическая армия возникает как орган диктатуры пролетариата, но выражает интересы как рабочего класса, так и крестьян и народной интеллигенции. С ликвидацией эксплуататорских классов отпадает надобность в диктатуре пролетариата, утверждается социально-политическое и идейное единство народа, идеология рабочего класса становится мировоззрением всех классов и социальных групп.

Интересам народа соответствуют и функции социалистической армии — внутренняя (подавление сопротивления эксплуататорских классов), действие которой приходится на переходный период от капитализма к социализму (а затем эта функция отмирает), и внешняя (защита социалистического Отечества от агрессии, защита завоеваний социализма).

Со времени возникновения содружества социалистических стран возник новый закон — **боевой союз и дружба братских социалистических армий,** вытекающий из социологической закономерности — процесса постепенного сближения стран социализма. Свое конкретное воплощение он получил в военной Организации Варшавского Договора. Этот договор надежно служит интересам мира, укреплению безопасности социалистических стран. КПСС подчеркивает, что пока сохраняется блок НАТО, пока милитаристские круги ведут гонку вооружений, наша страна вместе с другими участниками Варшавского Договора будет укреплять этот военно-политический союз.

Важным специфическим законом является **руководящая роль марксистско-ленинской партии в процессе возникновения и функционирования социалистической армии.**

Руководство марксистско-ленинской партии — основа основ военного строительства социалистического государства. Эта существенная зависимость обусловлена, с одной стороны, сложностью и особой значимостью вопросов военного строительства в эпоху острого противоборства двух мировых социальных систем, с другой стороны — природой Коммунистической партии — последовательной выразительницы классовых, интернациональных интересов рабочего класса, всех борцов за революционное преобразование мира. Будучи умом, честью и совестью эпохи, партия концентрирует волю и разум строителей социалистического и коммунистического общества, на научной основе разрабатывает все аспекты своей политики, в том числе и в вопросах защиты завоеваний социализма.

Все перечисленные специфические законы возникновения и функционирования социалистической армии свидетельствуют о ее неоспоримом социально-политическом превосходстве над буржуазными армиями. У воинов социалистических армий есть все

основания гордиться тем, что им доверено марксистско-ленинскими партиями, социалистическими государствами и своими народами охранять мирный, созидательный труд строителей нового мира, защищать завоевания социализма.

В материалах XXVI съезда КПСС четко выражена линия партии на неуклонное укрепление обороноспособности страны, повышение боевой мощи нашей армии. Воплощением этой линии служит сегодняшнее состояние Вооруженных Сил, которые являются действительно могучим, действительно надежным стражем мирного, созидательного труда советского народа.

«Прочный сплав высокой технической оснащенности, воинского мастерства и несокрушимого морального духа — таков боевой потенциал Советских Вооруженных Сил. Теперь в рядах защитников Родины стоят уже сыновья и внуки героев Великой Отечественной войны. Они не прошли суровых испытаний, выпавших на долю их отцов и дедов... И каждый раз, когда того требуют интересы безопасности страны, защиты мира, когда нужно помочь жертвам агрессии, советский воин предстает перед миром как бескорыстный и мужественный патриот, интернационалист, готовый преодолевать любые трудности»[1].

Неустанная забота партии, правительства, всего советского народа о Вооруженных Силах вдохновляет воинов на новые успехи в учебе и службе. Решения XXVI съезда КПСС они восприняли как свою программу и неустанным ратным трудом повышают боевую готовность армии и флота.

Специфические законы возникновения и функционирования действуют и в армиях стран социалистической ориентации.

Знание общих и специфических законов возникновения и функционирования армий, принадлежащих к различным историческим типам, углубляет мировоззренческий потенциал военных кадров социалистической армии, расширяет их возможности более квалифицированного участия в реализации военной политики марксистско-ленинской партии и позволяет со знанием дела воспитывать личный состав.

---

[1] Материалы XXVI съезда КПСС, с. 66.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ВОЕННОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ГЛАВА XXI

ЧЕЛОВЕК И ТЕХНИКА В ВОЕННОМ ДЕЛЕ

Боевая мощь армий, их победы и поражения зависят, как писал Ф. Энгельс, от «человеческого материала» и от оружия, военной техники [1]. Не случайно исследование природы военной техники и ее соотношения с человеком в войне является одной из наиболее важных методологических проблем современной военной теории и практики. Знание общих закономерностей соотношения человека и военной техники позволяет на каждом этапе развития военного дела правильно определять наиболее эффективные способы и формы ведения вооруженной борьбы, организацию вооруженных сил, методы обучения и воспитания личного состава, глубже осознавать наиболее перспективные направления военно-технической политики государства, иначе говоря, со знанием дела решать широкий спектр военно-социологических, военно-экономических, военно-технических и собственно военных проблем. Важным аспектом исследования природы военной техники и ее соотношения с человеком является критика антимарксистских концепций, извращающих эту действительно сложную проблему и интерпретирующих ее с крайне реакционных позиций.

1. ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В ВОЕННОЙ ТЕХНИКЕ И ЕЕ КЛАССИФИКАЦИЯ

В трудах основоположников марксизма-ленинизма нашли широкое освещение вопросы сущности источников и движущих сил развития военной техники. Эти идеи получили свое развитие в работах советских исследователей [2].

---

[1] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 175.

[2] См.: Покровский Г. И. Наука и техника в современной войне. М., 1959; Абрамов В. К. Человек и техника в современной войне. М., 1960; Атом и оружие. М., 1964; Бокарев В. А. Кибернетика и военное дело. М., 1969; Баранов А. О. Человек и техника в военной организации. Л., 1971; Научно-технический прогресс и революция в военном деле. М., 1973; Бондаренко В. М. Современная наука и развитие военного дела. М., 1976; Пунко А. Б. Система: человек и военная техника. М., 1976; Автоматизация управления войсками. М., 1977 и др.

Военная техника — особая разновидность техники вообще. Во-первых, военная техника является «искусственным органом» общественного человека, служащим повышению эффективности его деятельности. Во-вторых, военная техника как общественное явление тесно взаимосвязана со многими базисными и надстроечными социальными факторами: экономикой, политикой, наукой, правом, моралью и т. д. В-третьих, военная техника материальна, она состоит из веществ и процессов природы, функционирует в соответствии с законами природных форм движения материи. «ТЕХНИКА МЕХАНИЧЕСКАЯ И ХИМИЧЕСКАЯ,— писал В. И. Ленин, — потому и служит целям человека, что ее характер (суть) состоит в определении ее внешними условиями (законами природы)»[1]. В-четвертых, естественные вещества и процессы в военной технике приобретают особую форму взаимодействия, которой нет в природе. Созданные человеком модели природного субстрата в специальной литературе называют «технической», «структурной», «конструктивной» формой. В-пятых, военная техника создается человеком также на основе познания им социальных потребностей в средствах деятельности, законов природы, на основе которых действует техника, познания специфики функционирования конструктивных форм. Исторические этапы развития техники всегда находились в тесной связи с развитием человеческих знаний, вначале эмпирических, а затем и научных. К. Маркс называл технику «овеществленной силой знания»[2].

Наряду с этими общими для любой техники чертами военная техника имеет ярко выраженную специфику. Военная техника отличается от других видов техники (например, производственной, медицинской, бытовой и т. д.) по источникам (причинам) своего возникновения, своему назначению, характеру присущих ей противоречий и связанной с ними внутренней логике своего развития, а также по времени своего существования.

В отличие от производственной техники, создаваемой в процессе взаимодействия человека и природы, военная техника порождается явлениями надстроечными. Движущие силы ее развития лежат в области политических антагонизмов. Причиной современной гонки вооружений является агрессивная политика реакционной милитаристской буржуазии, пытающейся с помощью насилия приостановить объективный ход развития общества.

Одной из целей гонки вооружений, навязываемой социалистическим странам со стороны империалистических государств, является попытка подорвать социалистическую экономику, отвлечь усилия научных кадров от решения созидательных задач социалистического и коммунистического строительства. Американский экономист Т. Шеллинг откровенно заявлял: «Вынуждать Советский Союз равняться с нами в дорогостоящей гонке вооружений — это способ тормозить развитие его экономики... Задача заключается

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 170—171.
[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 2, с. 215.

в том, чтобы толкать Советский Союз на создание возможно более крупных вооруженных сил, чтобы он не мог расходовать необходимые суммы... на другие цели»[1].

В отличие от других видов военная техника выступает средством особого вида деятельности — вооруженной борьбы. В отличие от производственного труда вооруженная борьба представляет собой двусторонний процесс, ее объектом являются не только материальные сооружения, но главным образом люди, вооруженные техникой. Если природа сложна, но не злонамеренна, то противник и сложен, и активен, он преследует свои цели, воздействует на ход борьбы в своих интересах. Поэтому военная техника предназначена как для наступления, так и для обороны, причем некоторые виды военной техники создаются специально как наступательные или оборонительные с учетом требований военного искусства.

Многочисленные противоречивые требования, которые предъявляет вооруженная борьба и война в целом к средствам насилия, обусловливают присущие военной технике противоречия. Так, существуют противоречия между средствами поражения и защиты, разведки и маскировки, управления и противодействия и т. п. Да и внутри любой военно-технической системы часто возникает необходимость соединения противоречивых тактико-технических показателей: маневренности и запаса хода танка, с одной стороны, и мощности его вооружения и броневой защиты — с другой; маневренности боевого самолета и мощности его вооружения; дальности и разрешающей способности радиолокационных прицелов; скорострельности и длительности стрельбы стрелково-пушечного вооружения и т. д.[2]

Вследствие своеобразия вооруженной борьбы как вида деятельности, наличия особых противоречий военная техника может принимать такие конструктивные формы, которых нет в других областях техники. Среди них можно назвать тараны, баллисты, вооружение рыцаря, пулеметы, пушки, бомбы, боевые ракеты, танки, авианосцы, зенитно-ракетные комплексы, средства противоракетной обороны, радиопротиводействия и т. п.

Военная техника исторически преходяща. На каком бы этапе эволюции ни находилось общество, оно всегда нуждалось и будет нуждаться в существовании и развитии средств труда, степень совершенства которых во многом определяет ход общественного

---

[1] Цит по: Катасонов Ю. В. США: военное программирование. М., 1972, с. 17.

[2] Подобное противоречие анализирует Ф. Энгельс в статье «История винтовки». Первые военные ружья заряжались с дула, и чем короче был ствол, тем легче и быстрее проходил процесс заряжания. Но для ведения штыкового боя нужен был длинный ствол. Соединение противоречивых требований — высокой скорости заряжания и удобства штыкового боя — обусловило появление устройства для заряжания с казенной части (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 15, с. 201).

прогресса. Военной техники как специфического вида техники не было в условиях первобытного общества, нет внутренних потребностей ее развития и при социализме. С исчезновением войн она неминуемо прекратит свое существование.

Все технические средства, состоящие на вооружении армии и флота, составляют единую систему. Они служат для выполнения взаимосвязанных боевых задач — стратегических, оперативных, тактических; функции технических средств взаимно дополняют друг друга в ходе боевых действий — обнаружение, прицеливание, доставка (транспортировка), управление, поражение и пр.; во многих случаях средства различного назначения связываются в конструктивно единые комплексы — разведки и помех, прицельно-навигационные, ракетно-пушечные и т. д.

Как видим, **военная техника** значительно отличается от других разновидностей техники. В самом общем виде ее можно определить как **вид техники, предназначенный для ведения вооруженной борьбы в политических целях**[1]. Однако это определение, в котором выражена сущность военной техники, нуждается в некоторых пояснениях.

В вооруженной борьбе применяются, если исходить из целевого предназначения техники при ее создании, три основные группы технических средств: 1) технические средства, специально создаваемые для вооруженной борьбы, в которых учтена специфика их применения (собственно военная техника: пушки, танки и т. д.); 2) технические средства, созданные в производственных целях, но приспособленные конструктивно для ведения вооруженной борьбы (военизированная техника: обычные поезда, защищенные броневыми листами, мешками с песком, повозки, приспособленные для ведения огня из пулеметов, и т. д.); 3) технические средства, созданные для производственных целей и применяемые в вооруженной борьбе без всяких конструктивных преобразований (например, грузовые автомашины). Последняя группа технических средств, хотя и применяется в вооруженной борьбе, не является собственно военной техникой.

Следовательно, имеет смысл различать всю технику, которой оснащены вооруженные силы (включает в себя все три группы), и собственно военную технику (вторая группа технических средств применяется лишь при недостатке собственно военной техники).

---

[1] Когда речь идет о буржуазных армиях, которые выполняют не только внешние функции, но прямо предназначаются и для подавления выступлений народных масс, в понятие «военная техника» можно включать получившие в последнее время бурное развитие технические средства военно-полицейского назначения. К ним, например, относятся бронетранспортеры, защищенные токами высокого напряжения, «прыгающие бомбы», «водяные пушки», винтовки и пистолеты, стреляющие специальными пулями, и т. д. На создание этой техники, которая может применяться и для борьбы с партизанским движением, современные капиталистические государства тратят ежегодно миллионы долларов.

Третья группа техники является «военной» не по целевому конструкторскому предназначению, а лишь по ее принадлежности к военной организации (армии) и ее использованию в вооруженной борьбе.

Это обстоятельство свидетельствует об определенной условности отделения военной техники от производственной. Тесная взаимосвязь военной техники с общетехнической базой общества проявляется в определенной ограниченности конструктивных отличий средств вооруженной борьбы от других видов техники.

Техническое оснащение армии не может значительно «оторваться» от производства, чрезмерно обогнать его. Любые самые совершенные средства вооруженной борьбы, прежде чем поступить в руки армии, по выражению Ф. Энгельса, «должны быть произведены». Производство же возможно только в общей системе материального производства общества, которая определяет весь уровень технического прогресса. При этом действует закономерность адекватности производимого продукта тем средствам, с помощью которых он производится. Каменным топором, например, нельзя построить даже катапульту. Нельзя забывать и о том, что сама возможность создания тех или иных военно-технических средств объективно ограничена производительностью труда в сфере производства материальных ценностей, позволяющей отторгнуть часть труда в сферу, не связанную с воспроизводством жизни.

Военную технику можно классифицировать по различным признакам. Главный из них: функциональное предназначение техники. В соответствии с этим она делится на боевую (оружие, система оружия) и обеспечивающую.

Современное боевое оружие в свою очередь делится: по масштабам поражающего действия — на оружие массового поражения и обычное; по характеру решаемых задач — на стратегическое, оперативно-тактическое и тактическое; по способу доставки к цели средств поражения — на холодное (приводимое в действие мышечной силой человека), огнестрельное, реактивное и ракетное и т. д.; по степени маневренности — на стационарное (ракетные комплексы, береговые орудия) и подвижное (самоходное, буксируемое, возимое) и т. п.

В свою очередь обеспечивающая техника делится на военно-вспомогательную (военно-фортификационную, военно-инженерную и т. д.), обслуживающую (военно-транспортную, ремонтно-лабораторную, измерительную, связанную с обеспечением войск горючим и смазочными материалами, военно-госпитальную и т. д.) и военно-управленческую технику (вычислительные устройства, системы сбора и отображения боевой информации, средства связи и т. д.) [1].

---

[1] См.: Пупко А. Б. Система: человек и военная техника, с. 56—57.

Классификация военной техники проводится и по другим основаниям, что свидетельствует о ее сложности и многосторонних связях с различными сторонами вооруженной борьбы.

2. ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭТАПЫ И ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ ВОЕННОЙ ТЕХНИКИ

Военная техника, как и техника вообще, и прежде всего производственная, с тех пор, как существует война, постоянно развивается и проходит через определенные этапы своей эволюции. Методология выделения исторических этапов ее развития разработана К. Марксом применительно к средствам труда, используемым в материальном производстве. На основе этой методологии можно выделить следующие основные исторические этапы в развитии военной техники: орудийный, машинный и машинно-автоматный.

Орудийный этап в развитии военной техники охватывает самый продолжительный период. Он всесторонне освещен в статье Ф. Энгельса «Армия» и включает в себя развитие прежде всего боевого оружия, начиная от палицы, пращи, копья и лука и кончая огнестрельным оружием и артиллерийскими системами, передвигаемыми на конной тяге.

Второй этап в развитии военной техники — машинный — был обусловлен промышленной революцией, развернувшейся в условиях капиталистического способа производства и рассмотренной К. Марксом в «Капитале». Специфика этого этапа уже явственно проявилась в ходе первой мировой войны. Механизация военного дела в период между двумя мировыми войнами достигла таких размеров, что породила в империалистических армиях концепции танковой (Гудериан в Германии), воздушной (Дуэ в Италии), морской (Мэхэн в США и Коломб в Англии) войны. В этом смысле вторую мировую войну можно уже назвать «войной моторов».

В ходе второй мировой войны (особенно в ее конце) развитие военной техники вступило в третий, современный этап, связанный с дальнейшей механизацией, моторизацией армии и бурно развернувшейся автоматизацией военной техники и различных видов деятельности военнослужащих. Сначала создаются автоматические системы в зенитной артиллерии. После второй мировой войны интенсивно разрабатываются и внедряются автоматические ракетные комплексы. В настоящее время автоматизация затронула все виды и рода войск.

Третий этап развития военной техники обусловлен в числе других причин научно-техническим прогрессом и в особенности такой его формой, как НТР.

Впутри последнего этапа специалисты выделяют и внутрен-

ние этапы (периоды) в зависимости от развития средств поражения, средств их доставки и средств управления[1].

Следует иметь в виду, что развитие техники подчиняется закону отрицания отрицания, а потому в ее эволюции соблюдается преемственность. Новая техника не вытесняет сразу повсеместно и в полном объеме старую военную технику, а сосуществует определенное время с ней. При этом старая техника совершенствуется, модифицируется. Развитие техники осуществляется в двух формах — революционной и эволюционной. Именно поэтому современная военно-техническая революция — не этап, а одна из форм (правда, доминирующая в настоящее время) современного военно-технического прогресса, современного его этапа. Название этого этапа как машинно-автоматного адекватно передает его содержание: процесс автоматизации военной техники в современных армиях еще не вытеснил значительной доли машинной техники и даже орудийной.

Развитие военной техники подчинено действию трех закономерностей. Их условно можно назвать социальной, военно-тактической и военно-конструкторской (эргономической).

Социальная закономерность характеризует влияние социальных причин (экономических, собственно социальных, политических, духовных и научно-технических) на развитие военной техники. Среди них решающее стимулирующее воздействие на эволюцию военной техники оказывают политические причины, ибо война — явление прежде всего социально-политическое. Когда социализм утвердится в планетарном масштабе, то исчезнут и социальные источники развития военной техники.

Военно-тактическая закономерность выражает влияние военного искусства в целом (а не только тактики, а потому в названии этой закономерности проявляется определенная условность) на развитие военно-технических средств. Военное искусство имеет свою внутреннюю логику развития, оно разрабатывает способы, приемы использования военной техники, а поэтому конструирование последней осуществляется с учетом требований военного искусства вообще и его специфики на различных театрах военного действия в частности. Наиболее ясно эти связи прослеживаются в создании стратегического, оперативно-тактического и тактического оружия.

Военно-конструкторская закономерность выражается в том, что военные конструкторы, инженеры, разрабатывая новые системы оружия, учитывают свойства доступного им материала, из которого изготовляется оружие, законы баллистики, механики, газовой динамики, термодинамики, теории взрывчатых веществ и т. д., а также психофизиологические свойства человека.

Все названные закономерности действуют комплексно, сохраняя при этом свою относительную самостоятельность.

---

[1] См.: Бондаренко В. М. Современная наука и развитие военного дела, с. 114.

Все названные закономерности могут быть развернуты в более частные законы развития военной техники, отражающие существенные связи между ее функциональным назначением и конструктивной формой, с одной стороны, и факторами, обусловленными социальной природой государства, класса, развитием военного искусства и конструкторско-изобретательской мысли,— с другой.

3. ДИАЛЕКТИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО СИСТЕМЫ «ЧЕЛОВЕК — ВОЕННАЯ ТЕХНИКА»

Согласно марксистско-ленинскому учению о войне и армии, человек участвует в вооруженной борьбе не обособленно от военной техники, а образует вместе с нею диалектическое единство — систему «человек — военная техника».

Во многих трудах буржуазных военных авторов, в антимарксистской литературе это единство метафизически извращается. При этом наблюдаются две крайности. С одной стороны, абсолютизируются роль человека, его морально-боевые качества, с другой — преувеличивается роль военной техники, которая обособляется от человека и превращается в самостоятельный фактор вооруженной борьбы и войны в целом. Более того, военная техника под пером буржуазных авторов наделяется демонической силой, определяющей социальный прогресс.

В буржуазной литературе имеются высказывания, авторы которых извращают связь военной техники и политики, считая, что военная техника якобы оторвала войну от политики. Вследствие неверной оценки сущности и движущих сил развития военной техники буржуазные теоретики иногда утверждают, что именно она является причиной современного милитаризма.

Технический фетишизм особенно проявляется в трудах буржуазных авторов, анализирующих соотношение человека и военной техники в вооруженной борьбе. «Силы, определяющие исход классической войны,— утверждал теоретик ФРГ И. Крумпельт,— резко отличаются от сил, участвующих в термоядерной войне. Для первых большую роль играет талант полководца и командные способности подчиненных ему командиров, боевые качества войск, особенно их энтузиазм, мужество, отвага, выдержка, способность к самопожертвованию и т. д. Эти духовные и моральные качества не играют никакой роли в войне с применением термоядерного оружия. Здесь основным является неодушевленный материал...»[1]

Одновременно с преувеличением роли оружия в войне буржуазная пропаганда периодически оживляет тезис о том, что человек как субъект войны остается неизменным в своих каче-

[1] Цит. по: Бондаренко В. М. Наука как фактор обороноспособности Советского государства. М., 1974, с. 150.

ствах и в силу этого все больше зависит от техники. По мнению западных специалистов, могут изменяться количественные и даже качественные отношения вследствие усовершенствования оружия, но человек остается тот же. Перу английского социального психолога Н. Коупленда принадлежит тезис: «Из поколения в поколение оружие меняется, а человеческая природа остается неизменной»[1]. Разумеется, с этим согласиться нельзя. Каждая новая общественно-экономическая формация дает новый «человеческий материал», отличающийся в социальном, морально-политическом, образовательном и иных отношениях.

Фетишизация военной техники имеет своей социальной основой идейно-политическую и моральную неустойчивость буржуазной массовой армии, в которой нуждаются империалистические государства и которой они в то же время боятся, мечтая об армиях роботов и компьютеров. Так, английский социолог С. Мелман писал: «Роботизм как общественное явление становится необходимой формой существования, поэтому у нас готовится материал, способный вести термоядерную войну, не ощущая ни войны, ни угрызений совести. В результате рождается новый человек с задатками робота»[2]. Этим объясняются интенсивные испытания, проводимые Центральным разведывательным управлением (ЦРУ) и Пентагоном США над людьми, связанные с применением препаратов, деформирующих их разум. «Под сильным нажимом общественности, — пишут в своей книге «Власть и К°» американские авторы М. Минц и Дж. Коэн,— армия признала, что в испытаниях лекарственных и химических препаратов на протяжении 20 лет участвовало в общей сложности 6940 военнослужащих... К ним были привлечены 900 гражданских лиц»[3]. Фетишизация военной техники выражает стремление буржуазных идеологов приуменьшить роль народных масс в войне. Одновременно это — совершенно очевидная для всех пропаганда интересов военно-промышленных комплексов, для которых гонка вооружений представляет неисчерпаемый источник прибылей. Теоретико-познавательной основой появления взглядов, преувеличивающих роль техники, служит абсолютизация фактов перехода целого ряда функций человека в вооруженной борьбе к техническим устройствам.

В современной буржуазной и другой антимарксистской литературе есть взгляды и противоположного характера. Так, маоисты, стремясь поднять воинственный дух в армии при сравнительно неразвитой военно-технической базе, утверждали, что атомная бомба — это бумажный тигр. Сами же руководители современного Китая понимают абсурдность этого лозунга, а потому посылают своих гонцов во все страны, домогаясь доступа

---

[1] Коупленд Норман. Психология и солдат. М., 1958, с. 37.
[2] Соотношение человека и техники в истории войн. М., 1976, с. 170.
[3] Правда, 1979, 9 февр.

к военным арсеналам США, Великобритании, ФРГ, и интенсивно проводят переоснащение своей армии. Основная причина антитехнических концепций заключается в заигрывании с массами, в желании оболванить их и использовать в качестве орудия для достижения реакционных политических целей. Другая социальная подоплека этого заключается в стремлении компенсировать недостаточный военно-технический потенциал жертвенным фанатизмом масс. Гносеологической причиной, порождающей возможность появления этих взглядов, служит преувеличение того реального обстоятельства, что техника подчинена человеку и является средством его деятельности.

Разумеется, эти взгляды не всегда последовательно проводятся в жизнь. То, что относительно безнаказанно обходится в теории, не всегда допустимо в сфере реальной военно-технической политики. В военной практике, где решения принимаются исходя из конкретного соотношения сил перед лицом реального противника, антинаучные лозунги вынуждены отходить на задний план. Абсолютное большинство уставов, наставлений, директив армий капиталистических государств вынужденно подчеркивают роль человека в войне.

Марксистско-ленинское учение о войне и армии, исследуя диалектику системы «человек — военная техника», исходит из того, что эта система выполняет ряд динамично изменяющихся функций. К числу этих **функций** относятся: **управленческая** (выбор объекта борьбы, сбор информации о нем, принятие решения на удар, корректировка нанесения удара, определение и оценка его результатов и т. д.), **ударная** (разрушение объектов борьбы, уничтожение и поражение противника), **энергетическая** (выполнение роли источника энергии, приводящей в действие средства разрушения объектов вооруженной борьбы, уничтожения и поражения живой силы противника), **доставки** средств разрушения и поражения к цели, **транспортная.** По существу, это — модифицированные функции, выполняемые ныне человеком и четырехзвенной машиной, имеющей двигатель, трансмиссию, рабочий орган и управленческое устройство.

Первоначально человек (возьмем самый крайний случай, встречающийся в рукопашной схватке) совмещал в себе все эти функции. Он сам был источником энергии и средством передвижения, он же пускал в ход кулаки и зубы или оказавшийся под руками камень в качестве средства поражения, он же управлял всеми своими действиями в борьбе с противником.

Ситуация существенно изменилась, когда человек стал использовать военную технику. Возьмем современную систему «человек — военная техника». Источником энергии стали взрывчатое вещество, внутриядерная энергия. Ударную функцию выполняют пуля, снаряд, бомба, ударная волна, световое излучение, радиация, таран (например, танка). В роли средств доставки стали выступать машины, торпеды, самолеты, ракеты,

работающие на различных видах горючего материала. Отдельные элементы управленческой функции человек передал автоматическим устройствам. В отдельных видах боевого оружия некоторые из этих функций оказались совмещенными (например, в танке).

Будучи «продолжением» человеческих органов, военная техника проявила явное превосходство над этими органами в выполнении всех функций, включая управленческую. Это — реальность, которую невозможно опровергнуть. Созданной человеком технике оказалось под силу «взять» на себя некоторые, причем очень важные, операции и в управленческой функции.

При этом оказалось, что в сфере управления человек и техника обладают как соответствующими достоинствами, так и недостатками. Главные достоинства человека: способность принимать решения; способность работать в непредвиденных ситуациях, высокая гибкость и приспособляемость к изменяющимся внешним воздействиям; широкая возможность выбора способов действия, быстрота использования резервов и исправления ошибок. Его недостатки: быстрая утомляемость; подверженность чувству опасности; рассеивание внимания; ограниченная память и низкая пропускная способность информации; сравнительно малое, медленное и неточное выполнение вычислительных операций и небольшое количество информации, обрабатываемое в единицу времени, и т. д.

Достоинства автоматического устройства сводятся к медленному снижению работоспособности, практически неограниченной пропускной способности информации и ее хранения, быстрому и точному выполнению вычислительных задач, неподверженности чувству опасности. Недостатки автоматического устройства: нулевая способность осознавать, непригодность к альтернативному «решению» (автомат действует только в соответствии с заложенным в него алгоритмом[1]), неспособность к самоналадке в случае выхода из строя отдельных деталей и т. д.

Как видим, по ряду самых существенных для управленческой функции показателей человек превосходит автомат. Он и только он принимает решение на бой, операцию, сражение. Следовательно, речь идет не о вытеснении человека из сферы управления, а о перераспределении операций в управленческой функции. При этом нетворческие операции передаются автомату, а человек по-прежнему оставляет за собою высшие операции по управлению.

Из этого следует, что всякая техника, в том числе и электронно-вычислительная (и вообще автоматическая), является лишь **средством** человеческой деятельности, а **субъектом** ее, ставящим общую цель деятельности, всегда выступает общественный человек. Всякая война, как известно, есть продолжение политики того или иного класса насильственными средствами. А политика — область сугубо человеческой деятельности, в ней

---

[1] См.: Автоматизация управления войсками, с. 193.

появляются побудительные мотивы возникновения и развития военной техники.

Решающая роль человека по отношению к военной технике выявляется уже при рассмотрении процесса ее создания, поскольку всякая техника создается человеческим трудом на основе достижений человеческого познания. Однако и уже созданная военная техника не может функционировать вечно — всякая техника имеет ограниченную надежность, она подвергается моральному старению и износу. И только человек способен создавать и совершенствовать военную технику (как и любую вообще).

Современная автоматизация военной техники увеличивает число людей, заранее вносящих свой труд в дело победы, воплощающих его в технических средствах[1] и обслуживающих их в армии. В то же время число людей, непосредственно применяющих технические устройства в боевой обстановке, имеет тенденцию к сокращению. Таким образом, когда речь идет о возрастании роли техники в вооруженной борьбе, следует понимать, что это не что иное, как возрастание роли человеческого труда, но только в овеществленной форме или реализующегося в процессе ее обслуживания.

Оценивая развитие вооруженных сил в современных условиях, ход многочисленных войн прошлого и настоящего, нельзя не заметить, что человек играл и продолжает играть решающую роль и в самом процессе вооруженной борьбы. Военная техника, представляя собой «искусственные органы» человека, не может функционировать в абсолютном отрыве от него. Причина этого заключена в активной роли человека, который включает технику, принимает от нее информацию, оценивает ее действия и т. д. Он должен быть готов в любой момент скорректировать поведение техники. «Полной» автоматизации вооруженной борьбы даже на уровне исполнительных функций серьезно препятствует сложный характер воинской деятельности, не поддающийся законченному формально-логическому описанию, а также сложность моделирования человеческой психики. Всякая война — всегда в чем-то новое социальное явление, оно не идет по заранее заданной программе, и проявление творческих потенций человека оказывалось и оказывается решающим.

Человек в ходе войны добивается своих целей, вытекающих из его общественного бытия, а техника таких целей не имеет и иметь не может, она запрограммирована человеком и создана им, и это положение не может быть изменено при любом уровне технического прогресса. Свойства человека как носителя цели

[1] Об этом можно судить хотя бы потому, что стоимость современной военной техники во многом возрастает за счет удорожания ее разработки. Если в прошлом в общей стоимости межконтинентальных бомбардировщиков расходы на НИОКР составляли примерно 20%, то в стоимости современных межконтинентальных ракет они составляют около 60% (см.: Громов Л. М., Фарамазян Р. А. Военная экономика современного капитализма. М., 1975, с. 119).

борьбы, как социально творческого существа в наибольшей степени проявляются при необходимости принять решение с учетом политических и моральных соображений в условиях, диктующих линию поведения, не подчиняющуюся заранее определенным программам, если в ходе боя возникают не предполагавшиеся ранее обстоятельства. Таким типичным обстоятельством может служить и выход из строя тех или иных технических устройств, тем более что их поражение является одной из основных целей противника. Поэтому включенность человека даже в те системы, которые в принципе могли бы функционировать и без него, нельзя априорно считать отрицательным фактом.

Марксистско-ленинское учение не ставит альтернативно вопрос: человек или техника, а решает его диалектически. В единой системе «человек — военная техника» оба компонента абсолютно необходимы. При этом с точки зрения диалектики материальных и духовных сил в этой системе **определяющее значение** принадлежит материальным силам, а сознанию человека — **решающая роль.** Это — не игра в термины. Материальные силы **определяют** границы возможного, а человек, наделенный сознанием, **решает,** как эти возможности превратить в действительность.

Военная система «человек — техника» имеет сложную структуру, она складывается из многих подсистем, которые можно различать по различным критериям в зависимости от боевого назначения, масштабов боевых действий, условий применения, вида технических средств и пр.[1] В зависимости от сложности организационной структуры могут выделяться такие подсистемы, как «военнослужащий — оружие», «экипаж — боевой комплекс», «личный состав части (соединения) — техника части (соединения)» и т. д. По мере увеличения числа элементов нарастает и сложность контактов между людьми и техникой. Наиболее сложный характер носят взаимоотношения в такой большой системе, как «личный состав вооруженных сил — военная техника».

Самым существенным показателем качества системы «человек — военная техника» является ее боевая эффективность. Широко применяемая в военной теории и практике **категория эффективности** означает меру реализации задач (планов, установок, целей), определяемую соотношением затраченных усилий, средств, имеющихся возможностей и реальными результатами. Чем больший результат достигнут при скромных возможностях, небольших усилиях и средствах в одно и то же время, тем выше эффективность этих усилий и средств. Реальное повышение боевой эффективности системы «человек — военная техника» возможно только в том случае, когда структура системы позволяет наилучшим способом согласовать их, компенсировать недостатки как человека, так и техники, и в то же время выявить с наибольшей полнотой их достоинства.

---

[1] См.: Пупко А. Б. Система: человек и военная техника, с. 120—122.

Повышение боевой эффективности системы «человек — военная техника» может осуществляться двуединым путем совершенствования технической и человеческой подсистем при их постоянном согласовании.

Совершенствование технической подсистемы связано с ведущей тенденцией — последовательной заменой техническими средствами функций человека, кроме управленческой в ее высшем проявлении (в принятии решения и осуществлении контроля за его выполнением). «В замене ручного труда машинным,— писал В. И. Ленин,— нет ничего «нелепого»: напротив, в этом и состоит вся прогрессивная работа человеческой техники»[1]. Это совершенствование предполагает оптимальное конструирование военной техники, ее эффективное обслуживание, ремонт и в особенности боевое применение. В решении этих задач исключительно велика роль командиров и военных инженеров социалистической армии.

Совершенствование человеческой подсистемы может быть успешным только тогда, когда оно опирается на знание законов формирования личности и воинских коллективов. Воинский коллектив формируется, готовится и действует с учетом особенностей техники, а в конструкцию технических систем закладываются требования обеспечения функционирования воинского коллектива.

Самого внимательного отношения заслуживают свойства человека, иначе говоря, формы проявления живого труда в вооруженной борьбе. Они во многом определяют ведущие тенденции в совершенствовании системы «человек — военная техника». Так обстоит дело, например, с проблемой влияния психического напряжения человека на допустимую сложность выполняемых им операций. Чем больше опасность, тем более простым должно быть обращение с техникой. В силу этого стремление максимально упростить работу с техникой в сфере боевого применения, пусть даже за счет некоторого усложнения ее обслуживания и разработки, зачастую вполне оправдано.

Поскольку центр тяжести проблемы согласования человека и военной техники смещается в область мыслительной деятельности человека, постольку становится все более необходимым воспитание личного состава с учетом специфики воинских специальностей. Проблема не из легких. Воспитание и обучение людей, способных со знанием дела пользоваться новейшими усовершенствованиями военной техники[2], — это, как учил В. И. Ленин, великий фактор победы.

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 100.
[2] Там же, т. 9, с. 156.

ГЛАВА XXII

ДИАЛЕКТИКА РАЗВИТИЯ СПОСОБОВ И ФОРМ ВООРУЖЕННОЙ БОРЬБЫ

Анализ взаимосвязи человека и военной техники, проведенный в предыдущей главе, позволил выяснить, что боевое оружие оказывает определяющее влияние на ход и результаты боевых действий, а человеку принадлежит решающая роль в использовании военной техники. В настоящей главе рассматриваются взаимосвязь человека и военной техники под углом зрения их влияния па способы и формы вооруженной борьбы, а также внутренняя логика развития самих способов ведения боевых действий. Диалектика развития способов и форм вооруженной борьбы — одна из важнейших современных методологических проблем, правильное решение которой дает возможность понять сущность, содержание вооруженной борьбы как самостоятельного компонента войны, как главного средства ее ведения, проследить ведущие тенденции в диалектике целей, средств, способов и результатов боевых действий, а также еще глубже усвоить решающее значение военных кадров социалистической армии в вооруженной борьбе.

1. ЗАВИСИМОСТЬ РАЗВИТИЯ СПОСОБОВ И ФОРМ ВООРУЖЕННОЙ БОРЬБЫ ОТ ВОЕННОЙ ТЕХНИКИ

Понятия сущности, содержания, с одной стороны, и формы — с другой, сугубо соотносительны. Вооруженная борьба по отношению к политическим целям и политическому содержанию войны выступает как средство и как главная ее форма. Вместе с тем вооруженная борьба представляет относительно самостоятельное явление войны. В ней можно выделить и собственную сущность, и собственное содержание.

Сущностью вооруженной борьбы является вооруженное насилие, применяемое в политических целях классом, государством (коалицией государств). Имея в виду именно вооруженное насилие, Ф. Энгельс отмечал: «Насилие — это в настоящее время

армия и военный флот...»[1] Содержание вооруженной борьбы заключается в организованном применении вооруженных сил для достижения политических и военных целей и объединяет боевые действия войск, а также деятельность войск, направленную на всестороннее обеспечение боевых действий.

Естественно, что содержание вооруженной борьбы реализуется в определенных формах, которые в классической марксистско-ленинской военно-философской литературе принято называть способами вооруженной борьбы (форма и есть не что иное, как способ функционирования содержания).

В связи с многообразием форм боевых действий способы вооруженной борьбы принято классифицировать по различным признакам: по масштабу военных действий (бой, операция, стратегическая операция или сражение); по видам боевых действий (наступление и его разновидность — контрнаступление, оборона, встречный бой, встречное сражение); по характеру передвижения войск, техники и переносу огня или маневру (ядерный удар, охват, обход, отход, маневр огнем и т. д.). Существуют и другие основания классификации способов вооруженной борьбы.

В советской военно-теоретической литературе недавно проходила дискуссия, участники которой стремились определить соотношение понятий «вид», «форма», «способ» ведения боевых действий. В итоге дискуссии выявилась тенденция закрепления за понятиями «наступление», «оборона» термина «вид боевых действий», за понятиями «бой», «операция», «сражение» — названия «формы вооруженной борьбы», за понятиями, отражающими различные виды маневров,— термина «приемы вооруженной борьбы» или «способы вооруженной борьбы» в узком значении этого слова. В специальной военно-теоретической литературе такая унификация терминов полезна и необходима. В рамках марксистско-ленинского учения о войне и армии все эти понятия принято называть способами вооруженной борьбы с учетом того, что они дифференцируются на еще более конкретные формы (способы).

Для уяснения зависимости способов вооруженной борьбы от других факторов уместно дать еще одно предварительное разъяснение. Вооруженная борьба как одна из форм деятельности включает в себя по меньшей мере три компонента: цель, средства, результаты. Человек в вооруженной борьбе участвует как ее субъект (поскольку он ставит и преследует определенную цель), как объект (поскольку он служит главной «мишенью» для противника) и как средство вооруженной борьбы (человек используется для достижения поставленной цели). В последнем значении люди, как и военная техника, выступают именно как средство вооруженной борьбы. Однако в отличие от военной техники люди в этой борьбе выполняют и другие, причем решающие, функции. Это обстоятельство и побудило военно-теоретическую

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 171.

мысль закрепить за людьми особый термин «силы ведения вооруженной борьбы»[1], с тем чтобы отличать их от материально-технических средств, применяемых в боевых действиях. Однако в широком философском плане это не противоречит рассмотрению личного состава и как средства вооруженной борьбы.

Способы вооруженной борьбы зависят от военной техники, от «человеческого материала», представленного способностью людей управлять боевыми действиями, действовать в вооруженной борьбе в соответствии с принципами военного искусства на его различных уровнях, а также от пространственно-временных факторов (природной среды, конкретных ландшафтных и климатических условий, времени года и суток).

Главными факторами, влияющими на способы вооруженной борьбы, являются военная техника и люди.

В соответствии с этим военно-теоретическая мысль уже давно обнаружила существенные связи между способами вооруженной борьбы, с одной стороны, военной техникой, количеством и качеством человеческого материала, или, говоря иначе, соотношением сил противоборствующих сторон,— с другой.

Основоположники марксистско-ленинского учения о войне и армии сформулировали **закон зависимости способов вооруженной борьбы от количества и качества военной техники.**

Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге» указывал, что «успехи техники, едва они становились применимыми и фактически применялись в военном деле, тотчас же — почти насильственно, часто к тому же против воли военного командования — вызывали перемены и даже перевороты в способе ведения боя...»[2].

В работах классиков марксизма-ленинизма содержится конкретный анализ этого закона. Так, характеризуя тактику и стратегию Наполеона, Ф. Энгельс подчеркивает, что этому способствовали «две очень важные технические предпосылки: во-первых, сконструированные Грибовалем более легкие лафеты полевых орудий позволили передвигать их с требуемой теперь быстротой; во-вторых, введенная во Франции в 1777 г. и заимствованная у охотничьего ружья изогнутость ружейного приклада, представлявшего раньше совершенно прямое продолжение ствола, позволила целить в определенного человека, не делая непременно промахов. Без этого последнего усовершенствования нельзя было бы при помощи старого ружья применять стрельбу в рассыпном строю»[3]. На убедительных примерах Ф. Энгельс показал, что этот закон характерен не только для тактики, но и распространяется на стратегическую область военного искусства. Ф. Энгельс в своих работах глубоко раскрывает механизм влияния оружия, военной техники на тактику. В частности, он подчеркивает особенности этого влияния: новое оружие не сразу вытесняет старое, а сосуществует с ним в течение определенного времени. На первых по-

[1] См.: Словарь основных военных терминов. М., 1965, с. 206.
[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 176.
[3] Там же, с. 173.

рах оно, как правило, используется применительно к старой тактике; новое же оружие приобретает самостоятельное и существенное значение, когда достигается достаточная степень его совершенства; старое оружие все больше начинает подчиняться тактико-техническим свойствам нового оружия и тактике, соответствующей этому новому оружию, а потом постепенно уходит в прошлое.

Действие этого закона особенно ярко проявилось в период современной революции в военном деле, когда изменившиеся средства борьбы коренным образом преобразовали способы и формы подготовки и ведения боевых действий в тактическом, оперативном и стратегическом масштабах. Так, с появлением атомных подводных лодок, оснащением их ядерным оружием военно-морской флот стал способен оказывать стратегическое воздействие на ход вооруженной борьбы, решать сложные задачи на широких просторах Мирового океана.

Особое влияние на способы ведения вооруженной борьбы оказала способность новых видов оружия к маневру огнем на огромных расстояниях, что позволило решать задачи не только тактического, оперативного, но и стратегического масштаба.

Способы вооруженной борьбы зависят не только от качества, но и от **количества** оружия и боевой техники.

В свою очередь новые способы ведения вооруженной борьбы обусловливают необходимость развития, совершенствования этого оружия. Если военное искусство в целом определяется всей совокупностью состоящей на вооружении техники, то каждый отдельный вид оружия и боевой техники во многом подчинен требованиям современного военного искусства. Последнее требует от военных инженеров-руководителей глубокого знания теории военного искусства.

2. ЗАВИСИМОСТЬ РАЗВИТИЯ СПОСОБОВ И ФОРМ ВООРУЖЕННОЙ БОРЬБЫ ОТ «ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА»

Основоположники марксистско-ленинского учения о войне и армии неоднократно указывали, что в вооруженной борьбе действует и другой закон — **закон зависимости способов вооруженной борьбы от количества и качества личного состава армии.**

Ф. Энгельс подчеркивал, что на изменение стратегии и тактики революционизирующим образом действовало «изобретение лучшего оружия и изменение солдатского материала...» [1].

Этот закон проявляется в следующих направлениях:

во влиянии на способы боевых действий основной массы армии — рядовых военнослужащих;

в воздействии на способы ведения вооруженной борьбы командного состава, военачальников и полководцев, в их способности управлять боевыми действиями.

Качество «солдатского материала» зависит от природы обще-

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 171.

ственного строя. Будучи его порождением, военнослужащие (рядовые) способны влиять на развитие военного искусства. Так, классики марксизма указывали, что революционные преобразования в военном искусстве во Франции в период буржуазной революции 1789—1793 гг. выступают в первую очередь результатом создания армии, состоящей из представителей революционно настроенных классов[1]. Появление кремневого ружья со штыком уже задолго до этого создало условия изменения тактики — введения рассыпного строя и т. п. Но изменить ее не позволял «солдатский материал». Дело в том, что, скажем, немецкие солдаты, в значительной части наемные, не имели никакого желания сражаться за интересы прусского бюргерства, они при первой же возможности были готовы разбежаться, пользуясь складками местности, строениями или лесом[2].

Ф. Энгельс постоянно подчеркивал роль рядовых солдат в развитии форм борьбы. Так, во франко-прусской войне 1870 г. солдат «инстинктивно нашел,— писал Ф. Энгельс,— единственную боевую форму, которая до сих пор оправдывает себя под огнем нарезных ружей, заряжаемых с казенной части...»[3], — густую стрелковую цепь, перебежки. Аналогичный пример приводит Ф. Энгельс из истории борьбы американского народа за независимость. Он писал, что «повстанцы не доставляли англичанам удовольствия — медленным шагом протанцевать с ними в открытой местности знакомый боевой менуэт по всем правилам военного этикета. Они завлекали противника в густые леса, где его длинные маршевые колонны были беззащитны против огня рассыпанных, невидимых стрелков. Рассыпаясь подвижными цепями, они пользовались каждым естественным прикрытием, чтобы наносить врагу удары. При этом, благодаря своей большой подвижности, они оставались всегда недосягаемыми для неповоротливого вражеского войска»[4].

Марксизм-ленинизм учит, что в конечном счете решающую роль в общественном развитии играют народные массы. Это в полной мере относится и к ведению войны.

Наибольший простор для эффективного использования военной техники и оружия на поле боя создает социальная революция. Это объясняется прежде всего тем, что революция вызывает небывалую активность масс. Благодаря этому в военном деле она или порождает новые способы ведения боевых действий, или вносит заметные изменения в старые. Так, американская революция изобрела рассыпной стрелковый строй, французская буржуазная революция XVIII века привела к появлению тактики колонн и рассыпного строя. «Как внутри страны французский революционный народ тогда впервые проявил невиданный в течение столетий максимум революционной энергии, — писал В. И. Ленин, — так

[1] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 173.
[2] См. там же, с. 172.
[3] Там же, с. 662.
[4] Там же, с. 657.

и в войне конца XVIII века он проявил такое же гигантское революционное творчество, пересоздав всю систему стратегии, порвав все старые законы и обычаи войны и создав, вместо старых войск, новое, революционное, народное войско и новое ведение войны»[1].

Имея в виду влияние нового «солдатского материала» на изменение способов ведения вооруженной борьбы, Ф. Энгельс в статье «Возможности и перспективы войны Священного Союза против Франции в 1852 г.» писал, что пролетарская революция создаст особый «военный метод», новый «способ ведения», новую «систему ведения» войны[2]. В. И. Ленин в новой исторической обстановке развил дальше положение о пролетарском способе ведения войны. Гражданская война показала, что, хотя в начале в ней использовались старые формы и способы действия войск, в них быстро проникли новые элементы, вызванные изменением «человеческого материала». И когда количественные изменения перешли в качественные, революция навязала контрреволюции свой метод ведения войны.

Армии, создаваемые в ходе революции, вынуждены сразу же вступать в борьбу с контрреволюцией, поэтому они не могут рассчитывать на то, что сразу же в их распоряжении окажутся новые военно-технические средства, позволяющие ввести новые способы вооруженной борьбы. Они вынуждены использовать доставшееся им в наследство от старого строя оружие, принять уже известные способы борьбы. Однако используют они эти средства и способы не механически, а творчески, что и приводит со временем к революционной смене способов и форм боевых действий.

Высокий революционный дух масс позволяет применить активную тактику и стратегию, стимулирует выбор наиболее активных способов и форм вооруженной борьбы. Хотя первый Полевой устав Красной Армии, принятый в 1918 г., по форме в основном повторял те положения тактики, которые сложились в первую мировую войну, однако реальная тактика, оперативное искусство, стратегия Красной Армии в годы гражданской войны отличались исключительно высокой активностью, маневренным характером действий (а не длительным позиционным сидением), быстрым переходом от одного вида борьбы к другому, способностью к глубоким рейдам в тылу врага, маневренным действиям конных армий (чего не знали армии капиталистических стран), сочетанием действий регулярной армии и партизанских отрядов, а иногда и целых партизанских фронтов.

Таким образом, возникли новые формы и способы вооруженной борьбы, присущие военной организации революционного пролетариата. Качественно новыми моментами в боевом функционировании, в формах и способах подготовки и ведения боевых действий Красной Армии выступили: «новый род оружия» — партийно-

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 79—80.
[2] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 509.

политический аппарат; система реввоенсоветов как органов управления войсками, армейские объединения конницы — 1-я и 2-я конные армии; преобразование всей пехоты в стрелковые войска; образование колонн бронепоездов в боях под Царицыном как оперативных соединений. Можно сказать, что в то время сложился новый боевой метод армии.

В еще большей мере воздействие личного состава Советских Вооруженных Сил на способы боевых действий было проявлено в годы Великой Отечественной войны. Высокие морально-боевые качества советских воинов в годы войны сделали возможным применять наиболее решительные, активные формы борьбы, успешно действовать в самых сложных условиях боя, географической среды. Вне учета роли морального духа наших войск невозможно понять широкое применение ими боевых действий ночью, таких тактических приемов авиации, как лобовые атаки, воздушный таран и т. д.

Безусловно, возникновение и развитие новых способов ведения боевых действий зависит от способности командного состава, военачальников управлять личным составом, от их искусства строить боевые порядки, выбирать направление главного удара, от их влияния на солдатские массы.

Это понимали многие военные теоретики прошлого. Еще древнекитайский полководец и философ Сунь-Цзы считал, что полководец в состоянии повлиять на появление самых разнообразных форм боевых действий. «Тонов не более пяти, — писал он,— но сочетания этих пяти тонов создают мелодии, которые можно слушать бесконечно; цветов не более пяти, но сочетания этих пяти цветов создают множество оттенков, что и видеть невозможно; вкусов не более пяти, но сочетания этих пяти вкусов создают множество вкусовых ощущений, что все и ощутить невозможно. Боевая мощь зависит только от правильного боя и маневра, но сочетание правильного боя и маневра можно создавать без конца»[1].

В. И. Ленин в своих «Выписках и замечаниях на книгу Клаузевица «О войне и ведении войны»[2] положительно отзывался о высказывании Клаузевица о том, что без повелительной твердой воли военачальников, которая пронизывает всю армию вплоть до последнего ее звена, невозможно хорошее руководство войсками. Как показывает история войн, исход сражений, войны в целом нередко определяется способностью полководца предложить и применить новые формы и способы боевых действий. Своими блистательными победами русские войска в XVIII в. в значительной мере обязаны творчеству выдающихся полководцев — Петра I, П. А. Румянцева, А. В. Суворова.

Не меньшую роль в развитии способов и форм вооруженной борьбы играл и теоретический труд военных деятелей.

---

[1] Сунь-Цзы. Трактат о военном искусстве. М., 1955, с. 46.

[2] См.: Ленинский сборник, 12, с. 417.

На последующих этапах исторического развития учение о зависимости способов ведения боевых действий от личности полководца обретало все более зрелые формы. Однако буржуазной военно-исторической мысли присуще явное преувеличение роли полководца и преуменьшение роли солдатских масс. Например, Наполеон I заявил: «На войне люди (солдаты) — ничто, полководец — все... Не римская армия покорила Галлию, а Цезарь; не карфагенская армия заставила трепетать у ворот Рима республику, а Ганнибал; не македонская армия достигла берегов Инда, а Александр... не прусская армия защищала 7 лет Пруссию, а Фридрих Великий»[1].

Классики марксизма-ленинизма видели источник таких взглядов в общем недостатке буржуазной социологии — недооценке роли народных масс в истории. Вместе с тем основоположники марксистско-ленинского учения о войне и армии не игнорировали значение великих полководцев в вооруженной борьбе, в ходе и исходе войны в целом.

По утверждению Ф. Энгельса, «каждый великий полководец, создавший новую эпоху в военной истории... первый находит правильный способ применения новых средств, изобретенных до него»[2].

Раскрытие военных талантов не является процессом субъективно-спонтанным. Как правило, великих военных руководителей, качественно новый командный состав рождали социальные революции, новые, более прогрессивные общественные отношения, высокие идеалы справедливых войн.

По этому поводу В. И. Ленин еще в 1918 г. замечал: «Если про Россию говорили: она не может воевать, потому что у нее не будет офицеров, то мы не должны забывать того, что говорили эти самые буржуазные офицеры, наблюдая борющихся рабочих против Керенского и Каледина: «да, эти красногвардейцы технически никуда не годятся, но если бы эти люди поучились несколько, то они имели бы непобедимую армию». Ибо в первый раз в истории всемирной борьбы в армию вступили элементы, которые несут с собой не казенные знания, но которыми руководят идеи борьбы за освобождение эксплуатируемых. И когда начатая нами работа будет окончена, Российская Советская республика будет непобедима»[3]. Развивая эту ленинскую мысль, М. В. Фрунзе писал: «... красный комсостав внес в армию смелость, инициативность и решительность... Эти черты маневренности, решительности, наступательности были связаны не только с объективными условиями военных действий, чего никто не отрицает, но с тем, что во главе Красной армии оказались элементы, пропитанные активной идеологией рабочего класса»[4].

---

[1] Цит. по: Советская Военная Энциклопедия, т. 5, с. 506.
[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 513.
[3] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 270.
[4] Фрунзе М. В. Собр. соч. М.—Л., 1929, т. 1, с. 466.

Советские военные специалисты в предвоенные годы разработали теорию глубокой наступательной операции, что позволило в период Великой Отечественной войны применить передовые способы ведения военных действий, осуществить ряд классических операций по уничтожению группировок немецко-фашистских войск.

Большой талант, творческие и организаторские способности проявили наши видные полководцы, генералы и офицеры, воспитанные Коммунистической партией, в годы Великой Отечественной войны. Об одном из них — генерале армии И. Д. Черняховском солдаты и офицеры 3-го Белорусского фронта писали: «Мы видели в нем командира решительного и справедливого, распорядительного и внимательного, непреклонного в осуществлении своей воли. Человек большой личной культуры, он умел каждому из своих подчиненных сказать вовремя теплое, ободряющее слово. Сама его требовательность к нам — всегда и во всем — была результатом глубокого знания обстановки и дела, знания жизни. Он умел добиться не только выполнения своих приказов и указаний, но и того, чтобы они выполнялись творчески...»[1].

Социалистическая армия формирует новый тип военачальников, командиров, смело ищущих новые приемы ведения боевых действий, что, естественно, создает и новый способ вооруженной борьбы.

Смелые и широкие планы с одновременным и трезвым учетом реальных условий и всестороннего соотношения сил, энергии, твердость в проведении намеченных планов, творческий выбор наиболее активных способов борьбы, решительность и динамизм боевых действий, неуклонное возрастание силы ударов в ходе войны и, наконец, способность смело идти на большой риск, если этого требует обстановка,— вот те черты, которые в общем определяют стиль и характер нового способа ведения военных действий социалистической армии.

3. ВНУТРЕННЯЯ ЛОГИКА РАЗВИТИЯ СПОСОБОВ И ФОРМ ВООРУЖЕННОЙ БОРЬБЫ

Способы и формы подготовки и ведения боевых действий имеют собственную внутреннюю логику развития: введение одного способа, приема неизбежно влечет необходимость использования другого.

Способы и формы вооруженной борьбы могут отставать от ее содержания — сил и средств, используемых в боевых действиях и их всестороннем обеспечении. Инерция способов вооруженной борьбы по отношению к ее содержанию находит свое выражение в том, что не всякое изменение элементов содержания и не сразу ведет к возникновению новых способов военных действий.

---

[1] Цит. по: Дважды Герой Советского Союза генерал армии Иван Данилович Черняховский. М., 1953, с. 19.

Так, в период войн, которые вела Французская республика в конце XVIII в., революционная армия не сразу применила новый способ военных действий. Это произошло лишь после того, как «все попытки померяться силами с противником в линейном строю оканчивались полным поражением, несмотря на значительное численное превосходство французов»[1]. Первая мировая война до самого конца оставалась в основном позиционной, хотя в войсках к этому времени уже имелось немало таких маневренных средств, как танки и самолеты.

Способы вооруженной борьбы при определенных условиях могут опережать содержание этой борьбы. Например, перспективная форма военных действий — способ ведения глубокой операции — возникла в нашей стране еще до начала второй мировой войны.

Относительная самостоятельность способов вооруженной борьбы проявляется и **в способности ее содержания выражаться в различных способах.** Так, в наше время наступательные действия на театрах военных действий могут воплощаться в таких способах, как ядерные удары, охват вражеской группировки войск по сходящимся направлениям, окружение и уничтожение основных сил противника, выход в тыл и удар по группировке противника с тыла и т. п.

Относительная самостоятельность способов вооруженной борьбы заключается в их **преемственности.** Новые способы вооруженной борьбы, возникнув под влиянием изменений в военной технике и людском составе, сохраняют связь и преемственность с предшествующими способами. Накопленный в прошлом опыт оказывает влияние на дальнейший ход развития способов военных действий. Так, Ф. Энгельс подчеркивает преемственность тактических приемов, применявшихся в американской войне за независимость 1775—1783 гг. и французской революции 1789—1793 гг.[2]. Практика ведения современных военных действий включает в преобразованном виде такие унаследованные от прошлого способы действий войск, как неравномерное распределение сил и средств на фронте борьбы, организация взаимодействия всех родов войск, высокая активность войск и т. д. Эта преемственность обнаруживается в логической связи глубокой операции со стратегической операцией на театре военных действий.

Внутренняя логика развития приемов вооруженной борьбы проявляется также в том, что **различные способы и формы боевых действий взаимодействуют между собой.**

История войн и военного искусства дает возможность проследить связь между новыми и старыми, основными и неосновными способами действий своих войск и противника. Ф. Энгельс, например, раскрыл взаимодействие различных элементов способов боевых действий — сочетание огня, движения и элементов бое-

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 14, с. 37.
[2] См. там же, т. 20, с. 657—658.

вого порядка[1]. В таком взаимодействии доминирующее значение имеют стратегические действия. Увлечение тактическими действиями, переоценка оперативных успехов может привести к «потере курса», к невыполнению стратегических задач[2].

Относительная самостоятельность способов вооруженной борьбы состоит и в том, что **наряду со структурными элементами, более или менее правильно реагирующими на процессы развития военной техники и изменения людского состава, в них могут существовать элементы, неадекватно отображающие эти процессы.** Известно, какую отрицательную роль сыграли ошибки французского генерального штаба в 1940 г., неправильно оценивавшего тенденции развития содержания военных действий между первой и второй мировыми войнами, приведшие к насаждению способов ведения вооруженной борьбы на основе линии Мажино, методов позиционной обороны, рассчитанных на непреодолимость укреплений.

Эта относительная самостоятельность проявляется и в том, что **степень зависимости различных элементов способов ведения вооруженной борьбы от военной техники и людского состава неодинакова.** Одни из них находятся ближе всего к содержанию вооруженной борьбы, и его изменения непосредственно сказываются на изменениях элементов, из которых складывается способ вооруженной борьбы. Тактика в сравнении со стратегией и оперативным искусством более подвижна и чувствительна ко всем изменениям в материальной базе ведения военных действий.

Внутренняя логика развития способов борьбы выражается, наконец, в том, что, **возникнув на базе ее содержания, способы и формы вооруженной борьбы не являются пассивными, а оказывают на военную технику и людской состав обратное воздействие.** Так, развитие способов и форм оперативно-стратегического использования воздушно-десантных войск оказало существенное воздействие на разработку тактико-технических требований к оружию, боевой технике, применяемой ВДВ, к морально-боевым и психологическим качествам их личного состава[3].

В развитии способов вооруженной борьбы важную роль играют противоречия между наступлением и обороной, между необ-

---

[1] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 658—659.

[2] Так произошло, например, в процессе действий германских войск в битве у Марны в 1914 г. и немецко-фашистских войск летом и осенью 1942 г. на советско-германском фронте, имевших тактические успехи, но потерпевших стратегическое поражение.

[3] Под влиянием этих требований разработаны такие всемирно известные самолеты, как Ан-12, Ан-22 («Антей»). Они поднимают танки, самоходную артиллерию, автомашины и другие грузы, которые сбрасываются с помощью парашютов на специальных платформах с амортизаторами или в контейнерах. Более разнообразными и эффективными стали вооружение и боевая техника воздушно-десантных войск. Важную роль в подготовке десантников к суровым испытаниям, к ведению боевых действий в глубоком тылу играют психологические городки, находящиеся в распоряжении воздушно-десантных войск.

ходимостью сосредоточения и рассредоточения войск, между огнем и движением, между новыми способами ведения военных действий и старыми методами управления войсками. Так, наступление и оборона — противоположности, которые органически связаны между собой, обусловливают друг друга и переходят одна в другую. «Таких войн,— говорил В. И. Ленин,— которые бы начинались и оканчивались сплошным победоносным наступлением, не бывало во всемирной истории, или они бывали, как исключения»[1].

В настоящее время диалектика соотношения наступления и обороны стала еще сложнее и глубже, хотя качественное различие между ними не исчезает. Оборона все в большей мере включает ответные удары, ведется наступательными действиями с использованием средств, которые применяются и наступающими войсками. Происходят большие изменения в самом характере их взаимосвязи, в сближении наступательных и оборонительных возможностей войск. Переход от одного вида военных действий к другому становится более быстрым, чем в прошлых войнах. Понятно, что в боевой подготовке советских войск, офицеров и штабов наряду с изучением приемов организации наступления необходимое внимание уделяется и вопросам быстрого перехода к обороне, ведения ее активными способами. То есть наступление и оборона ярко проявляются как единые противоположности.

В развитии способов и форм вооруженной борьбы ярко проявляются и другие законы материалистической диалектики. Так, смена одних способов вооруженной борьбы другими происходит в ходе накопления количественных изменений в ее содержании, путем диалектического скачка. Изменение содержания и формы вооруженной борьбы сопровождается сохранением положительных черт прошлого в соответствии с законом отрицания отрицания. Так, появление ракетно-ядерного оружия хотя и существенно повлияло на способы использования полевой артиллерии, танков, авиации, надводного флота, но не отбросило прочь все положительное, что было накоплено прошлым развитием военного искусства.

Анализ изменения способов и форм вооруженной борьбы будет неполным, если обойти вниманием действие двух ранее рассмотренных законов (зависимости способов и форм боевых действий от военной техники и личного состава армии) и внутренней логики развития этих способов в контексте общей закономерности вооруженной борьбы (зависимости побед и поражений от соотношения сил противоборствующих сторон). Будучи общей, то есть относящейся ко всем сторонам вооруженной борьбы, эта закономерность в значительной мере определяет и диалектику способов и форм боевых действий.

Изменение соотношения сил ведет к изменению способов боевых действий. Превосходство в силах и средствах дает возмож-

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 209.

ность применять более активные формы и способы действий войск. Нередко соотношение сил предопределяет и выбор вида боевых действий — наступление или оборону.

В Великой Отечественной войне, создав благоприятное соотношение сил и средств, советские войска захватили стратегическую инициативу, навязали противнику свою волю, провели крупные наступательные операции против главных сил противника на важнейших стратегических направлениях. Советские войска сами выбирали место и момент удара по противнику, наиболее целесообразный способ действий, форму маневра, сосредоточения сил и средств, определяли момент наращивания силы удара по противнику, темпы продвижения и т. п.

Конкретное соотношение сил и средств на данном направлении в данное время также существенно влияет на способы и формы боевых действий войск. Так, операции на окружение в районах Сталинграда, Корсунь-Шевченковского, Витебска — Орши, Бобруйска, Ясс — Кишинева и Львова были проведены по-разному. Если в первых двух случаях на внешнем фронте окружения наши войска оборонялись, то во всех последующих — наступали.

На способы ведения боевых действий одной из воюющих сторон влияют также способы боевых действий другой противоборствующей стороны.

И, наконец, уместно отметить воздействие условий (социальных и природных) вооруженной борьбы на ее способы и формы. Такие факторы, как общая военно-политическая обстановка, отношение местного населения к войскам, климат, рельеф местности, состояние погоды, атмосферы, время года и суток, также влияют на приемы и способы подготовки и ведения боевых действий, на их характер. Вооруженная борьба на различных ТВД имеет как общие, так и специфические черты, причем последние определяются особенностями данного театра.

Таким образом, способы и формы вооруженной борьбы находятся в закономерных связях с соотношением сил противоборствующих сторон, определяемым главным образом количеством и качеством военной техники и личного состава армий, военным искусством командного состава. На способы и формы вооруженной борьбы оказывают влияние состязание этих способов и форм, применяемых противоборствующими сторонами, а также социальные и природные условия.

Поэтому командиры, политработники, инженеры социалистической армии максимально используют все формы обучения и воспитания воинов, стимулируют их на искусное использование утвердившихся способов и форм вооруженной борьбы, на совершенствование и поиски нового, на преодоление воинами шаблонного, нетворческого отношения к принципам и требованиям уставов и наставлений.

ГЛАВА XXIII

МЕТОДОЛОГИЯ И ЛОГИКА ВОЕННО-НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

Одной из актуальных проблем современной военной теории и практики является вопрос о методологии и логике военно-научного познания — о его исходных принципах, методах и формах, логической последовательности, путях повышения его эффективности, повышении достоверности его результатов и т. п. В период революции в военном деле военные и военно-инженерные знания стареют так быстро, что снабдить офицера в высшем военно-учебном заведении знаниями «на всю жизнь» невозможно. Поэтому эффективность его будущей деятельности во многом зависит от способности самостоятельно добывать, перерабатывать и усваивать новые знания. Необходимыми условиями эффективного военно-научного познания являются глубокое усвоение методологической роли категорий, законов, принципов диалектического материализма, общесоциологической теории, и прежде всего принципа партийности, всех составных частей марксизма-ленинизма, марксистско-ленинского учения о войне и армии, а также всестороннее овладение всем богатством социалистической военной науки и умение применять эти знания в повседневной деятельности в интересах повышения боеготовности и боеспособности соединений, частей и подразделений.

1. СИСТЕМА МЕТОДОВ, ПРИМЕНЯЕМЫХ В ВОЕННО-НАУЧНОМ ПОЗНАНИИ

Методология как интегральное учение о сущности методов и их применении в теоретической и практической деятельности согласно утвердившимся в последние годы в марксистской литературе взглядам представлена различными уровнями: всеобщим (философским), общенаучным и специальным[1]. Эти уровни не равно-

[1] См.: Дмитриев А. П. Методология и методы военного исследования. М., 1973, с. 19—22; Марксистско-ленинская методология военной истории. 2-е изд. М., 1976, с. 23; Методология военно-научного познания. М., 1977, с. 14—17; и др.

ценны по своей методологической функции. Важнейшим из них выступает всеобщая (философская) методология (категории, законы и принципы которой являются исходными для других уровней). Эта особая роль всеобщей методологии и побуждает ряд авторов-марксистов считать ее «по инерции» единственной методологией, хотя эта точка зрения все более и более преодолевается[1]. Специалисты считают возможным выделить между общенаучным и специальным уровнями научного познания еще и региональный, на котором группируются методы, применяемые несколькими частными науками. В настоящем пособии мы ограничимся анализом философского, общенаучного и специального уровней познания.

Соответственно этим уровням методологии в познании и практической деятельности применяются различные группы методов, образуя определенную систему. В рамках этой системы методы классифицируются по различным основаниям.

Первым основанием их классификации является **степень их общности и масштаб применимости** к различным сферам познания и практической деятельности. В соответствии с этим основанием принято выделять всеобщий (философский) метод, общенаучные и специальные, или специфические, методы.

Всеобщий (философский) метод образует основу всей системы методов военно-научного познания. Известно, что история философии создала несколько методов — метафизический, диалектико-идеалистический и диалектико-материалистический. Всеобщим методом социалистической военной науки и военной практики является метод, основанный на положениях и выводах диалектического и исторического материализма. Основные требования этого метода таковы: материалистический монизм, объективность, всесторонность, рассмотрение явлений в развитии, конкретность, партийность, единство теории и практики, творческий подход к решению задач и т. д.

Цель применения марксистско-ленинского философского метода в военно-научных исследованиях и практике состоит в следующем: познать всеобщее в явлениях войны, выработать у военных кадров диалектико-материалистический стиль, широту и динамизм мышления, достигать оптимального результата при наименьших затратах сил и средств в практической деятельности.

Общенаучные методы — это методы, общие для любой мыслительной деятельности людей в любой сфере теории и практики. К ним относятся анализ и синтез, индукция и дедукция, абстрагирование и восхождение от абстрактного к конкретному, сравнение и аналогия и другие. С их помощью решается какая-либо **одна** общепознавательная задача или небольшая совокупность взаимосвязанных задач определенного типа. Овладение этими

---

[1] См.: Готт В. С., Урсул А. Д., Семенюк Э. П. О единстве научного знания. М., 1977, с. 57—60.

методами, которые составляют общечеловеческое интеллектуальное богатство, является необходимым условием совершенствования профессиональных качеств любого офицера.

К общенаучным методам относятся и математические методы. Объективной основой применения математических методов ко всем сферам теории и практики выступает материальное единство мира и единство качественной и количественной сторон всех явлений и предметов объективной действительности. В военной теории и практике применяются все разделы современной математики, в том числе теория вероятностей, математическая статистика, теория игр, теория массового обслуживания, математическое программирование, математическое моделирование и т. д.

То обстоятельство, что и философский метод, и общенаучные методы применяются во всех науках, еще не свидетельствует о тождественности критерия общенаучности, применяемого в том и другом случае. Философский метод является общенаучным в единстве онтологического, гносеологического, логического и социологического аспектов (правда, исторический материализм не изучает природу, не учит гносеологии и логике познания). Другие же методы, называемые общенаучными, имеют общую применимость лишь в каком-либо одном или нескольких, но не во всех отношениях (например, с помощью метода анализа можно раскрыть лишь одну сторону явлений — их расчлененность, прерывность и т. д.). Философский метод в принципе не связан с математическими и логико-символическими средствами, а общенаучные методы немыслимы без своего логико-математического «сопровождения». Философские знания, и в частности философский метод, носят качественно-содержательный характер. Философский метод отличается от общенаучных тем, что с помощью первого раскрывается взаимосвязь бытия и сознания вообще, общественного бытия и общественного сознания в особенности. Поэтому всеобщий философский метод, представленный прежде всего законами материалистической диалектики, дает наиболее полную возможность изучения действительности. Вместе с тем общенаучные методы имеют внутреннюю иерархию: некоторые из них приближаются по масштабу применимости к всеобщему философскому методу (скажем, системный подход), другие тяготеют к частнонаучным, специальным методам (например, алгоритмический подход). Следовательно, понятие общенаучности само имеет различные уровни.

Специальные, или специфические, **методы** применяются в отдельных науках, в узких, частных сферах деятельности. Есть специальные методы и в военной науке и практике. К числу таких методов относятся методы конкретных военно-социологических исследований, методы военно-исторических исследований, войсковые и опытные тактические учения, командно-штабные учения, военная разведка, полигонные испытания и т. д.

Специальные методы военной теории и практики вызваны к жизни прежде всего спецификой объектов военно-научного познания и практической деятельности военнослужащих. Эта специфика заключается в следующем.

Во-первых, условия вооруженной борьбы ограничивают возможности получения требуемой информации о боевой обстановке. Недостаток, отрывочность, малая достоверность данных принуждают командира восполнять недостающие звенья информации путем моделирования действий военнослужащих на основе знания своих уставов и уставных документов противника, путем восстановления в памяти аналогичных ситуаций, встречавшихся в прошлом.

Во-вторых, динамизм процессов вооруженной борьбы ведет к постоянному увеличению объема необходимой информации, быстрому ее старению, что обусловливает необходимость прибегать к умозаключениям на основе недостающей, частично устаревшей информации.

В-третьих, в вооруженной борьбе широко действуют случайности, оказывающие существенное влияние на характер и результаты познавательной деятельности.

В-четвертых, каждая из противоборствующих сторон стремится скрыть свои действительные намерения, цели, ввести противника в заблуждение. Поэтому огромное значение в военном познании имеет умение разгадать замысел противника, мысленно войти в его роль.

В-пятых, процесс познания явлений вооруженной борьбы — это прежде всего познание противоречий, которыми она насквозь пронизана.

В-шестых, познание боевой обстановки осложняется тем, что в вооруженной борьбе действуют две противоположные тенденции — к упорядочению действий войск и к нарушению этой упорядоченности, главным образом из-за воздействия противника. По существу, реалистичность мышления командира определяется умением уловить конкретную меру упорядоченности и неупорядоченности в данный момент, в данном месте.

В-седьмых, познавательная деятельность командира в боевой обстановке происходит в необычных условиях непрерывной угрозы жизни, повышенного напряжения умственных, моральных и физических сил, повышенной ответственности и т. п.

В-восьмых, целый ряд явлений вооруженной борьбы (уровень дисциплины, состояние морального духа личного состава и т. д.) с большим трудом поддаются количественному анализу, выражаются численной мерой лишь косвенно. Все это усложняет познание боевой обстановки. Имеются и другие особенности познания практической деятельности, которые существенно влияют на логику и методы познания, группировку и интенсивность их применения в конкретной обстановке.

Вторым основанием классификации методов, применяемых в военно-научном познании, выступает их **функциональная роль на всех уровнях этого познания.**

Одни из методов дают общую ориентацию подхода к исследованию явлений, другие — вооружают конкретными приемами этого исследования. Соответственно этому принято выделять **методы-подходы** и **методы-приемы**[1]. К первым из них относятся исторический и логический, количественный и качественный, содержательный и формальный, системно-структурный и системно-функциональный, натурный и модельный и другие. К методам-приемам относятся наблюдение, опрос, индукция, дедукция и т. д. Между методами-подходами и методами-приемами нет непроходимой границы. Отдельные методы-приемы по мере их генерализации (повышения значимости) могут приобретать статус методов-подходов.

Третьим основанием классификации методов, применяемых в военно-научном познании, выступает их **функциональная роль на основных уровнях познания** (эмпирическом и теоретическом). В соответствии с этим различают методы эмпирического уровня познания и методы теоретического уровня познания.

К **методам эмпирического уровня познания** (наблюдение, разведка, военный эксперимент и т. д.) относятся те, с помощью которых добываются исходные данные, производится их первичная обработка, проверяются результаты теоретических выводов. К **методам теоретического уровня познания** относятся всеобщий философский метод, общенаучные методы и ряд военно-научных методов (например, военно-исторический).

Четвертым основанием классификации методов, применяемых в военно-научном исследовании, выступает **механизм мыслительного процесса.** Этот механизм включает в себя как рассудочно-логические средства, так и особые психологические приемы, в которых рассудочно-логические средства применяются фрагментарно, сопровождаясь творческим озарением, подсознательными импульсами. В соответствии с этим принято выделять логические и эвристические методы познания.

Логические методы познания основаны на строгих правилах формальной и диалектической логики. Они предполагают определенную методичность мышления и вербализуемость (словесно-логическое оформление) понятий. К этим методам относятся всеобщий философский метод, общенаучные методы, все специальные методы теоретического уровня и частично эмпирического уровня познания.

Строго говоря, все логические методы носят эвристический характер, то есть с их помощью можно открыть, отыскать нечто новое (эвристика в переводе с греческого буквально означает

---

[1] См.: Дмитриев А. П. Система методов науки. Связь общих и специальных методов в военном исследовании. — В кн.: Актуальные проблемы истории философии и диалектического материализма. М., 1978.

отыскать, открыть). Однако с термином **«эвристические методы»** в последние годы стали связываться приемы познания, не имеющие готового алгоритма, а основанные на психологических механизмах, которые, на первый взгляд, не связаны с логикой, действуют спонтанно (самопроизвольно). Ничего мистического в эвристических методах нет. Они свидетельствуют лишь о сложности человеческой психики, о процессах, происходящих в мозгу человека, которые стимулируют творческий мыслительный процесс. По справедливому замечанию П. В. Копнина, «не может быть такой логики, овладение законами и правилами которой гарантировало бы открытие в науке. Если бы существовала такая логика, то научные открытия совершались бы непрерывно всеми, изучившими законы и правила этой логики» [1].

К эвристическим методам исследования относятся **интуиция** — способность человека находить решение с помощью внутреннего озарения, допуская пропуски, «провалы» в цепи логических рассуждений, **методы индивидуального самостимулирования** творческого процесса («спор с воображаемым оппонентом», «мысленный эксперимент»), **методы коллективного самостимулирования** («мозговой штурм» — решение проблемы группой специалистов; «метод экспертных оценок» — опрос и анкетирование экспертов), **методы аналогии и антианалогии** и т. д.

Командиры, политработники, инженеры социалистической армии широко используют в процессе своей деятельности и эвристические методы познания. «Для того чтобы быть хорошим стратегом, одинаково как в области чистой политики, так и в военном деле, необходимы особые, специфические качества,— писал М. В. Фрунзе. — Самым важным из них является так называемая интуиция, способность быстро разобраться во всей сложности окружающих явлений, остановиться на самом основном и на основании учета этого основного наметить определенный план борьбы и работы» [2].

Военно-научные методы принято также разделять **в зависимости от сферы их применения** на военно-исторические, военно-социологические, военно-педагогические, военно-стратегические, оперативно-тактические, военно-технические и т. д. В этом случае в каждой из этих сфер наблюдается специфическое комбинирование всеобщего философского метода, общенаучного и специального методов исследования.

Военно-исторические методы предполагают системный анализ факторов, влияющих на историческое развитие военной деятельности, анализ причинно-следственных связей в истории войн, процесса их подготовки и ведения, методологически строгое изучение военно-исторических документов, литературных источников и других материалов.

---

[1] Копнин П. В. Философские идеи В. И. Ленина. М., 1969, с. 289.
[2] Фрунзе М. В. Избр. произв. М., 1965, с. 281.

Особенность **военно-социологических методов** состоит в том, что при их применении анализируются и теоретически обобщаются социальные военные факты главным образом в единстве функционального, структурного и личностного подходов.

Военно-педагогические методы связаны с развитием системы воинского обучения и воспитания. Они составляют систему приемов комплексного подхода к организации боевой и политической подготовки в войсках и постановке учебно-воспитательной работы в военно-учебных заведениях.

Военно-стратегические методы — это совокупность приемов и способов исследования собственно военной обстановки стратегического масштаба, а также обусловливающих ее военно-политических, военно-экономических, военно-идеологических, военно-дипломатических и иных процессов. В этой группе, как и в других подобных группах, методы субординированы и координированы между собой в зависимости от характера объекта, задачи познания и последующего действия.

Оперативно-тактические методы — это группа приемов и способов, направленных на познание боевой обстановки, на исследование закономерностей вооруженной борьбы оперативного и тактического масштаба. Это специфический порядок анализа и синтеза фактических данных, их обобщения, принятия решения командиром с целью концентрации сил на направлении главного удара, овладения и удержания инициативы войсками, наращивания силы удара по противнику и т. д.

Таковы система методов, применяемых в военно-научном познании, и их классификация. Эти методы возможно классифицировать и по другим основаниям. Важно при этом иметь в виду, что стержневое значение среди всех этих методов, в какой бы группировке мы их ни взяли, имеет всеобщий философский метод.

Существует самый низший, прикладной уровень приемов научного познания (приемы работы с документами, литературными источниками, ведение и хранение записей и т. д.; приемы работы с приборами, механизмами и т. п.). Применение этих приемов, а также соответствующих форм и средств называют **методикой** научного (военного) познания. Термином «методика» принято обозначать и теорию, в которой освещается применение приемов, способов, средств научного познания. Следует различать методологию и методику исследования. Образно говоря, между методологией и методикой военно-научного познания такое же различие, как между стратегией и тактикой. Последняя руководствуется интересами и принципами стратегии, реализуя их применительно к конкретному бою. Сказанное не означает принижения методики как совокупности конкретно-прикладных приемов и средств научного познания. Для офицеров знание этих приемов имеет важное значение, и их изучение является незаменимым условием повышения профессиональной культуры.

2. ЛОГИКА ВОЕННО-НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ И ЕГО ОСОБЕННОСТИ

Знание методов военно-научного исследования — необходимое условие познания, но еще недостаточное для эффективного решения научно-исследовательских задач. Чтобы это исследование было успешным, нужно также уметь проводить это исследование в определенной логической последовательности. Да и сам научный метод — это не что иное, как внутренняя логика, закономерность движения мысли к объекту, выраженная в системе идей, принципов, правил, приемов, вытекающих из закономерностей объективного мира и носящих по отношению к процессу познания регулятивный характер.

Логика познания включает в себя ряд этапов:

накопление и осмысление фактов;

возникновение и постановка проблемы;

выдвижение рабочих гипотез или гипотезы;

подтверждение истинности гипотез или гипотезы;

построение военной концепции или теории;

определение путей практической реализации теории.

Данная последовательность для конкретных военных исследователей (научных коллективов) может быть и несколько иной. Так, перед ними определенная проблема может быть «задана сверху» и предшествовать этапу накопления и осмысления ими фактов. Однако для тех, кто ставит или формулирует проблему, она возникает на основе и под влиянием определенных фактов.

Факт — это событие, явление, которое произошло на самом деле, подтверждено наблюдением и экспериментом или зафиксировано в науке. Различают факты действительности и научные факты (факты познания). Факты действительности — это вещи, свойства, отношения, события, существующие или существовавшие на самом деле, независимо от их осознания. Факты познания есть не что иное, как отражение фактов действительности, зафиксированное в сознании в виде эмпирических суждений, скажем, о боевой обстановке. Если речь идет о научном познании, то факты познания именуют фактами науки.

Установление фактов, их описание — начальная, наиболее простая форма, в которой выступает перед людьми знание. Так, перед началом боевых действий командир, штаб, другие органы управления накапливают фактический материал, необходимый для подготовки боя, операции. Организуется разведка всех видов, проводится рекогносцировка местности для определения группировки противника, очертания переднего края, возможного построения боевого порядка или оперативного построения, создание (при благоприятных условиях) физической модели предстоящего боя и т. д. Содержание этого этапа связано с упорядочением полученной информации, ее классификацией, отображением на картах и в боевых документах, сопоставлением эмпирических данных, полученных из различных источников.

На основании фактов, установленных в ходе эмпирического этапа, осуществляется постановка проблемы. Постановка и формулирование проблем является связующим звеном между эмпирическим и теоретическим этапами военно-научного познания. С одной стороны, проблема вытекает из результатов эмпирического познания, а с другой — направляет теоретическое познание. Условием постановки проблемы в процессе познания боевой обстановки выступает «проблемная ситуация» — объективное противоречие между целью и средствами ее реализации (ограниченность средств), между потребностью в определенных действиях и незнанием способа этих действий, между традиционными способами боевых действий и их малой эффективностью в новых условиях и т. д. Решение намеченной проблемы связано с выдвижением и разработкой гипотезы.

Гипотеза — обоснованное предположение, не противоречащее достоверным фактам, законам объективного мира, ранее доказанным положениям науки, содержащее первоначальное объяснение исследуемых явлений и обеспечивающее возможность доказательства выдвинутых суждений. Ф. Энгельс писал: «Формой развития естествознания, поскольку оно мыслит, является *гипотеза*»[1]. Это положение справедливо и по отношению к военному познанию. Дальнейшее развитие знания требует доказательства или опровержения гипотезы.

Доказательство истинности или ложности гипотезы осуществляется двумя способами:

1. Прямым доказательством вероятностного предположения, которое достигается путем получения фактических данных на основе непосредственного изучения объекта (например, подтверждение предположения о характере группировки противника данными разведки, показаниями пленных и т. п.).

2. Косвенным доказательством, когда гипотеза включается в систему достоверно существующего знания и разрабатывается посредством моделирования необходимых ситуаций и процессов на основе этого знания. Так, своеобразной моделью, с помощью которой можно осуществить доказательство какой-либо гипотезы о характере и особенностях боевых действий будущего, могут служить командно-штабные учения.

Доказательство гипотезы приводит к появлению концепции (например, замыслу боя, операции) или — в развитой форме — к рождению теории.

Теория — наиболее развитая форма научного познания, представляющая совокупность доказанных и объединенных в единую систему понятий, категорий, законов, принципов, концепций, обобщенно отражающих определенную область действительности. Таковой является и военная теория.

Рассмотренные формы военно-научного познания, представляющие собой своеобразные «этажи» эмпирического и особенно

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 555.

теоретического этапа, рельефно характеризуют познавательную деятельность командира, военного исследователя. Названные формы познавательной деятельности командира, штаба, военных исследователей в своей совокупности составляют логику процесса военного и военно-научного познания, направленного на решение непосредственных задач боевой деятельности войск и развитие военного искусства.

Идя от чувственного познания обстановки к теоретическому осмысливанию полученной информации, командир, военный исследователь после этого возвращаются к конкретной боевой обстановке, к реальности, но на качественно новой основе, более высокой ступени. Этой ступенью выступает военная практика.

Практика — целенаправленная чувственно-предметная форма деятельности людей. В процессе военно-научного познания практика и теория находятся в диалектической взаимосвязи. Военная практика является движущей силой, источником, основой и целью развития военной теории. Она дает стимул развития военной теории, обогащает ее, проверяет истинность военно-теоретических положений. Сказанное относится как к практике ведения войны, так и к военной практике мирного времени. При этом ценность различных видов практики мирного времени, рассматриваемой в качестве критерия истины, в решающей степени зависит от того, в какой мере они приближены к реальным процессам военной обстановки. Важным направлением повышения познавательной ценности рассматриваемого компонента военной практики является решительная борьба против послаблений, упрощенчества, условностей в учебном процессе.

Итак, познание командиром боевой обстановки, военно-научное познание представляют собой сложный, противоречивый процесс проникновения в сущность военной действительности. Его специфика вытекает из особенностей вооруженной борьбы и конкретной обстановки, в которой этот процесс осуществляется. Успех в познании военной действительности может быть обеспечен лишь при условии, когда в его основу положены методологические принципы марксистско-ленинской гносеологии. Не менее важным является умение грамотно применять всю сумму выработанных наукой методов познания.

3. ОСОБЕННОСТИ ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

В условиях современной военно-технической революции резко возросла роль методологии и логики военно-технического познания. Последнее является одним из видов военно-научного познания наряду со стратегическим, оперативно-тактическим, военно-социологическим, военно-педагогическим, военно-историческим и т. п.

Особенности военно-технического познания наиболее заметно проявляются в его объектах, целях и таких его логико-гносеологических характеристиках, как используемые понятия, форму-

лируемые закономерности, специфические методы познавательной деятельности. Рассмотрим подробнее эти особенности.

Объектом военно-технического познания служат средства вооруженной борьбы — военная техника, а также процессы ее боевого применения, обслуживания, разработки. Эти объекты и процессы рассматриваются многими науками, но каждая вычленяет свой аспект. Так, военное искусство изучает их с точки зрения законов вооруженной борьбы, военно-историческая наука анализирует ход их развития и т. д. Военно-техническое познание также имеет собственный аспект исследования, который характеризуется особым, только ему присущим сочетанием военного и технического подходов.

Необходимость такого единства вытекает из характера военно-технической деятельности. Эта деятельность в бою представлена действиями личного состава, направленными на включение техники, настройку ее на нужные режимы работы, прицеливание, получение информации о ходе функционирования и т. д.; в процессах обслуживания она заключается в проверке исправности, ремонте, хранении, проведении профилактических работ; в период разработки военной техники эта деятельность состоит в анализе военно-технических систем, выборе тактико-технических показателей, проектировании, конструировании, испытании и др. Как видим, в этой деятельности органически слиты компоненты воинской и общетехнической деятельности, что и определило пограничный, комплексный характер военно-технического познания.

Результатом военно-технического познания являются военно-технические знания, которые в зависимости от уровня исследований могут выступать в виде фактов, первичных обобщений, проблем, гипотетических идей, теорий. Высшей формой военно-технических знаний выступают военно-технические науки, которые представляют относительно самостоятельную область, располагающуюся «на стыке» военной науки и общетехнических наук, таких, как теория машин и механизмов, электротехника, радиотехника и т. д.

Для глубокого уяснения особенностей военно-технических наук важно рассмотреть их типологию, то есть вычленить различные их типы, виды и т. п.

Во-первых, военно-технические исследования различаются в соответствии с обслуживаемыми ими видами Вооруженных Сил и родами войск, поскольку основные средства вооруженной борьбы, используемые ими, имеют различную структуру и функции. Можно различить военно-технические науки ракетных войск стратегического назначения, сухопутных войск, войск ПВО, авиационно-технические и военно-морские технические науки, а также военно-технические науки, скажем, зенитных, ракетных, радиотехнических войск и т. д.

Во-вторых, фактором, определяющим специфику отраслей военно-технического познания, служит дифференциация военно-

технических средств по функциям, которые они выполняют в вооруженной борьбе: поражения, доставки, транспортировки, управления, обеспечения и т. д. Так, средства поражения изучаются с помощью знаний о конструкции пуль, снарядов, авиационных бомб, мин, торпед, боеголовок ракет; средства доставки — областью военно-научного познания конструкций и функционирования стрелкового оружия, артиллерийских установок, ракет; средства боевой транспортировки изучаются с помощью сведений о конструкции самолетов, кораблей, танков и т. п.; средства управления — прикладными науками об оптических, инфракрасных, радиолокационных прицелах, автоматизированных системах управления; средства обеспечения — на материалах системотехнических разработок о системах радиоэлектронной борьбы, фотографической, телевизионной, радиоэлектронной разведки, системах контроля исправности, фортификационных сооружений и т. д.

В-третьих, в некоторых видах военно-технических средств могут преобладать отдельные формы движения материи, отдельные технические принципы. Так, исследования в области баллистики, динамики боевого маневрирования, фортификации связаны по преимуществу с анализом проявлений механической формы движения материи, исследования в области обычных взрывчатых веществ — с химической, а ядерных — с физической формой движения материи, что влечет применение различных методов, средств и познавательных приемов.

В-четвертых, военно-техническое познание зависит от того, какую сферу военно-технической деятельности оно изучает — боевого применения, обслуживания, разработки военной техники. В первом случае речь идет о создании и анализе идеальных моделей боевых действий: теории боевой эффективности, радиоэлектронной борьбы, наведения ракет, навигации самолетов и кораблей, связи и управления, бомбометания, стрельбы и т. п., во втором — о рассмотрении идеальных моделей процессов обслуживания, ремонта, проверок, поиска неисправностей, регламентных работ, в третьем — о создании теории оптимального проектирования, конструирования, испытаний, военной приемки и др.

В-пятых, военно-технические исследования различаются степенью приближенности к практической деятельности. Хотя все военно-технические знания в основном носят прикладной характер, среди них можно выделить исследования более конкретные и более фундаментальные. Например, общая теория эксплуатации военной техники, теория эксплуатации военно-авиационного оборудования и теории эксплуатации автопилотов соотносятся как общее, особенное и единичное.

Перечисленные особенности как бы определяют спектр разнообразия военно-технического познания. Вместе с тем эти исследования объединяются единством применяемого в них **понятийного аппарата**. Так, описание фактов, формулирование проблем,

выдвижение гипотез, создание теорий во всех сферах военно-технического познания осуществляется с помощью таких понятий, как «военная техника», «военно-техническая система», «технические приемы боевого применения» и других. Эти базовые понятия в каждой из областей военно-технических исследований конкретизируются с учетом специфики объектов и целей. Так, структура и функционирование военной техники отражаются с помощью понятий «оружие», «боевая и вспомогательная техника», «средства обеспечения»; при описании процессов боевого применения используются понятия «боевая эффективность техники», «радиотехническая разведка», «бомбометание», «прицеливание»; к области технического обслуживания относятся понятия «регламентные работы», «ремонт», «хранение», «осмотр», «отказ» и др. Особенность всех этих понятий, выступающих ступенями военно-технического познания, исходными логическими формами военно-технического мышления, в том, что они позволяют рассматривать отдельные элементы вооруженной борьбы с «технологической» точки зрения, а работу техники как часть вооруженной борьбы. Без таких понятий невозможно адекватно отобразить функционирование и роль военной техники, в единой конструкции которой одновременно овеществляются и военные и технические знания.

Военно-технические понятия являются логической основой для формулирования военно-технических закономерностей, которые отражают существенные устойчивые связи и отношения между формами и способами боевых действий, с одной стороны, и конструктивными особенностями военной техники — с другой. Так, боевая эффективность технических средств является производной от такой ее тактической характеристики, как вероятность выполнения боевой функции исправной техникой, и такой технической ее характеристики, как вероятность исправной работы данного устройства в соответствующем режиме. Установление такого рода военно-технических закономерностей позволяет по известным техническим и тактическим данным военной техники определять ее боевую эффективность, по заданной эффективности и тактическому способу применения — определять надежность элементов конструкции, по заданной эффективности и надежности в разных режимах работы — определять наилучший способ тактического использования.

Познание такого рода закономерностей позволяет военным инженерам на научной основе определять необходимое и возможное количество исправной техники к началу боевых действий и каждому бою, потребное количество боеприпасов, запчастей, сокращать сроки приведения подразделений и частей в боевую готовность. На основе познания военно-технических закономерностей разрабатываются формулы, графики, таблицы для определения размеров зон радиоактивного заражения, степени разрушенности объектов в результате использования различных средств поражения и т. д.

Военно-технические науки по своим познавательным методам заметно отличаются, скажем, от таких естественных наук, как астрономия или океанология. В процессах принятия инженерных решений, при оптимизации боевого применения или обслуживания техники, при разработке технических заданий, предложений, проектов и т. п. элементы военно-технического познания тесно переплетаются с приемами конструирования, творчества, практической деятельности. Познавательные и продуцирующие операции здесь взаимно дополняют и определяют друг друга, связаны единой целью, вытекающей из совершенно конкретных, прямых практических потребностей вооруженных сил.

Общая логика разработки военно-технических средств формируется под влиянием, с одной стороны, существенных свойств военной техники, с другой — общего характера целеполагающей деятельности человека. Она выступает в виде ряда взаимосвязанных этапов познавательной и продуцирующей деятельности, в ходе которых вырисовывается облик будущих средств вооруженной борьбы. Основными этапами этого процесса являются: осознание политической и военной потребности в новой технике; определение основных тактико-технических показателей с учетом обобщенных технико-экономических возможностей производства; построение структурно-функциональной схемы на базе основных тактико-технических показателей с учетом конкретных военно-технических и технических закономерностей; построение принципиальной схемы и конструкторский расчет; создание опытного образца (серии); испытания и оценка опытных образцов, принятие решения о внедрении в войска. Конечная ценность разработки проверяется практикой при массовом производстве новой техники и ее использовании в войсках, когда она начинает реально влиять на формы и способы ведения боевых действий.

В военно-технических исследованиях применяются все ранее описанные методы. Военно-технические методы, в сущности, являются специфическим проявлением общефилософского и общенаучного методов. Среди специальных методов военно-технического познания можно назвать полигонные испытания военной техники, лидерные испытания, опытные учения и игры, проводимые с целью выявления возможностей техники, хронометрирование процессов подготовки и ремонта техники, изучение опыта боевого применения и обслуживания военно-технических средств в прошедших и современных войнах и другие.

Многочисленность методов военно-технических исследований, а также то обстоятельство, что они имеют дело с быстро изменяющимися объектами, где слепое повторение, копирование заученных приемов особенно опасно, делают чрезвычайно актуальной задачей выработку регулятивных норм, правил военно-технического познания.

К числу важнейших норм, правил любого военно-технического исследования относят неуклонное следование марксистско-ленинскому мировоззрению, диалектико-материалистической методоло-

гии как в понимании природы военной техники, так и в трактовке принципов военно-инженерной деятельности. Далее, важнейшим правилом, нормой военно-технического познания должна быть постоянная связь со всей системой современных научных знаний. Так, военный инженер должен умело применять к военной технике требования экономичности, эргономичности, эстетичности, технологичности, унификации, использования параметрических рядов и т. д.

На основе перечисленных регулятивных норм и правил можно сформулировать собственные принципы военно-технического познания:

анализ сущности и содержания военно-технической политики государства, активное участие в ее реализации;

учет уровня и тенденций развития экономики, научного потенциала, технологии производства, свойств личного состава на этапе их влияния на военную технику;

постоянное изучение способов и форм вооруженной борьбы с целью повышения боевой эффективности военно-технических средств, выявления потребностей в создании новых средств;

комплексный подход к анализу потребностей всех сфер военно-технической деятельности — боевого применения, обслуживания, разработки, технической подготовки личного состава;

системный анализ военно-технических средств, находящихся на вооружении, с целью оптимизации их боевых и технических показателей.

Понятно, что изучение методологии и логики военно-научного познания и соответствующих принципов вовсе не избавляет военные кадры от необходимости проявлять инициативу и творчество при решении конкретных проблем, связанных с анализом боевой обстановки, принятием решения, построением боевого порядка, организацией взаимодействия, решением теоретических задач, а также с созданием и совершенствованием военной техники, способов и форм ее боевого применения.

ГЛАВА XXIV

НАУЧНОЕ ПРЕДВИДЕНИЕ И ТВОРЧЕСТВО В ВОЕННОМ ДЕЛЕ

Одним из важных направлений военно-научного познания выступает научное предвидение — познание будущего на основе прошлого и настоящего. Своевременное и истинное предвидение будущего необходимо во всех сферах деятельности, но в военном деле оно приобретает особую значимость. Это обусловлено ускоряющимися темпами военно-технической революции, ограниченностью военной практики в мирное время. Нельзя успешно руководить войсками, целеустремленно готовить их к отпору агрессору, не имея четкого и ясного представления о том, каков будет стратегический облик будущей войны, если ее развяжут реакционные силы, — ее масштабы, продолжительность, способы ведения. Повышается также значение прогнозирования в оперативном и тактическом звеньях управления. Предвидение — творческий процесс. Однако творчество присуще не только военно-научному познанию — оно сопутствует каждому виду деятельности офицеров социалистической армии, а потому является важным фактором развития управленческих качеств военных кадров, повышения их профессиональной культуры.

1. НАУЧНОЕ ПРЕДВИДЕНИЕ И ЕГО РОЛЬ В ВОЕННОМ ДЕЛЕ

Предвидение — это форма активности сознания человека, позволяющая ему знать или предполагать то, что еще должно произойти. Оно включает в себя как **результат** мыслительной деятельности, так и сам **процесс** мышления, обусловивший этот результат.

Предвидение по своей гносеологической природе близко к выдвижению гипотезы. Однако гипотеза — логическая форма, применимая к познанию и прошлого, и настоящего, и будущего, а предвидение направлено на будущее или же на еще неизвестное настоящее.

Ничего сверхъестественного в предвидении нет, хотя это знание о неизвестном и даже о несуществующем. Предвидение как субъективный идеальный процесс имеет объективную основу.

Объективная основа предвидения заключена в закономерной связи прошлого, настоящего и будущего. Будущее коренится в настоящем в виде причины, порождающей грядущее следствие, в виде возможности, которая при определенных обстоятельствах обязательно превратится в действительность, в виде определенных количественных и структурных изменений в явлениях настоящего, которые неизбежно приведут к новому качеству в будущем, и т. д.

Субъективная основа предвидения заключена в способности человеческого сознания к опережающему отражению действительности на основе обнаружения и фиксации закономерных тенденций, идущих от прошлого через настоящее к будущему и подтверждаемых практикой. Отмечая взаимосвязь прошлого и будущего, В. И. Ленин писал: «...я оглядывался на прошлое только с точки зрения того, что понадобится завтра или послезавтра для нашей политики» [1].

Уяснение объективной и субъективной основ предвидения позволяет отличать его от всякого рода пророчеств религиозных мистиков, астрологов, оракулов, гадалок, предсказания которых иногда незаслуженно относят к предвидению. Как правило, пророчества базируются не на познании объективных процессов, а на субъективистском произволе. Они истолковываются реакционными идеологами как проявление особого дара «избранных» людей, считаются неподдающимися рациональному объяснению. Эти пророчества используются реакционными силами для идеологической и психологической обработки отсталых слоев населения. Например, пророчества наставников секты «свидетелей Иеговы» о якобы неизбежности нового пришествия «Иеговы» направлены против исторического прогресса, в них осуждаются люди, поднимающиеся на активную борьбу против эксплуататорских порядков.

Вместе с тем современная НТР с неизбежностью ставит перед капитализмом вопрос о перспективах развития науки, техники, военного дела, социальной жизни. Поэтому в капиталистических странах возникла особая наука — футурология (буквально учение о будущем), появились различного рода институты и организации социального прогнозирования. Так, в США большое внимание уделяется прогнозированию развития международных отношений, особенно военно-политических ситуаций, развития военной техники и т. п. Прогнозирование становится важной частью процесса подготовки и принятия внешнеполитических и военных решений на всех уровнях государственного аппарата США. В этих целях функционируют исследовательские центры, в том числе «РЭНД корпорейшн», созданная в 1947 г. для выполнения заказов Пентагона, а также Гудзоновский институт, центр «Темпо», институт будущего, институт проблем сухопутной войны, группа суммарных оценок министерства обороны и многие другие. Ос-

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 136.

новная масса исследовательских работ проводится в интересах военного ведомства. Многие прогнозы этого типа являются секретными документами или материалами для служебного пользования.

Хотя буржуазные футурологи дают по частным вопросам развития военной экономики, военно-технических систем, тактики и т. п. заслуживающие внимания прогнозы, в целом буржуазная футурология порочна в силу своей классовой ограниченности. Перспективы исторического развития находятся в непримиримом антагонизме с такими постулатами буржуазной идеологии, как, например, тезис о «вечности» капиталистических порядков.

Предвидение в марксистско-ленинской литературе рассматривается с подлинно научных позиций. Существуют различные основания для его классификации. **В зависимости от сфер человеческой деятельности и объекта познания** различают социальное, экономическое, политическое, демографическое и другие виды предвидения. В их ряду находится и **предвидение в военном деле** как «процесс познания возможных, объективно назревших изменений в военной области, определение перспектив развития военной теории и практики» [1]. В свою очередь предвидение в военном деле имеет сложную внутреннюю структуру.

По способу, глубине и точности предвосхищения будущего различают эмпирическое и научное предвидение.

Эмпирическое предвидение основывается на повседневном опыте и интуиции, на непосредственных наблюдениях за повторяемостью тех или иных событий в природе и обществе. Оно возникло вместе с появлением сознания человека, в зачаточной форме содержалось уже в простых трудовых актах первобытного человека. Долгое время этот вид предвидения был единственным. В современных условиях эмпирическое предвидение не потеряло своего значения, в том числе и в военном деле, особенно в боевой деятельности рядового состава и низовых подразделений. Однако в современных условиях ведущая роль все более переходит к научному предвидению.

Научное предвидение в отличие от эмпирического осуществляется в рамках науки или с ее помощью и опирается на познанные закономерности протекающего процесса. Оно имеет более высокую эффективность предсказаний и дальность упреждения.

Так, великий русский химик Д. И. Менделеев на основе открытого им периодического закона предсказал, что в будущем будет найден ряд новых элементов [2]. Ф. Энгельс на основе научного анализа развития социально-экономической и военно-политической обстановки в Европе в 80-е годы XIX в. предсказал в общих чертах характер и последствия первой мировой войны.

---

[1] Коноплев В. К. Предвидение в военном деле. — Советская Военная Энциклопедия, т. 6, с. 502.

[2] Впоследствии эти элементы были обнаружены и получили название: германий, галлий и скандий.

Научное предвидение имеет свою логическую структуру, проявляющуюся в определенной его последовательности:

определение проблемы предвидения;

прогнозирование (выдвижение прогнозов для решения частных задач в рамках общей проблемы предвидения);

составление плана прогностической деятельности на основе выдвинутых прогнозов;

обоснование истинности, достоверности прогнозов и подтверждение их практикой в той мере, в которой это возможно.

Прогнозирование в военном деле как составная часть предвидения суть определение перспективных, вероятностных данных о возможных направлениях и тенденциях развития вооруженных сил, военной техники и военного искусства как в своей стране (коалиции стран), так и у вероятного или реального противника, хода и исхода вооруженной борьбы и войны в целом. В отличие от предвидения прогнозирование решает более узкие задачи военно-теоретического и практического характера.

По сроку упреждения прогнозы делятся на краткосрочные — до 5 лет, среднесрочные — 5—10 лет и долгосрочные — свыше 10 лет. Диапазон упреждения зависит от многих условий: исходных данных, методологических основ и характера методики, степени сложности самого процесса и т. д. Однако, чем больше упреждение, тем при прочих равных условиях ценнее прогноз.

Результат прогноза может охватывать ожидаемое явление или целиком, или по частям в различные интервалы времени. Это называют полнотой прогнозирования и по данной характеристике делят прогнозы на частные и общие, проблемные и комплексные.

По отношению к субъекту предвидимого действия прогнозы делятся на активные и пассивные. Прогноз погоды, поскольку последняя еще не подвластна метеорологам,— это пассивный прогноз, а прогнозы результатов своих будущих действий — это активные прогнозы. Прогноз является необходимым компонентом любой разумной деятельности, в особенности управленческой, организаторской и планирующей. Не случайно возник афоризм: «Руководить — значит предвидеть».

Предвидение в военном деле тесно связано с военно-политическими прогнозами в развитии международной обстановки. Так, важное место в современных условиях приобретает предсказание развития военно-политической ситуации в различных районах мира, возникновения возможных очагов военных действий, угрожаемой ситуации на границах стран социалистического содружества.

Образцом такого предвидения было предсказание В. И. Ленина о вероятном направлении агрессивных действий англо-французских империалистов осенью 1918 г. Выступая 22 октября, он отметил, что интервенты потерпели ряд поражений в Сибири и Архангельске, а теперь «направляют усилия на то, чтобы напасть на Россию с юга, либо с Дарданелл, либо с Черного моря, либо

сухим путем через Болгарию и Румынию»[1]. Через 20 дней, 12 ноября, в записке генерального штаба главного командования союзных армий Антанты действительно был выдвинут план действий, которые предвидел В. И. Ленин. Там указывалось на необходимость интервенции именно в Южную Россию (Украина — Донец) через Румынию и Черное море[2].

Чрезвычайно важной методологической проблемой выступает вопрос об истинности, достоверности, полноте и точности предвидения.

Гносеологическая категория истины вполне применима и к познанию будущего. На основе казуальной (причинно-следственной) связи возможно определение истинности событий, которые произойдут в будущем, ибо «существовать в прошлом — значит иметь следствия в настоящем, существовать в будущем — значит иметь свою причину в настоящем»[3].

Однако установление истинности грядущих событий связано с некоторыми сложными трудностями. Одним из методологических принципов предвидения является принцип диалектической взаимосвязи общего, особенного и единичного. Общее раскрывается через законы, которые можно установить на основе ведущих тенденций. Но каждое отдельное событие включает в себя, помимо общего, также особенное и единичное. На развитие событий оказывают влияние не только закономерные связи, но и случайные. Кроме того, любое явление проходит через стадии возникновения, становления, стабильности и угасания. Полная его определенность возникает на стадии стабильности, зрелости. А соотношение в явлении определенности и неопределенности влияет на точность предвидения.

Несмотря на эти сложности, знание законов развития того или иного явления дает достаточное основание для более или менее точного предсказания. Детерминация будущего действиями законов настоящего может достигать такой степени, что наступление этого будущего в своих основных чертах оказывается уже неизбежным в пределах интервала (временного промежутка) неотвратимости. Если этот интервал неотвратимости представить бесконечно большим, то на достоверность предвидения не будет накладываться никаких ограничений. Если этот интервал представить бесконечно малым, то будет иметь место полная неопределенность. Исчезнет всякий элемент достоверности в предвидении[4].

Именно поэтому достоверное научное социальное предвидение возможно лишь применительно к общему направлению исторического развития. В этом смысле научное предвидение К. Марк-

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 118.

[2] См.: Из истории гражданской войны в СССР. М., 1960, т. 1, с. 58.

[3] Ивин А. А. Казуальное определение истины. — Философские науки, 1978, № 4, с. 86.

[4] См.: Виноградов В. Г., Гончарук С. И. Методологические принципы социального предвидения. М., 1979, с. 46—47.

сом, Ф. Энгельсом, В. И. Лениным торжества коммунизма во всемирном масштабе достоверно, истинно. Предвидение же отдельных событий и сроков их наступления носит **вероятностный** характер. Эта вероятность тем выше, чем полнее исходные данные, на основе которых разрабатываются прогнозы.

В предвидении явлений военного дела очень важно знать законы общественного развития, уметь анализировать соотношение классовых сил в различных районах мира, ведущие тенденции в развитии капиталистических государств, объективные и субъективные факторы их социально-политической жизни.

В условиях сохранения опасности агрессии против СССР и других стран социалистического содружества большое значение для строительства Вооруженных Сил имеет предвидение социально-политического и военно-технического характера, типов и видов войн современной эпохи. С учетом этих прогнозов и на основе предвидения развития военно-политической ситуации в мире, а также перспектив развития науки и техники, экономики и социальной структуры в целом и ведется строительство Вооруженных Сил.

Особое значение в настоящее время приобретает **военно-техническое прогнозирование.** Как отмечается в зарубежной печати, при проектировании боевых кораблей флота необходим — хотя бы в общих чертах — прогноз мировой военно-политической и стратегической обстановки на 25—30 лет. Ведь при условии, что исследования и разработки начались в середине 70-х годов, корабли будут спущены на воду после 1980 г. и смогут находиться в строю до 2005—2010 гг.[1] Ошибки в прогнозах, допущенные военным ведомством США в отношении перспектив боевого применения самолетов-снарядов («Луи», «Матадор», «Мейс» и др.), привели к неоправданным затратам больших материальных средств[2].

Предвидение в процессе обучения и воспитания воинов позволяет создать «модель» выпускника военно-учебного заведения, военного специалиста и в соответствии с этой «моделью» строить программы и методы обучения, повышать эффективность воспитательных средств.

Весьма специфично **прогнозирование в управлении войсками в бою.** Противник стремится скрыть свои истинные планы, состояние и расположение войск, более того, ввести в заблуждение путем дезинформации. В результате резко возрастает по сравнению с другими областями познания число факторов неопределенности, сопровождающих прогнозируемые процессы. Прогнозирование в управлении войсками всегда связано с острым дефицитом времени. В силу высокой мобильности и скоротечности современного боя время, отводимое на оценку обстановки, прогноз событий и

---

[1] См.: Кокошин А. А. Прогнозирование и политика, с. 46.
[2] См.: Чуев Ю. В., Михайлов Ю. Б. Прогнозирование в военном деле. М., 1975, с. 66—67.

выработку решения, еще более сокращается. Вместе с тем прогнозирование в управлении войсками связано с особой ответственностью командира за принятое решение, за судьбы людей. Оружие массового поражения, резко возросшая эффективность традиционного оружия повысили цену ошибок в современном бою.

Трудность прогнозирования в управлении войсками состоит еще и в том, что командир проводит его не в тиши кабинета, а в условиях повышенной опасности. Это требует от него не только быстроты и глубины мышления, но и высоких морально-боевых качеств, смелости, мужества, хладнокровия. Сложность прогнозирования в военной области обусловливается нередко невозможностью осуществить эксперимент. Например, нельзя провести настоящую боевую операцию в мирное время. Многие учения носят экспериментальный характер и не в состоянии в полной мере заменить действительные боевые действия.

Таким образом, возросшее значение, гносеологическая сложность, а также трудности, связанные со спецификой самого военного дела, требуют от военных специалистов глубокого знания методологических и конкретно-научных основ прогнозирования, овладения математическими, эвристическими и другими его методами.

2. ТВОРЧЕСТВО В ВОЕННОМ ДЕЛЕ

Предвидение и творчество — понятия близкие, но не тождественные. Творчество включает элемент предвидения, но главным в творчестве является создание **принципиально нового** — оригинальной идеи или уникального материального предмета. Причем под новым в данном случае понимается не просто недавно созданное, а именно постановка неизвестной еще задачи, не имеющей готовых правил решения, получение результатов, которые еще не достигались.

Понятие «принципиально новое» следует всегда соотносить с субъектом творчества. Для кого продукт творчества является новым? Новое для данного субъекта не обязательно будет новым и для всего общества, человечества. В этом случае сужается социальное значение творчества (хотя порой и сохраняется его учебно-воспитательное значение для данного субъекта). В этом плане творчество исторично: то, что сегодня является достоянием творчества, завтра становится объектом репродукции.

Важный признак творчества — ценность, полезность появившегося нового. Причем его ценность и полезность имеют социально-классовое значение: результаты творчества так или иначе ставятся на службу определенным социальным группам, классам или обществу в целом (при социализме). Например, расщепление атомного ядра, выход в космос, управление наследственностью — в зависимости от социально-экономических условий могут служить как делу прогресса (при социализме), так и милитаризму, реакции (при империализме).

Определение полезности нового — дело трудное, ибо новое рождается в борьбе, не всегда сразу получает признание современников. Танки, автоматическое стрелковое оружие, кумулятивные снаряды, вертолеты вначале не получили поддержки некоторых крупных специалистов. Так, еще недавно многие буржуазные специалисты оценивали идею применения вертолетов сухопутными войсками для решения боевых задач как бесперспективную. Они аргументировали свою позицию уязвимостью винтокрылых машин. Однако необходимость повышения мобильности войск сломала устаревшие каноны и направила творческую мысль на поиск путей применения вертолетов на поле боя. В 70-е годы вертолеты стали признанным и перспективным средством ведения боевых действий. Все это говорит о том, что критерием полезности, жизненности следует пользоваться очень осторожно, ибо новое обнаруживает свою ценность не всегда наглядно и очевидно. Способность увидеть и поддержать новое — одно из важнейших качеств современного командира, политработника, военного инженера.

Итак, под **творчеством** следует понимать то содержание процессов мышления и деятельности, которое характеризуется принципиально новыми для субъекта творчества (в различных масштабах и в различном отношении), особыми путями и способами решения теоретических и практических проблем, качественно новыми результатами, имеющими непосредственную или опосредованную общественную значимость (для класса или общества в целом).

Творчество в военном деле есть такой процесс мышления и деятельности, в ходе которого находится наиболее целесообразное решение сложных, нетипичных задач управления войсками в бою и обеспечения их необходимыми материально-техническими средствами, разрабатываются и внедряются новые способы и формы вооруженной борьбы, создаются новые виды боевой техники и оружия, совершенствуются организация войск, содержание, формы и методы обучения и воспитания личного состава.

Творчество как процесс мышления и деятельности обычно подразделяется на четыре основных этапа: а) возникновение и уяснение творческой проблемы (задачи); б) поиск основной идеи ее решения; в) разработка решения и его обоснование; г) реализация идеи (решения) на практике.

Первый этап — возникновение (постановка) и уяснение творческой проблемы (задачи). Способность к постановке такой проблемы — один из наиболее четких критериев активности сознания, творческого потенциала личности. От обычных проблемных ситуаций, повседневно возникающих в ходе теоретической и практической воинской деятельности, проблемные ситуации, требующие творчества, отличаются прежде всего нестандартностью, отсутствием «накатанных» путей разрешения. Так, появление ядерного оружия и других современных средств ведения войны по-новому поставило проблему поддержания высокой боевой готов-

ности, выдвинуло ряд не встречавшихся ранее задач по обеспечению ПРО, по правильному сочетанию обычных и ядерных средств войны. Проблемы такого рода требуют творческого решения.

Творческие проблемы в военном деле чрезвычайно разнообразны. В первом приближении их можно классифицировать так: по направлениям творческих усилий в области военной профессионализации (проблемы управления войсками; военно-технические, обучения и воспитания и т. д.); по степени общности — общие и частные; по степени разрешимости — реальные и абстрактные; по основным сферам деятельности — теоретические и практические и т. д.

Второй этап творческого процесса — это поиск основной идеи решения. Этот этап является главным, он включает как формально-логические средства, например, индукцию, дедукцию, так и интуитивно-эвристические (аналогию, интуицию, догадку, воображение). В процессе творческого мышления происходит чередование формально-логических и интуитивно-эвристических моментов, одни постоянно сопутствуют другим.

Поиск творческой идеи обычно начинается с анализа имеющейся информации, при этом используются все резервы памяти. Большую роль здесь играет индукция, позволяющая переходить от частного к общему, от отдельных фактов к теоретическим обобщениям. Вместе с тем дедукция дает возможность более глубоко понять частный факт на основе имеющихся теоретических положений.

Нередко идея решения возникает на основе аналогии, которая дает толчок мысли. Воображение и интуиция нередко приводят к догадке, разработка которой дает идею решения. При этом воображение позволяет комбинировать различные элементы мысленных моделей, прообраза которых нет в действительности. Именно силой воображения командир может мысленно провести предстоящий бой, увидеть сильные и слабые стороны своего решения.

Интуиция, выступая формой диалектического скачка в развитии творческого процесса в тот момент, когда приходит решение, является специфической формой творческого акта. Она возникает как результат большой подготовительной работы, которая развивает воображение субъекта творчества, его способность к далеким аналогиям. В этом смысле интуиция командира — результат и составной элемент его военной квалификации. Интуиция проявляется как подсознательное протекание отдельных звеньев творческого мыслительного процесса, когда результат появляется как бы внезапно, а вся подготовительная работа скрыта от самонаблюдения субъекта. Особое значение интуиция приобретает при действиях в экстремальных условиях при остром дефиците времени.

Третий этап заключает разработку творческой идеи, ее уточнение и обоснование. На этом этапе происходит коррекция новой

идеи, очищение ее от ложных моментов, повышение ее вероятности. Если случилось так, что итогом предыдущего этапа явилась не развитая научная гипотеза, а всего лишь догадка, то объем работы на данном этапе будет весьма значительным.

В военном деле в процессе разработки и обоснования новых идей широко применяются учения, маневры, командно-штабные игры, полигонные испытания, теоретические и лабораторные исследования, где новое проходит всестороннюю логическую и практическую проверку.

Заключительный, четвертый этап — это реализация творческих результатов на практике. «Практическое внедрение новых научных идей, — говорил товарищ Л. И. Брежнев, — это сегодня не менее важная задача, чем их разработка»[1]. Особенностью творческой деятельности командира (военачальника) является то, что он становится не только творцом новых замыслов боя, операции, но и их ведущим исполнителем. Единство замысла и исполнения — характерная черта и важнейший критерий творчества командира.

Творчество в Советских Вооруженных Силах, в других армиях стран социалистического содружества — явление чрезвычайно широкое. Путь для творчества открыт перед любым военным специалистом. На любом посту, порученном солдату, командиру, политработнику или военному инженеру, есть место для инициативы и творчества. Рассмотрим подробнее творчество в области управления войсками, военного строительства, в обучении и воспитании личного состава, а также в военно-технической сфере.

Творчество в области управления войсками проявляется в процессе разработки замысла и плана боя, операции, проведения его в жизнь. Оно выражается в рождении новых способов подготовки и ведения боевых действий, новых идей в области организации и функционирования систем управления войсками.

Рождение новых способов и форм борьбы происходит на поле боя или в процессе учений и осуществляется, как правило, в качестве необходимого элемента замысла боя, операции. Творческий поиск в области содержания и формы управления войсками также подчинен замыслу и плану предстоящих боев, операций и призван обеспечить успех в вооруженной борьбе. Все эти аспекты творчества в области управления войсками тесно переплетены. Новый способ борьбы, примененный командиром в бою, получает в военной науке теоретическое обоснование, закрепляется в боевых уставах; в его интересах проводятся соответствующие изменения в организации и функционировании органов управления. Единство всех этих аспектов творчества в управлении войсками обусловлено также объективным положением командира-единоначальника как главного носителя творческой управленческой деятельности. Диапазон его творчества чрезвы-

---

[1] Брежнев Л. И. Ленинским курсом, т. 5, с. 502.

чайно широк, он охватывает не только сферу военного искусства, но включает также элементы административно-организаторского, научного, технического, педагогического творчества. Вместе с тем командир — не одиночка, его творчество опирается на творческий поиск офицеров штаба, политработников, инженеров, всего личного состава части, подразделения.

Творчество в области военного строительства выражается в поиске и внедрении новых организационных форм, соответствующих новым военно-политическим условиям, новому вооружению, новым способам и формам подготовки и ведения боевых действий.

Нередко крупные полководцы, военачальники, командиры выступают как военные теоретики, строители вооруженных сил. Так, механизация и моторизация армий в период перед второй мировой войной определила тенденции военной мысли, которые привели к идее создания крупных маневренных соединений. Однако конкретные исторические условия того времени сложились так, что Красная Армия испытывала известную нехватку боевой техники. Тогда с творческим предложением о создании крупных конно-механизированных соединений выступил Маршал Советского Союза М. Н. Тухачевский. В дальнейшем, в годы Великой Отечественной войны, эта идея получила свое развитие и привела сначала к созданию крупных конно-механизированных соединений, а когда появилась возможность, мощных подвижных танковых армий и корпусов, сыгравших огромную роль в разгроме немецко-фашистских войск.

Ярко выраженный творческий характер носили решения Ставки Верховного Главнокомандования по созданию в 1942—1943 гг. артиллерийских дивизий и корпусов резерва Верховного Главнокомандования, которые позволяли осуществлять массирование артиллерии на направлениях главных ударов фронтов, широкий маневр артиллерией и успешно осуществлять артиллерийское наступление в условиях глубоко эшелонированной позиционной обороны противника.

Главный маршал авиации А. А. Новиков в годы Великой Отечественной войны выдвинул новаторскую идею о создании в советской авиации однотипных дивизий (бомбардировочных, штурмовых, истребительных), авиационных корпусов и воздушных армий, что более полно отвечало природе современной войны[1].

В послевоенный период развернувшаяся революция в военном деле потребовала новых идей в области организации армии и флота, так как качественно новой боевой технике должны были соответствовать и новые формы военной организации. Новаторский, творческий характер носила деятельность военных кадров, под руководством КПСС создавших новые виды Вооруженных Сил — Ракетные войска стратегического назначения и Войска

[1] См.: Люди бессмертного подвига. М., 1973, с. 92.

ПВО страны. Много нового в эти годы появилось и в других видах Вооруженных Сил.

Творчество в области обучения и воспитания войск весьма своеобразно, так как оно проявляется не столько в поиске новых форм и методов работы, сколько в творческом применении известных форм и методов в соответствии с бесконечным разнообразием ситуаций, уникальностью людских судеб и характеров. Не может быть одинаковых подходов к разным людям. Вместе с тем большое значение имеют различного рода творческие почины и инициативы — в социалистическом соревновании, в сбережении боевой техники и т. п., которые выступают своеобразной формой творчества в сфере обучения и воспитания.

Творчество в военно-технической области проявляется в ходе разработки тактико-технических требований к новым образцам вооружения и боевой техники, их проектирования, конструирования, производства, испытания, разработки приемов боевого применения, определения боевой эффективности, а также в ходе эксплуатации, ремонта и сбережения в войсках.

Характер военно-технического творчества во многом определяется природой военной техники и ее ролью в вооруженной борьбе. Оно занимает промежуточное положение между общетехническим и собственно военным творчеством, причем в деятельности различных категорий военных инженеров превалирует либо та, либо другая сторона. Военный инженер обязан распознать творческую проблемную ситуацию, возникшую в военно-технической области. Так, в ходе Великой Отечественной войны возникла проблема артиллерийского сопровождения танковых соединений. Эта ситуация нашла разрешение в создании САУ. Военный инженер призван уметь творчески применять в военной области достижения всей современной науки. Например, современная бионика дает возможность использовать в военной технике аналоги принципов действия и строения живых организмов.

Военному инженеру необходимо творчески владеть тактикой. «В своей творческой работе, — пишет авиаконструктор А. Яковлев,— мы следовали и такой заповеди: конструктор ...должен хорошо знать все особенности боевого применения его оружия и даже подсказать наиболее эффективные способы применения своей новой конструкции... Новая боевая техника часто в ходе войны меняет многолетние тактические устои» [1]. Творчество военного инженера, таким образом, включает широкий круг вопросов от технологии производства до методики военно-технической подготовки личного состава.

Творческие акты в военно-технической области принимают такие формы: **открытие** — установление неизвестных ранее, объективно существующих закономерностей, свойств и явлений материального мира; **изобретение** — решение военно-технической

---

[1] Яковлев А. Цель жизни (записки авиаконструктора). М., 1970, с. 426.

задачи, отличающееся существенной новизной; **рационализация** — совершенствование существующих конструкций военно-технических средств или улучшение известных приемов их применения в новых условиях. Хотя внешне эти формы творчества сходны с теми, которые присущи общетехническому творчеству, военно-техническое творчество заметно отличается от первого. Оно протекает в условиях противоборства с военно-технической мыслью вероятного противника, как правило, при полной и частично ложной информации о достигнутых им результатах, в условиях жесткого лимита времени.

Важно еще раз подчеркнуть, что военно-техническое творчество — это не только создание принципиально нового, невиданного до сего времени оружия, но и поиск новых способов применения уже имеющейся на вооружении техники. Так, в истории наших Вооруженных Сил есть немало примеров, когда военное творчество вызывало к новой боевой жизни, казалось бы, уже устаревшие образцы боевой техники. Опыт применения самолета По-2, подводной лодки типа «М» («малютка»), зенитной артиллерии против танков противника в годы Великой Отечественной войны свидетельствует о больших возможностях творчества в этом направлении.

Современное военно-техническое творчество — это процесс, в котором диалектически сочетаются личные и коллективные творческие усилия. Поэтому военный инженер — это организатор рационализаторской и изобретательской работы. Известны такие факты. В годы Великой Отечественной войны на одном из артиллерийских заводов за месяц было подано 3752 рацпредложения, что дало возможность вооружить дополнительно 60 артиллерийских полков [1].

3. МЕТОДОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ ПРОГНОСТИЧЕСКИХ И ТВОРЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ ВОЕННЫХ КАДРОВ

Марксизм-ленинизм исходит из того, что способность к предвидению и творчеству является прирожденной лишь в форме некоторых задатков. В развитом виде эта способность проявляется у людей только в результате обучения и накопления опыта. Поэтому философы, психологи и военные специалисты, стоящие на марксистско-ленинских позициях, обоснованно полагают: существует реальная возможность создать такие объективные условия, так поставить обучение и воспитание военных кадров, что это будет целенаправленно способствовать развитию их прогностических и творческих способностей.

Максимальный эффект в развитии этих способностей командиров, политработников и военных инженеров может быть получен, если сосредоточить усилия на следующих направлениях.

Во-первых, продолжать совершенствование системы руководства и управления войсками со стороны командиров, штабов и

[1] См.: Правда, 1975, 25 марта.

политорганов. Эта система в соответствии с социалистической природой наших Вооруженных Сил создает необходимые материальные, социально-политические условия для развития и проявления инициативы, творчества, научного предвидения. Самостоятельность офицера при решении поставленных задач определяется рамками предоставленных ему прав и обязанностей, а для разумной инициативы и энергии в социалистической армии нет предела.

Надо продолжать совершенствовать заложенную в системе руководства и управления социалистическими армиями строгую соразмерность твердости управления и возможности проявления инициативы подчиненными. Необходимо стремиться к оптимизации условий для проявления и развития творческой активности каждого военнослужащего. Это предполагает исключение излишней опеки со стороны старших начальников над действиями подчиненных. Причем чем выше военная квалификация и богаче опыт подчиненного офицера, тем в большей степени может быть предоставлена ему свобода в выборе способов выполнения приказа или распоряжения.

Известно, что дальнейшее совершенствование управления войсками предполагает внедрение в различные звенья управляющих систем ЭВМ, повышающих эффективность управления. Важно, чтобы использование ЭВМ не только ускоряло обработку данных, но и создавало командиру дополнительные возможности для проявления творческой активности.

Во-вторых, развитие творческих способностей офицерских кадров предполагает постоянное совершенствование мировоззренческой и методологической подготовки, идеологического воспитания военных кадров. Глубокая коммунистическая убежденность, базирующаяся на прочном усвоении марксизма-ленинизма, определяет ценностные ориентации и установки личности на творческий поиск, инициативу в своей работе. Классики марксизма-ленинизма указывали на неиссякаемый родник революционного творчества масс. Идея защиты социалистического Отечества, став в процессе политического и воинского воспитания основой мотивации поведения человека на войне, превращается в важнейший стимул его творчества.

Способность предвидеть события в военно-политической области решающим образом зависит от мировоззренческой подготовки офицера. Такие прогнозы прямо основываются на знании законов исторического развития, на глубоком понимании диалектики развития военного дела.

Высокая методологическая подготовка позволяет умело пользоваться всем арсеналом марксистско-ленинской методологии для творческой работы и научного предвидения. Усвоение марксистско-ленинской философии развивает диалектическое творческое мышление, помогает видеть противоречия — основу проблемных ситуаций во всех сферах военной деятельности, а следовательно, замечать и ставить новые творческие проблемы.

В-третьих, обучение офицерского состава, особенно руководящего, должно включать дисциплины, в которых излагаются теоретические основы научного предвидения и творчества. При всем отличии, своеобразии, неповторимости протекания этих процессов у каждой личности в них имеются определенные социальные, психологические, гносеологические и логические закономерности, которые уже выявлены учеными. Человек, знающий эти закономерности, может организовать свою прогностическую и творческую деятельность более рационально и эффективно, чем тот, кто полагается лишь на свои способности.

Обучение предвидению и творчеству должно вестись не только в специальных курсах. На это должна быть нацелена вся методика обучения в военно-учебных заведениях, вся постановка боевой подготовки в войсках. Это прежде всего внедрение проблемного обучения, а также других приемов формирования и развития творческой активности, самостоятельности суждений, навыков принятия самостоятельного решения. Эти методики предполагают проведение тактических летучек, неожиданных вводных, решение упражнений, которые бы исключали шаблон в решении возникающих задач, вызывали бы быструю мобилизацию умственных способностей офицеров, их интуиции и воображения. При этом важно в процессе обучения обращать внимание не только на результаты творчества и предвидения, но прежде всего на процесс добывания этих результатов, раскрывать диалектику творчества и предвидения, ибо результат — это частное, а процесс — общее, применимое всюду.

В-четвертых, воспитывать личный состав в духе творчества. Творчеству и умению предвидеть мало только обучать теоретически. Важно, кроме того, воспитывать в творческом духе — поощрять за творчество, делать творческую инициативу достоянием гласности. Следует подчеркнуть роль обстоятельных разборов учений и маневров, в процессе которых старшие начальники выделяют и анализируют образцы творческого подхода и предвидения. Заслуживают внимания и совещания старшего начальника с подчиненными, коллективные обсуждения новых проблем. Необходимым условием развития названных способностей является воспитание творческой смелости. Она заключается не только в способности не останавливаться перед традиционными приемами, способами и конструкциями, но и в моральной готовности защищать и отстаивать передовое, умело и всесторонне аргументировать и обосновывать результаты творчества и предвидения.

Инициатива, стремление к новому требуют от личности высоких морально-политических и психологических качеств, предполагают высшее напряжение умственных и моральных сил, способность бороться с рутиной и косностью, с пережитками отсталых взглядов, за утверждение всего нового и передового.

Вместе с тем специфика воинской деятельности состоит в том, что она жестко регламентирована уставами, наставлениями и ру-

ководствами. Развивая инициативу и творчество, важно воспитывать личный состав в духе уважения к уставам, принимать меры к тому, чтобы энергия людей расходовалась на действительное творчество, включающее и творческое использование всего богатства военно-теоретической мысли, воплощенного в уставах.

В-пятых, эффективным средством развития творческого мышления и активности военных кадров являются военно-научная работа, научные исследования в армии и на флоте. Проводимые в частях и соединениях научные конференции, смотры изобретательства и рационализаторства, школы передового опыта — одна из важнейших современных форм развития военно-научной и технической мысли.

Важную роль в развитии прогностических и творческих способностей играет самовоспитание. Офицер социалистической армии не может полагаться только на стимулирование извне, а обязан сам изыскивать возможности постоянного совершенствования своих прогностических и творческих способностей.

ГЛАВА XXV

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ НАУЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ ВОЙСКАМИ

Знание офицерами методологии и логики военно-научного познания, в том числе и перспектив развития военного дела, является средством эффективного управления войсками. Последнее — один из важнейших факторов укрепления боевой мощи социалистической армии. Вместе с тем эффективно управлять нельзя без знания «науки управления» [1]. Управленческая деятельность военных кадров социалистической армии, являясь специфической разновидностью социального управления, основывается на тех же теоретических положениях и общих принципах, что и управление социалистическим обществом в целом. Поэтому, прежде чем обратиться к специфике этой деятельности, необходимо раскрыть научные основы управления социалистическим и коммунистическим строительством.

1. НАУЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ — ЗАКОНОМЕРНОСТЬ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО И КОММУНИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Человеческому обществу на любых этапах его развития и функционирования внутренне присуще управление. Необходимость социального управления обусловлена прежде всего системной природой всякого общества, социальным характером труда, потребностями обмена продуктами материальной и духовной деятельности, поддержанием определенных норм общежития. Впервые на управление как неотъемлемое свойство социальных систем обратил внимание К. Маркс. По его утверждению, «всякий непосредственно общественный или совместный труд... нуждается в большей или меньшей степени в управлении...» [2].

Социальное управление связано с целенаправленной деятельностью людей и осуществляется посредством определенных общественных институтов — органов и организаций, реализующих сознательное воздействие на ту или иную социальную систему с

[1] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 222; т. 45, с. 351.
[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 342.

целью достижения определенного результата. Таким образом. социальное управление предстает как процесс, призванный обезопасить социальную систему от неблагоприятного воздействия множества переплетающихся между собой стихийных факторов объективного и субъективного характера. «Урегулированность и порядок, — писал по этому поводу К. Маркс, — являются именно формой общественного упрочения данного способа производства и потому его относительной эмансипации от просто случая и просто произвола» [1].

Естественно, степень этой эмансипации, а значит — возможность и роль сознательного управления неодинаковы в различных социально-экономических системах и существенно зависят от того, в какой мере данный экономический и социально-политический строй создает объективные условия для ограничения стихийных регуляторов. В капиталистическом обществе в сравнении с феодальным процесс концентрации производства и обобществления труда усиливает объективную тенденцию к централизованному управлению. Сейчас для капитализма характерно стремление к государственно-монополистическому регулированию экономики. Однако этой тенденции противостоят стихия капиталистического рынка, анархия производства, конкуренция, то есть такие социальные силы и факторы, овладеть которыми в рамках капитализма невозможно. Эти силы, выступая в качестве основного стихийного регулятора капиталистической системы хозяйства, существенно сужают сферу сознательного управления.

Поскольку сознательное социальное управление имеет ярко выраженный классовый характер, то оно осуществляется органами, созданными господствующими классами, и отражает интересы этих классов. «Управление капиталиста, — писал К. Маркс, — есть не только особая функция, возникающая из самой природы общественного процесса труда и относящаяся к этому последнему, оно есть в то же время функция эксплуатации общественного процесса труда и, как таковая, обусловлено неизбежным антагонизмом между эксплуататором и сырым материалом его эксплуатации» [2]. Антинародный, реакционный характер управления при капитализме, классовая сущность которого заключается в навязывании воли эксплуататорского меньшинства эксплуатируемому большинству, еще более ограничивает его возможности. Иными словами, в капиталистическом обществе управление, являясь формой относительной эмансипации капиталистического способа производства от «простого произвола», в то же время выступает формой «классового произвола» буржуазии.

Наконец, узкоклассовые интересы буржуазии, пришедшие в острое противоречие с основными тенденциями прогрессивного развития современного мира, мирового революционного процесса,

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. 2, с. 356—357.
[2] Там же, т. 23, с. 343.

не дают ей возможности познать, а главное — использовать в процессе управления объективные закономерности социального развития. Разумеется, управление, не опирающееся на эти закономерности, не может быть ни научным, ни эффективным.

Все сказанное и определяет узость сферы сознательного социального управления в буржуазном обществе, его эмпирический, ненаучный в целом характер. Достаточно эффективно управляя отдельными предприятиями и объединениями, буржуазия принципиально не в состоянии научно управлять производством и тем более всем обществом в целом.

Иное дело в социалистическом обществе. Объективная тенденция к сознательному управлению получает здесь широкие возможности реализации на основе уничтожения частной собственности, замены стихии рынка законом планомерного и пропорционального развития народного хозяйства, укрепления социально-политического и идейного единства общества на основе марксистско-ленинской идеологии. Конечно, и в социалистическом обществе существуют процессы, регулируемые в определенной мере стихийно (например, демографические процессы). Однако основные стихийные регуляторы — рыночные отношения, анархия производства, конкуренция — перестают действовать. Отсюда вытекает возможность и необходимость широкого охвата сознательным управлением всех сфер общественной жизни — экономической, социальной, политической и духовной.

При социализме народные массы являются не только объектом, но и субъектом управления, осуществляя его непосредственно или через систему политической организации социалистического общества. Поэтому цели управления в социалистическом обществе совпадают с интересами трудящихся, а методы являются наиболее демократичными. «... Мы можем управлять только тогда, когда правильно выражаем то, что народ сознает» [1], — писал В. И. Ленин по этому поводу.

Социальное управление только тогда является научным, когда оно осуществляется в соответствии с требованиями познанных объективных закономерностей, конкретных механизмов и прогрессивных тенденций развития и функционирования общества. Марксизм-ленинизм в целом, марксистско-ленинская социология наиболее полно и всесторонне раскрывают закономерности развития и функционирования общества на различных его исторических этапах, а социалистический строй предоставляет неограниченные в принципе возможности для практического использования этих закономерностей при преобразовании социальной действительности в интересах трудящихся.

Таким образом, **научное управление социалистическим обществом** — это сознательное, целеустремленное воздействие трудящихся на общественную систему в целом или различные ее подсистемы, осуществляемое через соответствующие органы и органи-

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 112.

зации на основе познания и использования присущих системе объективных закономерностей и прогрессивных тенденций, с тем чтобы обеспечить ее оптимальное функционирование и развитие в интересах широких народных масс. Иными словами, научное управление есть приведение субъективной деятельности в соответствие с требованиями объективных законов.

В Программе КПСС указывается, что коммунистическое общество в отличие от всех предшествующих социально-экономических формаций, складывается, функционирует и развивается не стихийно, а в результате сознательной и целенаправленной деятельности трудящихся, руководимых марксистско-ленинской партией[1]. Научное управление есть **закономерность строительства социализма и коммунизма**, а социалистическое общество является первым в истории человечества научно управляемым обществом.

Эта закономерность была всесторонне раскрыта В. И. Лениным[2]. Он показал важность проблем управления социалистическим обществом, подчеркнув, что после победы в гражданской войне задача управления Россией становится главной, центральной: «Мы, партия большевиков, Россию *убедили*. Мы Россию *отвоевали* — у богатых для бедных, у эксплуататоров для трудящихся. Мы должны теперь Россией *управлять*»[3]. В. И. Ленин сформулировал основную цель управления в новом обществе. «...Начиная социалистические преобразования, — писал он, — мы должны ясно поставить перед собой цель, к которой эти преобразования, в конце концов, направлены, именно цель создания коммунистического общества...»[4]. В. И. Ленин разработал цельную систему принципов научного управления социалистическим обществом, выработал особый стиль управления, сочетающий компетентность (знание дела) и деловитость (умение вести дело), организованность и чуткость к людям, научные и административные стороны управленческой деятельности. Под непосредственным руководством В. И. Ленина формировалась и совершенствовалась система государственных и негосударственных органов и организаций, призванных осуществлять управление различными сферами жизнедеятельности социалистического общества. Во главе этой системы стоит Коммунистическая партия. «Чтобы управлять, — писал В. И. Ленин, — надо иметь армию закаленных революционеров-коммунистов, она есть, она называется партией»[5].

Политика партии, пронизывая всю общественную жизнь, выступает важнейшим фактором и высшим уровнем научного уп-

---

[1] См.: Программа Коммунистической партии Советского Союза, с. 136.

[2] См.: Ленинизм и управление социальными процессами при социализме. М., 1973; Суворов Л. Н. В. И. Ленин и методологические проблемы социального управления. М., 1973.

[3] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 172.

[4] Там же, с. 44.

[5] Там же, т. 42, с. 254.

равления экономическими, социальными, политическими и духовными процессами, протекающими в социалистическом обществе. Это обусловлено тем, что, во-первых, опираясь на теорию марксизма-ленинизма, применяя ленинскую методологию революционного мышления и революционного действия, обобщая опыт борьбы, партия вырабатывает единую политическую линию. Во-вторых, наиболее полно выражая объективные потребности общества, интересы всех трудящихся, партия осуществляет руководство массами. В-третьих, партия объединяет, координирует и направляет деятельность всех звеньев управления, придает всей работе по строительству коммунизма согласованность, планомерность, целеустремленность. «Динамизм развития советского общества,— отмечал товарищ Л. И. Брежнев,— растущие масштабы коммунистического строительства, наша деятельность на международной арене настоятельно требуют непрерывного **повышения уровня партийного руководства развитием экономики и культуры, воспитанием людей, улучшения организаторской и политической работы в массах»** [1].

Много внимания на современном этапе уделяется соединению преимуществ социализма с достижениями научно-технической революции, экономическому и научно-техническому соревнованию с капитализмом.

«Вооруженная марксистско-ленинским учением, — гласит Конституция СССР, — Коммунистическая партия определяет генеральную перспективу развития общества, линию внутренней и внешней политики СССР, руководит великой созидательной деятельностью советского народа, придает планомерный, научно обоснованный характер его борьбе за победу коммунизма» [2].

В системе управления социалистическим обществом ответственная роль принадлежит государству. Сосредоточивая в своих руках высшую законодательную и исполнительную власть, основные рычаги хозяйственного производства, имея разветвленную сеть различных органов и учреждений в центре и на местах, социалистическое государство выступает важным орудием строительства социализма и коммунизма. Центральное место в системе социалистической государственности в СССР принадлежит Советам народных депутатов, которые являются одной из наиболее эффективных форм привлечения к управлению широких народных масс.

Важную и ответственную роль в управлении обществом играют профсоюзы, являющиеся школой коммунистического хозяйствования и управления, комсомол, объединяющий в своих рядах самую активную часть молодежи страны, кооперация и другие производственные, общественно-политические, научно-технические, культурно-просветительные общественные организации.

---

[1] Брежнев Л. И. Ленинским курсом, т. 5, с. 523.

[2] Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик, с. 7.

Усилиями народа под руководством партии в СССР построен развитой социализм, который характеризуется высокой степенью зрелости всех сфер общественной жизни. В связи с этим более высокие требования предъявляются и к уровню руководства жизнедеятельностью социалистического общества. В ряде основополагающих партийных документов дан анализ причин, вызывающих возрастание роли научного управления на современном этапе, рассмотрены новые возможности его дальнейшего совершенствования. Партия исходит из того, что рост масштабов и качественные сдвиги нашей экономики предъявляют новые, более высокие требования к управлению, не позволяют довольствоваться сложившимися формами и методами, даже если они хорошо служили в прошлом. Вместе с тем повышение уровня знаний и профессиональной подготовки наших кадров, широкое вовлечение в управление трудящихся масс, быстрое развитие науки управления серьезно расширяют возможности улучшения управления. Опираясь на эти возможности, партия наметила систему конкретных мероприятий по совершенствованию управления. К ним в первую очередь относятся: дальнейшее улучшение системы планирования и прогнозирования, совершенствование организационной структуры управления, стиля работы управленческих кадров и системы их подготовки, усиление экономических стимулов, более широкое вовлечение в управление трудящихся масс. Большое значение придает партия автоматизации и оптимизации управленческой деятельности на основе современной электронно-вычислительной, информационной техники и новейших экономико-математических методов.

Не последнюю роль в решении этих проблем призвана сыграть бурно развивающаяся ныне наука управления обществом. «Управление, — подчеркивал Л. И. Брежнев, — превращается в науку, и этой наукой надо возможно быстрее и возможно глубже овладевать»[1]. Непосредственно базируясь на марксистско-ленинской социологии и вырастая из нее, общая теория управления обществом аккумулирует в себе данные ряда естественных, технических и общественных наук, реализуя комплексный, системный подход к решению проблем социального управления. Вместе с тем общая теория управления обществом имеет свой собственный предмет изучения — общие закономерности и механизмы социального управления, присущие всем его сферам, свой собственный научный аппарат, приемы и методы исследования.

Естественно, общая теория управления обществом не может, да и не должна учитывать специфику проявления изучаемых ею общих закономерностей в каждой отдельной сфере управления. Поэтому наряду и в единстве с ней бурно развиваются относительно самостоятельные отраслевые управленческие теории: управления производством, государственно-правового управления

---

[1] Брежнев Л. И. Ленинским курсом. М., 1973, т. 2, с. 522.

и т. д. К такого рода управленческим теориям относится и теория управления войсками.

2. УПРАВЛЕНИЕ ВОЙСКАМИ КАК СПЕЦИФИЧЕСКИЙ ВИД СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Среди конкретных проблем, решаемых в процессе управления социалистическим обществом, задача обеспечения его безопасности является одной из важнейших, ибо от успешного ее решения зависит судьба всего коммунистического строительства. Главным орудием защиты социалистического государства от агрессии являются его вооруженные силы. Поэтому от уровня научного управления войсками, вооруженными силами в целом во многом зависит эффективность выполнения задач по обеспечению безопасности социалистической Родины и защиты завоеваний социализма. Программа КПСС требует, чтобы Советские Вооруженные Силы «были четким и слаженным организмом, имели высокую организованность и дисциплину, образцово выполняли задачи, поставленные перед ними партией, правительством, народом, и были готовы в любой момент дать отпор агрессорам»[1]. Важнейшими средствами решения этих задач выступают, с одной стороны, боевые возможности личного состава и боевой техники Вооруженных Сил, а с другой — уровень организации управления войсками. В диалектическом единстве этих сторон происходит процесс реализации потенциальных возможностей людей и вооружения, превращение их в реальную боевую мощь.

Как орган государства, часть политической надстройки общества армия является слепком того общественного и государственного строя, на основе которого она формируется и функционирует. Поэтому управлению вооруженными силами присущи те же основные черты и научные основы, которые характерны для управления социалистическим обществом в целом.

В то же время поскольку вооруженная борьба существенно отличается от всех других форм социальной практики, постольку управлению вооруженными силами присущи специфические черты, позволяющие рассматривать его как **особый вид социального управления.** Специфические черты управления войсками обусловлены прежде всего тем, что вооруженная борьба, военное дело развиваются, функционируют и протекают в соответствии с особыми, только им присущими закономерностями. Механизм действия этих закономерностей познается военной наукой, учитывается теорией управления войсками и составляет объективную основу управленческой деятельности военных кадров социалистических армий.

Таким образом, научное управление вооруженными силами выступает как диалектическое единство общего, присущего всей социальной системе, и особенного, свойственного лишь одной из

[1] Программа Коммунистической партии Советского Союза, с. 111.

ее специфических подсистем. **Сущность научного управления вооруженными силами** социалистического общества и заключается в приведении всей деятельности командиров, штабов, политорганов в соответствие с объективными законами общественной жизни, вооруженной борьбы и военного дела в целях обеспечения постоянной боевой готовности в мирное время и отражения агрессии во время войны. Управление вооруженными силами охватывает все стороны жизнедеятельности войск: боевую деятельность, обеспечение постоянной высокой боеготовности, боевую и политическую подготовку, обучение и воспитание личного состава, обеспечение высокого морально-политического состояния войск, материально-техническое обеспечение и т. д.

Диалектика общего и особенного в управлении войсками, позволяющая рассматривать его как специфический вид социального управления, накладывает свой отпечаток на структуру военных систем управления, обусловливает содержание основных социальных характеристик этих систем, отражается в принципах научного управления войсками, наконец, определяет место теории управления войсками в системе военно-научного знания.

Всякая система управления состоит из субъекта управления (управляющей системы), объектов управления (управляемой системы) и средств управления (каналов прямой и обратной связи). В военных системах управления в качестве первого компонента выступает командир (командующий) с подчиненными ему органами управления (штаб, политотдел и т. д.). В качестве управляемой системы выступают различные коллективы людей — воинские формирования с приданной им военной техникой (силы и средства поражения противника или защиты от его ударов).

Системы управления войсками расположены в иерархическом порядке, то есть каждая их них как бы надстраивается над предыдущей, причем последующая является для вышестоящей объектом управления. Таким образом, при некотором упрощении систему управления войсками можно представить в виде пирамиды, вершиной которой являются высшие партийные и государственные органы, стратегическое командование, осуществляющие руководство вооруженными силами в целом, а в основании находятся конечные объекты управления — силы и средства вооруженной борьбы. Между вершиной и основанием находится ряд соподчиненных друг другу управленческих звеньев: управляющие органы видов вооруженных сил, родов войск, воинских объединений, соединений, частей, подразделений и т. д. Следовательно, управление войсками осуществляется на разных уровнях, в больших и малых воинских образованиях, начиная от вооруженных сил в целом и кончая отделением, экипажем, расчетом. Высшим уровнем управления выступает политическое и стратегическое руководство вооруженными силами.

Сформулированное партией положение, согласно которому

вопросы управления затрагивают не только узкий круг руководителей и специалистов, но и все партийные, государственные и хозяйственные организации, все коллективы трудящихся, прямо и непосредственно относится к большим и малым воинским коллективам, которые можно классифицировать как специфическую разновидность социальных, динамических, сложных систем управления.

Социальная природа этих систем определяется тем, что основными их элементами, субъектами и объектами управления выступают люди, различные воинские коллективы с присущими им социально-экономическими, политическими и духовными чертами. Системы управления войсками характеризуются также рядом специфических социальных черт, связанных с обстановкой опасности, ожесточенным противодействием противника, большими физическими и психологическими перегрузками личного состава, огромной социальной ответственностью и т. д. Отсюда особая значимость субъективного фактора, социально-политических, боевых, идеологических и психологических качеств личного состава, включенного в систему управления, его знаний, опыта, дисциплины и организованности людей, выступающих в роли субъектов и объектов управления.

Высокий динамизм систем управления войсками обусловлен прежде всего скоротечностью боевых действий, маневренностью сил и средств, принципиальной важностью проблемы времени в вооруженной борьбе. Этот динамизм обусловлен постоянными изменениями организационной структуры объектов и субъектов управления в соответствии с требованиями военной науки, социальных условий и научно-технического прогресса. В ходе боевых действий эти изменения могут носить еще более динамичный характер, ибо диктуются сложной, быстро изменяющейся обстановкой. Наконец, динамизм рассматриваемой системы определяется теми требованиями оперативности, гибкости, непрерывности, скрытности и т. д., которые предъявляются к управлению войсками.

Сложность систем управления войсками характеризуется многообразием входящих в них подсистем, или элементов, различной природы (воинские коллективы, системы вооружения, системы связи и т. д.), большим числом материально-энергетических и информационных взаимодействий между элементами, наличием упорядоченной иерархической структуры и централизации управления, наличием случайных фактов поведения системы и необходимостью учета случайного характера внешних и внутренних воздействий.

В последнее десятилетие в рамках советской военной науки особенно интенсивно развивались общая и специальные теории управления войсками. Являясь относительно самостоятельной, общая теория управления войсками выступает, с одной стороны, в качестве специфической части науки управления обществом, а с другой — неотъемлемой составной частью военной науки,

Таким образом, общая теория управления войсками носит системный характер, который отражается и в ее структуре (в теориях управления вооруженной борьбой, строительством вооруженных сил, обучением и воспитанием), и в присущих ей методах исследования. Опираясь на марксистско-ленинскую методологию, общая и специальные теории управления войсками через военную науку и науку управления обществом связаны с рядом естественных, технических и общественных наук, активно используют данные и выводы этих наук, преломляя их через призму своего специфического предмета исследования. Основным в ее предмете являются: изучение общих закономерностей и механизмов управления войсками; разработка принципов научного управления на основе обобщения практики управленческой деятельности; исследование путей и возможностей дальнейшего совершенствования систем, методов и средств управления войсками, стиля работы управленческих кадров. Научное управление — это не какая-то исключительная прерогатива лишь высшего военного руководства, а необходимое условие эффективного функционирования всех его уровней.

Офицеры социалистической армии в своей управленческой деятельности руководствуются принципами управления, применяемыми в процессе управления социалистическим обществом, с учетом специфики военной деятельности. Эти принципы подразделяются на социально-политические и организационно-технические.

К **социально-политическим принципам** управления войсками относятся: партийность управления, единство партийного и военного руководства; гармоническое сочетание общественных и личных интересов при соблюдении приоритета первых; подбор, расстановка кадров с учетом их политических, деловых и моральных качеств, отвечающих природе социалистической армии; демократический централизм; соответствие характера управления войсками законам социалистического государства и нормам социалистической морали; справедливая оценка деятельности и поведения подчиненных; принцип интернационализма и боевого союза с другими социалистическими армиями и т. д. Эти принципы могут быть реализованы только в социалистической армии.

К **организационно-техническим принципам** относятся: единоначалие, компетентность, реалистичность (обязательность учета в процессе управления реальных возможностей, которыми располагают управляющая и управляемая системы); сочетание текущего планирования с перспективным; соответствие прав и обязанностей во всех звеньях управления и контроль за их соблюдением; ответственность за выполнение решаемых задач; принцип основного звена (умение сосредоточить основные усилия на решении главной задачи); конкретность; оперативность; материальное и моральное стимулирование; взаимодействие с другими органами управления; непрерывность управления; постоянное

совершенствование структуры управленческих органов и методов их работы и т. д.

Хотя подобными организационно-техническими принципами руководствуются и в капиталистических армиях, но конкретное содержание и реализация этих принципов в вооруженных силах капиталистического и социалистического обществ существенно различны. Так, принцип единоначалия в социалистической армии базируется на партийной основе и органически сочетается с инициативой и творческим подходом командиров всех степеней к решению поставленных задач, с обязательной опорой командиров-единоначальников на партийные и комсомольские организации, на массы воинов и воинские коллективы.

Командные кадры буржуазных армий обеспечивают, говоря словами В. И. Ленина, «дисциплину мертвого подчинения солдат «своим» офицерам и генералам, своим капиталистам (ибо офицеры и генералы большей частью либо принадлежат к классу капиталистов, либо отстаивают его интересы)» [1]. Это свидетельствует о том, что социально-политическая природа общества оказывает значительное воздействие на все принципы управления войсками, в том числе и на организационно-технические. И это закономерно, ибо отделять организационные вопросы от политики нельзя. При внешней схожести организационно-технического управления социалистической и капиталистической армий сущность управления войсками в этих армиях принципиально различная.

Овладение ленинскими принципами научного управления, неукоснительное претворение их в жизнь являются важной задачей военных кадров социалистической армии, всех управленческих органов, способствуют внедрению в их работу **ленинского стиля управления.** Это стиль творческий, чуждый субъективизму, проникнутый научным подходом ко всем общественным процессам. Он предполагает высокую требовательность к себе и другим, исключает самодовольство, противостоит любым проявлениям бюрократизма и формализма. Ленинский стиль выступает как целостная система наиболее эффективных приемов, средств и способов деятельности партийных, государственных и военных кадров по научному руководству строительством коммунизма и его военной защиты. Важнейшими чертами ленинского стиля управленческой деятельности являются высокая коммунистическая идейность, глубокая вера в жизненность и правоту марксистско-ленинских идей, постоянная готовность защищать великое дело коммунизма. Он включает в себя и такие черты, как деловитость и конкретность, оперативность и целеустремленность, умение организовать свою работу и работу подчиненных. Ему чужды самонадеянность, кичливость и зазнайство.

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 459.

3. СРЕДСТВА И МЕТОДЫ ДАЛЬНЕЙШЕГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УПРАВЛЕНИЯ ВОЙСКАМИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ВОЕННОМ ДЕЛЕ

В. И. Ленин учил, что повышать эффективность управления — это значит содействовать «сознательному выбору средств, приемов и методов борьбы, способных при наименьшей затрате сил дать наибольшие и наиболее прочные результаты»[1]. Это положение В. И. Ленина в полной мере применимо и к управлению вооруженными силами.

Вопрос о разработке и использовании наилучших методов и средств управления войсками в бою всегда был одним из основных вопросов военной науки. Однако на современном этапе революционных преобразований военного дела, который многими военными авторами квалифицируется как управленческий, он приобретает особую актуальность. В условиях, когда мощность и дальность действия ракетно-ядерного оружия практически не ограничены, качество управления в некотором смысле становится эквивалентом мощности оружия, важнейшим средством повышения боевых возможностей войск.

В то же время большой пространственный размах, разнообразие и мощь применяемых средств, динамичность и напряженность современного боя существенно усложняют процессы управления войсками. Деятельность органов управления протекает в условиях обострения противоречий между постоянно увеличивающимся потоком информации, поступающей и циркулирующей в системе управления войсками, и резким сокращением времени на ее обработку, между сокращением времени на принятие решения и возрастанием социальной ответственности за принятое решение, между недостатком и неопределенностью информации о противнике и необходимостью предвидеть и упредить его действия и т. д.

Во всей работе по совершенствованию управления необходимо в полной мере учитывать фактор времени. Это требование имеет принципиальное значение для сферы боевых действий. Достаточно сказать, что площадь, с которой необходимо собирать данные о боевой обстановке, увеличилась в 3—4 раза, а на их сбор и обобщение тратится около 70% времени. При этом, по оценке военных специалистов США, оперативное управление штаба полевой армии обрабатывает в ходе операции не более 30% поступившей в штаб информации. Командующий полевой армией вследствие недостатка времени использует для принятия решения не более 30% обработанной штабом информации. Таким образом, при принятии решений командующим используется менее 10% информации, поступившей в штаб[2]. Вместе с тем при-

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 208.

[2] См.: Баранюк В. А., Воробьев В. И. Автоматизированные системы управления штабов и военных учреждений. М., 1974, с. 7.

нятие ошибочного или неоптимального решения в условиях применения современных средств поражения может повлечь за собой огромные потери личного состава и техники. Все это ставит чрезвычайно высокие требования к оперативности и эффективности управления, к качеству принимаемых решений.

В этих условиях традиционные направления и формы повышения эффективности управления войсками (оптимизация организационной структуры, улучшение методов, стиля работы и средств управления, совершенствование системы отбора, подготовки и расстановки управленческих кадров и т. д.) существенно дополняются и наполняются новым содержанием на основе широкого внедрения в управление современных логико-математических методов, новейшей электронно-вычислительной и информационной техники, автоматизированных систем управления войсками.

В современных условиях теория и практика управления предоставляют широкое поле деятельности для внедрения современных научных методов, в том числе экономико-математических, для создания и широкого использования автоматизированных систем управления в военном деле.

Математические методы становятся неотъемлемой стороной процесса управления войсками, тесно переплетаются с такими важными его элементами, как оценка обстановки, принятие решения, прогнозирование результатов боевых действий. Даже в масштабе роты или батальона ошибка, например, в расчете времени выхода на рубеж атаки или на рубеж безопасного удаления при нанесении своих ядерных ударов может привести к тяжелым последствиям. При подготовке же решения на операцию в масштабе полевого управления фронта необходимо выполнить ряд сложных комплексных расчетов, некоторые из которых проводятся в нескольких вариантах[1].

Математические методы помогают командиру определять соотношение сил сторон, оценивать боевые возможности создаваемых группировок, производить оптимальное распределение сил и средств, осуществлять подсчет возможных потерь личного состава и боевой техники, оценивать эффективность ядерных ударов, решать задачи оптимального планирования и целераспределения и т. д. С этой целью может быть использован различной сложности математический аппарат от элементарной арифметики до специальных методов теории исследования операций[2]. Однако создание масштабных, системных логико-математических моделей боевых действий требует весьма сложного математического аппарата, а их практическая реализация и проведение соответствующих оперативно-тактических расчетов связаны с ис-

---

[1] См.: Иванов С. П. О научных основах управления войсками. М., 1975, с. 71, 77.

[2] См.: Тараканов К. В. Математика и вооруженная борьба. М., 1974; Дружинин В. В., Конторов Д. С. Идея, алгоритм, решение. М., 1972.

пользованием совершенных электронно-вычислительных машин. В связи с этим в сфере управления войсками возникают новые задачи, проблемы.

Во-первых, эффективное использование ЭВМ требует специального математического обеспечения, то есть наличия комплексов математических моделей, алгоритмов, машинных программ решения типовых и специализированных задач, которые в нужный момент могут быть использованы управленческими органами. Образно говоря, как в аккумуляторе запасается электрическая энергия, так и в алгоритмах и программах для ЭВМ запасается умственный труд, с тем чтобы в нужный момент получить мгновенную отдачу. Хранилище таких программ должно постоянно пополняться и обновляться. Это требует наличия специалистов в области системного анализа, теории исследования операций, математических методов оптимизации — алгоритмистов и программистов, имеющих в то же время определенную оперативно-тактическую подготовку.

Во-вторых, эффективное использование математических методов и ЭВМ требует определенной математической подготовки и навыков работы с вычислительной техникой командиров и офицеров штабов. Уровень этой подготовки должен быть достаточным для того, чтобы позволить командиру поставить задачу для формализации и решения на ЭВМ, определить исходные данные и критерии оценки результатов решения, трезво оценить полученные количественные рекомендации при окончательном принятии решения, видеть сильные и слабые стороны используемых математических методов. Для этого необходимы знания в области теории принятия решений, математического моделирования, алгоритмических языков программирования. Следовательно, современные математические методы и новейшая вычислительная техника не только расширяют возможности научного управления войсками, но и предъявляют к управляющим органам новые, повышенные требования.

Электронные вычислительные и информационные машины являются не только средством реализации логико-математических моделей боевых действий и проведения сложных оперативно-тактических расчетов, но и важнейшими элементами автоматизированных систем управления войсками. Как показала теория и практика управления, автоматизация выступает ныне в качестве наиболее адекватного средства повышения эффективности и оперативности управления войсками. При этом автоматизация и математизация находятся в тесной диалектической взаимосвязи. Функционирование любой автоматизированной системы управления протекает на формально-логической основе, нуждается в определенном логико-математическом описании, в алгоритме и программе. Поэтому автоматизировать можно лишь те операции управления, которые на современном уровне развития военной науки и логико-математического аппарата поддаются формализации. Таким образом, автоматизация управления вой-

скамп нуждается в логико-математических методах, предполагает их развитие и совершенствование и вместе с тем создает предпосылки их широкого внедрения в теорию и практику управления. С одной стороны, желание воспользоваться для решения управленческих задач современными информационно-вычислительными машинами дает толчок к логико-математической формализации этих задач. С другой стороны, оказывается, что возможности совершенствования автоматизированных систем существенно зависят от успешной формализации соответствующих операций управления.

В последние годы, как отмечается в зарубежной печати, процесс автоматизации протекает в направлении от создания отдельных полуавтоматических и автоматических устройств через автоматизацию систем управления оружием и тактическими единицами к созданию все более широких и разветвленных автоматизированных систем, охватывающих все звенья военной организации — от датчиков первичной информации до высшего командования. Таким образом, речь идет о качественно новом этапе автоматизации — комплексной автоматизации управления войсками [1].

Комплексная автоматизация нацелена на максимально возможное использование таких качеств человеческого интеллекта, как способность принимать решения в условиях неопределенности, диалектическая гибкость мышления, интуиция, творческий подход, социальная мотивация, эмоциональная приподнятость и т. д. Целью автоматизации управления войсками является не замена человека автоматом, а повышение эффективности управленческой деятельности. Это достигается путем создания управленческих органов, включающих коллективы людей и комплексы автоматов. Такие системы получили название «больших систем» типа «коллектив — машины». В этих системах взаимно компенсируются недостатки человека и кибернетических машин, максимально раскрываются и подчеркиваются их достоинства. В них наилучшим образом сочетаются скорость, точность и безошибочность автоматов с мощью, гибкостью и многосторонностью человеческого интеллекта [2].

Иначе говоря, речь идет о перераспределении функций человека и машины в автоматизированных системах управления войсками, о своеобразном их взаимодействии (симбиозе, партнерстве), ведущем к усилению и расширению творческих возможностей человека, играющего в этом взаимодействии доминирующую роль, определяющего «стратегию» поведения системы в целом, в то время как машина выступает «тактическим» инструментом решения управленческих задач. Именно командир, используя всю многообразную информацию, в том числе и ту, которая не поддается машинной обработке, оценивает боевую об-

---

[1] См.: Автоматизация управления войсками (методологические проблемы). М., 1977.

[2] См.: Бокарев В. А. Кибернетика и военное дело, с. 214.

становку, принимает решение, ставит боевую задачу подчиненным, организует выполнение своего решения — борьбы личного состава за победу. Победу нельзя вычислить, ее необходимо завоевать. Математические методы и электронная информационно-вычислительная техника призваны лишь облегчить командиру принятие оптимальных решений и оперативную их реализацию. Они не противопоставляются, а сочетаются с боевым опытом, оперативно-тактическими знаниями, разумом и волей командира. Именно поэтому при прочих равных условиях с наибольшим успехом в бою будет действовать командир, умело использующий возможности современной математики и вычислительной техники.

Таким образом, управленческая деятельность военных кадров социалистической армии выступает ныне одним из наиболее сложных и высокоинтеллектуальных видов теоретической и практической деятельности, требующей от офицерского состава фундаментальных военных знаний, высокой общей образованности и культуры, широкого политического и военно-технического кругозора, незаурядного профессионального и педагогического мастерства.

* * *

Анализ актуальных проблем марксистско-ленинского учения о войне и армии, военной теории и практики, рассмотренных в настоящем учебном пособии, убедительно показывает, сколь важно и необходимо офицерским кадрам социалистической армии овладевать марксистско-ленинской философской культурой. Философские знания придают цельность и стройность мировоззренческим взглядам офицера, вооружают его самой совершенной методологией военно-научного познания и служат незаменимым руководством в практической деятельности.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть четвертая

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ВОЕННОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Стр.

Марксистско-ленинская философия и методологиче-
М27 ские проблемы военной теории и практики: Учеб. пособие/ Под ред. Н. Д. Табунова и В. А. Бокарева. — М.: Воениздат, 1982. — 406 с.

В пер.: 1 р. 30 к.

В предлагаемом учебном пособии рассматриваются философские вопросы марксистско-ленинского учения о войне и армии, современные методологические проблемы военной теории и практики.

В пособии значительное место отводится разоблачению современных буржуазных философских, социологических теорий и методологических основ буржуазной военной науки. Книга предназначена для слушателей военных и военно-инженерных академий, офицеров армии и флота.

М $\frac{10501-131}{068(02)-82}$ КБ — 31—16.81.0302020000. БЗВ № 10—1981 г. — № 1

ББК68
355 С

МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКАЯ ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ВОЕННОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Редактор *Г. Н. Агеев*
Технический редактор *Е. К. Коновалова*
Корректор *Г. И. Гагарина*

ИБ № 1189

Подписано в печать 12.02.82. Г-30381
Формат 60×90/16. Бумага тип. № 2. Гарн. обыкн. нов.
Печать высокая. Печ. л. 25½. Усл. печ. л. 25,5. Усл. кр. отт. 25,5. Уч.-изд. л. 27,94
Изд. № 1/5814. Тираж 39 000 экз. Цена 1 р. 30 к. Заказ 275

Воениздат
103160, Москва, К-160
2-я типография Воениздата
191065, Ленинград, Д-65, Дворцовая пл., 10